

РУССКИЙ СБОРНИК

РУССКИЙ СБОРНИК

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Редакторы-составители:

*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров,
Брюс Мэннин, Пол Чейсти*

Том VI

Модест Колеров
2009

УДК 947(08)

ББК 63.3

P89

Редактор *О. В. Эдельман*

РУССКИЙ СБОРНИК: Исследования по истории России / Ред.-сост.
О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс
Меннинг, Пол Чейсти. Том VI. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2009

ISBN 1234567985465

© Авторы статей

© С. Зиновьев, оформление серии

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. А. Соколова.</i> Укоренение рода Пестелей в России: новые источники	7
<i>О. В. Маринин.</i> Николай I в Москве: По неопубликованным воспоминаниям А. Х. Бенкендорфа	16
<i>О. М. Тупицын.</i> К вопросу о «немецком засилье» и «неве- жестве» в МИД России второй четверти XIX в.	37
<i>Р. В. Кондратенко.</i> Военные порты России на Тихом океане в XVIII–XIX веках	56
<i>К. В. Иванов.</i> Дальний Восток в русской военной печати конца XIX — начала XX века	76
<i>Ю. В. Казанова.</i> Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (Из истории реализации Мюрцштегской программы)	91
<i>Энтони Дж. Хейвуд.</i> «Самый катастрофический вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в поздней имперской России	112
<i>Ваагн Агмян.</i> О формировании Армянского корпуса (1917–1918)	144
<i>М. А. Колеров.</i> На пути к лояльности: «Декларация трудовой интеллигенции» (1920)	163
<i>Далибор Денда.</i> Русские беженцы в югославской армии, 1919–1941: к вопросу о деятельности русской эмиграции в Югославии	175
<i>А. Ю. Тимофеев.</i> Русская эмиграция и Гражданская война в Югославии, 1941–1945.	195
<i>А. А. Смирнов.</i> О влиянии чистки Красной Армии в 1937–1938 гг. на действия советских войск в боях у озера Хасан	217
<i>В. Н. Казимиров.</i> Мир Карабаху. Наброски к анатомии урегулирования. Часть 2	255

РЕЦЕНЗИИ

<i>Н.В.Самовер</i> : О. Ю. Солодянкина. Иностраннные гвернантки в России. М., 2007. 511 с.	281
<i>Г. Н. Бибиков</i> : Clive Emsley. Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe. Oxford: Oxford University Press, 1999; Gendarmerie, État et société au XIXe siècle. Actes du colloque du Centre de recherches en histoire du XIXe siècle. Paris, 2002.	284
<i>О. Эдельман</i> : Гертрауде Бахманн. Герцогиня Мария Саксен-Кобургская и Готская, урожденная герцогиня Вюртембергская. 1799–1860: Жизнь между Россией и Германией. СПб., 2004.	294
<i>О. Р. Айрапетов</i> : В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. 550 с.	299
<i>Ф. А. Гайда</i> : А. И. Солженицын. Размышления над Февральской революцией. М., 2007	310
<i>А. М. Фомин</i> : М. Волхонский, В. Муханов. По следам Азербайджанской демократической республики. М., 2006.	317
<i>А. А. Смирнов</i> : В. С. Мильбах. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007.	325
<i>К. В. Шевченко</i> . «Играть в Беларусь...» Владимир Мацкевич. Вопреки очевидности. СПб, 2006	341
<i>В. Зотов</i> : Фундамент Великой Молдовы. Как рождается новая национальная идеология. Кишинев; Одесса, 2008.. . . .	347
<i>В. Акопян</i> : М. А. Колеров. Без СССР: «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США. Статьи 1999–2008. М., 2008	353
<i>М. В. Лескинен</i> : Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Под ред. Тимо Вихавайнена. СПб., 2007.	363
Сведения об авторах	383

Н. А. СОКОЛОВА

УКОРЕНЕНИЕ РОДА ПЕСТЕЛЕЙ В РОССИИ:

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Первый представитель рода саксонских дворян Пестелей обосновался в России в начале XVIII века, поступив на службу к Петру Великому. И хотя деятельность представителей этого рода, оставивших наиболее яркий след в истории России — генерал-губернатора Сибири, государственного деятеля И. Б. Пестеля и декабриста П. И. Пестеля относится к следующему столетию, история пребывания первых Пестелей на русской службе также представляет интерес для изучения русско-немецких связей, немецкой колонии в Петербурге и Москве. С начала XVIII века Пестели были потомственными почт-директорами. Сохранился источник, позволяющий восстановить не только историю первых представителей рода в России, но и судить о происхождении их предков, живших в XVI–XVIII веках — записки Вольфганга Пестеля, написанные им в 1745–1760 годах и озаглавленные «Семь Пестелей происхождения, жизнь и судьба ее членов, из старых латинских источников аутентично переписанные русского императора почт-директором Вольфгангом фон Пестелем»¹. Иллюстрированный альбом в кожаном переплете на немецком языке на 36 листах хранится в отделе письменных источников Государственного исторического музея. Вместе с альбомом в составе коллекции, собранной в свое время Музеем Революции, хранятся разрозненные документы по истории рода, например, духовное завещание Бориса Владимировича Пестеля, московского почт-директора, отца Сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля и деда декабриста, послужные списки И. Б. Пестеля и его сына Б. И. Пестеля, брата декабриста, имущее-

1. ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 301. Л. 4. Здесь и далее перевод иноязычных текстов С. В. Зоной.

ственно-хозяйственные документы, изображения гербов. Весь этот комплекс, по-видимому, был передан в Музей революции в 1920-е годы потомками Бориса Ивановича Пестеля, брата декабриста, занимавшего в разное время должности вице-губернатора Олонцкой, Смоленской, Владимирской губерний, т. к. в комплексе больше всего документов именно Бориса Ивановича. Этот комплекс, как и семейная переписка Пестелей, хранящаяся в фонде Следственного Комитета по делу декабристов в ГА РФ, был известен исследователям, однако ими практически не использовался из-за трудности языка и впервые вводится в научный оборот.

Записки Вольфганга Пестеля написаны на немецком языке с редкими вкраплениями французского и латинского языков — например, автор, получивший университетское образование, описывая какое-либо важное событие, употребляет слово «год» на латыни². Интересно использование им французского языка — автор вставляет в текст французские глаголы, спрягая их по правилам немецкого языка.

Записки содержат повествование об истории семьи, начиная с незапамятных времен (по его собственным словам, с XIII или XIV века). Это повествование можно разделить на две части. Первая часть представляет собою семейное предание, фактически не поддающееся источниковедческой критике. Вторая часть, излагающая историю появления одной из ветвей саксонских Пестелей в России, в которой принимали непосредственное участие Петр I, государственный канцлер Остерман, фельдмаршал Миних, фельдмаршал Салтыков, вполне проверяема как по делопроизводственным источникам, так и по генеалогическим материалам (метрическим книгам лютеранской церкви св. Михаила в Москве, ЦИАМ) и семейной переписке Пестелей XIX века, в которой упоминается о службе предков (ГА РФ).

Записки Вольфганга Пестеля начинаются с семейного предания о происхождении рода, которое на первый взгляд может вызвать лишь улыбку. «Между XIII и XIV веком два юных брата, происходящие из знатных маврских родов из Америки и, вероятно, острова или провинции Пестель, прибыли в Венгрию... В XIV веке они крестились, старший стал Вольфганг, а младший стал именоваться Кристианом, оба брата женились на христианских женщинах»³. С этих двух братьев пошли две ветви семьи Пестелей — представители мужской линии одной именовались Кристианами, а другой Вольфгангами. Согласно преданию, обе ветви в XV веке получили дворянство. Первая точная дата в записках — 1589 год, когда представитель линии Вольфгангов принял лютеранство⁴. Центральным

---

2. См. напр.: Там же. Л. 6.

3. Там же. Л. 5.

4. Там же. Л. 5–5 об.

событием этого предания является «исход» Пестелей из Венгрии. Вольфганг красочно описывает, как в 1656 г. из-за религиозных преследований вся семья, состоящая из двух братьев Вольфганга и Вольфганга Кристиана и их детей, бросив несметные сокровища, «повернувшись спиной ко всему, что у них было», вынуждена была бежать из города Домбо, а потом и вовсе из Венгрии. Однако один представитель рода все же остался в стране благодаря проискам родственников-католиков. «Когда вышеупомянутые оба брата со своими детьми бежали из Венгрии, их преследовал один кузен, и младшего сына Вольфганга, Кристиана Вольфганга, насильно отнял. У отца же отобрали большую часть их сокровищ»⁵. Старший из бежавших братьев, Вольфганг (дед автора записок), прибыл в Ганновер, а затем переселился в Саксонию, в Альтенбург, где стал бургомистром и умер в 1660 году. Его сын, также Вольфганг, которому в момент бегства из Венгрии было 13 лет (отец автора записок), в 1678 году стал бургомистром в г. Шмолле (Саксония), а в 1695 году нотариусом и налоговым советником (камериром). Он умер в 1719 году, оставив сына от второй жены, Розины Марии Зейдель, родившегося в 1696 году — будущего почт-директора и автора записок⁶. Кроме того, саксонская ветвь Пестелей состояла из потомков линии Кристиана, которые жили в Дрездене и находились на военной службе у саксонского курфюрста Августа II, союзника Петра в Северной войне. Сын бежавшего из Венгрии младшего брата Кристиана, Кристиан-Август, дядя автора записок, «возвысился до чина генерал-кригсцалмейстера и тайного военного советника». Оставшийся в Венгрии похищенный родственниками-католиками дядя автора записок Кристиан Вольфганг тоже преуспел — он стал епископом города Вайсбруна и рейхсграфом. Саксонские Пестели не поддерживали с ним отношения, так как теперь их разделяла религия⁷.

Эта часть записок написана стилизованным под Библию языком. Что же касается незнания автором географии, то в XVIII веке естественные науки практически не изучались. Мавританские корни рода подтверждаются фамильными гербами линий Кристиана и Вольфганга, которые приведены в альбоме и содержат изображение коронованной головы мавра и скрещенных ятаганов⁸. Скорее всего, подобная символика свидетельствует либо об участии в крестовых походах, что сомнительно, либо о том, что предками рода были крещенные мавры — возможно, выходцы из Османской империи. Более реальным представляется факт бегства из Венгрии, которое хорошо помнили еще представители старшего поколения се-

---

5. Там же. Л. 6.

6. Там же. Л. 6–6 об.

7. Там же. Л. 7 об-9.

8. Там же. Л. 5 об.

мы в XVIII веке. Так, в альбоме приведено письмо к автору записок от 27 сентября 1749 года его кузена, Кристиана Августа фон Пестеля, тайного кабинет-секретаря саксонского двора, который после отъезда его кузена Вольфганга Пестеля в Россию остался единственным продолжателем рода Пестелей в Германии. Из письма следует, что дворянство рода Пестелей в Саксонии было признано сомнительным, так как документы во время бегства были утрачены. Кристиан призывает кузена через канцлера Бестужева-Рюмина обратиться к австрийскому императору с ходатайством о поиске дворянских дипломов в Венгрии. При этом Кристиан вспоминает, что его отец, генерал-кригсцалмейстер, не раз рассказывал своим детям о брошенных в Венгрии огромных владениях⁹. Таким образом, предание о земле обетованной, оставленной в Венгрии, передавалось из поколения в поколение. Интересно, что через 80 лет после создания записок, в 30-е годы XIX века, внук автора, бывший Сибирский генерал-губернатор Иван Борисович Пестель, отец декабриста, занялся историей своего рода и даже вел переписку с архивами, собирая источники¹⁰. Сохранились заметки И. Б. Пестеля о его роде, из которых следует, что предание об истории семьи к XIX веку было почти полностью утрачено. Так, в заметках И. Б. Пестеля ничего не говорится о венгерских корнях рода, саксонская же линия описывается весьма неточно. Даты рождения и смерти его предков, начиная с Вольфганга, первым поселившегося в Саксонии («отец деда моего») указаны верно (возможно, восстановлены по семейной библии), а должности и города — неточно и приблизительно. Так, город Альтенбург назван Актенбургом, Вольфганг, отец автора записок и бургомистр Шмолле, назван почт-директором Актенбурга и др.¹¹ А в более ранний период представления о семье у Ивана Борисовича были еще более смутные — так, в письме к сыну 1812 года он говорит, что семья укоренилась в России с 169... года, но так и не называет точной даты: «С [690] почти 200 лет у нашей семьи нет другого отечества, кроме России. Ваш дедушка родился в России. Он был воспитан на казенный счет в кадетском корпусе. Я же не только родился русским, но и не покидал никогда пределов моей родины»¹². Правда, в заметках он указывает совершенно точно — 1719 год¹³. В прошении Н. Б. Пестеля (брата И. Б. Пестеля, московского почт-директора) на высочайшее имя о восстановлении на службе от 22 сентября 1801 года говорится: «В продолжении 87-ми лет было сие место (московского почт-директора — *Н. С.*) управляемо дедом, отцем и братом моими и, наконец, и мною», —

---

9. Там же. Л. 2 об.-3.

10. ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 299. Л. 24–38.

11. Там же. Л. 40.

12. ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Пап. 1. Л. 71.

13. ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 299. Л. 40.

то есть с 1714 года¹⁴. Таким образом, Н. Б. Пестель несколько увеличивает время пребывания рода в России.

Вторая часть записок Вольфганга Пестеля посвящена истории рода в России и службе его представителей русской короне. Остановимся на биографии первого русского представителя рода Пестелей. Как сказано выше, он родился 4 февраля 1696 года в Альтенбурге от второго брака своего отца, коммерции советника, с Розиной Марией Зейдель¹⁵. Вольфганг, по его собственным словам, «был с юности предназначен к наукам», во всяком случае, получил хорошее образование, окончив гимназию в Альтенбурге и Лейпцигский университет, в 1718 году получил лицензию юриста. Однако он не пошел по стопам своего отца, начавшего службу нотариусом, а отправился странствовать, привлеченный преданием о венгерских сокровищах. Он попытался восстановить отношения с венгерской (католической) линией Пестелей¹⁶. В Бреслау (Силезия) он познакомился с австрийским чиновником, который откомендовался ему знакомым его родственника, графа фон Пестеля (епископа города Вайсбурна), и пообещал блестящую карьеру в Австрии, если он примет католичество и женится на «весьма милой барышне дворянского сословия», католичке, за которой юный Вольфганг начал было ухаживать¹⁷, но предпочел узам брака службу русскому императору. Это случилось следующим образом. В доме австрийского чиновника он познакомился с только что поступившим на русскую службу «в чине тайного советника» бароном фон Луберасом и его сыном, «уже тогда состоявшим на царской службе инженером»¹⁸. Младший барон фон Луберас, Иоганн Людвиг Луберас фон Потт — известный инженер-фортификатор, строитель Кронштадтского канала и многих крепостей. Его отец, к которому Вольфганг вскоре поступил секретарем, был шотландским эмигрантом, состоявшим на шведской службе и жившим в Лифляндии до поступления на русскую службу. Барон Луберас-старший показал Вольфгангу патенты «от русского императора, в силу которых он мог для службы в России не только горных служащих и горнорабочих, но также и художников-мануфактуристов, в особенности же, однако, образованных и для службы гражданской и в коллегии пригодных людей брать на царскую службу». Младший же Луберас «при своей учености был искусен сверх всякой меры восхвалять царскую службу и общедоступную землю, и в особенности каждому обещать свободу вероисповедания»¹⁹.

---

14. РГИА. Ф. 938. Оп. 1. Д. 422. Л. 263 об.

15. Там же. Д. 301. Л. 7.

16. Там же. Л. 9–9 об.

17. Там же. Л. 9 об.

18. Там же. Л. 10.

19. Там же.

Эти речи увлекли Вольфганга, еще более способствовало его решению встреча в Берлине с русским посланником графом Головкиным и «различными молодыми русскими господами, прибывшими из Парижа, во всем галантными и представительными и в совершенстве владевшими немецким и французским языками», которые почитали его счастливым и обещали свою дружбу в России²⁰. Он подписал контракт на три года, одним из условий которого была свобода вероисповедания, получил разрешение Саксонского курфюрста и благословение отца и отбыл в Петербург, которого достиг 23 сентября 1719 года, доставив дипломатические депеши от посланника в Берлине Толстого к вице-канцлеру Шафирову²¹. Таким образом, он выбрал достаточно популярную в то время у образованных немецких юношей стезю, которым, по словам историка Миллера, не давала спать судьба геттингенского недоучки Остермана, ставшего позже канцлером России. Кстати, Остерман впоследствии стал непосредственным начальником Вольфганга.

Судя по запискам, петровский Петербург стал сильнейшим разочарованием Вольфганга, воображавшего себе столицу великой империи совсем иначе. «В то время, после войны со Швецией, Петербург был совсем недавно заложен и населен совсем немногими иностранцами и еще меньше застроен. Почти не было иностранцев, кроме некоторого числа финнов и эстонцев, которые знали немецкий». Кроме того, что слабо знавший русский язык выпускник Лейпцига мало с кем мог общаться, он длительное время даже не мог узнать, прибыл ли в Петербург его начальник, барон фон Луберас, «ибо немногие построенные дома на расстоянии версты и над рекой были разделены». Здание почтамта, где он жил три недели, пользуясь гостеприимством почт-директора саксонца Краузе, представляло собой «построенную квадратом» мазанку («masınca») ²². Три года он прослужил секретарем Лубераса и после его смерти в 1722 году собрался на родину, но тут в его судьбу вмешался великий реформатор: «Однако всемиловитый и славный монарх его величество Петр I уговорили меня скоро, обратившись со всемиловитейшей речью, завершённой обещанием: я еще молод, ему в высшей степени угодно меня возвеличить, возложить на меня новую службу». Попытки отговориться незнанием русского языка ничего не дали — Петр обещал предоставить ему такую службу, «где язык не будет в высокой степени необходим» ²³. Так в 1723 году Вольфганг стал генерал-почтамт секретарем и пробыл в этой должности семь лет, «потому что слишком ранний переход этого монарха из времени в вечность несколько урезал мое счастье». Петербург времен Петра II стреми-

---

20. Там же. Л. 11 об.

21. Там же. Л. 12.

22. Там же. Л. 12–12 об.

23. Там же. Л. 13.

тельно приходил в упадок и пустел из-за переноса двора в Москву, однако, благодаря протекции Остермана, управлявшего генерал-почт-дирекцией, в судьбе Вольфганга произошел счастливый поворот — он получил должность московского почт-директора²⁴, в которой пробыл до самой смерти в 1763 году. Так была основана династия московских почт-директоров Пестелей.

В 1730 году, еще до отъезда в Москву, Вольфганг женился на старшей дочери «императорского церемониймейстера д'Акоста Кордизоса, урожденного испанца, чьи родители, однако, приняли евангельскую религию и поселились в Гамбурге» Гейсберте Саре²⁵. С первой женой он прожил двадцать три года, имел двух сыновей и дочь, и, судя по запискам, искренне ее любил²⁶. Отец Сары, Ян Кортисес Дакоста был примечательной личностью. Знаменитый шут Петра I был привезен императором в 1717 году из Гамбурга, где он занимался торговлей. Происхождение его сомнительно, согласно донесению французского посланника де Лави, он родился в Берберии от родителей испанцев. «Он был большой говорун и часто острил, чтоб позабавить царя и сопровождал царя повсюду», при этом должность церемониймейстера сочетал с занятием предпринимательством. Дакоста обладал влиянием на царя и добился в 1717 году ссылки в Сибирь лекаря Лестока, возвысившегося позднее при Елизавете, который хотел жениться на «Лакостиной дочери» вопреки воле отца²⁷ (возможно, это и была Сара).

Сара фон Пестель родила троих детей — сыновей Иоганна Вольфганга и Бурхарда, а также дочь Анну-Марию, которая в 1750 году вышла замуж за майора фон Бриля²⁸. Оба сына вступили в военную службу и оба доблестно сражались во время Семилетней войны. Старший — Иоганн Вольфганг — вступил в службу в 19 лет, в 1751 году, под начало генерал-лейтенанта Фермора «при дивизии гоф-интендантской канцелярии». В 1753 году назначен поручиком в Нарвский гарнизон, в 1754 — в Петербургский гарнизон, в 1755 — в Шербанском полку инфантерии, в 1757 году — капитан 4 роты первого мушкетерского полка²⁹. Во время Семилетней войны принимал участие в сражениях при Балциге (ранен), Цорндорфе, в чине премьер-майора (под его началом было 700 человек) участвовал в осаде Кольберга, где отличился, захватив вражескую батарею. Однако «после 19 дней и ночей пребывания под штурмами на холодном воздухе и в траншеях он получил болезнь легких, будучи тяжело больным, вернулся в Кронштадт и там же испустил

---

24. Там же.

25. Там же. Л. 13–13 об.

26. Там же. Л. 19–19 об.

27. Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 48–49.

28. ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 301. Л. 14.

29. Там же. Л. 17 об., 21, 22 об.-23.

дух. Ему были оказаны большие почести и с эскортом всех высоких, частью военных и гражданских служащих, он был похоронен в Кронштадте»³⁰.

Младший сын, Бурхард Вольфганг, будущий московский почт-директор, дед декабриста, в 1757 году закончил Сухопутный Шляхетский корпус и вступил в службу поручиком 4 роты 1-го мушкетерского полка. В 1760 году в сражении под Франкфуртом он был тяжело ранен, вынужден покинуть военную службу и в чине коллежского асессора был определен в Сибирский приказ в Москву³¹. После смерти отца в 1763 году он принял должность почт-директора³², которую в свою очередь передал старшему сыну, будущему генерал-губернатору Сибири Ивану Борисовичу Пестелю. Участвовал в сражениях Семилетней войны и зять Вольфганга майор фон Бриль³³. 50 лет спустя боевое прошлое семьи тоже забылось — в письмах к сыну Иван Борисович Пестель ни словом не упоминает ни Адама Бриля, ни брата своего отца Иоганна Вольфганга, только Бурхард на склоне жизни писал стихи о войне, обращенные к внукам. 28 июня 1809 года И. Б. Пестель писал сыновьям, в то время учившимся в Германии, приводя эти стихи: «Подробности о том, как воевал ваш дедушка, должны вам служить подтверждением... того, что ваш дедушка ревностно служил родине и рисковал жизнью, чтобы ее защитить»³⁴. Пример деда служил И. Б. Пестелю одним из способов патриотического воспитания сыновей.

Последняя часть записок Вольфганга Пестеля представляет собой семейную хронику — записи о рождении детей, смертях, браках. Все они подтверждаются метрическими записями церкви Святого Михаила в Москве, но в некоторых случаях они даже полнее, поскольку метрические книги за 18 век сохранились не полностью³⁵.

В 1759 году Вольфганг Пестель вторично женился на вдове врача Маргарете Хедвиге Лернер³⁶. Последняя часть записок посвящена истории этого брака и пересказу поучительных случаев из жизни, которые, по мысли автора, должны были остаться в памяти его детей³⁷.

Таким образом, записки Вольфганга Пестеля, в которых он скрупулезно фиксировал все события, связанные с историей семьи, можно в целом признать достаточно достоверным и репрезентативным источником. В части, касающейся дат, они подтверждаются замет-

---

30. Там же. Л. 26–26 об.

31. Там же. Л. 18, 22 об., 23 об., 25 об.-26.

32. РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–2.

33. ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 301. Л. 23 об-24.

34. ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1 Пап. 1. Л. 52 об.

35. ЦИАМ. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 423. Л. 269 об., 328.

36. ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 301. Л. 27.

37. Там же. Л. 26.

ками И. Б. Пестеля, написанными по его собственным изысканиям полвека спустя, данными метрических книг и другими источниками³⁸. В записках, помимо семейной хроники, есть сведения о событиях внутренней и внешней политики, о жизни немецкой колонии в Москве и крепнущих связях с русскими. Объединяет записки Вольфганга Пестеля с более поздними источниками по истории семьи — семейной перепиской начала 19 века — патриотизм и рвение в служении новому отечеству. Из записок очевидно, что выходцы из германских государств при Петре, при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне на разных поприщах, зачастую рискуя жизнью, добросовестно служили благу и укреплению Российской империи.

Что же касается личности автора записок, почт-директора Вольфганга Пестеля, то несмотря на, казалось бы, напрашивающиеся сами собой слова о «типичном представителе» немцев на русской службе, следует признать, что это человек, несомненно, незаурядный, настойчивостью и упорством преодолевший трудности службы в молодом Петербурге, прекрасно образованный, сравнительно быстро добившийся значительного поста и влияния в кругах высшей бюрократии. Обращает на себя внимание то, что Вольфганг и его потомки хранили верность ценностям лютеранской культуры, в которых были воспитаны, и не порывали связей с исторической родиной. Так, Вольфганг Пестель переписывался с родственниками в Саксонии, и с разрешения Елизаветы Петровны носил поясной портрет курфюрста Саксонского, дозволившего ему отправиться в Россию³⁹.

Третье поколение русской ветви династии Пестелей (Иван Борисович и его братья), хоть и смутно помнило своих предков, но все же стремилось придерживаться тех же ценностей и уклада жизни. Вместе с тем, это поколение полностью утрачивает связь с саксонской ветвью, и при всяком удобном случае Иван Борисович в воспитательных целях не забывает напомнить сыновьям о том, что «Россия есть наше отечество в течение ста лет»⁴⁰.

Четвертое же поколение семьи — сыновья Ивана Борисовича, Павел Иванович Пестель и его братья — почти совершенно ассимилировались и, несмотря на различие в убеждениях, взглядах и судьбах, демонстрировали приверженность ценностям иной страны и нового века.

---

38. Напр. сообщение о ранении поручика 1-го мушкетерского полка Бориса фон Пестеля в сражении при Франкфурте 1 августа 1759 г. в «Прибавлении к Санкт-Петербургским ведомостям» 24 августа 1759 г. С. 19.

39. ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 301. Л. 14 об.-16.

40. ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 477. Ч. 1. Пап. 1. Л. 71.

О. В. МАРИНИН

НИКОЛАЙ I В МОСКВЕ:

ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

А. Х. БЕНКЕНДОРФА

Личность графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, казалось бы, хорошо известна и специалистам, и широкому кругу любителей отечественной истории. Еще бы, создатель и многолетний бессменный руководитель корпуса жандармов, шеф высшей политической полиции России, подручный властного и деспотичного императора Николая I, гонитель и душитель новых, прогрессивных и либеральных веяний и т. д. Каких только штампов и ярлыков не было придумано для этого незаурядного человека в русской дореволюционной и советской историографии! А, между тем, факты упорно свидетельствуют о другом — храбрый солдат и талантливый военначальник, европейски образованный и открытый к познанию мира человек, внимательный и тонкий наблюдатель политических событий, ценитель всего прекрасного — произведений искусства, окружавшего пейзажа или женской красоты, Бенкендорф оставил после себя прекрасный образец мемуарной литературы. То, что шеф жандармов писал воспоминания, было хорошо известно еще его современникам, которые проявили к ним живейший интерес. После того, как граф А. Ф. Орлов, преемник А. Х. Бенкендорфа на посту шефа III отделения, обнаружил после его смерти текст рукописи в его служебном кабинете, они были прочитаны императором, который сделал целый ряд уточняющих пометок на полях. Высочайшая оценка гласила, что он нашел в воспоминаниях «очень верное и живое изображение своего царствования»¹. Дальнейшая судьба рукописи сложилась непросто, после смерти Николая I она попала в императорскую библио-

---

1. Из записок барона М. А. Корфа // Русская Старина. 1899. № 12. С. 490.

теку в Зимнем дворце, где была изучена председателем Комиссии по сбору материалов к полной биографии и истории царствования Николая I бароном М. А. Корфом. Именно он внимательно рассмотрел ту часть рукописи, которая касалась царствования Николая, и сделал ее выборочный перевод. Сам Корф позже признавал, что очень вольно обошелся с авторским текстом: «Это скорее переделка или сокращение их в тот объем и в ту форму, каких требовала наша специальная цель. Переводили мы только важнейшее, прочее же передавали в извлечениях, иногда и с изменениями в плане, потому что старались везде устранить излишнюю растянутость и многословие, а также все бесполезные повторения»². Позже обширные извлечения из записок Бенкендорфа поместил в «Русской Старине» и «Историческом Вестнике» Н. К. Шильдер³. Таким образом, записки Бенкендорфа стали известны широким кругам читателей, они постоянно цитировались и до сих пор цитируются исследователями, занимающимися эпохой николаевского царствования, которые, подчас, и не подозревают, что пользуются переработанным и сокращенным текстом мемуаров.

В настоящей публикации приведены 10 рассказов А. Х. Бенкендорфа о пребывании Николая I в Москве в связи с различными обстоятельствами. Несмотря на то, что все они разные по объему и важности приведенных сведений, они объединены общим стремлением автора воспоминаний показать особое отношение императора Николая ко второй столице. Москва — это не только религиозный центр государства, в этом городе происходили важнейшие политические и экономические события николаевской эпохи. Причины, приводившие Николая I в Москву, по свидетельству Бенкендорфа, были различными — торжественная церемония коронации в 1826 году, посещения города в ходе частых поездок по России в разные годы, эпидемия холеры 1830 года и серия пожаров 1833 года, желание показать москвичам повзрослевшего наследника престола в 1834 году, наконец, он исполнил желание императрицы отдохнуть и развлечься здесь весной 1835 года.

Внимательный читатель обязательно обратит внимание на яркий и образный стиль изложения воспоминаний. Написанные в оригинале на французском языке, они сохранили метафоричность и языковое богатство вдумчивого и наблюдательного человека.

Предлагаемый фрагмент воспоминаний А. Х. Бенкендорфа является переводом с французского языка рукописного текста его мемуаров, хранящихся в настоящее время в собрании Санкт-

---

2. ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Разд. XXIV. Т. 1. Л. 506-6.

3. Русская Старина. 1896. № 6, 7, 10; 1898. № 2; Исторический Вестник. 1903. Т. 91. Подробнее об изучении и публикации рукописи см.: Сидорова М. В. Новооткрытые мемуары графа Бенкендорфа как исторический источник // Наше наследие. 2004. № 71. С. 56-72.

Петербургского филиала Архива Российской Академии Наук (ф. 764, оп. 4, д. 5). Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ «Записки графа А. Х. Бенкендорфа». Перевод с французского, подготовка текста и вступительная статья О. В. Маринина.

1826 год

Двор готовился выехать из Петербурга в Москву на коронацию императора и императрицы. Туда же уже направилась часть гвардии, дипломатический корпус, чрезвычайные посланники и большая часть знати. Императрица-мать, отправившаяся навстречу императрице Елизавете, но не заставшая ее в живых, на протяжении двух месяцев уже обосновалась в Москве, где, так же как и в Петербурге, ее благодеяния нашли широкое поле для применения. В обеих столицах она руководила многочисленными воспитательными и богоугодными заведениями. Так, предметом особого ее заботливого внимания и неустанных трудов стали многочисленные дома для брошенных детей.

Волнения и опасности, которые сопровождали восхождение государя на трон, были забыты, и все приготовились к праздникам и удовольствиям. Император, его царственная супруга и вся императорская семья, прибыв к древней столице империи, по обычаю остановились вне города в Петровском дворце, где их ожидала толпа народа. На подступах к замку были разбиты лагерь 4 армейского корпуса и корпуса гренадер, которые оживляли эти окрестности Москвы. В городе и вблизи него расположились прибывшие из Петербурга эскадроны и батальоны гвардии.

На третий день во главе всего кортежа и приветствуемый войсками, выстроенными по пути его проезда, император верхом въехал в Москву. За ним следовали: императрица-мать, царствующая императрица и наследник, который один ехал в карете своей матери. Вокруг кортежа и вслед за ним двигались двор и императорская прислуга. Огромные толпы народа заполнили улицы и подступы к городу. У городской черты своего нового государя встретили генерал-губернатор и городские власти, жители города по обычаю преподнесли ему хлеб и соль. В тот момент, когда государь вошел в городские ворота, послышались громогласные крики «Ура!». Яркое солнце освещало этот величественный въезд. В городе толпа стала еще гуще, у всех окон и на всех крышах толпились люди, которые с радостью повторяли крики приветствия молодому и красивому монарху. У Иверских ворот император спешился, императрицы и наследник вышли из карет, и приветственные восклицания были прерваны самым глубоким молитвенным сосредоточением. Императорская фамилия преклонила колени перед ико-

ной Богородицы, и весь народ, созерцавший эту молитву, казалось, принимал в ней участие.

Крики возобновились и усилились при въезде кортежа в Кремль, это сердце России. Здесь толпа уже представляла собой единую и огромную массу, которая махала шапками и заставляла воздух дрожать от своих длительных и согласованных криков. Архиепископ встретил государя у входа в собор и указал ему дальнейший путь.

Император с членами своей семьи остановился в Чудовом монастыре, в котором он уже жил, будучи великим князем, императрица-мать была единственной, кто расположился в Большом Кремлевском Дворце. Главная площадь, разделявшая эти два жилища, весь день была наполнена людьми, надеявшимися разглядеть в окнах кого-нибудь из членов семьи своего государя. Во все дни пребывания императора в Москве, особенно по утрам, эта площадь заполнялась огромным количеством народа, не прекращавшем приветствовать продолжительными криками «Ура!» каждое появление императора.

< Вот уже во второй раз за 25 лет я присутствовал в Москве на церемонии коронации. Двадцать пять лет назад я был здесь совсем молодым, только вступающим в мир человеком. Во второй раз я наблюдал все это в возрасте 45 лет, познав все удовольствия и все тяготы действительной службы. В первый раз я был мальчиком, во второй раз я был мужем и отцом семейства. > [Весь последний абзац в рукописи вычеркнут — *О. М.*].

С каждым днем Москва наполнялась любопытными и прибывшими по делам службы представителями всех слоев общества от всех народностей и из всех уголков необъятной России. Различная публика, иностранные послы приготовились к праздникам и церемониям, сопровождающим торжественное вступление на престол. [...]

Церемония коронации была назначена на 22 августа. За два дня до этого к удивлению и к удовлетворению всех и к чести императорской семьи внезапно приехал великий князь Константин. Он спустился к императору, который вышел встретить своего старшего брата, того, кого он первым признал своим государем. Этот приезд великого князя стал ярким и публичным доказательством его подчинения новому государю и добровольного отречения от престола. В то же время он стал драгоценным свидетельством счастливой гармонии, которая на благо империи объединяла всех членов царствующего дома. Публика была в восторге, дипломатический корпус успокоился. Это присутствие на торжестве коронации великого князя Константина должно было придать ей еще больше торжественности и заслуживает быть внесенным в анналы истории как единственный в своем роде и замечательный пример. Народ выразил ему свое удовлетворение единодушными восклицаниями, высокопоставленные лица и все присутствующие выказали ему самое глубокое уважение. В день коронации великий князь, имев-

ший звание генерал-адъютанта, выразил желание исполнять обязанности дежурного при особе императора.

С раннего утра войска заняли в Кремле свои места, колокольный звон возвестил столице о начале торжественного дня. Все население стояло вокруг собора, двор, участники церемонии, члены императорского дома, представители высшего общества, послы, иностранные представители, все поспешили занять полагавшиеся им места. Везде, где должен был проехать кортеж, были сооружены временные подмости, и все они были заняты. Всюду с нетерпением ожидали начала церемонии. Ее открыла императрица-мать, которая под балдахином спустилась по ступеням Красной лестницы, и торжественно заняла приготовленное для нее место в соборе. За ней следовал наследник и другие члены императорской семьи. Затем появились император с императрицей, которые в окружении вельмож, военных и гражданских чинов направились в церковь. Этот государственный и религиозный праздник проходил при самой замечательной погоде. Император и императрица были молоды, красивы, любезны; величественные костюмы участников церемонии, изысканные туалеты дам, украшавших трибуны, все это способствовало созданию самого прекрасного и самого впечатляющего зрелища, которое только можно было себе представить.

Во время священной церемонии великий князь Константин, исполнявший обязанности генерал-адъютанта, заслужил всеобщее одобрение своими неустанными и трогательными заботами об одеянии императрицы в тот момент, когда она принимала императорскую пурпурную мантию, и о шпаге императора, когда он принимал причастие и должен был на время расстаться с ней. Глубочайшее молчание царило под древними сводами собора, который на протяжении веков видел здесь стольких государей, принимавших корону и преклонявших колени перед Всевышним. Эта священная тишина нарушалась только молитвами церковнослужителей и мелодичным пением придворной капеллы. После окончания церемонии пушечные залпы, колокольный звон, крики «Ура!» народа и войск возвестили о выходе из собора новокоронованных особ. Эти крики, подобно раскатам грома, сопровождали их при проходе через толпу вплоть до того, как они поднялись на самый верх Красной лестницы. Вид императора ослеплял красотой под драгоценностями бриллиантовой короны. Императрица и наследник, находившиеся возле императрицы-матери, также привлекали взгляды собравшихся. Невозможно было себе представить более прекрасную семью, их вид вызывал подлинный восторг. Согласно обычаю, император и обе императрицы обедали в Грановитой палате под балдахином, им прислуживали высшие придворные чины. Затем в старинном Посольском зале был накрыт обед для дипломатического корпуса. Вечером Кремль и весь город были расцвечены огнями с той величественностью, которая объяснялась затейливыми контурами

кремлевских зданий, храмов и других сооружений древнего города. Огромное количество людей наполняло улицы и двигалось в разных направлениях, масса экипажей разъезжало вплоть до глубокой ночи, все это заставляло опасаться драк и беспорядков. Тем не менее, ни единый случай не побеспокоил и не омрачил этот великолепный народный праздник. Повсюду на этих многочисленных сборищах царили приличия и порядок. Даже на народном празднике, устроенном за пределами города, где собрались более 100 тысяч человек, разгоряченные раздаваемым бесплатно и в огромном количестве вином, где играла музыка и разыгрывались самые различные представления, к большому удивлению иностранцев при приближении императора народ выказывал полное уважение. Люди собирались и толпились вокруг него, не затрудняя его проезд, не совершая насилий и не пользуясь сложным положением и бессилием полиции с тем, чтобы обворовать или оскорбить кого-нибудь. Такое поведение было бы сложно повторить европейским народам, которые считали себя цивилизованными и полагали, что наши люди достаточно далеки от того уровня цивилизации, которого они уже достигли. Именно то, что русский народ еще богобоязнен, и сохранил уважение к своему государю и его власти, которая исходит от господина, то, что это глубокое чувство живет почти во всех русских сердцах, является гарантией порядка и безопасности. Гарантией более солидной и более надежной, чем то ощущение, которое обозначает кисельные берега народного суверенитета, равенства и всех шатких, слабых и кровавых догм французской революции.

Почти каждый день устраивались балы, которые, соревнуясь друг с другом, демонстрировали наиболее богатую и утонченную роскошь. Балы у послов Франции и Великобритании соперничали в великолепии. Балы у графини Орловой и у князя Юсупова превзошли их показом местных красот и богатством обстановки. Наконец, праздники и развлечения были завершены фейерверком перед зданием кадетского корпуса. Все было сделано для того, чтобы это зрелище стало одним из самых прекрасных, какие только можно было увидеть. Только заключительный его залп включал в себя до 140 тысяч выстрелов. Казалось, что атмосфера раскололась и земля содрогнулась от чудовищного сотрясения, сопровождавшего залп 100 орудий.

Император разделял с публикой удовольствия, праздники и балы. Одновременно он работал с той же энергией, которая отличала его с момента вступления на престол. Кроме прочего, он старательно посещал все общественные учреждения Москвы и отдавал необходимые приказания по улучшению их деятельности, каждое утро он являлся на развод, ежедневно привлекавший огромное число зрителей, несколько раз он проводил военные учения, в которые привнес ту суровую требовательность, пунктуальное исполнение которой до сего момента отсутствовала.

После пребывания в Москве в течение нескольких недель, великий князь Константин вернулся к исполнению своих обязанностей в Варшаве. К концу московских торжеств с персидских границ пришло важное известие о решительной победе генерала Паскевича над неприятелем. Эта победа полностью подтвердила выбор императором именно этого генерала. Не успел он приехать в Грузию, как генерал Ермолов, как всегда обеспокоенный персидской опасностью, поручил ему командование частью войск, оставив себе большую их половину для наблюдения за движением неприятеля. Паскевич отважно атаковал персов в районе Елизаветполя (Гянджа — Прим. автора), несмотря на их численное четырехкратное превосходство. После того, как он выдержал и успешно отразил несколько храбрых атак кавалерии наследника престола Аббас мирзы, который лично командовал войсками, Паскевич ввел в дело свою артиллерию и построил свою пехоту с примкнутыми штыками на расстояние выстрела. Неприятель не смог выдержать эту решительную атаку, дрогнул и начал отступление, которое вскоре превратилось в общее бегство. Несмотря на свою малочисленность, наша кавалерия преследовала персов и захватила большую часть их военного снаряжения. Это поражение заставило Аббас мирзу вернуться на свои территории, в течение зимы обе стороны получили время подготовиться к новым сражениям.

Таким образом, пребывание в Москве окончилось известием о победе. Часть знамен, взятых в сражении при Елизаветполе, была доставлена в столицу и положена в церкви монастыря, где жил император. Этим достойным актом были завершены празднования в честь коронации.

1830 год

В первые дни марта я имел честь сопровождать императора в военные поселения гренадер. Там в прекрасных манежах он осмотрел множество полков, посетил госпитали и еще не оконченные сооружения, затем он вернулся в Новгород с тем, чтобы оттуда направиться в Петербург. Поблагодарив генералов, мы сели в сани, но вместо того, чтобы направиться по дороге, ведущей в Петербург, император приказал кучеру повернуть на дорогу в Москву. Я был крайне удивлен этим скорым и неожиданным решением, которое противоречило ранее отданным приказаниям. Императора позабавило мое удивление, он сказал мне, что поставил в известность только императрицу с тем, чтобы его планы были неизвестны окружающим, и стали полной тайной и меньше, чем через 34 часа наши сани остановились перед входом в Кремлевский дворец. Было 2 часа утра, дворец и город были погружены в глубокий

сон. Для дворцовой прислуги наше появление показалось сном наяву, мы едва раздобыли свечей, чтобы осветить спальню императора. В полной темноте он напрямик направился помолиться в дворцовую церковь. Затем он отдал мне распоряжения на следующий день и лег спать на кушетке. Я приказал найти главного полицейского начальника, который прибыл в ужасе от моего внезапного приезда, и остолбенел, когда я сказал ему о том, что император отдыхает в комнате над моей спальней. Вслед за ним один за другим приходили комендант, распорядитель двора, шталмейстер, служащие, полицейские. У всех их был очень позабавивший меня ошеломленный вид, и они не дали мне сомкнуть глаз всю оставшуюся часть ночи. Сопровождавший императора в военных поселениях брат императрицы принц Альберт прибыл в Москву на сутки раньше нас, но он был не менее других удивлен, когда его разбудили известием о том, что император в Москве.

В 8 часов утра я приказал вывесить над старинным дворцом императорский штандарт, и вскоре главные кремлевские колокола в сопровождении общего перезвона сообщили о пребывании императора всем жителям древней столицы. Со всех сторон стали собираться толпы народа, приезжали экипажи. Все толпились, поздравляли друг друга, спрашивали себя о причинах столь неожиданного приезда, вокруг царило радостное удивление. Вид главной площади перед дворцом являл собой нечто совершенно необыкновенное. Это оживление могло бы показаться народным недовольством, если бы отразившиеся на каждом лице радость и уважение, напротив, не свидетельствовали о всеобщем счастье. В 11 часов на площади было столько народу, сколько она могла вместить. Все взгляды сконцентрировались на дверях дворца. Когда появился император и направился пешком в собор, его встретил гром приветственных криков, все обнажили головы. Все стремились его увидеть, приблизиться к нему, теснили друг друга, чтобы оказаться на пути его прохода. Мы с князем Голицыным пытались следовать за ним под угрозой быть раздавленными или отброшенными. Даже император, несмотря на все свои усилия не останавливаясь, из-за напора толпы мог продвигаться вперед только очень медленно. Вокруг него было пустое пространство размером не больше, чем один аршин. Он останавливался почти на каждом шагу, и ему потребовалось около 10 минут для того, чтобы пройти около двухсот шагов, разделявших его жилище и вход в церковь. Там его ожидало духовенство, во главе с митрополитом, державшим в руках крест. В этот момент приветственные крики прекратились, и вся эта оживленная толпа погрузилась в почтительное молчание. Император выслушал молитвы, поклонился святым могилам и приложился к иконам, он вышел из собора через противоположные двери, ведущие к старому дворцу. Здесь его встретила та же толпа, и ему пришлось преодолеть те же трудности для того, чтобы

подойти к подножию парадной лестницы, на которой стояли дамы из всех слоев общества. Добравшись до вершины этой лестницы, император остановился и с чувством приветствовал толпу, которая провожала его глазами. Всеобщий крик «Ура!» был ответом на это приветствие, и император вошел в залы дворца. Здесь он направился в манеж для того, чтобы присутствовать на смотре. Везде толпился народ, повсюду его сопровождали самые живые проявления радости и преданности. Свое пребывание в Москве император использовал с обычной для него деловитостью. Каждое утро он посещал самые различные учреждения — школы, больницы, принимал торговцев, знакомился с традиционной продукцией российских производителей, центром производства которой Москва становилась во все большей и большей степени. Во время обеда он виделся с первыми лицами города и с вышедшими в отставку бывшими чиновниками. Вечерами он присутствовал на театральных представлениях или на устраиваемых московским дворянством или генерал-губернатором собраниях представителей высшего света, испытывавших счастье видеть своего государя. Пребывание в Москве длилось не более шести дней, которые стали настоящим праздником для жителей города и для самого императора. Оно полностью компенсировало его тяжкие труды и было выражением любви народа. В полночь 13 числа мы снова сели в сани и 15 марта в два часа пополудни император вернулся в Зимний дворец в Петербурге, проделав за 38 часов 700 верст.

1830 год

После нашего возвращения я получил разрешение провести несколько дней в Фале со своей женой и детьми. Как и всегда, я был в полном восторге от встречи с ними. Мне все нравилось, и я проводил время в радостных хлопотах. Целый день я занимался строительством нашего дома и работами в саду, что сильнейшим образом контрастировало с моей напряженной и полной забот жизнью в Петербурге. Только три дня я наслаждался таким отдыхом, когда запыхавшийся курьер сообщил мне о том, что император выехал в Москву и приказал мне незамедлительно выехать к нему туда. В нашей древней столице началась эпидемия холеры, и я был восхищен героической решимостью моего государя. Через два часа после получения этой новости я уже был в дороге. По прибытии в Петербург я тут же направился в Царское Село с тем, чтобы получить приказания императрицы и собраться для поездки в Москву. Прибыв туда вечером, я поспешил высказать императору свою признательность за то, что он по доброте своей вспомнил обо мне в тот момент, когда его заботливое сердце так болезненно страдало. Равно как и в других обстоятельствах, я нашел его спо-

койным и величественным, его приезд взбудоражил все общество, но он не удивил добрых жителей Москвы, которые были подавлены и напуганы появлением страшной заразы, но предвидели решение своего государя. Когда он, презирая опасность, появился среди толпы с тем, чтобы оказать людям помощь, то восторженные крики достигли своего предела, и, казалось, сама болезнь была вынуждена уступить его всемогуществу. Для защиты остальной части империи и Петербурга он приказал оцепить Москву, что было исполнено с легкостью. Покорность благодарного народа была безгранична. Между тем бедствие усиливалось, с каждым днем увеличивалось количество заболевших холерой. Один из лакеев, прислуживавших в спальне императора, умер через несколько часов после того, как вошел в нее, одна жившая во дворце женщина умерла, несмотря на все принятые для нее меры. Император выходил в город каждый день, он посещал общественные заведения и, казалось, пренебрегал опасностью, так как теперь уже все знало об эпидемии. Однажды, во время обеда с несколькими приглашенными, императору неожиданно стало плохо, и он вынужден был выйти из-за стола. За ним последовал врач, напуганный так же, как и все остальные. Вскоре он возвратился, чтобы передать нам приказ императора продолжать обед. Тем не менее, обед был прерван, и мы пребывали в самом ужасном беспокойстве. В этот момент в дверях появился сам император, сказавший, что нам нечего волноваться. Тем не менее, у него болело сердце, его бил озноб и проявились другие первые признаки болезни. К счастью, после нескольких обильных потоотделений и благодаря принятым лекарствам, он вскоре был поставлен на ноги, и уже на следующий день мы полностью убедились в его выздоровлении.

После того, как он отдал все необходимые распоряжения, он сам наблюдал за выполнением таких из них, как постройка госпиталей в различных частях города, бесплатная помощь бедным, снабжение Москвы продовольствием, создание приютов для детей, которых холера сделала сиротами. Утром 7 сентября после 10-ти дневного пребывания, император уехал из Москвы и вечером приехал в Тверь. Он остановился во дворце, в котором когда-то жила великая княгиня Екатерина со своим супругом тверским генерал-губернатором принцем Ольденбургским. Здесь в специально отведенной комнате врач обработал нас хлором, отвратительный запах которого уже надоел мне в Москве, где его использовали во многих домах. Затем дворец и небольшой сад были оцеплены часовыми с тем, чтобы полностью отделить нас от города. Таким образом, нас заперли и подчинили карантину. Этим самым император хотел дать пример подчинения правилам, предписанным санитарным законом. Нас всех очень хорошо устроили в этом небольшом дворце. Свита Его Величества состояла из моего бывшего начальника в посольстве в Париже графа Толстого, генерал-адъютантов Храповицкого и Адлерберга,

адъютантов Кокошкина и Апраксина, а также врача Аренда. Утром мы все были заняты разбором бумаг, которые ежедневно получали из Петербурга и Москвы, затем пошли прогуляться по маленькому и очень плохо ухоженному саду. Император развлекался, стреляя ворон, а я подметал дорожки от упавших за осень листьев и от первого выпавшего снега. За прекрасным обедом встретилось все наше общество, после которого все разошлись по своим комнатам с тем, чтобы вновь соединиться вечером в помещениях императора, где была организована игра. Одиннадцать дней мы провели так в нашей тюрьме, которая была очень удобной, но все же несколько наскучила нам. По истечении этого срока мы вернулись в Царское Село.

1831 год

Несчастья, которые на протяжении года, казалось, прочно обосновались в России, стали уменьшаться, война, бунты и холера прекратились. Император, пожелавший разделить со своей древней столицей все эти опасности, решил возвратиться туда в тот момент, когда мир, спокойствие и окончание эпидемии вновь вернули туда покой и удовлетворение. К радости жителей этого большего и богатого города мы прибыли в Кремль 11 октября, а через три дня там же оставили императрица и наследник престола. Все население Москвы и пригородов направилось на Дворцовую площадь, люди толпились здесь с утра до вечера в надежде увидеть в окнах кого-нибудь из членов императорской семьи. Везде по маршрутам их проезда толпился народ, везде вокруг их экипажей раздавались радостные крики. Со своей обычной энергией император посещал общественные учреждения, активно работал над реорганизацией Царства Польского, трудился над законами и установлениями в соседних с польскими губерниях с целью объединить их с исконно русскими. Должности чиновников и их мундиры были изменены по образцу тех, которые существовали во внутренних губерниях империи. Университет в Вильно был реорганизован, из учебных заведений было убрано все то, что ранее по недосмотру укрепляло тенденции польского национализма, обучение в них стало производиться на русском языке. Шляхта, эти отбросы бедных и кочевых дворянчиков, была лишена прав и привилегий старинной знати, она была сведена к переходному сословию между собственниками материальных благ и земледельцами.

Во время пребывания двора в Москве туда были привезены знамена и воинские штандарты бывшей польской армии, они были выставлены на обозрение всей Москвы в Оружейной палате в числе трофеев, которые собирались там на протяжении веков. Здесь же была помещена дарованная Польше императором Александром конституция, она лежала на полу, у подножья портрета ее создателя. Уже в последние годы своего царствования он сожалел, что

в приступе благородства подписал этот документ, столь же ложный для политического положения Польши, сколь и оскорбительный для самолюбия его могущественной империи.

На несколько дней император покинул императрицу для того, чтобы съездить в Ярославль. Ночью мы остановились перед знаменитым Троицким монастырем, который чудесным образом устоял в многомесячной осаде в ходе печально известных событий Смутного времени, приведших польские армии в самый центр нашей родины. При свете факелов у входа нас встретил архимандрит с монахами. В двенадцатиградусный мороз император с непокрытой головой последовал за ним через двор и открытые галереи до старинной и богато украшенной церкви, где бесстрашные защитники этого благочестивого места, уже ослабленные голодом, сражениями и ранами, собрались для общей молитвы и причащения, предчувствуя последний штурм поляков и неизбежную смерть. Здесь они встретили день, когда стремительное и неожиданное отступление их врагов положило конец их страданиям и мучениям. Воспоминание об этом событии, древность этих сводов, созданных для молитв, окружавший нас сумрак, при котором свет факелов выхватывал только позолоту и драгоценные камни, украшавшие иконы и древние росписи храма, все это внушило мне святой трепет и мрачную меланхолию. Монахи проводили императора до коляски, и мы продолжили путь в Ярославль. К обеду мы остановились в Ростове, все население которого собралось перед собором, красивым и древним сооружением, относившимся к наиболее ранним временам нашей истории. После обычной молитвы император остановился у одного из самых богатых купцов города, где после разговора о торговле он принял участие в обеде, который хозяева дома приготовили с гостеприимством и усердием, ярко характеризующими характер наших торговцев, особенно когда они имеют счастье принимать у себя своего государя.

Вечером мы приехали в Ярославль. Огромное количество людей заполнило все улицы, дома были освещены, радость была высказана с еще большей силой, чем в самой Москве. Долгое время после того, как император вошел в свое жилище, приветственные крики не прерывались, и время от времени возобновлялись с новой силой. Послали сказать народу, что император устал и хочет спать, только после этого из уважения к государю толпа разошлась, но с раннего утра собралась вновь, готовая приветствовать своего монарха. Император посетил собор, осмотрел публичные учреждения, самым замечательным из которых был институт, основанный дворянином Демидовым, и столь щедро обеспеченный на будущее, что 200 молодых людей там жили и воспитывались за счет средств его основателя. Главное внимание императора привлекли городские достопримечательности, набережные красавицы-Волги, фабрики по производству тканей, скатертей и изящной конструкции монастырь. Он посетил тюремный госпиталь, а также обширное зда-

ние, где были собраны дети солдат, служивших в местном батальоне, они воспитывались и питались за казенный счет. Знать города устроила бал в помещении дворянского собрания, которое одновременно служило местом благотворительности для мальчиков и девочек из бедных семей. После того, как он везде побывал в постоянном сопровождении огромной толпы людей, жаждавших его видеть, после того, как он отдал приказания по улучшению городской жизни и украшению города, император сел в коляску и без промедления вернулся в Москву, где он пробыл еще до 25 ноября. Большой концерт в зале Дворянского собрания, приемы у генерал-губернатора и у императрицы позволили высшему обществу насладиться присутствием Их Величеств. Все были восхищены их добротой и той искренней приветливостью, которые стерли требования этикета и разницу в общественном положении.

Император выехал из города вместе с императрицей и сопровождал ее до остановки на ночь во дворце в Твери. Там вечером мы сели в коляску и в один переезд добрались до Царского села.

1832 год

В связи с поздним временем года дожди уже начали размывать дороги. В Рязанской губернии они были ужасны настолько, что это даже трудно было себе представить. Глинистые и разбитые тысячами голов рогатого скота дороги вели в Москву, делаясь осенью почти непроезжими. Император разгневался и решил по приезде в Петербург поручить министрам разработать и просчитать новую систему дорог, которые из разных концов страны вели бы в Москву. В дальнейшем он с большим упорством следил за реализацией этого полезного плана, за исполнение которого его благодарили бы все новые поколения торговцев и путешественников.

Для того, чтобы проехать 200 верст, отделяющих Рязань от Москвы, мы потратили почти два дня. К моей величайшей радости здесь удалось отдохнуть несколько дней от тряски на скверных дорогах. Мы остановились в древней Москве только на трое суток. Как и всегда жители города и общество были счастливы видеть своего государя. Через 36 часов пути по тракту мы приехали в Петербург.

1833 год

В течение нескольких недель в Москве происходили частые пожары, вспыхивавшие то в одном, то в другом районе города. Их считали результатом деятельности тайных обществ или даже плодом мстительности поляков. Жители города были в тревоге, они дежурили в домах, собирали вещи, несколько семей даже уехали из Мо-

сквы. В этом огромном городе воцарился ужас, все искали поджигателей и подозревали даже полицейских в том, что они заодно с врагами родины. Поймали нескольких несчастных воров и разговоры были только о делах следствия и о различных новостях по этим процессам. Императору рассказали о том беспокойстве, которое царило в его древней столице, он сел в коляску и безотлагательно направился туда. Мы приехали в Москву поздно вечером к великому удивлению и к большой радости ее жителей. На утро следующего дня император пешком направился в кремлевский собор почтить святые реликвии. Соборная площадь и прилегающие улицы уже были полны людей, они радостно толпились по пути следования императора и наполнили улицы Кремля криками восторга. Вместе с появлением государя в город вернулась вера в то, что все виновные будут пойманы и преступные пожары погаснут. Говорили только о заботе монарха о своем добропорядочном городе, куда он приезжает при каждой опасности с тем, чтобы прийти ему на помощь. Между тем, на следующий день после нашего приезда вечером пожар загорелся на другом берегу реки в квартале, полностью застроенном деревянными домами. Император взял меня с собой, и мы приехали на пожар почти одновременно с первыми пожарными. Он лично взял на себя командование ими и вблизи от пламени, находясь в узком и загроможденном дворе, он руководил спасательными работами. Офицеры и рядовые пожарные трудились с несравненным усердием и смелостью, все старались отличиться на глазах и под командованием своего государя. Менее, чем через полчаса огонь был побежден, он перестал быть опасным раньше, чем был потушен — ничто не сгорело кроме той части дома, которая уже была охвачена огнем.

Через два дня новый пожар разгорелся в районе бульваров, там, где были казармы. Император направился туда с той же стремительностью и уже через несколько минут большой деревянный дом, пылавший как костер, усилиями пожарных был разрушен, а пламя погашено. Собравшийся там толпой народ окружил небольшой экипаж императора для того, чтобы посмотреть и благословить своего государя, который, как и они, следил за безопасностью Москвы. Несмотря на полный мрак, ставший еще темнее после веполохов пожара, толпа узнала императора, окружила его и сопровождала его экипаж, пока лошади не унесли его вперед. Крики «Ура!» сопровождали его отъезд и окончание пожара.

Наконец, были найдены несколько несчастных, уличенных в том, что они подожгли несколько домов. Вскоре было проведено следствие, они были сечены хлыстом в тех местах, где совершили свое преступление. Эти меры успокоили тревогу жителей, никто не сомневался в том, что только присутствие императора обеспечило поимку преступников. Пожары прекратились, вновь возродились чувства доверия и безопасности, превратившиеся в благодарность

и в восхищение всемогущим государем, который всего за несколько дней смог задержать и наказать злодеев, оставшихся неуловимыми в течение нескольких месяцев преследования полицией. После шестидневного пребывания в Москве, в течение которого он каждый день посещал общественные места, образовательные учреждения и богоугодные заведения, мы сели в коляску и вышли из нее только у лестницы Зимнего Дворца в Петербурге.

1834 год

С каждым днем погода и состояние дорог ухудшались, и мы поспешили возвратиться в Москву.

Император сделал наследнику приятный сюрприз, приказав ему приехать в нашу древнюю столицу, в город, где он родился. Наследника сопровождал мой шурина князь Ливен, которого отозвали с поста посла в Лондоне и назначили на почетную должность главного наставника будущего государя России. Москвичи с искренней радостью встречали этого принца, которого с удовольствием называли своим, теперь он был уже повзрослевшим молодым человеком, готовым после принятой присяги управлять ими. Его отец с удовлетворением видел, что любовь Москвы разделилась между ним и его сыном.

Он везде представлял его с тем удовольствием, с которым отец радуется успехам своего ребенка. Они вместе осматривали общественные заведения, вместе посещали собрания и балы, которые поспешили дать в их честь, они вместе разделяли жадные взгляды восхищения, так же как и оценивающие взгляды дам, всегда чувствительных к красоте. После совместного 8-дневного пребывания в Москве, они выехали из города в одном экипаже, я же занял место наследника в его коляске рядом с князем Ливеном. Через тридцать восемь часов мы прибыли в Царское Село, откуда на следующий день император вернулся в Петербург.

1835 год

Вот уже несколько лет императрица не показывалась в Москве. Вместе с императором она поехала туда с тем, чтобы провести здесь начало весны. К 26 апреля погода наладилась, и мы с императором воспользовались этим. В 15 верстах от Царского Села он посетил колпашные заводы, сооруженные Петром Великим. Именно здесь этот гениальный человек приказал изготовлять все, что нужно из железа, меди, а также блоки и шкивы, необходимые для снаряжения флота. Здесь все еще следовали инструкциям, полученным от основателя нашего флота. Основные сооружения, такие как дамба, накопители

воды, искусственные водоемы, пушки — все это относилось к петровскому времени. С тех времен их только поддерживали и восстанавливали по примитивным планам, сделанным еще его рукой. Император Николай приказал все это обновить и украсить. Он осмотрел все мастерские, жилища, больницы, интересовался малейшими деталями с тем пристальным вниманием, с которым он относился ко всему, и остался весьма довольным всем тем, что было ему показано. Вечером на второй почтовой станции император почувствовал сильное недомогание и был вынужден остановиться на несколько часов. Наутро он поехал в рядом расположенное военное поселение гренадерского полка, которое теперь служило казармой и лагерем для гвардейского полка гродненских улан, которые прошли перед ним парадным маршем. Оттуда мы отправились в Новгород, где нас ожидали гвардейские драгуны и две батареи полевой артиллерии, которым также была оказана честь высочайшей инспекции на площади города. После этого вечером в 30 верстах от Новгорода император принял парад образцового полка карабинеров и принял участие в ужине кадетского корпуса Аракчеева. Это заведение было образовано на средства влиятельного министра императора Александра, который, не назначив себе наследника, еще при своей жизни оказал значительную поддержку этому корпусу. Первоначально он должен был располагаться в Новгороде, и был перенесен на место этого поселения только после ужасных и кровавых событий, которые предприняли уничтожение отжившей свое системы военных поселений. Место, которое теперь занимал этот корпус, было замечательным, и это заведение, без сомнения, стало одним из лучших в своем роде. Тем же вечером, после столь насыщенного дня, мы вновь отправились в дорогу и безостановочно добрались до Москвы.

Через несколько дней сюда приехала императрица и за ней — двое младших великих князей Николай и Михаил. Их появление в национальных костюмах доставило огромное удовольствие народу. Великий князь Константин, уже способный понимать то, что он видит, сопровождал императрицу. Он был поражен красотой Москвы и особенно преданностью и восторгами ее жителей.

Погода была прекрасной и обещала сделать наше пребывание особенно приятным. На замечательной прогулке за пределами города 1 мая собралась вся семья. В середине дня у поставленного по случаю выезда павильона собрались тысячи экипажей и огромное количество пешеходов гуляющих. Еловый лес, бывший в течение года весьма печальным зрелищем, был со всех сторон украшен и оживлен палатками, красивыми павильонами, кафе и рестораничками, группами музыкантов и цветами. Прогулки группами и по одиночке продолжались до конца дня. Повсюду толпа окружала экипажи императорской семьи и в лесу раздавались радостные крики и возгласы. После прогулки двор покинул Кремль и переместился на другую сторону Москвы-реки в имение, ранее принадле-

жавшее графине Орловой и выкупленное императором. Дом и прилегавшие территории были весьма обширны и были очень удобно распределены. Сад был прекрасен, а вид на течение реки, на поля на другом ее берегу и на город был одним из самых красивых и разнообразных из всех, которые только можно было увидеть. Мы все расположились в этом радостном жилище, в котором пользовались всеми преимуществами деревенской жизни. Но та единственная вещь, которая была нам совершенно необходима — хорошая погода, — на следующий день испортилась. Холод, ветер, дождь и даже снег быстро заставили нас пожалеть о Кремле. И почти все оставшееся время мы были лишены радостей весны. Это восполнялось балами, спектаклями и более или менее многочисленными собраниями у императрицы.

Течение дел пошло обычным порядком, и каждое утро император направлялся в свои кремлевские покои для того, чтобы принять генерал-губернатора и других чиновников с их докладами, затем к часу дня он спускался на площадь перед дворцом для того, чтобы присутствовать на параде соединенных гвардейских частей. Он забавлялся тем, что выстраивал троих своих младших сыновей на офицерских местах по линии равнения, что очень радовало и забавляло публику, которая в экипажах и пешком каждое утро толпой располагалась там с тем, чтобы увидеть императора и его сыновей. Каждый день повторялась давка, сложно было пробиться сквозь эти массы людей, заполнивших улицы от самых дверей, через которые выходил император. Каждый день возобновлялись радостные возгласы, которые обожаемый император собирал и получал в своем дворце. Императрица также везде была предметом восхищения. Она воспользовалась своим пребыванием в Москве для того, чтобы посетить и внимательно осмотреть крупнейшие приюты для брошенных детей и институты благородных девиц для дворянок и горожанок, которые по завещанию императрицы-матери перешли под ее благотворительное управление. Император отдельно занимался военными школами, университетом, городскими учреждениями и особенно войсками корпуса под командованием князя Хилкова. Его состояние было наихудшим по сравнению с тем, что от него требовалось, особенно плоха была пехота. Для этих частей, также как и для кавалерии, были организованы многочисленные разнообразные упражнения, за которыми мы наблюдали за пределами города на просторных полях перед Петровским дворцом.

Наступило время показа продукции национальной промышленности, выставка была заботливо и красиво устроена в большом помещении Благородного собрания, все фабриканты и ремесленники соперничали между собой в желании оказаться лучшими. Со всех частей России стекались лучшие образцы всех отраслей торговли и производства. Изделия из шерсти и корабельные снасти были выставлены столь же заботливо, как самое драгоценное золотое шитье

и шелка. Каждый вид продукции выставлялся в отдельной комнате или на специальных столах. Парусное полотно, как и самая тонкая ткань, были разложены в порядке и красиво украшены на всем протяжении отведенного им пространства. На своих местах были механические модели от планетарной системы до плугов. Ювелирные изделия, бронза, фарфор, стекло, сукна, хлопчатобумажные ткани, кожи, вышивка, предметы из железа, изделия столярного ремесла и роскошное черное дерево — все это представляло для любопытных глаз бесконечно разнообразное и самое роскошное зрелище из всего того, что могло быть собрано в одном месте. Мы были изумлены всей этой разнообразной продукцией и тем невиданным размахом, которого достигла наша национальная промышленность. Император и императрица неоднократно осматривали все это с самым большим вниманием. Они ободряли фабрикантов расспросами об организации производства, об изменениях в их доходах и об их заведениях. Очень довольный всем увиденным император собрал у себя самых крупных владельцев предприятий и поблагодарил за улучшения в их производстве, которые столь мощно способствовали обогащению страны. Он добавил, что теперь, когда промышленность достигла своего размаха и движется в сторону дальнейшего развития, осталось только привлечь внимание правительства и фабрикантов к предмету, без которого промышленность и производство станут скорее бедствием, чем благом. Это забота о рабочих, возрастающее из года в год число которых требует отеческого, действенного и душевного присмотра, без которого это множество людей неизбежным образом развратится, станет несчастным и плохо управляемым сословием, представляющим опасность даже для хозяев, которые используют их труд. Император закончил тем, что назвал и привел в качестве примера двух присутствовавших на этом приеме владельцев фабрик, которые выделялись своей мудрой и отеческой заботой о своих рабочих. Он добавил, что приказал информировать себя о тех из них, кто последует этому примеру, и что он будет рад выразить им свою признательность.

Погода несколько улучшилась, и появилось желание увидеть некоторые загородные имения. Министру императорского двора князю Волконскому была оказана честь принимать у себя своих государей в прекрасном имении, расположенном в 20 верстах от Москвы. После изысканного обеда все прогуливались в саду дворца, содержание которого могло бы любого убедить в том, что в нем живут постоянно. Между тем, уже на протяжении более 40 лет служебные обязанности хозяина не позволяли ему проводить здесь более нескольких дней с перерывом не в один десяток лет.

Очень богатый и постоянно проживавший в Москве князь Сергей Голицын, который пользовался расположением императрицы-матери и которого особо отличал император, также имел счастье принимать Их Величества в своем имении, находившемся всего

в нескольких верстах от столицы. Искусство и богатство вопреки природе сделали из него великолепное обиталище с большими водоемами, вырытыми с большими трудностями посреди лесов, с павильонами прекрасной архитектуры, с оранжереями, с избытком растительности и цветов, все это представляло собой сад, столь же просторный, сколь и прекрасный. Все здесь свидетельствовало о роскоши и богатстве древнего и владетельного рода, все здесь также говорило о достатке и счастье крестьян.

Император также посетил имение графа Шереметьева, огромное состояние которого относилось еще к допетровскому времени. На протяжении более 50 лет это имение, одно из тех, которыми владела эта семья в окрестностях Москвы, оставалось необитаемым. Несмотря на это и на весьма малую заботу, с которой ныне граф Шереметьев относился к его содержанию, оно все еще давало представление о роскоши и величии его прежних владельцев. Замок, по размерам напоминавший дворец, огромные залы, покрытые позолотой и украшенные прекрасными росписями, были сохранены в целости. На стенах комнат висело большое количество картин, а весьма многочисленная коллекция портретов князей и знаменитостей времен Петра I и правления императрицы Елизаветы делало ее уникальной в своем роде. Она привлекла любознательное внимание Императора, который приказал князю Волконскому попросить позволения у адъютанта его величества графа Шереметьева сделать копии с целого ряда этих портретов, которых не было в императорской коллекции и изображенные на которых люди давно стали историческими знаменитостями.

После посещения нескольких частных имений император пожелал осмотреть свои собственные, и направился в Царицын, находившийся в 18 верстах от Москвы. В этом месте, где с удовольствием проводили время многие наши цари, сохранились водоемы и прекрасная растительность. Запрет на рыбную ловлю, введенный более двух веков назад, и который возобновляли все государи, превратил эти озера в настолько богатые рыбой места, что были вынуждены разрешить рыболовство в течение двух лет. Уже Петр I перестал здесь жить, и некогда прекрасные и просторные сады больше не радовали глаз и перестали быть похожими на величественные и богатые пейзажи, почти повсеместно встречающиеся в окрестностях Москвы. Тем не менее, императрица Екатерина пожелала основать здесь летнюю резиденцию государей и приказала выстроить прекрасный дворец, достойный древней столицы. Был подготовлен план, авторы которого хотели соединить готическую архитектуру с характером древних сооружений Москвы. Это плохое продуманное сочетание превратилось в каменную громаду, которая поражала своими размерами, но отличалась дурным вкусом. Императрица Екатерина приехала осмотреть свое новое сооружение и осталась им столь недовольна, что тотчас же отдала приказ

сломать это огромное здание и выстроить новое. Из-за огромных затрат, которые были бы неизбежны при исполнении этого приказа, он был отменен, и стены здания были предоставлены разрушительному влиянию времени. Сад, однако, был частично завершен и служил местом прогулок жителей столицы. Император осмотрел развалины, определил, что они не заслуживают новых затрат и решил использовать в будущем это сооружение в качестве казармы или образовательного учреждения.

Оттуда мы направились в большую и богатую деревню Коломенское, расположенную в 5 верстах от городских застав. Здесь у наших царей была летняя резиденция, и здесь появился на свет Петр I. От древних сооружений осталась только шатровая церковь, границы дворца в том виде, в котором он существовал еще в начале царствования Екатерины, были обозначены посадками акации. На месте древнего обиталища царей стояла только новая постройка в виде павильона. Мы поднялись по достаточно высокой лестнице и оказались на террасе этого павильона. Нас удивил величественный вид, открывшийся нашим глазам. У наших ног река Москва, словно блестящая лента, разворачивалась на огромной равнине, расположенной перед нами, справа она терялась за горизонтом, а слева она оканчивалась огромным городом Москвой.

Многочисленные стада заполняли противоположный берег реки, огромное пространство оживлялось деревьями, церквями и растительностью. Император воскликнул: «Именно здесь я построю дворец. Жилище государей должно быть в этом месте, на это указывает рождение Петра Великого и вид на Москву». Закат солнца еще больше украсил эту картину. Сбежавшаяся посмотреть на императора толпа народа теснилась у лестницы и вокруг старинной церкви. В тот момент, когда император с императрицей вошли в нее, колокольный звон возвестил об обряде бракосочетания. Я получил приказ на следующий день пригласить молодоженов в Кремль, где императрица собственноручно одарила молодую жену подарками, а я дал мужу несколько сотен рублей.

1835 год

Мы продолжили наш путь с большим комфортом и по прекрасному первому снегу проехали всю дорогу от Тулы до Москвы в 140 верст за 7 часов. Утром к нашему пробуждению императорский штандарт, развевавшийся над дворцом, возвестил столице о прибытии государя. Вскоре площадь уже была полна народом, и император, как всегда пешком, прошел к собору, сопровождаемый криками радости и любви. Во время нашего трехдневного пребывания в Москве император нашел время посетить все важнейшие общественные заведения и принять участие в парадах, безо всякого ущерба госу-

дарственным делам. Каждый день из Петербурга прибывали курьеры, которых обычно отправляли обратно в тот же день, в крайнем случае, на следующий. Император никогда не ложился спать, не закончив со всеми бумагами, и его рабочий стол во время поездок был так же свободен от бумаг, как это обычно бывало, когда он находился в Петербурге. Никогда и ничто не могло заставить его не исполнить эту взятую им на себя святую обязанность — в тот же день рассмотреть дела или прочитывать бумаги, присланные на его решение.

Для переезда из Москвы в Царское Село нам хватило 38 часов, несмотря на то, что дорога еще не устоялась, и два раза нам пришлось пересаживаться из саней в коляску. Императрица и члены императорской семьи оставались там еще больше недели, прежде чем возвратиться в Петербург.

1837 год

Императрица была утомлена тяжелым переездом в Москву и, особенно, отвратительным состоянием дорог. Это обстоятельство несколько уменьшило количество балов и празднеств в городе. К большому огорчению московских дам и кавалеров, которые готовились к ним заранее, их было дано всего несколько. Новость о вспышке холеры в Одессе также не способствовала общему стремлению к развлечениям. [...]

Прибывший в Москву император пожелал порадовать жителей древней столицы тем, что провел в городе день своих именин 6 декабря. Никогда еще перед кремлевским дворцом не собиралась такая огромная толпа людей, казалось, всех москвичей позвали поздравить своего государя. Вечером горожане заполнили празднично освещенные улицы и площадь с тем, чтобы дождаться, когда император поедет на устроенный бал, и от самого Кремля до зала Дворянского собрания его сопровождали приветственные возгласы ста тысяч людей. Ничто не было упущено для того, чтобы придать этому празднику непередаваемые величественность и красоту.

Так как император считал, что я еще недостаточно восстановил свои силы, чтобы ехать вместе с ним, на следующее утро я направился в Петербург, сопровождая трех молодых великих князей Константина, Николая и Михаила. В дороге император обогнал нас, а Ее Величество императрица с великими княжнами последовала за ним на следующий день. Вся семья собралась в Царском Селе 12 декабря, откуда на следующий день они выехали в Петербург.

О. М. ТУПИЦЫН

К ВОПРОСУ О «НЕМЕЦКОМ ЗАСИЛЬЕ»
И «НЕВЕЖЕСТВЕ» В МИД РОССИИ ВТОРОЙ
ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Поражение России в Крымской войне вызвало всплеск негативного отношения к наследию николаевской эпохи. Отражением общественных настроений того времени стало известное письмо М. П. Погодина, в котором в частности отмечалось: «Враги надо отдать им честь выбрали самое благоприятное для себя время, чтобы нагрянуть на Россию, не допустить ее до постижения своих преимуществ и благого употребления удивительных своих сил, чтобы остановить ее на пути ее побед и величия, оттолкнуть назад, как говорят они, на двести лет и лишить надежды на перемену к лучшему: ум притуплен, воля ослабела, дух упал, невежество распространилось, подлость взяла везде верх, слово закоснело, мысль остановилась, люди обмелели, страсти самые низкие выступили наружу, и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяла в свои руки по всем ведомствам бразды управления...»¹.

Одним из виновников провала в российском обществе называлось Министерство иностранных дел. Главными статьями обвинения, звучавшими в адрес руководства МИД, стали «невежество» и «закоснелость» чиновников ведомства, а также неумение и нежелание защитить национальные интересы страны. Для русского общества это было неудивительно, поскольку в его сознании сложился четкий стереотип о «немецком засилье» на Певческом мосту.

Данная оценка, заимствованная многими представителями отечественной исторической науки, стала прописной истиной для последующих поколений исследователей внешней политики Россий-

---

1. М. П. Погодин о положении России в конце Крымской войны // Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М., 1994. С. 69.

ской империи. В отечественной историографии приводятся данные, согласно которым в 1810-1830 гг. «прибалтийские бароны составляли нередко добрую половину правительственного «кабинета», до половины генералитета, большую часть чинов генерального штаба и должностных лиц ведомства иностранных дел», большая часть которых верно служила только правящей династии².

В частности, один из первых исследователей внешней политики Николая I С. С. Татищев утверждал, что с того самого времени, как К. В. Нессельроде возглавил Коллегию иностранных дел, её личный состав стал набираться практически исключительно из немцев³. Историк прав только отчасти. Большинство этих немцев всё-таки являлись подданными Российской империи, так как были уроженцами Остзейских губерний, либо потомками выходцев из германских государств, покинувших свою родину ещё в XVIII в. Многие из них ощущали себя именно российскими подданными, а не просто находящимися на службе у царя, хотя, конечно, встречались и такие. В одном из своих писем Ф. П. Фонтон привёл такой случай, произошедший в 1828 г. во время войны с Турцией. В армии русская молодёжь в глаза и за глаза смеялась над немцами и поддразнивала их. То же самое проделывали и с подполковником Нагелем, который обычно приходил в неистовство, когда его называли немцем. Но в очередной раз на вопрос, какого он происхождения, офицер спокойно ответил: «Я уже 35 лет в русской армии служу, стало быть, я китаец». «И есть что-то правого в этом ответе», — с горечью заключает автор⁴. «Зачем это во Франции не так? Кто там подумает сказать, что Клебер и Келлерман были немцы; что Массена был генуэзец, а Наполеон — корсиканец. Франция беспрекословно усыновляет все добытые в её пользу славы»⁵. Не будем забывать, что большое число немцев находилось на службе и при Александре I и даже при Александре II, когда Нессельроде ушел в отставку, а МИД возглавлял «русский» А. М. Горчаков. Последний был назначен на пост главы внешнеполитического ведомства России не только за свои выдающиеся способности, но для того, чтобы удовлетворить настойчивые требования «русской партии», прямо обвинявшей немцев в дипломатическом поражении перед Крымской войной.

---

2. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX в. М., 1981. С. 79.

3. Татищев С. С. Русская дипломатия старая и новая. // Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890. С. 57.

4. Фонтон Ф. П. Воспоминания. Юмористические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 гг. Т. 1. Лейпциг, 1862. С. 165.

5. Там же. С. 165-166.

Политика продвижения по службе немцев вызывала сильное недовольство русского дворянства, которому немцы старались платить той же монетой, держась, как можно ближе друг к другу. Этот антагонизм и стал основой для образования русской и немецкой «партий». Хотя, повторимся, довольно большое число немцев служили не просто императору, а именно России. Министерству иностранных дел по своей престижности тоже не удалось избежать «немецкого засилья».

В какой-то степени такая ситуация была порождена некоторой «спесивостью» российской аристократии, старавшейся по всем вопросам иметь своё собственное мнение. Она стремилась держаться как можно более независимо от монаршей власти, и не всегда была склонна выполнять распоряжения верховной власти, что, естественно, не могло устроить абсолютного монарха. Возможно даже, что «нелюбовь» Нессельроде к Горчакову была вызвана не столько его русским происхождением, сколько высокомерным отношением к окружающим. Однокашник дипломата М. А. Корф писал, что он имел «самые блистательные дарования... острый и тонкий ум — словом, всё, что нужно было бы для блистательной карьеры, служебной и светской, но всё испорчено характером самым заносчивым, самым неприятным, самолюбием, не знающим никаких пределов. Нелюбимый в Лицее, он не умел приобрести себе любви и впоследствии ни от начальников, ни от подчинённых и, наконец, впал в особенную немилость и у государя»⁶. В этом примере нет попытки подвергнуть сомнению дипломатические таланты А. М. Горчакова, они бесспорны. Просто это наиболее яркий случай. Надо принять во внимание и то, что дворяне (особенно «Рюриковичи», «Гедиминовичи» и проч.), обладали некоторым снобизмом по отношению к представителям даже привилегированных классов. К этому стоит добавить, что восстание декабристов, значительная часть которых принадлежала к русской знати, породило сильное недоверие императора Николая I к последней.

Одной из основных причин широкого привлечения иностранцев на русскую службу, а также российских немцев, было то, что многие из них имели хорошее образование, иногда даже европейское. Современники отмечали, что русские чиновники (особенно те, кто происходил из обеспеченных семей) обучались дома, и уровень их подготовки не соответствовал предъявляемым на государственной службе требованиям. Даже те немногие, кто окончили какой-либо университет, не всегда имели достаточное количество знаний. «Они учились в университетах с тем же усердием, с каким сейчас служат, т. е. сидели на лавках, чтобы получить чин, а теперь записались в службу потому, что покамест ещё не в моде *совсем*

---

6. Корф М. А. Дневник мой за 1839 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 2. Л. 212.

не служить (выделено в тексте — *О. Т.*)»⁷. Это была беда всей государственной машины Российской империи. «Могу ли я помочь тому, что образование у нас ещё так отстало, — писал ещё в марте 1806 г. Александр I П. В. Чичагову, — и до тех пор, пока не сознают нужды, чтобы родители поболее о нём заботились, если бы я не прибегал к содействию известных иностранцев, дарования которых испытаны, число способных людей, и без того малое, ещё уменьшилось бы значительно». И далее император добавлял: «Чувствую, что в то же время в этом есть зло; но это зло меньшее из двух... Всё это я сказал вам для того только, чтобы доказать вам, *что в данную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцев*» (выделено у С. С. Татищева — *О. Т.*)⁸.

Обратим внимание на то, что выходцы из Прибалтийских губерний, как правило, получали образование в Дерптском университете, который считался в это время лучшим в империи⁹. Например, известный русский государственный деятель П. Д. Киселёв говорил своему младшему брату Николаю, впоследствии российскому поверенному в делах во Франции, что, поскольку у него нет состояния, он должен получить хорошее образование, чтобы сделать карьеру, и добавил: «В восемнадцать лет ты поедешь в Дерпт для изучения классических наук, это лучший университет»¹⁰.

Кроме того, российские университеты не справлялись с задачей подготовки чиновников в достаточном для государственной машины количестве. Еще в самом начале царствования Николая I А. В. Никитенко, говоря об императоре, отметил, что ему «не достаёт главного», а именно «людей, которые могли бы быть ему настоятельными помощниками. У нас есть придворные, но нет министров; есть люди деловые, но нет людей с умом самостоятельным и душой возвышенною. Один Сперанский»¹¹.

Естественно, подобные недостатки были характерны и для МИД России той эпохи. Однако, по мнению современников, в российском внешнеполитическом ведомстве служили все-таки «лучшие люди», хотя при этом они признавали, что и здесь «представляется величайшее затруднение»¹². По-видимому, Нессельроде можно обвинить не в предпочтении к чиновникам той или иной нации, а в том, что, не смотря на наличие в министерстве и зарубежной службе грамотных

---

7. Корф М. А. Дневник мой за 1840 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 3. Л. 370б.

8. Татищев С. С. Русская дипломатия старая и новая. С. 19–20.

9. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в. Кн. 3. М., 2000. С. 201, 215.

10. Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 212.

11. Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. 1826–1857 гг. М., 1955. С. 34.

12. Корф М. А. Дневник мой за 1839 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 2. Л. 239–239об.

профессионалов, канцлеру не удалось создать единую команду, которую можно было бы «бросать» на решение самых важных вопросов.

Однако, чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение, необходимо рассмотреть персональный состав внешнеполитического ведомства страны. При этом основное внимание важно уделить высокопоставленным чиновникам центрального аппарата МИД России второй четверти XIX в., от которых зависела разработка внешнеполитического курса. Это, в первую очередь, относится к управляющему министерством К. В. Нессельроде и главе министерской канцелярии, которая являлась главным подразделением МИД. Через неё проходила вся дипломатическая документация. Большую роль играли директора департаментов — Азиатского и Внутренних сношений. Первый ведал сношениями, в том числе торговыми, с Азиатскими государствами, а второй — с консульствами в Европе и Америке.

Ещё одна группа лиц, принимавших участие в разработке внешней политики, — это старшие советники министерства, существовавшие только во внешнеполитическом ведомстве. В примечаниях к штатному расписанию 1838 г. К. В. Нессельроде писал, что старшие советники производили важнейшие политические и секретные дела под его личным руководством. Их занятия требовали «особенных знаний, способностей и трудов», поэтому их оклады были даже приравнены к жалованию директоров департаментов¹³. Директора канцелярии, департаментов и старшие советники составляли как бы «второй эшелон» в процессе принятия внешнеполитических решений.

В отечественной историографии указанным персонам, за исключением канцлера Нессельроде, не уделялось должного внимания, поэтому представляется важным вспомнить об этих людях и взглянуть на то, что они собой представляли с точки зрения профессиональной подготовленности к выполнению своих обязанностей.

Во главе внешнеполитического ведомства России в течение всего рассматриваемого периода стоял Карл Васильевич Нессельроде, сын перешедшего на русскую дипломатическую службу выходца из маленького немецкого графства. Мы не будем останавливаться на его биографии, поскольку основные сведения о его жизни хорошо известны¹⁴. Напомним лишь, что дипломатическое поприще К. В. Нессельроде начал в августе 1801 г. сверхштатным чиновником при российской миссии в Берлине, где познакомился с большинством из тех лиц, с которыми ему пришлось встречаться в будущем. Здесь он слушал курс международного права у Ж. Ансильона,

---

13. АВПРИ. Ф. 161. IV-34. Оп. 179. 1838 г. Д. 1. Л. 280б.

14. Нессельроде Карл Васильевич // Русский биографический словарь. Нааке-Накенский — Николай Николаевич, старший. М., 1996; Михайлов В. Б. К. В. Нессельроде. 40 лет во главе российской дипломатии // Международная жизнь. 2001. № 9—10 и др.

будущего главы МИД Пруссии, сблизился с графом И. Ф. Стадионом, известным австрийским дипломатом, а также с Бернновилем, ставшим впоследствии австрийским министром иностранных дел, и Ф. Генцем, в будущем знаменитым публицистом, а во время поездки по Саксонии и Богемии сошёлся с К. Меттернихом.

В оценках управляющего российским МИД наблюдается некоторая противоречивость. Одни авторы отмечали, что он не отличался особыми дипломатическими талантами, полностью зависел от мнения других людей и привёл Россию к крымской катастрофе¹⁵. Баварский посланник в С.-Петербурге О. Брэ в своих воспоминаниях писал, что даже «самые горячие поклонники» должны признать, что он не обладает ни блестящим умом, ни повелительным характером, ни сильной и энергичной волей, которые необходимы для главы внешнеполитического ведомства. В делах в нём заметна некоторая робость и нетерпеливость, «как будто противоречащая факту многолетней деятельности на самом обширном поприще»¹⁶. Видный чиновник МИД П. Г. Дивов свидетельствовал, что «как частный человек — это личность вполне порядочная, но он (К. В. Нессельроде — О. Т.) всегда находится под чьим-нибудь влиянием и не обладает ни проницательностью, ни глубокомыслием. Он хороший секретарь — не более»¹⁷. Мемуарист даже полагал, что вице-канцлер в середине 30-х годов входил во «второй эшелон» власти¹⁸.

Однако другие современники высоко оценивали дипломатические способности Нессельроде. Близко знавший его М. А. Корф писал, что он «по уму, по сведениям и по опытности в своей части есть, без сомнения, один из самых первых государственных наших людей, более, впрочем, известный и оценённый за границей, нежели в России»¹⁹. А через несколько лет он записал, что вице-канцлер «столько же тонкий, опытный и искусный дипломат, сколько вообще полезный государственный муж»²⁰. Уже цитировавшийся О. Брэ писал, что канцлер все-таки «обладает верным взглядом и редким умением никогда не действовать слишком поспешно». Успехов, по его мнению, К. В. Нессельроде достиг благодаря «той настойчивости, с какой он сумел провести вполне соответствующую

15. См., например, Николай Михайлович. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. Вып. 4. СПб., 1909. № 156; Шумигорский Е. Один из ревностнейших насадителей немецкого засилья в России. Граф К. В. Нессельроде // Русская старина. 1915. № 1; Тарле Е. В. Крымская война // Сочинения. Т. 8. М., 1959; История дипломатии. Т. 1. М., 1959; разные работы В. Н. Виноградова и др.

16. Брэ О. Указ. соч. С. 124.

17. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1897. № 3. С. 488.

18. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1900. № 7. С. 185.

19. Корф М. А. Дневник мой за 1842 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 5. Л. 198об. — 199.

20. Он же. Дневник мой за 1845 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 8. Л. 152.

щую его характеру роль «умеряющего элемента», и *тому искусству* (выделено нами — *О. Т.*), с каким он приобрёл права на признательность своих современников. Европа неоднократно была обязана ему сохранением мира: так было в 1829 г. и в 1830 г., когда положение дел было таково, что одной искры было достаточно, чтобы возгорелась всеобщая война. Граф сохранил по-прежнему своё влияние и после 1848 г. и, без сомнения, немало содействовал тому, что изречение «умеренность в силе», характеризующее правление Николая I, осталось в почёте»²¹.

Важный штрих, характерной чертой Нессельроде-дипломата было то, что он никогда не отвечал на возражения своих оппонентов сразу. Н. Н. Муравьёв писал, что он «воздерживается отвечать на возражения и откладывает отзывы свои до другого дня, как будто опасаясь дать их без посредничества совещателя, не любит сноситься на словах и избегает подробного разбора предметов»²². Отсрочка позволяла обдумать предложения и рассмотреть их с разных сторон.

Российский канцлер являлся сторонником принципов легитимизма, провозглашённых на Венском конгрессе. Он полагал, что главными партнёрами России на международной арене должны стать консервативные Австрия и Пруссия, которые к тому же, как и Россия, имели в своём составе польские земли. Этот фактор, наряду с другими, должен был стать своеобразным связующим звеном для трёх северных дворов. Более того, многие современники причисляли К. В. Нессельроде к «партии мира», или «немецкой партии», часто называя его ее главой. Однако последний не выступал противником тесных сношений с Англией, а также «лёгкого флирта» с июльской Францией, хотя император Николай I не одобрял последнего.

Вполне возможно, что Николай I оставил Нессельроде на посту управляющего МИД²³ именно потому, что в выборе средств для достижения поставленных целей он являлся умереннее самого императора, смягчая склонность последнего к по-военному прямолинейным действиям. Сенатор П. Г. Дивов в декабре 1831 г. в своём дневнике о событиях предшествующих лет записал, что К. В. Нессельроде «приходилось бороться против несвоевременных мер, которые ему повелевалось иногда принять под впечатлением минуты и по живости темперамента»²⁴. Канцлер и его сторонники накануне Крымской войны стремились склонить императора к более мягкой позиции по отношению к Османской им-

---

21. Брэ О. Император Николай I и его сподвижники // Русская старина. 1902. № 1. С. 125.

22. Муравьёв Н. Н. Записки // Русский архив. 1894. № 7. С. 352.

23. На эту должность К. В. Нессельроде был назначен в августе 1816 г., в 1828 г. по случаю заключения Туркманчайского мира с Персией он «был пожалован» вице-канцлером, а в 1845 г. — канцлером.

24. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1899. № 12. С. 541.

перии²⁵. К. В. Нессельроде от себя лично вручил отъезжающему в Турцию А. С. Меншикову записку с самыми миролюбивыми советами по поводу русско-турецких отношений²⁶.

Можно утверждать, что глава российского МИД старался поддерживать то стабильное состояние международных отношений в Европе, которое сложилось к 30-м гг. XIX столетия. Такой внешнеполитический курс был выгоден России, позволяя ей сохранять одно из лидирующих мест в Венской системе международных отношений.

Однако события, происходившие накануне и в течение Крымской войны, наглядно показали, что время «европейского концерта» уже ушло в историю. В последней записке, написанной 11 февраля 1856 г., К. В. Нессельроде признал ошибочность тех принципов, на которых он пытался строить внешнюю политику империи. Опытный дипломат, он понял, что Венская система рухнула, и Россия может порвать «с политической системой, которой держалась сорок лет». Канцлер предлагал не ставить на первое место «обязанность отстаивать, хотя бы с оружием в руках, условия европейских трактатов и частных соглашений», а вести борьбу за «требования русских интересов». В записке говорилось и о необходимости для России «заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первой нуждой страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена»²⁷.

В историографии доминирует мысль, высказанная еще Татищевым, о том, что Николай I лично руководил внешней политикой, а К. В. Нессельроде являлся лишь исполнителем²⁸. Однако вопреки этой распространённой точке зрения, надо сказать, что во многих вопросах министр проявлял твёрдость и даже независимость политических взглядов. В частности в 1839 г. ему удалось убедить императора в невозможности продлить Ункяр-Искелесийский договор и в связи с этим в необходимости установить международный контроль над Черноморскими проливами как наиболее выгодное для России решение вопроса в той ситуации²⁹. Именно канцлер в 1853 г. отговорил Николая I от привлечения к борьбе с Турцией

---

25. Шильдер Н. К. Император Николай I. СПб., 1903. Т. 2. С. 640–646; Пономарёв В. Н. Финал долгой карьеры. К. В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 189.

26. Шеремет В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986. С. 161–162.

27. Нессельроде К. В. Записка о политических сношениях России // Русский архив. 1872. № 2. С. 341.

28. Татищев С. С. Русская дипломатия старая и новая. С. 54.

29. Георгиев В. А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 97.

православного населения Балкан. Свою точку зрения он обосновал тем, что в противном случае европейские государства получали бы возможность возражать «словами всех наших заявлений, в которых мы постоянно уверяли, что, вступая в пределы княжеств (Дунайских — *О. Т.*), мы не предпримем ничего, что могло бы вызвать восстание христианского населения против султана»³⁰. К. В. Нессельроде имел собственные взгляды на среднеазиатскую политику России, на взаимоотношения с Китаем, США и т. д. Более того, некоторые современники упрекали министра в излишней самостоятельности. Так, А. А. Закревский в письме к П. Д. Киселёву от 22 января 1828 г. утверждал, будто вице-канцлер «удаляет истину» от императора «для сохранения места своего»³¹. А тот же С. С. Татищев даже считал, что Нессельроде стоял во главе «заговора дипломатов», направленного против императора и составленного с целью сбить последнего с национального пути³².

Скорее всего, К. В. Нессельроде просто старался держаться в стороне. Состоя «при монархе с твёрдым и подчас вспыльчивым характером, он поневоле должен был оставаться в тени и сумел это сделать в совершенстве. *По наружности* он является всегда только верным исполнителем высочайшей воли...» (выделено нами — *О. Т.*)³³. Хотя О. Брэ писал, что К. В. Нессельроде приобрёл доверие Николая Павловича «самоотверженной готовностью слушаться и подчинить свою волю воле монарха»³⁴, видимо, главное в том, что баварский дипломат поставил на второй план, а именно «своей многолетней преданной службой». Благодаря этому канцлер приобрёл не просто «доверие императора», но и «вместе с тем некоторое влияние, чего при данных обстоятельствах ему никогда не удалось бы достигнуть в том случае, если бы он держал себя более самостоятельно»³⁵. Тем более, что его взгляды и канцлера на цели и задачи внешней политики России во многом совпадали.

Безусловно, Николаю I принадлежало последнее слово в определении направлений деятельности русской дипломатии. Если при решении стратегических задач К. В. Нессельроде вынужден был часто подчиняться воле императора, то по отдельным вопросам он мог проявлять самостоятельность. Наиболее зрело он руководил российским МИД в 20-40-е годы, но в начале 50-х годов, он под воздействием различных причин, впрочем, как и Николай I, не сумел распознать но-

---

30. Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. 2. СПб., 1903. С. 644.

31. Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 154.

32. Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы. СПб., 1889. С. XXII.

33. Брэ О. Указ. соч. С. 124.

34. Там же. С. 125.

35. Брэ О. Указ. соч. С. 125.

вые тенденции в международных отношениях того времени и помешать складыванию антирусского блока европейских государств.

Спасительная для Европы умеренность вице-канцлера сыграла важную роль и в деле управления министерством, в первую очередь, в кадровой политике. Как уже говорилось, главным подразделением в министерстве была канцелярия министра. На протяжении второй четверти XIX в. её возглавляли два человека Е. А. Кудрявский и В. И. Вестман.

На службу в Коллегию Иностранных Дел (КИД) Кудрявский был принят в 1794 г. студентом при посольстве Вене³⁶. Дважды: в конце 1800 г. — на полгода и в 1807–1814 гг. увольнялся от службы. С 1801 г. он пребывал в Венском посольстве в качестве канцелярского служащего, а затем был переведён в министерство. 19 января 1835 г. его назначили директором канцелярии. К этому времени он уже дослужился до чина тайного советника³⁷. «Человек очень щепетильный», он «не всегда действовал достаточно прямо»³⁸. П. Г. Дивов в своём дневнике привёл такой случай. В сентябре 1838 г. персидский шах прислал российскому императору очень резкий ответ на его требование выдать русских дезертиров. Е. А. Кудрявский и директор Азиатского департамента Л. Г. Сенявин хотели изменить выражения шаха, чтобы не раздражить императора. Против этого выступил П. Г. Дивов, говоря, что «собственноручное письмо одного монарха к другому должно быть представлено дословно и что Его Императорскому Величеству следует решить, что делать далее». В результате перевод письма из Персии отражал его реальное содержание³⁹. М. А. Корф хотя и писал, что Е. А. Кудрявский был «без высоких умственных способностей», но при этом считал его «по старому навыку к делам и как живой архив, одним из полезнейших чиновников в министерстве»⁴⁰.

Вестман в 1829 г. окончил Благородный пансион при С.-Петербургском университете с правом на чин 10-го класса. Поступил на службу в ГКИД. Владимир Ильич в 1835 г. был определён первым переводчиком в Департамент внутренних сношений, но уже через два года его перевели в канцелярию министра вторым секретарём, в 1839 г. — уже первый секретарь. В 1843–1845 гг. он совмещал секретарские обязанности с цензорскими функциями в Департаменте внешних сношений. В мае 1845 г. его назначили на пост ви-

---

36. В виду отсутствия в России специализированного учебного заведения для подготовки дипломатов, в некоторых российских зарубежных представительствах была введена должность «студентов». Занимавшие ее молодые люди «на практике» постигали основы дипломатической деятельности.

37. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1886.

38. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1902. № 6. С. 650.

39. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1902. № 9. С. 647.

40. Корф М. А. Дневник мой за 1845 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 5. Л. 1840б.

це-директора министерской канцелярии, а через год он уже стал её директором. «Во внимание к постоянно ревностной службе и особым трудам по званию директора канцелярии» Владимира Ильича 17 апреля 1855 г. наградили орденом Св. Анны 1-ой степени⁴¹.

Другим важным подразделением в Министерстве иностранных дел являлся Азиатский департамент, первым директором которого стал К. К. Родофиникин. Начав службу в казачьем полку, он продолжил ее в Коммерц-коллегии и даже на флоте. В МИД Родофиникин перешёл в 1803 г., где возглавил канцелярию канцлера А. Р. Воронцова, а также служил под началом товарища министра А. А. Чарторыйского. В министерстве К. К. Родофиникина считали человеком «весьма способным». В 1805 г. в качестве дипломатического агента он находился в Действующей армии, участвовал в сражениях при Кремсе и Аустерлице. В следующем году с особым поручением его отправили в Константинополь к посланнику А. Я. Италинскому. Затем он в Сербии наблюдал за действиями сербских войск против турецкой армии. В 1810 г. дипломата отозвали в С.-Петербург. В апреле 1819 г. он возглавил вновь образованный Азиатский департамент. Родофиникин пользовался расположением всех министров иностранных дел, при которых служил — А. Р. Воронцова, А. Я. Будберга, Н. П. Румянцева и К. В. Нессельроде. С последним Родофиникин был особенно близок, заведя его личными делами и являясь домашним секретарём. Считалось, что он имел большое влияние на взгляды и решения Карла Васильевича, фактически выполняя функции товарища министра. П. Г. Дивов отмечал, что Родофиникин человек способный, но склонный руководствоваться при случае личными соображениями⁴². По свидетельству М. А. Корфа, он добился высокого положения «одним умом», и «конечно, во всей России нет человека, который бы так подробно знал Азию со всеми её большими владыками и маленькими князиками (так в тексте — *О. Т.*). Ловкий, тонкий, необыкновенно приятный и вежливый со всеми без низости, он был любим почти всеми, кто его знал, и хотя некоторые почитали его пронырливым, интриганом и даже лихоимцем, но никто не сумел представить на это доказательств»⁴³.

Второй директор, Л. Г. Сенявин, первоначально служил в Министерстве финансов, но в 1822 г. перешёл в Азиатский департамент МИД. Последний он возглавил в 1841 г., сменив на этом посту Родофиникина. По мнению П. Г. Дивова, Сенявин находился «вполне на своём месте», так как был «хорошо образован, сведущ в делах, но немного тщеславен»⁴⁴. В 1848 г. его назначили членом

41. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 636.

42. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1900. № 4. С. 134.

43. Корф М. А. Дневник мой за 1838 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 1. Л. 111-111об.

44. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1902. № 9. С. 650.

Совета министерства, а в 1850 г. по предложению самого канцлера Нессельроде определили на должность товарища министра иностранных дел⁴⁵. Занимая этот пост, Сенявин вёл все текущие дела, заведовал делопроизводством министерства и дважды выполнял функции управляющего МИД во время отсутствия канцлера. По свидетельству людей, знавших его, это был «человек спокойно-го, ровного характера, в котором под грубой наружностью скрывается тонкий ум»⁴⁶.

Следующим на посту директора стал Я. А. Дашков. На службу в МИД он поступил по окончании Пажеского корпуса. В 1824 г. его переместили в министерскую канцелярию, а в 1826 г. назначили переводчиком. В следующем году он в качестве дипломатического чиновника поступил к адмиралу Д. Н. Сенявину. Более того, Дашков принимал участие даже в знаменитом Наваринском сражении, находясь в составе русской эскадры под командованием Л. П. Гейдена. В 1831 г. его назначили первым секретарём в Копенгаген, где он некоторое время выполнял обязанности поверенного в делах. Из датской столицы Дашкова неоднократно посылали с важными поручениями в С.-Петербург и Стокгольм. В 1840 г. его перевели в Константинополь в качестве советника посольства, а затем он возглавил генеральное консульство в Валахии и Молдавии. За успешное исполнение своих обязанностей султан наградил его орденом Нишан-Ифтигар⁴⁷. В 1847 г. Дашков «по делам службы» был отозван в Россию, а в следующем году отправлен с особыми поручениями в Копенгаген. В 1849 г. его назначили директором Азиатского департамента. Но этот пост он занимал недолго, и в 1852 г. отправился в Стокгольм в качестве чрезвычайного и полномочного посланника. Здесь ему удалось предотвратить вступление Швеции в антироссийскую коалицию во время Крымской войны. В 1868 г. Я. А. Дашков получил чин действительного тайного советника⁴⁸.

В рассматриваемый период Департамент внутренних сношений и одновременно Государственный архив в Санкт-Петербурге возглавлял Ф. И. Гильфердинг. Последний окончил Благородный пансион при Московском университете, а затем учился в самом университете, однако курса до конца не дослушал. В молодости он был близок с поэтом А. В. Веневитиновым и А. С. Хомяковым, а впоследствии через своего сына Александра сблизился со славянофилами. В Коллегию иностранных дел Гильфердинг посту-

---

45. Сенявин Лев Григорьевич // Русский биографический словарь. Сабанеев — Смыслов. М., 1999. С. 335–336.

46. Брэ О. Указ. соч. С. 126.

47. Орден Нишан Ифтигар или Нишани Ифтигар (Орден Славы) был учрежден в 1831 г. османским султаном Махмудом II как награда за заслуги

48. Дашков Яков Андреевич // Русский биографический словарь. Дабелов — Дядьковский. М., 1996. С. 143–144.

пил в 1819 г. актуариусом, и через три года был произведён в переводчики. В 1824 г. его причислили к канцелярии министра. Во время переговоров с турками в Адрианополе, которые с российской стороны вёл князь А. Ф. Орлов, он был назначен секретарём. Затем его прикомандировали к И. И. Дибичу для особых поручений. Во время польского восстания 1830–1831 гг. он поставлен во главе дипломатической канцелярии при армии, участвовавшей в его подавлении (занимал эту должность до 1836). В 1836 г. Ф. И. Гильфердинг назначен чиновником особых поручений V класса при И. Ф. Паскевиче, а во время Венгерской кампании 1849 г. снова возглавил дипломатическую канцелярию при действующей армии, за что получил орден Св. Анны I степени. По окончании похода в Венгрию его назначили директором Департамента внутренних сношений, а в августе 1851 г. поручили управление и Государственным архивом МИД. На смерть Ф. И. Гильфердинга в январе 1864 г. И. С. Аксаков откликнулся некрологом в газете «День». В нём отмечалось, что славянофилы высоко ценили «прекрасные качества его души, его верное чутьё добра и правды, его радушную, искреннюю приветливость к людям поколений младших, живое участие во всех современных общественных интересах»⁴⁹.

Теперь обратимся к старшим советникам министерства. Один из них Ф. П. Аделунг был уроженцем Лейпцига. Он окончил местный университет, где изучал право и философию. Кроме того, он занимался у своего дяди известного лингвиста И. Х. Аделунга. По окончании университета будущий дипломат долго путешествовал по Европе, а в 1797 г. приехал в Россию. В 1803 г. он был определён наставником великих князей Николая и Михаила Павловичей. В марте 1819 г. его назначили экспедитором немецкого языка в Коллегии иностранных дел, а в 1824 г. он возглавил Учебное отделение восточных языков, образованное при Азиатском департаменте для подготовки переводчиков. Оставаясь на этом посту до самой смерти, Ф. П. Аделунг приложил немалые усилия для создания при отделении библиотеки восточных книг и нумизматической коллекции. Он много занимался научной деятельностью, разбирая и публикуя древние рукописи. Но особенно плодотворной была его деятельность в области языкознания, которым он занимался вплоть до последних лет жизни. Опубликованные Ф. П. Аделунгом труды по лингвистике и истории, стали заметным явлением в научной жизни того времени. Последние двадцать пять лет жизни он скрупулёзно собирал в различных странах Европы сведения иностранных путешественников о России. Результатом этой работы была публикация двух крупных монографий и нескольких заметок в периодической печати. Но большая часть собранного материала

---

49. Гильфердинг Фёдор Иванович // Русский биографический словарь. Герберский — Гогенлоэ. М., 1995. С. 206–207.

ла была издана сыном Ф. П. Аделунга в 1846 г. уже после смерти учёного. Эта работа, несмотря на погрешности, составила ценный вклад в науку. Уникальная коллекция книг и рукописей, собранная учёным, в 1858 г. была выкуплена правительством для библиотеки Санкт-Петербургского университета (книги) и Императорской публичной библиотеки (рукописи). С 19 января 1835 г. Ф. П. Аделунг числился в Министерстве иностранных дел старшим советником⁵⁰.

Другой советник Х. А. Бек тоже был уроженцем Германии, он происходил из Шварцбурга. Затем он долго жил в Курляндии, а после её присоединением к России в 1795 г. поступил в русскую службу. Ко времени перехода Х. А. Бек в КИД в 1801 г. он уже дослужился до чина статского советника. В коллегии он занимал очень важную должность, заведя составлением шифров для секретной переписки и дешифровкой донесений иностранных представителей в России. Его искусство справедливо ценилось в министерстве, за что ему были пожалованы четыре мызы в Лифляндии. С именем Бека, а также А. А. Жерве, связан скандал с передачей сведений из расшифрованных депеш М. М. Сперанскому секретно от императора Александра I и канцлера Н. П. Румянцева⁵¹. В ноябре 1838 г. Х. А. Бек был назначен управляющим второй экспедиции Департамента внешних сношений (с 1846 — Особой канцелярии). В последние годы жизни он числился старшим советником министерства⁵².

Старший советник МИД И. С. Лаваль служил сначала во французской армии, где имел чин капитана. В 1795 г. он поступил на русскую службу в Конно-гренадерский полк, но в следующем году перешёл в КИД. В связи с принятием ее новых штатов в 1800 г. он был переведён в Сенат для определения к другим делам. Вплоть до 1835 г. И. С. Лаваль находился «в ведомстве Коллегии» будучи при этом инспектором в Морском кадетском корпусе, членом Комитета о приказах общественного призрения, членом Главного управления училищ, попечителем Виленского учебного округа. Только 19 января 1835 г. его назначили старшим советником министерства. В МИД он возглавлял 3-ю экспедицию в Департаменте внешних сношений⁵³. Впрочем, М. А. Корф, плохо отзывался о нём в своих дневниках, приводя петербургские сплетни о том, что Лаваль сначала был парикмахером, а своим возвышением обязан исключительно Павлу I. При этом он отмечал, что в министерстве тот заведовал составлением для императора выписок из иностранных га-

---

50. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 20; Аделунг Фёдор Павлович // Русский биографический словарь. Аарон — император Александр II. М., 1992. С. 71–73.

51. Подробно см. Шильдер Н. К. Император Александр I. Т. 3. Глава 4.

52. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 268; Бек Христиан Андреевич // Русский биографический словарь. Алексинский — Бестужев-Рюмин. М., 1992. С. 677.

53. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1920.

зет, «впрочем, лишь по имени, потому что само дело, если только это можно назвать делом, делает его зять граф Борх»⁵⁴.

Одним из наиболее деятельных старших советников российского МИД являлся Р. Ф. Остен-Сакен. Он вместе с братом Карлом окончил юридический факультет Гейдельбергского университета. Оба брата были определены в Коллегию иностранных дел в 1813 г., а в следующем году Остен-Сакена произвели в переводчики. Спустя ещё некоторое время его причислили к министерской канцелярии. Он принимал участие в работе конгрессов Священного союза в Ахене, Тропау и Лайбахе. В 1820 г. Остен-Сакен был причислен в качестве секретаря к Лондонскому посольству, но в Англию так и не попал. В 1825 г. он вёл переговоры с Пруссией по поводу заключения торговой конвенции. Во время войны с Турцией находился при Главной квартире, за что получил в награду годовой оклад жалованья. В июле 1835 г. он был назначен состоять при вице-канцлере во время пребывания последнего за границей. Остен-Сакен в 1836 г. был назначен уполномоченным для ведения переговоров и заключения со Швецией договора о торговле, мореплавании и дружбе, который был подписан в 1839 г. За «усердие по соблюдению выгод Финляндии» при подписании этого трактата он получил одновременно 4.000 рублей. Ему же принадлежала честь подписать в 1844 г. свадебный договор младшей дочери Николая I Александры Николаевны⁵⁵. Ещё в январе 1835 г. его назначили старшим советником министерства, эту должность Р. Ф. Остен-Сакен занимал до конца своей жизни. В министерстве он слыл за отличного юриста, знатока международного права и специалиста по германскому вопросу⁵⁶. Кроме того, он считался осторожным и тонким стилистом, и его довольно часто использовали для редактирования бумаг, направляемых правительствам немецких государств⁵⁷.

Следующий советник П. Л. Шиллинг фон Канштадт был выдающимся учёным, изобретателем электромагнитного телеграфа, изолированных кабелей, инициатором создания литографии в России. Он закончил Первый кадетский корпус. В мае 1803 г. его из императорской свиты перевели в КИД и определили переводчиком сверх штата к посольству в Мюнхен к его отчиму К. Я. Бюллеру. Здесь П. Л. Шиллинг познакомился и даже подружился с известным анатомом и физиологом С. Т. Зёммерингом, который заинтересовал юношу опытами с электричеством и разработкой различных электрических приборов. Осенью 1812 г. дипломат проводил

---

54. Корф М. А. Дневник мой за 1840 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817, ч. 3. Л. 74–75.

55. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2502.

56. Ежедневные записи по служебным делам Министерства иностранных дел. Барона Романа Фёдоровича Остен-Сакена. СПб., 1913. Вступительная статья. С. XXI.

57. Брэ О. Указ. соч. С. 127.

на Неве в присутствии императора Александра I опыты по взрыву подводных мин и был первым, кто это осуществил. Во время русско-турецкой войны генерал К. А. Шильдер при осаде Силистрии использовал электрический ток для взрыва мин, как это делал в своих опытах П. Л. Шиллинг⁵⁸. Правда М. Мазюкевич, написавший биографию генерала, отмечает, что не обнаружил никаких документальных данных, которые бы подтвердили бы этот факт⁵⁹. По предложению П. Л. Шиллинга в 1817 г. при МИД была создана литография, которую он же и возглавил. При этом он внедрил в процесс литографирования некоторые усовершенствования, которые позволили, например, напечатать текст изданной о. Иакинфом Бичуриным китайской рукописи «Сан-Цзы-Цзын»⁶⁰ так чисто и правильно, что он не уступал стереотипной копии, сделанной в Пекинской дворцовой типографии. Н. Греч, современник события, писал в его биографии, что «никто во всей Европе не мог догадаться, как это делается. Клапрот, Монтугги и другие знатоки китайской письменности дивились чистоте и верности этих оттисков, но не верили, чтобы они были напечатаны вне Китая»⁶¹.

Для секретной переписки сотрудников министерства П. Л. Шиллинг составил такой шифр, который, по свидетельству современников, австрийский кабинет «и через полвека не успеет прочесть»⁶². В 1827 г. он возглавил Комитет для издания Собрания законов. Находясь по делам службы в Сибири в 1830–1832 гг., он собрал коллекцию редчайших китайских, маньчжурских, монгольских, тибетских, японских и индийских рукописей, а также костюмов, утвари и религиозных предметов разных народов. Часть рукописей была ещё при его жизни приобретена Императорской академией наук, часть — уже после его смерти. П. Л. Шиллингу принадлежит первенство в изобретении электрического телеграфа (1832). Во время испытания последнего в 1836 г. впервые в истории были использованы изолированные каучуком провода. Только последовавшая в 1837 г. смерть не позволила изобретателю осуществить его высочайше одобренный проект по устройству подводной телеграфной линии между Петергофом и Кронштадтом. Незадолго до кончины П. Л. Шиллинг при устройстве телеграфа между Петергофом

---

58. Фонтон Ф. П. Указ. соч. Т. 2. С. 20.

59. Мазюкевич М. Жизнь и служба генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера. СПб., 1876. С. 134.

60. «Сан-Цзы-Цзын» («Троесловие») — написанная в Китае в XII–XIII вв. краткая энциклопедия. Она составлена из коротких фраз в три иероглифа (отсюда и её название — «Троесловие»), раскрывающих основные понятия китайской истории, философии и этики. Изучалась в китайской школе. В России вышла в 1829 г. вместе с переводом на русский язык.

61. Греч Н. П. Л. Шиллинг // Северная пчела. 1853. № 142.

62. Фонтон Ф. П. Указ. соч. Т. 2. С. 22.

и Санкт-Петербургом предложил подвешивать провода на столбы, стоящие вдоль дороги. Также незадолго до смерти он стал членом Комитета, учреждённого для рассмотрения наблюдений и опытов профессора Б. С. Якоби над электромагнетизмом⁶³.

Дед П. И. Рикмана, ещё одного старшего советника, был выходцем из Саксонии, а отец служил в КИД. Сам П. И. Рикман только в 1811 г. был переведён из Полевого почтамта Действующей армии в КИД. Служа за границей, он последовательно выполнял различные функции: секретарь миссии в Штутгарте, третий секретарь в Вене, секретарь генерального консульства в Валахии и Молдавии, поверенный в делах в Константинополе (1823), затем там же был назначен вторым советником посольства. С 1830 г. он уже занимал самостоятельные посты поверенного в делах в Греции и генерального консула в Валахии и Молдавии, кроме того, несколько раз выполнял обязанности поверенного в делах в Османской империи (1830, 1834, 1837). В августе 1839 г. был назначен старшим советником министерства⁶⁴.

Поступивший на службу в Коллегию в 1818 г. на должность актуариса, К. К. Лабенский происходил из купеческого сословия. В мае 1820 г. его определили переводчиком, а через два года направили в Лондон на должность третьего секретаря. В Англии он прослужил до 1841 г., занимая последовательно посты второго и первого секретаря (с 1835 — старший секретарь). В 1836–1837 гг. трижды исправлял должность поверенного в делах в Берлине. В 1841 г. назначен старшим советником МИД. В 1845 г. он был направлен к вице-канцлеру в Неаполь «для занятий по делам службы». К. К. Лабенскому в декабре 1846 г. «во внимание примерно усердной службы и недостаточного состояния высочайше повелено производить 2000 руб. сер. на наём квартиры»⁶⁵. Этот чиновник, по свидетельству О. Брэ, пользовался в дипломатическом мире «большим значением»⁶⁶. Канцлер в конце 1840-х — начале 1850-х гг. возложил на К. К. Лабенского редактирование депеш, т. к. он владел французским языком, «как природный французский писатель». Ему также поручалось составление тех министерских документов, которые предназначались для публикации в периодической печати.

С должности актуариса в 1816 г. начал свою службу в КИД и Г. Г. Струве. В конце 1820-х — начале 1830-х годов он занимался дешифровкой корреспонденции иностранных представителей

---

63. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3656; Шиллинг фон Канштадт Павел Львович // Русский биографический словарь. Шебанов — Шютц. М., 1999. С. 276–280.

64. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 2871; Рикман Пётр Иванович // Русский биографический словарь. Рейтерн — Рольцберг. М., 1998. С. 199–200.

65. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1917.

66. Брэ О. Указ. соч. С. 126–127.

в России⁶⁷. В 1829 г. по случаю болезни Е. А. Кудрявского он исправлял должность правителя канцелярии. Затем Г. Г. Струве состоял при вице-канцлере, который находился в Главной квартире, а в 1830 г. сопровождал последнего в Варшаву. В июне 1834 г. он был направлен по делам службы в Гамбург. В 1838 г. его назначили советником посольства в Вене. Находясь на этом посту, он ежегодно до 1842 г. в течение нескольких месяцев выполнял обязанности поверенного в делах. Кроме этого, Г. Г. Струве неоднократно выступал в качестве курьера. С августа 1845 г. он старший советник министерства. В следующем году его назначили членом Главного управления цензуры со стороны МИД. В мае 1850 г. он стал посланником при Ольденбургском дворе и Ганзейских городах Гамбурге, Бремене и Любеке. Уволен от службы в мае 1855 г.⁶⁸

Последний из старших советников, Ф. Ф. Фурман поступил в КИД в 1818 г. и был назначен переводчиком сверх штата в Берлинскую миссию. Через четыре года его перевели в Швейцарию канцелярским служителем, а в 1822 г. — первым секретарём в Рим. Здесь в 1830 и 1833 гг. он выполнял функции поверенного в делах. В 1834 г. его перевели в Константинополь советником посольства, а в июле 1840 г. назначили старшим советником министерства⁶⁹.

Следует отметить, что подавляющее большинство высших чиновников Министерства иностранных дел Российской империи были Остзейскими немцами или выходцами из Европы. Однако это не свидетельствует о том, что они были не пригодны для занятия своих должностей. Из упомянутых в статье дипломатов, по крайней мере, Вестман, Дашков, Гильфердинг, Аделунг, Остен-Сакен и Шиллинг (т. е. тоже шестеро) имели высшее образование, при чем Остен-Сакен закончил один из крупнейших в Европе университетов — Гейдельбергский. Мы также видим, что из шестнадцати человек шестеро (Кудрявский, Вестман, Гильфердинг, Остен-Сакен, Лабенский и Струве) прошли всю иерархическую лестницу МИД от начала почти до самого верха. В силу этого они были хорошо знакомы с проблемами, которые стояли перед Россией как во внешней сфере, так и во внутренней. Более того, из рассмотренных лиц Аделунг и Шиллинг являлись не только профессиональными дипломатами, но и разносторонне образованными людьми, крупными учеными, много сделавшими не только в области внешней политики, но и в других областях.

Подводя итог, можно сказать, что руководящий состав министерства состоял из опытных дипломатов. Многие из них прошли школу министерской канцелярии и долго служили за рубежом, т. е.

---

67. Из дневника П. Г. Дивова // Русская старина. 1899. № 9. С. 658.

68. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3159.

69. Там же. Д. 3476.

были лично знакомы с самым широким кругом стоящих перед российской дипломатией проблем. Таким образом, вряд ли можно согласиться с мнением, что одной из главных причин поражения русской дипломатии накануне и во время Крымской войны являлось «немецкое засилье» и низкий профессиональный уровень личного состава МИД.

Если говорить о причинах дипломатического поражения России накануне Крымской войны, то в первую очередь следует скорее сосредоточить внимание на тех изменениях, которые произошли в системе международных отношений второй четверти XIX в. Основным из них было то, что Венская система к началу 1850-х гг. уже изжила себя и не отвечала изменившимся интересам европейских государств. Исключением здесь была только Российская империя, которая в Венской системе играла одну из лидирующих ролей. Вполне естественно, что она с помощью дипломатии пыталась сохранить свои позиции на международной арене. Однако ее устремления натолкнулись на единодушное сопротивление других государств, особенно когда она силой оружия попыталась отстаивать свои права в таком сложном клубке противоречий, которым в то время уже был пресловутый Восточный вопрос.

Р. В. КОНДРАТЕНКО

ВОЕННЫЕ ПОРТЫ РОССИИ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ В XVIII–XIX ВЕКАХ

В последние годы на страницах разных изданий все чаще стали появляться статьи, посвященные тем или иным аспектам российской морской политики на Тихом океане. Многие публикации представляют несомненный интерес, особенно оперирующие конкретно-историческим материалом. Менее удачными выглядят обобщающие работы. В иных случаях складывается впечатление, что авторы, стремясь к лаконичности изложения, упускают достаточно важные детали, невольно изменяя картину прошлого. Не свободна от таких недостатков и опубликованная «Военно-историческим журналом» статья Ю. М. Зайцева и Д. Ю. Козлова «Проблемы базирования Тихоокеанского флота», особенно в части, касающейся периода, предшествовавшего Русско-японской войне¹. При всем уважении к авторам, трудно согласиться с их категорическим утверждением, будто дислокация военных портов «менялась в зависимости от воено-политической ситуации». Думается, что отодвинув на второй план иные причины, Ю. М. Зайцев и Д. Ю. Козлов сузили базу собственного анализа рассматриваемых проблем. Прежде всего, следовало бы отметить, что смена опорных пунктов на берегах Тихого океана происходила в процессе освоения этих берегов русскими людьми и на протяжении первых двух столетий обуславливалась совокупным действием целого ряда факторов.

Легко понять, почему направлявшиеся «встречь солнца» пионеры русской колонизации передвигались преимущественно по рекам: более удобных путей сквозь дремучую тайгу, болота и горные хребты тогда не было. Освоив течение главных рек Сибири, землепро-

---

1. Зайцев Ю. М., Козлов Д. Ю. Проблемы базирования Тихоокеанского флота // Военно-исторический журнал. 2002. № 9. С. 47–50.

ходцы взяли за притоки и забирались по ним все дальше на восток, пока воды Лены, Алдана, Май и Ульи не вывели их на берега незнакомого моря. Немного севернее тех мест, в трех верстах от устья реки Охоты, летом 1647 г. казаками С. Шелковникова было поставлено ясачное зимовье². В 1652 г. его сожгли тунгусы, но на следующий год люди сына боярского А. Булыгина возвели небольшой острожек в другом месте. Правда, оно оказалось плохим — острожек регулярно заливало тальми водами. Дважды пришлось переносить срубы, прежде чем на третьей версте от моря отыскался подходящий участок. Как водится, найденный путь и обжитое место привлекали все новые и новые отряды служилых и ватаги промысловиков. Острожек рос. Ко времени появления В. Беринга, в 1726 г. там уже насчитывалось 11 дворов и 30 русских жителей. А пять лет спустя, 10 мая 1731 г. последовал высочайший указ о назначении сосланного в Сибирь генерал-майора Г. Г. Скорнякова-Писарева начальником в Охотск и «учреждении при оном малой верфи и пристани». Г. Г. Скорнякову-Писареву следовало также завести «несколько морских судов для перевоза на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди (пушнины — *Авт.*) и купецких людей с товарами и других потреб». ³ Правда, 28 декабря 1732 г. высочайше утверждённые «Правила, данные капитану-командору Берингу» перекладывали эти обязанности на плечи последнего, однако, несмотря на формальное смещение Г. Г. Скорнякова-Писарева, тот оставался начальником порта до назначения на этот пост 13 апреля 1739 г. А. М. Девьера и руководил строительством пристани и складов с 1735 по 1740 г., хотя отчасти и под надзором В. Беринга⁴.

К 1737 г. население Охотска достигло 300 человек, и в 1741 г., уже при А. М. Девьере, работы были завершены. А так как в силу маньчжурь остановили начавшееся полувеком ранее освоение казаками Амура, Охотск оказался единственным оборудованным портом на тихоокеанском побережье России и стал отправным пунктом многих экспедиций и торговых предприятий. Однако выстроенный на узкой, 80-саженной косе, отделявшей устье Охоты от моря, порт вышел весьма неудачным. Уже в 1742 г. А. Э. Девьер предложил перенести его сооружения на 30 верст вверх по реке, но план этот одобрения не получил. Тем временем море все больше размывало косу. Учитывая это обстоятельство, правительство в 1787 г. поручило капитан-командору И. К. Фомину осмотреть устье Уды на предмет переноса туда порта. И. К. Фомин исполнил приказание, однако вместо Уды порекомендовал использовать устье Ал-

---

2. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 185–186.

3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VIII. СПб., 1830. С. 461.

4. Сафонов Ф. Г. Ук. соч. С. 185–188.

домы. Власти с его предложением согласились, и даже приступили к прокладке тракта для сообщения будущей гавани с Якутском. Но вскоре, видимо, из-за недостатка средств, уходивших на войны с Турцией и Швецией, дело заглохло. Море же не прекращало своей разрушительной работы и в начале XIX века вопрос о переносе порта вновь стал актуальным. 2 марта 1815 г. было высочайше одобрено предложение переместить порт «на матерый берег реки Кухтуя», за 5 верст от существующих его сооружений.⁵ Впрочем, с реализацией этого проекта не торопились и к 1827 г. некоторые строения Охотского порта оказались в 4 сажнях от уреза воды.

На этот раз тревогу забили служащие местной фактории Российско-американской компании (РАК), обосновавшейся в Охотске с начала XIX в. В 1830-е годы управляющий факторией Ленже предложил перенести порт в Аян, но лишь при очередном управляющем, лейтенанте В. С. Завойко, начались поиски подходящего места. По его поручению экспедицию возглавил Д. И. Орлов, в 1843 г. присмотревший удобную бухту. Он же и стал управляющим новой, Аянской факторией⁶. Летом 1845 г. туда перебрались учреждения Охотской фактории, а 6 сентября 1846 г. высочайшим указом был учрежден Аянский порт РАК. Начальствовать над портом должен был «штаб-офицер морской службы». Уже тогда значение Охотского военного порта сошло на нет, так как он давно использовался преимущественно в интересах той же компании.

Фактически с 1846 г. на Тихом океане основная нагрузка приходилась на Аянский и Новоархангельский порты. Последний, располагавшийся на острове Ситха, являлся американской резиденцией руководства РАК и конечным пунктом большинства кругосветных плаваний российских моряков в первой половине XIX в. Именно отсюда 5 мая 1846 г. отправился на разведку амурского лимана бриг «Константин» под командованием штурманского подпоручика А. М. Гаврилова⁷. Плавание это не разрешило вопроса о судоходности реки, но бриг стал первым после длительного перерыва российским судном, появившимся в устье Амура.

Прошло несколько лет, и энергичный генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, посетивший в навигацию 1849 г. Камчатку и обнаруживший в окрестных водах около 250 иностранных промысловых судов, наладивших также и торговлю с камчадалами, решил навести порядок. По его замыслу следовало укрепить до тех пор заурядное поселение казаков в Петропавловской гавани, выстроив там батареи на 300 пушек и учредив военный порт. По настоянию Н. Н. Муравьева, влачивший жалкое существова-

---

5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXXIII. СПб., 1830. С. 33.

6. Сафронов Ф. Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 101.

7. Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской. 1813–1876. М., 1984. С. 12.

ние, но требовавший ассигнований на содержание Охотский порт 2 декабря 1849 г. был упразднен⁸. К тому времени практически все казенные надобности обеспечивал Аян. Так, в мае 1849 г. именно туда перешел из Петропавловска-Камчатского транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Невельского. С этого момента Аян служил базой дальнейших исследований устья Амура.

Между тем, капитан 1 ранга В. С. Завойко, которого назначили военным губернатором новоучрежденной Камчатской области, приступил к обустройству Петропавловска. Согласно высочайшему указу от 14 марта 1851 г. там создавалось портовое управление и учреждался 46 флотский экипаж, комплектовавший Камчатскую флотилию. Работы выполнялись средствами морского ведомства, но к моменту разрыва России с Англией и Францией были далеки от окончания. Лишь после появления в Авачинской губе фрегата «Аврора» под командованием капитан-лейтенанта И. Н. Изильметьева, а затем и транспорта «Двина» под командованием капитана 2 ранга А. А. Васильева, удалось возвести и вооружить шесть береговых батарей. Этими-то силами петропавловцы и отразили нападение англо-французской эскадры адмирала Д. Прайса, появившейся в виду Петропавловска 17 августа 1854 г., 20-го обстрелявшей укрепления, а 24-го высадившей десант, наголову разбитый гарнизоном и добровольцами из числа промысловиков.

Однако Петропавловский порт, снабжавшийся только по морю, не мог долго держаться против превосходящего противника. Одним из первых это осознал великий князь Константин Николаевич, 3 декабря написавший Н. Н. Муравьеву, что важнейшим пунктом в Сибири является не Камчатка, а Амур⁹. Впрочем, и самому генерал-губернатору пришла в голову та же мысль. 30 декабря он отправил к В. С. Завойко курьером есаула Мартынова, за два месяца преодолевшего берегом 8000 верст и 3 марта вручившего камчатскому губернатору предписание эвакуировать Петропавловск. Уже на следующий день началось разоружение укреплений, а 6 апреля «Аврора», корвет «Оливуца», транспорты «Двина», «Байкал», «Иртыш» и два бота покинули гавань. Гражданское население, включая семью В. С. Завойко, осталось в Петропавловске. С появлением англо-французской эскадры из 6 судов, вошедшей в Авачинскую губу 19 мая, им пришлось бежать в глубь полуострова. Союзники до 18 июня разоряли Петропавловск. В те же дни другое их соединение напало на Аян.

Отряд судов, выведенных В. С. Завойко в море, 26 апреля вошел в Императорскую гавань (ныне Советская), откуда переместился в Де-Кастри, а после вскрытия Амура — в Пальвинскую протоку, 60 верстами выше Николаевского поста. Впоследствии

---

8. Тимченко-Рубан Г. И. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный сборник. 1909. № 9. С. 176.

9. Тимченко-Рубан Г. И. Ук. соч. // Военный сборник. 1909. № 11. С. 198.

именно там и зимовали суда Сибирской флотилии, сформированной в 1856 г. из небольших парусников и купленных в годы войны у американцев пароходов. 16 сентября 1858 г. Н. Н. Муравьев, получивший титул графа Амурского, представил великому князю Константину Николаевичу план усиления обороны Николаевска батареями на 70 орудий, сооружения там искусственной гавани и производства других работ. План этот поступил на рассмотрение Сибирского комитета, который, преимущественно по финансовым соображениям, его значительно сократил и даже усомнился в целесообразности превращения Николаевска в главный тихоокеанский военный порт, ввиду сложного фарватера, мелководного бара и длительного замерзания Амура¹⁰. Однако в тот момент ничего лучшего в распоряжении российского правительства не было.

Спустя год, когда англичане, пытавшиеся силой добиться выполнения китайцами достигнутых в результате Второй опиумной войны Тяньзинских соглашений, напали на форты Дагу, Н. Н. Муравьев-Амурский стал принимать меры к обороне территории, подлежащей присоединению к России по условиям Айгунского договора от 16 мая 1858 г. Опасаясь появления в гаванях южной части этой территории англо-французских морских сил, он 18 октября 1859 г. испросил высочайшее разрешение на основание военных постов вдоль побережья Японского моря, вплоть до границы с Кореей¹¹. 17 ноября соответствующая инструкция была отправлена им губернатору Приморской области и командиру Сибирской флотилии контр-адмиралу П. В. Козакевичу¹². Адмирал немедленно отдал необходимые распоряжения, и близ Николаевска началась вырубка леса и подготовка иных материалов для будущих построек. В мае 1860 г. моряки флотилии стали вооружать к плаванию транспорт «Манджур» и корвет «Гиляк», но до конца месяца, пока устье Амура не вскрылось ото льда, экспедиция не могла выйти в море.

Между тем, командуя эскадрой, сформированной в водах Тихого океана для содействия российскому посланнику в Китае генерал-майору Н. П. Игнатьеву, контр-адмирал И. Ф. Лихачев, прибывший на французском лайнере из Марселя в Хакодате, застал там клипер «Джигит» и транспорт «Японец». Захватив прикомандированного к местному консульству лейтенанта П. Н. Назимова, И. Ф. Лихачев на транспорте ушел 7 апреля в залив Посьет. Вечером 11-го судно бросило якорь в одной из бухт, а на следующий день адмирал выбрал место для временного поста и высадил на берег П. Н. Назимова, мичмана Н. Ф. Бенковича, 21 матроса, фельдшера

---

10. Тимченко-Рубан Г. И. Ук. соч. // Военный сборник. 1909. № 12. С. 204–209.

11. История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 140.

12. Беломор А. Кто занял Новгородскую гавань в 1860 году? // Исторический вестник. 1892. Т. 47. С. 804.

и артиллерийского кондуктора. Отряд разбил палатки на узком полуострове, отделяющем Новгородскую бухту от бухты Экспедиции.

Матросы Назимова более полутора месяцев обживали это место, прежде чем «Манджур» и «Гиляк», принявшие на борт сотню солдат 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона под командой капитана И. Ф. Черкавского, покинули Николаевск. Шли они медленно, заходя по пути в Де-Кастри, Дуэ, залив Святой Ольги. Вечером 20 июня суда бросили якорь в «порте Мэа» — лучшей бухте полуострова Муравьева-Амурского, где высадили 40 солдат во главе с прапорщиком Н. В. Комаровым, основавших пост Владивосток. На следующий день экспедиция двинулась дальше и вскоре достигла Новгородской бухты. Ее руководитель, чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири подполковник Б. К. Кукель (впоследствии начальник окружного штаба) и И. Ф. Черкавский решили устроить пост в стороне от лагеря П. Н. Назимова — у вершины прибрежной сопки. Однако подоспевший 2 июля на пароходе «Америка» П. В. Козакевич приказал перенести его в бухту Экспедиции. Судя по всему, именно это распоряжение положило начало поселению 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона в урочище Новокиевском. Впрочем, сохранился и пост в Новгородской бухте. Вместе с тем, голые склоны сопки, окружавших залив Посыета, на 40 верст отстоявший от ближайших лесов, мало привлекали П. В. Козакевича, и для военного порта он предпочел «порт Мэа»¹³.

Очень удобная, прикрытая со всех сторон поросшими лесом сопками бухта этого порта, получившая название «Золотой Рог», видимо, по аналогии с константинопольской, могла вместить десятки крупных кораблей. Ради снижения затрат на обустройство гавани П. В. Козакевич отправил туда зимовать корвет «Гридень», под командованием капитан-лейтенанта Г. Х. Егершельда, команда которого и срубила себе избы — первые портовые сооружения — почти верстой восточнее постовых построек¹⁴. Однако в 1861 г. Н. Н. Муравьева-Амурского в кресле генерал-губернатора сменил генерал-лейтенант М. С. Корсаков, а в 1865 г. на смену П. В. Козакевичу пришел контр-адмирал И. В. Фуругельм. В марте того же года М. С. Корсаков представил великому князю Константину Николаевичу записку с обоснованием необходимости перенести базу Сибирской флотилии из Николаевска-на-Амуре в Новгородскую гавань, так как она: позволяла контролировать район верховьев реки Уссури, имела узкий, легко обороняемый вход, почти не замерзала, была обеспечена местными запасами угля и отчасти продовольствием из близлежащих ко-

13. Кукель Б. К. Из эпохи присоединения Приамурского края // Исторический вестник. 1896. Т. 65. С. 672–674; РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4183. Л. 170 об.

14. Бурачек Е. Воспоминания заамурского моряка. Жизнь в Владивостоке. 1861 год // Морской сборник. 1865. № 8. С. 234 (Неоф. Отд.); РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4183. Л. 171.

рейских и китайских поселений. Для М. С. Корсакова большое значение имела не возможность осуществлять оттуда наступательные операции, а сам факт обладания гаванью, «в видах предупреждения беспрепятственного занятия этого военного пункта враждебными нам морскими силами, которые отсюда могли бы не только парализовать действия наших морских учреждений на устьях Амура, но даже угрожать целости наших владений на Уссури и Амуре»¹⁵.

Предложение генерал-губернатора рассматривалось Особым совещанием под председательством великого князя Константина Николаевича. Его участники приняли вполне разумное решение: временно сохранить Николаевск в качестве областного центра и базы Сибирской флотилии, но не предпринимать там новых построек, постепенно переводя портовые учреждения в Новгородскую гавань. Большое значение при этом приобретало скорейшее заселение ее окрестностей русскими колонистами, на что требовалось 100.000 руб. Однако министр финансов М. Х. Рейтерн отказался их выделить, ссылаясь на «чрезвычайное обременение государственного казначейства», впрочем, действительно опустошенного расходами на подавление Польского восстания и оборонительные мероприятия в 1863–1864 гг. Тем не менее, проект Корсакова поступил в Комитет Министров и был «принят к сведению», а проще говоря, отложен на неопределенный срок.

Несколько ранее изрядно нашумевшую попытку утвердиться в более благоприятных для мореплавания и активных действий, незамерзающих водах предпринял И. Ф. Лихачев. Надо сказать, что до него подобный вопрос не ставился на практическую основу. Так, перед первым отрядом судов Балтийского флота, отправившимся в Тихий океан в 1857 г. под командованием капитана 1 ранга Д. И. Кузнецова, стояли учебные, представительские и отчасти оборонительные задачи, недаром отряд был назван Амурским. Впрочем, большую часть времени шесть его кораблей провели в японских портах, куда более удобных для стоянки, нежели только зарождавшиеся отечественные, бедные продовольствием и другими предметами снабжения. Впервые активная роль была предписана эскадре И. Ф. Лихачева, но и она, как указывалось, предназначалась больше для давления на Китай, чем на ставших заклятыми врагами англичан.

Ю. М. Зайцев и Д. Ю. Козлов упоминают предпринятую И. Ф. Лихачевым с санкции Константина Николаевича и самого императора Александра II попытку основать морскую станцию (т. е. пункт базирования) на островах Цусима. Известно, что с этой целью адмирал послал туда корвет «Посадник» под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Бирилева, усилиями которого в апреле 1861 г. на берегу бухты Имосаки началось строительство сооружений станции. Однако уже в мае постройки обнаружил

---

15. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 2984. Л. 1 об.

английский фрегат «Актеон». Англичане немедленно сообщили об этом японским властям, а те заявили протест, поддержанный британским дипломатическим представителем Р. Олкоком. Учитывая склонность токугавской Японии к самоизоляции и не желая портить отношения с нею и с англичанами, российское правительство отказалось от столь стратегически выгодной станции¹⁶.

При совершенно иных обстоятельствах появился упоминаемый авторами статьи «угольный склад» на Аляске. После цусимского недоразумения И. Ф. Лихачев должен был покинуть пост командующего эскадрой в Тихом океане, ему на смену 14 сентября 1861 г. назначили контр-адмирала А. А. Попова. Не успел новый командующий добраться до Нагасаки, тогда уже становившегося основным местом стоянки российской эскадры, как в апреле 1863 г. произошло резкое обострение дипломатических отношений Петербурга с Парижем, Лондоном и Веной. По инициативе французского правительства державы потребовали от России прекратить усмирение восставших в январе того года поляков и подчиниться в разрешении польского вопроса их указаниям. Петербург отверг эти домогательства и привел свои вооруженные силы в состояние боевой готовности.

Наряду с чисто оборонительными мерами в столице рассматривались и наступательные, по отношению к Англии и Франции возможные только при содействии флота. Так как великий князь Константин Николаевич еще 27 мая 1862 г. принял участие в Царстве Польском и флотскими делами не занимался, то осуществлением этих мер занялся управляющий Морским министерством генерал-адъютант Н. К. Краббе. Он содействовал снаряжению крейсерской эскадры контр-адмирала С. С. Лесовского в плавание к берегам США. Тогда же соответствующие инструкции были отправлены им и на Дальний Восток. Никогда не водивший в море даже небольших отрядов, преуспевший на адъютантских должностях, Н. К. Краббе предписывал А. А. Попову держать эскадру у берегов Японии и Китая, несмотря на угрозу со стороны многочисленных британских кораблей.

Самостоятельно мысливший и решительный командующий такую инструкцию исполнить, конечно же, не мог. По его, совершенно справедливому, мнению следовало вывести соединение из-под возможного удара англичан, опирающихся, главным образом, на Гонконг, Шанхай, японские порты, и обеспечить себе своевременное оповещение на случай разрыва отношений с Лондоном. Поэтому А. А. Попов увел все десять своих кораблей в Сан-Франциско, где им был обеспечен теплый прием североамериканцев, борющихся тогда с южными штатами, поддерживаемыми Англией. К началу октября 1863 г. эскадра сосредоточилась в этом моло-

---

16. Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII-XIX века. М., 1999. С. 197.

дом, но уже достаточно крупном порте, располагавшем всем необходимым для снаряжения крейсеров в океанское плавание, а главное — надежным телеграфом. В те же дни транспорт «Японец» с грузом угля вошел в гавань Святого Павла на острове Кадьяк. Там его ожидал офицер с запечатанным пакетом, содержавшим перечень пунктов рандеву транспорта с крейсерами в военное время¹⁷. Прибегнуть к этому способу снабжения А. А. Попову, по счастью, не довелось. Весной 1864 г., уже после разгрома основных сил восставших, внимание европейских держав отвлекла Датско-прусская война. Нужда в крейсерских эскадрах миновала, и письмом от 23 мая Н. К. Краббе уведомил своевольного флагмана о замене его контр-адмиралом И. А. Ендогуровым. Заметим, что спустя три года, с продажей Аляски, возможность использования ее гаваней в интересах отечественного флота была практически утрачена.

После того, как 7/19 октября 1867 г. в Ситхе (Новоархангельске) спустили российский и подняли американский флаг, весь гарнизон этой небольшой крепости (около сотни человек) перебрался на барк РАК «Нахимов» и отправился во Владивосток. Не прошло и полугода, как ситхинские солдаты приняли участие в подавлении бунта манз — китайцев, населявших Приморье. Военные действия, охватившие всю территорию Южно-Уссурийского края и впоследствии названные «Манзовской войной», выявили множество недостатков в организации дальневосточной администрации и вооруженных сил. Генерал-губернатор М. С. Корсаков сделал из данных событий свои выводы, изложенные им в рапорте военному министру Д. А. Милютину от 21 ноября, а затем во всеподданнейшей записке императору Александру II от 17 декабря 1868 г. Среди прочих мер М. С. Корсаков вновь предложил основать в Новгородской гавани на этот раз морскую станцию, дополнив ее небольшими ремонтными мастерскими при деревянном доке, выстроенном к тому времени в бухте Золотой Рог. Николаевский порт, по его мнению, подлежал упразднению, как и Сибирская флотилия. Взамен последней он планировал содержать при Новгородской станции четыре небольших парохода и пару канонерок¹⁸.

Надо сказать, что после сокращения в 1867 г. бюджета морского ведомства с 24 до 17,4 млн. руб., его руководство вполне допускало ликвидацию флотилии, состоявшей почти из одних транспортных судов, с передачей последних в руки частных владельцев. Но стремление М. С. Корсакова сократить должность командира флотилии и подчинить себе все местные морские силы было отвергнуто. Для рассмотрения предложений генерал-губернатора при Военном министерстве создали комиссию под председательством

---

17. Беломор А. Вторая Тихоокеанская эскадра // Морской сборник. 1914, № 10. С. 40 (Неоф. Отд.)

18. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4178. Л. 8–60.

генерал-лейтенанта И. С. Лутковского, в марте-апреле 1869 г. обосновавшую ряд мероприятий, впрочем, к тому моменту уже санкционированных императором. Но вопрос о судьбе флотилии и дальневосточных портов, как слишком сложный, решен ею так и не был.

Чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, министр финансов М. Х. Рейтерн на заседании Особого совещания по делам Приамурского края предложил отправить на Дальний Восток межведомственную комиссию. 31 марта Александр II одобрил эту мысль, назначив главой комиссии генерал-адъютанта И. Г. Сколкова. Летом 1869 г. члены комиссии выехали к месту работы, а осенью вернулись в Петербург и приступили к составлению отчета. Касясь военного порта, комиссия высказалась в пользу его перевода из Николаевска, указав, что тот доступен лишь для судов с осадкой менее 13 футов (4 м), открыт для навигации всего 5 месяцев, места, пригодные для якорной стоянки, отделены от берега реки широкой отмелью, фарватер весьма извилист и опасен при частых туманах и т. д.

Сравнивая качества Владивостока и Посыета, члены комиссии подчеркивали отсутствие в последнем леса, в свое время вынудившее моряков с эскадры И. Ф. Лихачева рубить деревья на ближайших островах и буксировать плоты морем к месту постройки зданий Новгородского поста. Тем же путем впоследствии доставлялись и дрова. Не в пользу Посыета говорил острый недостаток пресной воды, быстро истощившиеся залежи плохого угля, довольно продолжительное, как выяснилось — на 3 месяца, заморозание, а в случае войны еще и близость к границе. Владивосток казался более удобным во всех отношениях, включая и меньшее на 150 верст расстояние до плодородной Ханкайской равнины, тогда сравнительно быстро заселявшейся и обещавшей решить продовольственную проблему. Комиссия И. Г. Сколкова воздержалась от прямых рекомендаций, но согласно приводимым ею сведениям достоинства Владивостока явно перевешивали, тем более, что будущий порт мыслился неукрепленным. Считаю, что непрерывное усовершенствование броненосных кораблей делает устройство надежной обороны гавани слишком дорогостоящим, авторы отчета предусмотрели для нее лишь средства отражения внезапной атаки немногочисленного неприятеля. Надо сказать, что этот взгляд нашел поддержку со стороны контр-адмиралов И. А. Ендогурова, Ф. С. Керна, вице-адмирала П. В. Козакевича. Задача Владивостокского порта в военное время ограничивалась снаряжением крейсеров, которым предстояло отправиться в океан за тысячи миль и при необходимости ремонтироваться и пополнять запасы с транспортов, пользуясь бухтами уединенных островов¹⁹. Поэтому И. А. Ендогуров, а позднее И. Ф. Лихачев предлагали ограничить-

---

19. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4183. Л. 3–29, 153, 155, 169–180.

ся во Владивостоке плавучей мастерской и транспортами в качестве складов, не устраивая обширных береговых сооружений.

Выводы комиссии и рекомендации адмиралов подлежали обсуждению в Особом совещании по делам Приамурского края. Однако председательствовавший в нем великий князь Константин Николаевич решил вопрос лично, не дожидаясь очередного заседания. Уже 9 февраля 1870 г., отвечая на запрос И. Г. Сколкова, Н. К. Краббе писал о состоявшемся избрании Владивостока. Наконец, согласно высочайшим повелениям от 16 и 22 февраля 1871 г. морская часть была изъята из ведения генерал-губернатора Восточной Сибири, командир Сибирской флотилии стал главным командиром портов Восточного океана, а Владивосток — главным портом. Заготовка строевого леса и возведение необходимых портовых сооружений потребовали годовой напряженной работы. По ее завершении, в июле 1872 г. на новое место перебрався из Николаевска бывший Амурский экипаж, переименованный в Сибирский, а вместе с ним и управление первого главного командира, контр-адмирала А. Е. Кроуна.

Новая база Сибирской флотилии была оборудована очень скромно. В мастерских Владивостокского порта стояла 20-сильная паровая машина, приводившая в движение токарный, сверлильный и строгальный станки, ее дополняла 12-сильная американская «пильная машина» с принадлежностями. Большая часть станков, вывезенных из Николаевска, за недостатком места в мастерских не устанавливалась и многие годы пролежала в ящиках на портовых задворках. Но главное — Владивосток все же замерзал, был беден пресной водой и свежей провизией, так как медленно возрасставшее крестьянское население края едва обеспечивало собственное пропитание, отчего казенные учреждения приходилось снабжать морем из европейских губерний России. И то, и другое связывало отряд судов в Тихом океане, что заставило его начальника, контр-адмирала Ф. Я. Брюммера воспользоваться идеей К. Н. Посьета и в 1875 г. обратиться к руководству Морским министерством за разрешением основать в Нагасаки опорный пункт. С декабря месяца сменивший Ф. Я. Брюммера контр-адмирал О. П. Пузино приступил к строительству, и в апреле 1876 г. при содействии российского консула А. Е. Оларовского «русское адмиралтейство», состоявшее из лазарета, бани и шлюпочного сарая, было открыто. Оно заметно скрасило жизнь командам крейсеров, проводивших в Нагасаки большую часть года, с конца осени до начала лета.

Владивосток же долго оставался лишь местом летней стоянки отряда. Поэтому никаких мер по его укреплению не предпринималось, и только в связи с обострением Восточного вопроса, угрожавшим разрывом отношений с Англией, поздней осенью 1876 г. началось строительство первых земляных батарей на мысах Галдобина и Эгершельда. После непродолжительной дипломатической разрядки, в начале 1878 г., когда российские войска быстро приближались

к Константинополю, а Великобритания в ответ ввела броненосную эскадру адмирала Д. Хорнби в Мраморное море, строительство владивостокских укреплений возобновилось. Однако они по-прежнему возводились временными, земляными, отчего быстро разрушались. Такое положение не устраивало командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, генерал-лейтенанта барона П. А. Фредерикса, предложившего заменить временные батареи капитальными, вооружив их исключительно нарезной артиллерией. Командированный во Владивосток заведующий инженерной частью округа, полковник П. Ф. Унтербергер составил проект оборонительных сооружений.

В январе-феврале 1879 г. предложение П. А. Фредерикса рассмотрела комиссия при Военном министерстве, с участием представителей от морского ведомства, под председательством управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба, генерал-лейтенанта Н. Н. Обручева. Она определила, что единовременные расходы на реализацию проекта достигнут 3,6 млн. руб., а последующие ежегодные — 324.000 руб. Для истощенной казны такие затраты представлялись чрезмерными. Поэтому, учитывая мнение входивших в состав комиссии адмиралов А. А. Попова, А. А. Пещурова, О. П. Пузино, Ф. Я. Брюммера и А. Е. Кроуна, считавших достаточным иметь на Дальнем Востоке небольшой «опорный пункт для крейсеров», было решено, воздерживаясь от укрепления Владивостока, исследовать бухту Тихая пристань в заливе Святой Ольги, способную вместить до 3 фрегатов и 7 клиперов.

Данное постановление вполне соответствовало взглядам генерал-адмирала, который приказал командировать в Приморскую область капитана 2 ранга И. Я. Чайковского, поручив ему обсудить с главным командиром портов Восточного океана контр-адмиралом Г. Ф. Эрдманом целесообразность переноса портовых учреждений в залив Святой Ольги. Объездив в июне-октябре окрестности этого залива и Владивостока, И. Я. Чайковский пришел к выводу о необходимости такого переноса. Однако его мнение вошло в противоречие со взглядом Г. Ф. Эрдмана. Последний попытался обратить внимание руководства министерством на рост японского флота, решительность и предприимчивость правительства микадо, обеспечившего себе доступ в корейские порты, расположенные вблизи от российских границ. Чтобы не рисковать потерей престижа на Востоке в случае поражения при столкновении с Японией, доказывал Эрдман, Россия должна сосредоточить на тихом океане военно-морские силы, не уступающие вероятному противнику, разместиться же такие силы могут только во Владивостоке, с его обширной гаванью и выгодным стратегическим положением²⁰. 3 января 1880 г. адмирала вызвали в Петербург для дальнейшего обсуждения вопроса о судьбе порта.

---

20. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3623. Л. 29, 34–35, 72–75.

Тем временем И. Я. Чайковский подготовил отчет о своей поездке и 1 февраля представил его управляющему Морским министерством, вице-адмиралу С. С. Лесовскому. Оставалось дожидаться приезда Г. Ф. Эрсмана, чтобы поставить точку в этом деле. Но как раз в феврале произошло обострение отношений между Россией и Китаем, отказавшимся ратифицировать подписанный 20 сентября 1879 г. в Ливадии договор о разделе Кульджинского края, оккупированного российскими войсками еще в 1871 г., для улучшения охраны собственной территории от восставших дунган. Подавив к 1878 г. восстание, китайское правительство потребовало возвращения всех своих земель, но Туркестанский генерал-губернатор барон К. П. фон-Кауфман и военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский настаивали на удержании части Илийской долины, где кочевали киргизы, что и привело к Ливадийскому соглашению. Не признав его, Пекин принял меры к сосредоточению войск у границ Уссурийского края. В ответ российское правительство стянуло туда же части Восточно-Сибирского военного округа и собрало в водах Японского моря отряд контр-адмирала барона О. Р. Штакельберга, направлявшийся ему на смену отряд контр-адмирала А. Б. Асланбегова и несколько кораблей Балтийского флота. Для командования создаваемой эскадрой требовался опытный старший флагман, обладавший дипломатическими способностями. Не сумев убедить ни одного из соответствовавших этому критерию подчиненных, С. С. Лесовский сам возглавил соединение, насчитывавшее до полутора десятков боевых единиц.

Отправляя адмирала в Тихий океан, великий князь Константин Николаевич, помимо прочих задач, поручил ему разобраться и с вопросом о переносе военного порта. Выехав к месту назначения, С. С. Лесовский в начале сентября 1880 г. прибыл в Нагасаки и принял командование, а спустя две недели ушел во Владивосток, предварительно отослав туда большую часть эскадры. Тревожные известия не давали ему возможности взвешивать плюсы и минусы Владивостока. Едва адмирал оказался там, как принялся за организацию оборонительных работ. Ежедневно выделявшиеся эскадрой отряды общей численностью 400–600 человек вручную перетаскивали доставленные из Кронштадта пароходами Добровольного флота крепостные орудия на вершины сопок, где матросы вместе с гарнизонными солдатами насыпали брустверы новых батарей на мысах Галдобина, Купера и Безымянном, а также разгружали в порту пароходы, подвозившие всевозможные припасы и снаряжение. Впрочем, из-за нехватки складских помещений львиная доля ценного имущества несколько месяцев лежала под открытым небом.

Когда работы близились к завершению, С. С. Лесовский нашел время для осмотра залива Святой Ольги, соседней бухты Святого Владимира, и, сравнив их с Золотым Рогом, заметил, что все три замерзают и слишком удалены от театра предполагаемой войны, под

которым понимался тогда Печилийский залив²¹. Лишь за отсутствием лучшего адмирал отдал предпочтение Владивостоку, как уже освоенному пункту, с более-менее налаженным продовольственным снабжением и близостью перспективных залежей угля. Вместе с тем, составляя план военных действий против Китая, Лесовский предложил устроить несколько угольных станций на морском пути из европейских губерний России в Тихий океан. Для одной из них он надеялся отыскать место вблизи Сингапура, для другой — около места предполагаемой высадки десанта на берега Печилийского залива, а третью думал поместить на пол-пути между ними.

Весной 1881 г., перед возвращением судов эскадры на Балтику, С. С. Лесовский сформировал два отряда. Восточный, в составе крейсера «Азия», клиперов «Разбойник» и «Забияка», он поручил А. Б. Асланбегову и отправил к архипелагам, расположенным восточнее Сингапура. Западный, в составе крейсера «Африка», клиперов «Джигит» и «Наездник», вверил О. Р. Штапельбергу и двинул к Мальдивским островам, Суматре и Пукету. Отрядам ставилась задача определения мест, подходящих для устройства угольных складов²². Подобные экспедиции российский флот предпринимал и позднее, но уже в интересах обеспечения планировавшейся крейсерской войны с Англией. Следует учесть, что предполагаемые угольные станции должны были располагать лишь ограниченными средствами для минимального снабжения отдельных крейсеров.

Что касается вполне оборудованных портов, способных обеспечить полноценное снабжение и ремонт значительных корабельных соединений, то почти на всем протяжении 80-х годов таких портов у России на Дальнем Востоке не было. Сколько-нибудь серьезный ремонт и докование производились преимущественно в Нагасаки, там же закупалась большая часть угля — Такасимского, ибо с компанией, разрабатывавшей эти залежи, был заключен долгосрочный контракт. Понемногу обустроивался и Владивосток, где с 1873 г. стали появляться каменные здания складов, пороховых погребов, минной мастерской. Правда, остальные сооружения города и порта еще долго оставались деревянными, хотя после того, как С. С. Лесовский высказался в пользу его сохранения, очередной главный командир, контр-адмирал А. В. Фельдгаузен 29 декабря 1880 г. ходатайствовал перед занявшим кресло управляющего министерством контр-адмиралом А. А. Пещуровым о разрешении возобновить капитальные постройки. Первой ласточкой стало «механическое заведение», к возведению которого приступили через два года. За ним последовали цейхгаузы, портовая конюшня, столовые для личного состава Сибирского экипажа. С английской компанией Кларка и Стандфилда был заключен контракт на строи-

21. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4072. Л. 186, 224.

22. Там же. Л. 295.

тельство плавучего дока. Детали первой его секции в 1882 г. доставили во Владивосток, собрали и спустили на воду, а в июне 1884 г. на ней уже доковалась шхуна «Сибирь». Впрочем, при подъемной силе около 1800 т. эта секция имела длину всего 100 футов (30 м) и не могла принимать боевые корабли.

Изрядный толчок развитию Владивостокского порта дал Афганский кризис 1885 года. Он заставил Военное министерство озаботиться строительством новых и перевооружением старых береговых батарей, завершившимся учреждением в 1889 г. Владивостокской крепости²³. С другой стороны, контр-адмирал А. Е. Кроун, командовавший тогда эскадрой Тихого океана и державший свои суда в японских портах, на практике убедился, насколько такой порядок мешает избавиться от контроля со стороны англичан. Стало вполне очевидным, что только Владивосток может быть надежным отправным пунктом для крейсеров. Поэтому в 1885 г. там возобновили приостановленное было строительство котельной мастерской, начали кладку стен механической, проектирование литейной, а также морского госпиталя. Правда, из соображений экономии владивостокское адмиралтейство решили сделать небольшим, изначально ограничив его возможности. Летом 1886 г., во время посещения тихоокеанских портов сменившим А. А. Пешурова на посту управляющего министерством вице-адмиралом И. А. Шестаковым строительные планы были окончательно утверждены. Тогда же И. А. Шестаков упразднил формально еще существовавший Николаевский военный порт.

Заметим, что регулярное и ощутимое сокращение смет отодвигало завершение строительства портовых сооружений во Владивостоке, так что к 1890 г. были в основном окончены только корпуса мастерских, а к возведению кирпичных казарм и госпиталя даже не приступали. Более того, чтобы пустить мастерские в действие следовало еще установить нагревательные печи, пятитонный молот, краны. Однако как у нас часто случается, обошлись без этого. В результате, по отзыву командовавшего Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала П. П. Тыртова, летом 1892 г. отсутствие упомянутого оборудования и значительный недостаток мастерских сильно тормозили ремонтные работы. Такое положение сохранялось и позднее, что заставляло корабли эскадры по-прежнему пользоваться услугами японских предприятий. К этому их вынуждало и то обстоятельство, что полностью собранный к 1887 г. плавучий док, вторую секцию которого изготовил Металлический, а третью и четвертую — Брянский завод, был рассчитан на подъем судов не свыше 4500 т. водоизмещением. Строительство же более крупного сухого дока, начатое поздней осенью 1890 г. средствами известного владивостокского предпринимателя О. В. Линдгольма, завершилось только в 1897 г.

---

23. Аюшин Н. Б. и др. Крепость Владивосток. СПб., 2001. С. 24–29.

Недостаточные ассигнования ограничивали и возможности снабжения эскадры. Особенно сильно такое ограничение проявилось в 1887 г., после того как податливого Н. Х. Бунге в кресле министра финансов сменил И. А. Вышнеградский, настойчиво и жестко проводивший политику снижения государственных расходов. В связи с этим И. А. Шестаков, изыскивая внутренние резервы, упразднил главное командирство и понизил статус Владивостока до порта 2 разряда. Причем, в соответствии с утвержденным 28 июня 1887 г. временным штатом, на портовые учреждения возлагалось снабжение судов Тихоокеанской эскадры во время их стоянки в Золотом Роге. Более того, И. А. Шестаков попытался удешевить пребывание российских судов в водах Тихого океана, оставляя их во Владивостоке на зимовку. Проект соответствующей инструкции летом того же года обсуждался на совещании под председательством капитана 1 ранга С. О. Макарова, временно замещавшего командовавшего эскадрой контр-адмирала А. А. Корнилова²⁴. Но дальше бумаги дело не пошло. Скудные ресурсы порта не позволили оставить во льду Золотого Рога намеченные суда, и зиму 1887/88 гг. там провела одна канонерская лодка «Сивуч», из состава Сибирской флотилии.

Подвижки в обустройстве Владивостока начались после того, как сменивший А. А. Корнилова в январе 1888 г. вице-адмирал В. П. Шмидт, не обнаруживший среди штабных документов никаких следов плана военных действий и обратившийся к предшественнику за разъяснениями, получил ответ, что до решения вопроса о снабжении крейсеров углем разработка такого плана лишена смысла. Недолго думая, В. П. Шмидт поручил С. О. Макарову возглавить соответствующую комиссию. После нескольких заседаний комиссия постановила войти в соглашение с купцом М. А. Гинсбургом, обязав его устроить и содержать угольные склады в Нагасаки и Йокогаме²⁵. Владивосток оставался в стороне, что легко понять, учитывая удаленность порта от основных путей английского торгового судоходства в Тихом океане. Впрочем, не прошло и двух лет, как новый командующий эскадрой, вице-адмирал П. Н. Назимов, похоронил данный проект, и сделал это вовремя, хотя руководствовался отнюдь не политическим предвидением, а неприязнью к «известной касте лиц», занимавшихся снабжением наших кораблей в иностранных гаванях²⁶.

Впрочем, на развитии Владивостокского порта сказалось не столько решение П. Н. Назимова, сколько вывод комиссии С. О. Макарова, которая на заседании 24 августа 1888 г. оценила его возможности как не позволявшие подготовить казавшееся целесообразным нападе-

24. РГА ВМФ. Ф. 536. Оп. 1. Д. 126. Л. 3, 11–14.

25. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 429. Л. 38–39.

26. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 543. Л. 84 об.

ние на Гонконг всей эскадрой. Она отметила недостаток в портовых складах угля, машинного масла, провизии, что вынуждало ограничиться планированием раздельного крейсерства кораблей. Положение стало меняться, когда С. О. Макаров, по возвращении в Петербург занявшийся доработкой упомянутого плана, довел мысль о необходимости увеличения запасов до нового управляющего министерством, вице-адмирала Н. М. Чихачева, который и приказал выделить соответствующие средства. С 1890 г. во Владивостоке началось формирование неприкосновенного запаса продовольствия для эскадры.

Следует учесть, что министерский бюджет, в конце каждого года утверждавшийся Государственным Советом, не позволял свободно маневрировать средствами. Этому препятствовал не только закон, прямо запрещающий переводить кредиты из одного параграфа сметы в другой, но и крайняя ограниченность общей суммы, всегда урезавшейся Министерством финансов и Государственным контролем еще до обсуждения проекта сметы в Совете. Впрочем, делалось это не от хорошей жизни, а в надежде устранить непрерывно нарастающий бюджетный дефицит. После очередного высочайшего повеления о принятии мер к сокращению дефицита адмирал И. А. Шестаков попытался стабилизировать финансовое положение своего ведомства, добившись от Государственного Совета утверждения на 1886–1896 гг. фиксированной 40-миллионной сметы. И хотя уже в 1892 г. Н. М. Чихачев настоял на выделении сверх нее 10 млн. руб. на новое судостроение, остальные статьи так и удерживались в прежних рамках, несмотря на постоянный рост расходов из-за увеличения флота и расширения портов.

Понятно, что при всем старании управляющих Морским министерством, удовлетворить все ведомственные потребности не удавалось. Потому-то И. А. Шестаков, приступая в 1887 г. к увеличению Тихоокеанской эскадры вдвое, сделал это за счет упразднения отряда судов в Средиземном море. В свою очередь Н. М. Чихачев настаивал на всемерной экономии средств командующими эскадрой. Инструктируя отправлявшегося в Тихий океан осенью 1891 г. П. П. Тыртова, он поручил ему выработать новый порядок снабжения эскадры — путем пополнения запасов только во Владивостоке. Когда же в конце 1892 г. на смену старшему брату отправился контр-адмирал С. П. Тыртов, ему было предписано «в видах сокращения расходов» производить во Владивостоке и все ремонтные работы. Конечно, следовать этим наставлениям буквально не представлялось возможным, но они заставляли флагманов больше внимания уделять единственному отечественному тихоокеанскому военному порту, штаты которого в январе 1894 г. были расширены.

Надо сказать, что упоминаемые Ю. М. Зайцевым и Д. Ю. Козловым предложения об устройстве еще одного опорного пункта на острове Гончарова (порт Шестакова), островах Сундо и Садо (порт Гамилтон), в порте Лазарева (Гензан, ныне Вонсан) находили долж-

ный отклик у руководства министерством, однако по тем или иным причинам не могли быть реализованы. В частности, Гензан был забракован И. А. Шестаковым после личного осмотра в 1886 г., так как требовал слишком больших ассигнований на устройство укреплений. Гамильтон в 1885 г. попал в руки англичан, опередивших там А. Е. Кроуна. Впоследствии российское правительство добилося эвакуации британцев, но лишь ценой обещания не занимать никаких пунктов в Корее. Что касается попытки Н. Н. Миклухо-Маклая использовать в своих интересах ресурсы морского ведомства, создав под видом угольной станции для крейсеров научно-исследовательский центр, то она провалилась главным образом потому, что осмотревший острова контр-адмирал Н. В. Копытов отметил чрезмерную их удаленность от путей английского торгового судоходства²⁷.

Японо-китайская война положила начало новому этапу развития системы базирования российского флота на Тихом океане. Для обеспечения своих интересов Петербург направил туда Средиземноморскую эскадру контр-адмирала С. О. Макарова, которая соединилась с Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала Е. И. Алексеева, поступив под общее командование вице-адмирала С. П. Тыртова. В апреле 1895 г., когда российское правительство при поддержке германского и французского потребовало от японцев изменить условия Симоносекского мирного договора и отказаться от Ляодунского полуострова, С. П. Тыртов увел соединенную эскадру в Чифу, откуда мог угрожать коммуникациям японских войск, оккупировавших Порт-Артур и Вейхайвей. Токийский кабинет был вынужден уступить. Надо сказать, что к тому моменту Тихоокеанская эскадра располагала неприкосновенным запасом продовольствия для 5000 человек на 4 месяца во Владивостоке и месячным в Нагасаки. Но демарш России вызвал бурю негодования в Японии, что заставило С. П. Тыртова держать свои корабли в Чифу до начала июня, а затем увести их во Владивосток. Позднее эмоции улеглись, посещение японских портов возобновилось, но былых отношений было не вернуть.

С окончанием войны российское правительство попыталось активизировать свою политику по отношению к Корее. Еще в мае 1895 г. Н. М. Чихачев приказал восстановить станционерную службу в Чемульпо, а в апреле 1896 г. Е. И. Алексеев арендовал там, на острове Роз, участок земли под небольшую пристань и угольный склад. Эти скромные постройки так и остались единственными сооружениями морского ведомства на корейской земле (в Ген-

---

27. РГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 5. Л. 4. Публикацию отчетов Н. В. Копытова см.: Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г. // Страны и народы Востока. Вып. XIII. М.: Наука, 1972. С. 18–37.

зане существовала пристань торгового пароходства М. Г. Шевелева). Осмотр других пунктов: Фузана (Пусана), Мокпо, острова Каргодо, Масанпо в 1896–1897 гг. не имел последствий, отчасти из-за противодействия японцев, скупивших в Фузане все прибрежные участки и едва не сделавших того же в Масанпо, но главным образом потому, что в конце 1897 г. по совету министра иностранных дел М. Н. Муравьева император Николай II повелел занять Порт-Артур. 2/14 декабря туда вошли суда Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала Ф. В. Дубасова, а 15/27 марта 1898 г. состоялось подписание русско-китайской конвенции, передававшей России в аренду на 25 лет Квантунский полуостров (южную оконечность Ляодунского) с Порт-Артуром и Талиенваном.

Данный шаг сводил на нет попытку адмирала Н. М. Чихачева завершить обустройство Владивостока в связи с усилением эскадры Тихого океана. С той целью в мае 1896 г. туда был послан член Адмиралтейств-Совета, бывший начальник Обуховского завода генерал-лейтенант А. А. Колокольцов. Он должен был определить, какие меры и в каком объеме следует принять. Материалы, собранные А. А. Колокольцовым, легли в основу проекта расширения Владивостокского порта, составленного Особым совещанием под председательством генерал-адмирала, великого князя Алексея Александровича в начале 1897 г. А 19 мая состоялось высочайшее повеление о немедленном начале работ. На их производство первоначально ассигновывалось 17,869 млн. руб., но после занятия Порт-Артура эта сумма была сокращена до 13,678 млн. руб. 30 сентября 1898 и 7 января 1899 г. Государственный Совет разрешил Морскому министерству приступить к строительству двух новых сухих доков во Владивостоке, сократив однако общее ассигнование до 13,611 млн. руб.²⁸.

Надо полагать, что при известном российском разгильдяйстве и в самых благоприятных условиях доки строились бы дольше, чем позволяла военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке. Стоит ли говорить о том, как подвигалось дело при отвлечении средств на работы в Порт-Артуре? С середины же мая 1900 г. стала быстро ухудшаться ситуация в Китае, где начавшееся двумя годами ранее движение ихэтуаней, названное европейцами «боксерским», переросло в настоящую войну против всего иностранного. Война эта стоила России не только расходов на обеспечение действий армии и флота, на восстановление практически полностью разрушенной КВЖД, но и длительной остановки работ во Владивостоке и Порт-Артуре, так как основную массу чернорабочих там составляли китайцы. В итоге единственный начатый постройкой новый владивостокский док к моменту разрыва отношений с Япо-

---

28. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1535; Д. 2072. Л. 271 об.

нией был далек от окончания. Не реконструированным осталось и местное адмиралтейство, равно как и порт-артурское.

В становившуюся неизбежной борьбу за гегемонию в северо-западной части Тихого океана Япония и Россия вступали не на равных. Одна — вполне подготовленной, уже в 1898 г. располагавшей крупными военно-морскими базами в Сасебо, Йокосуке и Куре, где действовали 6 казенных сухих доков, а также 4 частными доками и судоремонтными предприятиями в Нагасаки, Йокогаме и Ураге, способными обслуживать боевой флот. Другая могла противопоставить сопернице лишь две плохо оборудованные базы с двумя сухими доками. Если же учесть ограниченные возможности дока в Порт-Артуре, ставшем главной базой Тихоокеанской эскадры, то исход борьбы на море почти не вызывал сомнений. Спассти положение могли только исключительно активные, самоотверженные и притом высокопрофессиональные действия российских моряков. К сожалению, профессионализм без длительной, сопряженной со значительными расходами подготовки достигим лишь чудом. 1904 год подтвердил, что чудес не бывает.

Таким образом, анализ процесса становления системы базирования российского флота на Тихом океане позволяет уточнить выводы Ю. М. Зайцева и Д. Ю. Козлова. Он свидетельствует, что изменения военно-политической ситуации далеко не всегда оказывали определяющее влияние на трансформацию данной системы. Смена одних портов другими часто происходила под влиянием природных условий, иногда по усмотрению местного начальства, принимавшего в расчет скорее административные, нежели стратегические соображения. Самым же существенным фактором, столетиями ощущимо сказывавшимся на развитии отечественных военно-морских баз, был фактор экономический. Отсутствие необходимых средств помешало России еще в конце XVII в. одолеть маньчжуров и выйти к океанскому побережью через устье Амура. Оно же тормозило должное обустройство военных портов в позднейшее время, помешало своевременно создать широкую сеть опорных пунктов, ограничивая этим возможности использования флота для защиты как внешнеполитических, так и экономических интересов России на Дальнем Востоке. Попытка же пренебречь этим обстоятельством, проводя великодержавную политику без соответствующего материального ее обеспечения, привела к сокрушительному поражению с тяжелыми последствиями.

К. В. ИВАНОВ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Вотечественной историографии утвердилось мнение о том, что одной из причин поражения Российской империи в Русско-японской войне стала ее неготовность к ведению войны на Дальнем Востоке, что выражалось, в частности, в незнании войсками и флотом будущего театра военных действий и почти полном отсутствии информации о вероятном противнике. Действительно, такой подход весьма удобен, поскольку на него можно списать абсолютно все поражения, как начального периода войны, так и ее продолжения. Отталкиваясь от предпосылок о незнакомстве с состоянием японской армии и флота, а также об уверенности в невозможности войны, большинство авторов благополучно списывают на это тяжелые потери флота и поражения армии в начале 1904 года. Однако, никаких документов в подтверждение тому не приводится. Единственное, на что принято ссылаться — это различные мемуары и дневники. Но большинство воспоминаний было написано уже после поражения России, а некоторые их авторы несли прямую ответственность за него. Цитируемые же дневники же охватывают период только 1902–1905 гг., да и то не все — в основном они относятся только к периоду войны. Считать же, что к войне на столь удаленном театре военных действий можно подготовиться за 1–2 года, тем более при том уровне развития транспорта, — абсурдно, да и образ врага за год не сформируешь. То есть, искать следы подготовки к войне нужно не в первые годы XX века, а в последнем десятилетии XIX. Поскольку всеми историографами признается, что именно 1895–1896 гг. Япония начала готовиться к войне с Российской империей, а уровень технологического развития обеих стран был примерно одинаковым, то и российская подготовка, если она имела место, должна была начаться не позднее 1897 г.

Подготовка к войне заключается не только в приведении к боевой готовности материально-технической базы, но и в формировании соответствующего образа в общественном сознании. В военной сфере — определение потенциального противника. Следовательно, в случае, если вероятность войны не является нулевой величиной, то в военной печати должна появляться информация о состоянии будущего театра военных действий и войск вероятного противника. Таким образом, получается, что если Военное и Морское министерства Российской империи полагали возможным начало боевых действий на Дальнем Востоке, то примерно начиная с 1894–1896 гг. в печатных изданиях данных ведомств должны были появляться статьи, касающиеся дальневосточного региона и состояния войск стран-соседей.

Наиболее массовую информацию, что немаловажно для подобного анализа, предоставляют журналы «Морской сборник» и «Военный сборник». В обоих журналах имелись схожие разделы не аналитического, а информационного плана, по которым можно было бы сделать вывод о степени заинтересованности штабов в той или иной проблематике, на основе количественного анализа публикаций с разделением по странам.

В «Морском сборнике» после «Неофициального отдела» следовал раздел, именуемый «Морская хроника», где публиковались краткие заметки, посвященные всем флотам мира. Из этих довольно коротких сообщений (средний размер их не превышал половины страницы, хотя порой они по объему не уступали статьям «Неофициального отдела») нельзя извлечь никакой информации касательно отношения редактора к теме, о которой он пишет, — все они предельно информативны и абсолютно беспристрастны, но, исходя из общего количества публикаций, посвященных тому или иному флоту, можно сделать вывод о степени его интереса для России. Тематически эти публикации можно разделить на два крупных раздела: военно-политические заметки (посвященные военно-политической обстановке в данный момент в каком-либо регионе земного шара) и инженерно-организационные (описывающие новейшие корабли или устройства различных флотов и финансово-организационные изменения). Соотношение между этими двумя разделами колеблется примерно как 3 к 1 в пользу инженерно-организационных (с преобладанием чисто инженерных). Военно-политические статьи уступают по количеству, но, с другой стороны, их информационная насыщенность гораздо выше: одна статья, посвященная ситуации в регионе, сразу дает представление и о позиции сторон, и об имеющихся у них силах и возможностях, в то время как инженерные заметки касаются 1–2, реже 3–4 кораблей, а вступление в строй, закладка и ходовые испытания эскадренного броненосца или первоклассного крейсера вызывает не менее 3–4 статей, характеризующих все этапы строительства и введения его в строй.

Таким образом, можно признать паритет по общим объемам информации обоих видов заметок.

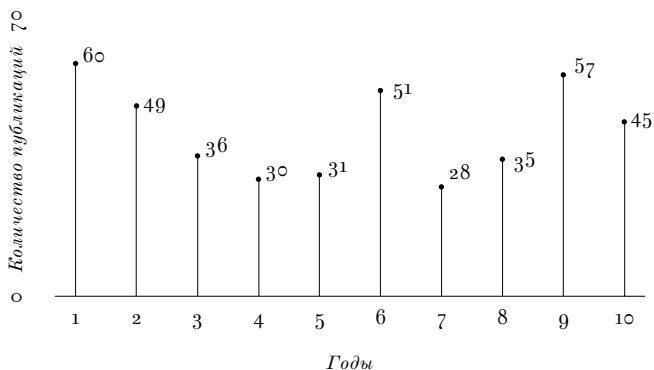
Тем не менее, приоритеты интересов русского военно-морского флота из «Морской хроники» узнать можно — для этого достаточно посмотреть распределение количества статей, посвященных различным странам. С этой целью было подсчитано общее количество статей за каждый год в период с 1894 по 1903 гг., выделены страны, привлекавшие внимание редакции в течение этих 10 лет (правда, единичные публикации посвященные, например, флотам Королевства Камбоджа, Мексики или Марокко, в этот перечень не вошли). В силу разрозненности публикаций некоторые страны были сведены в группы по регионам, это: Аргентина, Чили, Бразилия, Венесуэла — Южно-Американский регион; Швеция, Норвегия и Дания — Скандинавский регион; в страны Балканского региона вошли все, расположенные на Балканском полуострове, за исключением Турции, которую все же стоит рассматривать отдельно. Таким образом, получается 15 стран и регионов (Англия, Франция, Германия, Италия, США, Австро-Венгрия, Голландия, Испания, Португалия, Турция, Япония, Китай, Скандинавия, Южная Америка, Балканы), плюс группа статей общего характера (инженерно-технического содержания, не относящиеся к конкретным странам, или политические — затрагивающие сразу большую группу стран или повествующие о военном-конflikте). Всего в год публиковалось в указанный период от 114 (в 1898 г.) до 178 (в 1902 г.) статей. Одной стране посвящалось от 1 до 60 статей¹. Прямой зависимости между величиной флота страны и количеством публикаций нет, хотя влияние наличествует, что еще раз свидетельствует о том, что здесь отражалась заинтересованность русского флота в информации об этой стране и ее флоте.

Разумеется, что наибольший интерес вызывал первый как по размерам, так и по значимости, Британский королевский военно-морской флот, ежегодно $\frac{1}{3}$ всех статей «Морской хроники» посвящалась различным известиям о его состоянии, равно как и обороне морских границ собственно Соединенного королевства. Конечно, отчасти это объяснялось тем, что Британский флот был самым крупным (что не могло не отразиться на количестве статей инженерного содержания, поскольку ежегодно приходилось писать о 3–4 броненосцах и дюжине крейсеров, вступающих или готовящихся вступить в его состав). Более спорный вопрос о том, насколько передовым он являлся. Этот вопрос поднимался и на страницах самого «Морского сборника», причем путем несложных калькуляций выяснилось, что за последнюю четверть XIX в. технических новинок, существенно повлиявших на мировое кораблестроение, больше всего было впервые внедрено и опробовано отнюдь не в Англии, а в России (14 про-

---

1. В 1894 г. об Англии и ее флоте.

Таблица 1. Англия

тив 8 английских, всего таких журнал «Engineer» насчитал 33). Сама же Англия хотя и удержала второе место, но с совсем незначительным отрывом от остальных². Но, с другой стороны, что было безусловным преимуществом британского флота — так это возможность быстрого и *массового* внедрения новшеств. Это достигалось за счет самого большого военно-морского бюджета в мире (столь же колоссальные суммы стали расходовать США после Испано-американской войны) и самой развитой кораблестроительной промышленности, кроме того, вопреки сложившемуся мнению об английском консерватизме, британское морское министерство не препятствовало самым смелым нововведениям.

Однако, несмотря на общий высокий уровень интереса к Британскому флоту, нельзя не отметить, что в динамике его развития отмечались как периоды подъема, так и спада, что хорошо видно из приложенного графика. Пик количества публикаций об Англии и ее флоте приходится на 1894 (1-й год), когда их количество достигает абсолютного максимума (60 публикаций). Затем следует снижение количества статей, длящееся до 1897–1898 гг. (года 4-й и 5-й), после которого идет всплеск интереса в 1899 г. — 53 публикации. Потом снова в 1900 г. резкий спад интереса (опубликовано 28 статей, в то время как по Франции — 27, а всего — 137 статей за год), затем начинается рост интереса, достигающий начального уровня.

Подобная динамика публикаций полностью отражает динамику английского кораблестроения. 1894–95 — годы, когда шло резкое наращивание размеров и водоизмещения британских кораблей, проектирование и закладка самых крупных в своем классе эскадренных броненосцев типа «Маджестик» (Majestic) и гигантских (для своего времени) крейсеров «Пауэрфул» (Powerful) и «Тэррибл» (Terrible). Затем наступил период довольно спокойной меж-

2. Морской сборник. 1901. № 3 (Морская хроника).

дународной политической обстановки, а строительство крупных крейсеров и броненосцев стало в Британии серийным. Кроме того, произошел даже некоторый откат от гигантизма в проектировании крупных надводных кораблей (проектировались броненосцы в 12 000 т, а крейсера «Тэррибл» и «Пауэрфул» оказались единственными в своем классе в Британском флоте).

Если же посмотреть на относительное число публикаций об английском ВМФ за период до 1900 г., то получится следующее:

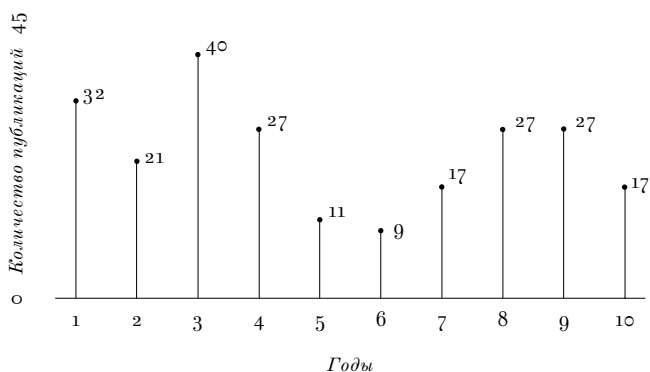
1894	— 38%
1895	— 34%
1896	— 23%
1897	— 26%
1898	— 27%
1899	— 33%
1900	— 20%

То есть можно сделать вывод о том, что интерес к Королевскому флоту в конце XIX в. был стабильно высоким и зависел исключительно от динамики развития английского кораблестроения. Начало XX в. охарактеризовалось для Британской империи началом Англо-бурской войны (которая хоть и не затронула проблем флота, но, тем не менее, нашла довольно широкое освещение на страницах «Неофициального отдела» Морского сборника), окончательным оформлением нового класса боевых кораблей — истребителей миноносцев (destroyers) и закладкой новых серий броненосцев (вызвавших жаркие споры в среде британских теоретиков морской войны, которые также нашли отражение на страницах «Неофициального отдела») и крейсеров, которые превзошли по своим показателям всех своих предшественников и почти все мировые аналоги. В это время количество статей колебалось от 22% (в 1901) до 32% (в 1902–1903). То есть сохранялось на среднем уровне.

Одновременно со спадом интереса к Британскому флоту, можно наблюдать значительный рост количества статей, посвященных французскому и немецкому флотам, причем, если французский флот вызывал в первую очередь значительный интерес с точки зрения технических характеристик вводимых в строй кораблей, то относительно немецкого флота в первую очередь интересовались организационными моментами и финансовыми расходами. Что также обусловлено особенностями развития этих двух флотов. Французские кораблестроители на рубеже веков создали, пожалуй, наибольшее количество различных проектов кораблей, зачастую основанных на совершенно различных воззрениях на место того или иного класса кораблей в современной войне. Такое многообразие получило название «флота образов» и часто критиковалось как в самой Франции, так и за ее пределами. Однако для страны-союзницы, каковой являлась Россия, это была возможность

Таблица 2. Франция

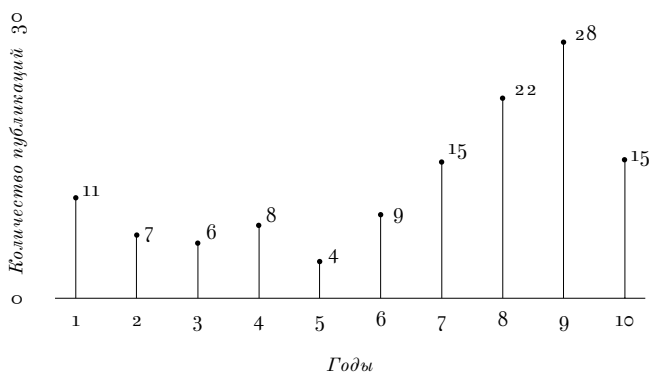

обстоятельного изучения чужого опыта с целью выбора оптимальных характеристик для своих кораблей (хотя надо сказать, что типового разнообразия русскому флоту избежать не удалось). Молодой (относительно других европейских флотов) германский ВМФ с конца XIX в. начал быстро увеличиваться в размерах, улучшаться в качестве и скоро из флота, способного только оборонять побережье, превратился в грозную боевую силу. Естественно, что подобные метаморфозы не могли пройти незамеченными. Внимательно рассматривались все изменения, вносимые в его организацию и структурное устройство императорскими указами 1898 и 1900 гг., а так же особенности решения финансовых вопросов.

Если говорить об общей динамике интереса к французскому флоту, то можно увидеть следующую картину. (См. Таблицу 2.)

Здесь прослеживаются три периода. 1894–1897 гг. — характеризуются высоким интересом к состоянию французского флота, что совпадает с периодом интенсивной разработки теории крейсерской войны и увлечением русских теоретиков трудами представителей французской «молодой школы». В это время Франции посвящалось по 21–40 публикаций в год. Затем следует период спада интереса в 1898–1900 гг., когда публиковалось от 9 до 17 статей в год. Это в точности совпадает с разочарованием в идеях «молодой школы» и отказом от акцента на чисто крейсерских операциях в ходе морской войны. Одновременно ставилась под вопрос сама возможность ведения войны на море с Британской империей, поэтому союз с Францией приобрел меньшее политическое значение, произошло смещение центра геополитических интересов Российской империи на Восток, где влияние Франции было не столь значительно, а имевшиеся в Тихом океане французские военно-морские силы слабы. Третий период (1901–1903 гг.) отмечен вновь возрастающим интересом, число публикаций составляет от 17 до 27 в год. Объяснить это можно двумя причинами: возобновлением ис-

Таблица 3. Германия

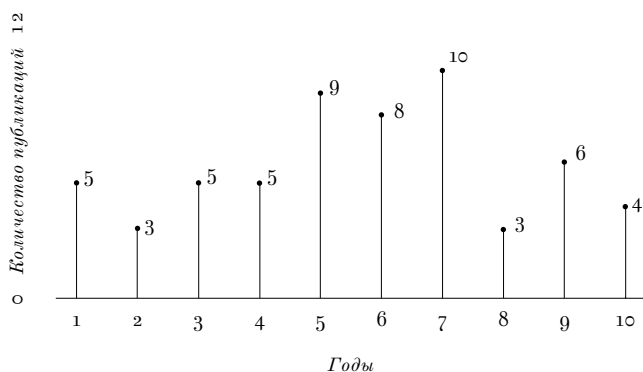
следования возможности высадки десанта на Британские острова и активным строительством во Франции эскадренных броненосцев.

Несколько иную картину демонстрирует график динамики интереса к Германии. Он напрямую зависел от состояния самого немецкого флота (Таблица 3).

На этом графике хорошо видно, что до 1898 г. включительно незначительный немецкий флот почти не привлекал внимания в России, но затем, когда начала действовать программа 1898 г., а особенно после принятия поправок к ней в 1900 г., немецкий флот начал приковывать к себе пристальное внимание, как в вопросах кораблестроения, так и организации службы. Количество публикаций увеличивается с 9 в 1899 г. до 28 в 1902 г. (с 5,5% до 16%). Однако, по всей видимости, стремительный рост германского флота особенной обеспокоенности в среде русского командования не вызывал, чего нельзя сказать о решительных планах по приобретению первоклассного флота Соединенными Штатами.

Всего по части интереса, проявленного к военно-морским силам американцев, можно наблюдать три пика: 1894, 1898–1899 и 1902 гг. Эти всплески заинтересованности имеют под собой следующую основу. В середине 1890-х гг. Соединенные Штаты становятся мировым лидером в области строительства крейсеров среднего водоизмещения (5–6 тысяч тонн), которые, как тогда казалось, являлись наиболее удачным проектом для рейдерских действий. Эта заинтересованность в итоге привела к заказу в США крейсера «Варяг» и строительству серии подобных крейсеров (типа «Паллада») в самой России. 1898–1899 гг. привлекли внимание к североамериканскому флоту в свете обострения испано-американских отношений и последовавшей затем Испано-американской войны. Последний же пик публикаций в 1902 г. объясняется чрезвычайно высокими расходами США на кораблестроение и желанием заключить альянс с могущественной Британией, что, прежде всего, усили-

Таблица 4. Япония

ло бы позиции Англии на Тихом океане (возникла бы возможность переброски в китайские воды кораблей, входящих в состав эскадр, крейсирующих в центральнотихоокеанских акваториях).

Если же взять упомянутый регион — китайские и японские воды, то можно заметить, что особенного внимания раздела «Морской хроники» они не привлекали — за все 10 лет было всего 58 публикаций о японских военно-морских силах, 10 — о китайских и 4 — о военно-морских силах других стран на Дальнем Востоке. Однако, нетрудно заметить, что из всего происходившего там больше всего внимания уделялось Японии и ее флоту. В динамике интереса можно пронаблюдать следующую картину. (См. Таблицу 4.)

Заметно, что средний уровень публикаций о Японии составлял 3–6 публикаций в год, а пик приходится на 1898–1900 гг., когда публиковалось 8–10 статей ежегодно. Это говорит о том, что к японскому флоту особенно большого интереса не проявлялось, и, что самое интересное — японо-китайская война не вызвала увеличения количества публикаций. Больше всего в японском флоте привлекли внимание эскадренные броненосцы, построенные в Англии. Причем, скорее всего, вовсе не как корабли японского флота, а как крупнейшие в мире боевые суда, построенные на британских верфях, как демонстрация потенциала королевской кораблестроительной промышленности. Но не стоит считать, что существование японского флота игнорировалось: напротив, сводные таблицы сильнейших в мире флотов с 1898 г. уже не обходятся без включения в них японских ВМС³. Всплеск же интереса в 1898–1900 гг. был

3. В эти таблицы входили данные о флотах Англии, Франции, России, Германии, Италии, США и Австро-Венгрии — всегда сохранялся именно такой порядок, Японии отводилось последнее место. Такой же порядок соблюдался и во всех европейских источниках. По всей видимости, это расположение соответствовало значимости флота страны на международной арене.

вызван фактическим окончанием формирования японских военно-морских сил, в этот период были построены или заложены все корабли, назначенные к постройке до 1906 г.

Общий вывод, который можно сделать, проведя количественный анализ статей, помещенных в «Морской хронике» за 1894–1903 гг., состоит в том, что наибольший интерес для российского военно-морского командования представляли все европейские флоты, в первую очередь — Британский Королевский ВМФ и ВМС Франции. Что вполне логично, поскольку по количественным и качественным признакам только эти два флота в то время превосходили флоты Российской империи. К флотам, вызывавшим второстепенный интерес, относились военно-морские силы Германии, Италии и США. Третьестепенный интерес вызывали флоты Скандинавских стран, Японии, Португалии, Австро-Венгрии, Испании и Голландии (причем двух последних скорее уже в силу традиции, чем из-за их реальной боевой силы). Практически не интересовали, но тем не менее, попадали на страницы «Морской хроники» военно-морские силы Китая, Турции, стран Балканского полуострова и Южной Америки.

Сделать вывод о небольшой значимости дальневосточного направления для Морского министерства не позволяет характер публикуемых статей. В течение рассматриваемого периода, 1894–1903 гг., дважды — в 1898⁴ и 1899⁵ публиковались сведения о соотношении сил в «китайских» водах. Там открыто производилось сравнение сил английского и японского флотов относительно русского и французского. Подобная информация красноречиво свидетельствует, что возможность столкновения данных эскадр считалась весьма вероятной. Нельзя говорить и о некоем пренебрежительном отношении к японскому флоту. В примечаниях к сравнительным таблицам нет даже намека на то, что японские корабли и моряки оценивались ниже русских или английских. Показательно и то, что при сравнении морских сил в китайских водах о собственно китайских морских силах было забыто. В донесениях начальника эскадры в Тихом океане вице-адмирала Гильтебрандта и рапортах его офицеров за период подавления восстания ихэтуаней среди многочисленных примеров трусости и низкого уровня обученности китайцев не найти ни одного аналогичного высказывания касательно японцев.

Раздел, аналогичный разделу «Морской хроники» в «Морском сборнике», имелся и в другом военном журнале — «Военном сборнике». Назывался он «Иностранное военное обозрение», бессменным редактором его в 1895–1903 гг. был В. Недзвецкий. В отличие от «Морской хроники», «Иностранное военное обозрение» было примерно в 2–2,5 раза меньше по объему и в одном номере публиковалось не более 2 статей, впрочем, статья могла быть посвящена сра-

---

4. Морской сборник. 1898. № 2. С. 1–3 (Морская хроника).

5. Морской сборник. 1899. № 5. С. 12 (Морская хроника).

зу нескольким армиям различных стран, часто статьи носили сравнительный характер. За данный период в «Иностранном военном обозрении» было опубликовано всего 2 статьи, посвященных Японии⁶, плюс 4 статьи по дальневосточной тематике, из которых 2 появились в 1903 г. В № 6 за 1899 г. был дан обзор современного состояния вооруженных сил Японии, причем отмечалось: «Обширный план военных реформ, составленный в 1896 году, стал быстро приводиться в исполнение и в ближайшем будущем, по осуществлению этого плана, Япония станет сильным военным государством, способным оказывать значительное влияние на ход событий на Дальнем Востоке»⁷. Заметка, помещенная в № 11 за 1901 г., называлась «Вооруженные силы Японии в 1901 году», автором ее являлся В. Недзвецкий. Поводом для ее помещения на страницах «Иностранного военного обозрения» стало как раз окончание плана реформирования японских вооруженных сил по программе 1896 г. Отличительной особенностью японской армии называлось то, что, как и большинство азиатских армий, она стремилась перенять европейское военное искусство и весьма преуспела в этом. Но японцы, перенимая европейские достижения, не допускали никаких искажений и не вносили ничего нового, то есть просто скрупулезно скопировали взятые за образец французскую и немецкую армии⁸. В этом плане японская армия действительно представляла мало интересного: тактика была списана преимущественно с немецких образцов, оружие скопировано (впрочем, не лучшим образом) с французского, поэтому неудивительно, что на нее, хоть она уже и стала «сильным военным государством» особенно внимания не обращалось. Из статей на дальневосточную тематику стоит выделить статью, помещенную в № 10 за 1903 г., «Военное положение и Тихий океан». Здесь уже заметна серьезная озабоченность положением дел на Дальнем Востоке. Наиболее угрожающими фактами Недзвецкий называл заключение обоюдовыгодного союза между Англией и Японией (при этом обе страны активно готовились к ведению войны) и сближение Китая с Японией. Встреченность вызывало и положение дел в самой Японии. «Япония после войны 1894–1895 годов решительно вступила на путь милитаризма с нескрываемой целью добиться выхода на азиатский материк. В самое последнее время японцы стали проявлять и довольно шумный шовинизм, угрожая в печати и в публичных собраниях войною, в том случае, если маньчжурский вопрос не будет разрешен в их интересах. (...) Начав после войны 1894–1895 годов готовится к дальнейшей борьбе на материке Азии и имея в виду противника несравненно более могущественного, чем Китай», японцы сделали

---

6. Военный сборник. 1899. № 6; 1901. № 11.

7. Военный сборник. 1899. № 6. С. 12 (Иностранное военное обозрение).

8. Недзвецкий В. Вооруженные силы Японии в 1901 году // Военный сборник. 1901. № 11. С. 31–43 (Иностранное военное обозрение).

все возможные выводы из боевых действий, получив мощный флот и современную хорошо подготовленную армию⁹. Несмотря на то, что в статье нет ни одного прямого упоминания о том, что противником японцы считают Россию, было предельно ясно, кто именно подразумевался под «противником несравненно более могущественным, чем Китай». Такой разворот событий для редакции «Военного сборника» был явно неожидан, поскольку еще в № 1 за тот же год в статье, посвященной переброске войск в Китай для подавления восстания, говорилось, что «военные действия в Китае в 1900–1901 годах происходили, как известно, при совершенно исключительных обстоятельствах и поэтому они дают мало поучительного для применения к европейским войнам»¹⁰, а в № 12 за 1901 г. А. Пузыревский призывал к исправлению редакционных перекосов в сторону «китайской чехарды» и «южноафриканских английских нелепостей», поскольку необходимо вернуться проблематике глобальной европейской войны¹¹. То есть, в редакции Военного сборника господствовало мнение, что грядет не какая-нибудь незначительная война на одной из окраин цивилизованного мира, а война общеевропейская, к которой и должно готовится, не отвлекаясь на посторонние предметы.

Общее представление о распределении интересов по регионам мира дают нижеследующие подсчеты количества статей:

Германия	—	54
Австро-Венгрия	—	46
Франция	—	43
Италия	—	25
Англия	—	30
Дальний Восток	—	6
Балканы	—	9
Турция	—	12
Япония	—	2
США	—	2

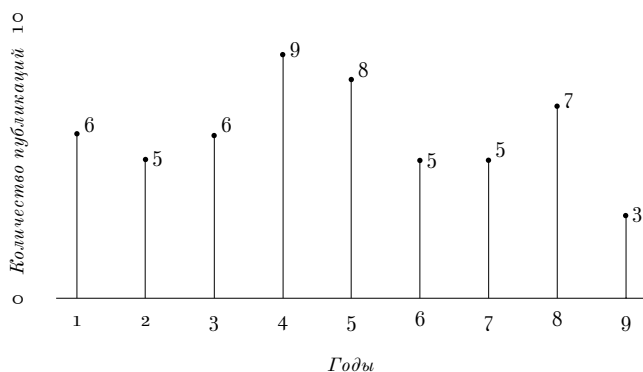
Хорошо видно, что наибольший интерес (в порядке убывания) привлекали германская, австро-венгерская и французская армии. В три раза больше статей по сравнению с дальневосточными темами было опубликовано касательно вооруженных сил Османской империи и стран Балканского полуострова — 21 против 6. Непосредственно о японских вооруженных силах писали всего дважды, столько же, сколько об армии США. Причем надо отметить, что если о европейских армиях публикации были ежегодными (только в 1903 г. не было ничего по Италии), то по Дальнему Востоку в 1896–97, 1900 и 1902 гг. не было вообще ни одной публикации.

9. Военный сборник. 1903. № 10. С. 300 (Иностранное военное обозрение).

10. Военный сборник. 1903. № 1. С. 279 (Иностранное военное обозрение).

11. Военный сборник. 1901. № 12. С. 78.

Таблица 7. Германия

Если посмотреть по отдельным странам, то получается, что о Германии публиковалось 5-6 статей ежегодно, что составляет 23,5% всех публикаций за 9 лет (Таблица 7).

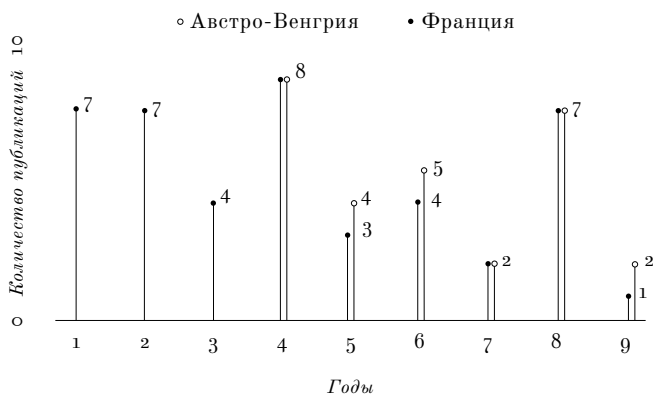
Всплеск интереса имел место в 1898–99 гг., когда в Германии была принята новая программа строительства вооруженных сил¹². Уровень интереса, несомненно, отражает реальное положение дел, так как в рассматриваемый период германские вооруженные силы занимали лидирующее положение на европейском континенте. Так же, как Британия занимала лидирующее место в области военно-морских вооружений, так и Германская империя опережала остальные страны по части строительства сухопутной армии.

На втором месте по числу публикаций стабильно удерживались Австро-Венгрия и Франция (существовавшая между ними разница в количестве статей незначительна — 20% и 18,8% публикаций соответственно). Нет и никакого различия в периодах всплеска интересов, причем пики попадают на годы проведения перевооружения и модернизации армий данных государств (Таблица 8).

Итак, получается, что интересы Военного и Морского ведомств России, если и соотносились с внешней политикой империи, то лишь в незначительной степени. Оба ведомства были сосредоточены на самоподготовке, которая концентрировалась на технической стороне. Поэтому интерес к наиболее передовым армиям и флотам мира вполне объясним, ведь перенимать опыт стоило у наиболее успешных государств. Потому-то проблемы Дальнего Востока и не могли занимать в этих изданиях главенствующего или значительного места, поскольку даже самые сильные вооруженные силы региона — японские — были вторичны по отношению к европейским.

12. Сокращение интереса в 1903 г. на самом деле кажущееся, в этот год было всего 14 публикаций в "Иностранном военном обозрении" — абсолютный минимум в рассматриваемый период.

Таблица 8. Австро-Венгрия и Франция

Если же взглянуть на общую направленность статей «Военного сборника» в период с 1894 по 1903 гг., то можно заметить, что статей, касающихся дальневосточных рубежей империи, было весьма изрядно. В этот период были опубликованы статьи: Ф. Вебеля «Заметки о приамурском крае»¹³, И. Надарова «По поводу заметки о Приамурском крае»¹⁴, М. Грулева «Сунгарийская речная экспедиция 1895 г.»¹⁵ и «Забайкалье»¹⁶, А. Полякова «По Алтаю»¹⁷, Розеншильд-Паулина «Тянь-Шанские сырты к югу от Пржевальска»¹⁸, Бельковича «Деятельность пяти охотничьих команд первой Восточно-Сибирской стрелковой бригады по исследованию Уссурийского края летом 1894 г.»¹⁹, Фельдта «Сретенск и его пути сообщения для отправки войск и грузов в районе военных действий в 1900 г.»²⁰, полковника

-
13. Вебель Ф. Заметки о приамурском крае // Военный сборник. 1894. № 3. С. 159–184.
  14. Надаров И. По поводу заметки о Приамурском крае // Военный сборник. 1894. № 5. С. 148–154.
  15. Грулев М. Сунгарийская речная экспедиция 1895 г. // Военный сборник. 1897. № 2. С. 359–398; № 3. С. 183–202; № 4. С. 390–396; № 5. С. 145–168.
  16. Грулев М. Забайкалье // Военный сборник. 1898. № 10. С. 445–476.
  17. Поляков А. По Алтаю // Военный сборник. 1902. № 4. С. 213–228; № 5. С. 169–182; № 6. С. 173–184; № 7. С. 219–232; № 8. С. 190–214; № 9. С. 188–206.
  18. Розеншильд-Паулин. Тянь-Шанские сырты к югу от Пржевальска // Военный сборник. 1896. № 8. С. 361–380.
  19. Белькович. Деятельность пяти охотничьих команд первой Восточно-Сибирской стрелковой бригады по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. // Военный сборник. 1896. № 1. С. 17–50 (Русское военное обозрение); № 2. С. 92–115 (Русское военное обозрение).
  20. Фельдт. Сретенск и его пути сообщения для отправки войск и грузов в районе военных действий в 1900 г. // Военный сборник. 1901. № 1. С. 145–165.

Соковкина «Хунхузы Маньчжурии»²¹, И. Надарова «Хунхузы в Южно-Уссурийском крае (очерк)»²², М. Хлыновского «По Саянам»²³, Домелунксена «Ургинский отряд (1900–1902 гг.)»²⁴, Н. М. Тихменева «Постройка моста через реку Хунхэ»²⁵, Н. Орлова «На Якшах Казачьих»²⁶, Афонасьева 1-го и Н. Грудзинского «Русские инструкторы в Корее»²⁷. Всего 15 статей, то есть в течение рассматриваемого периода 1–2 раза в год публиковалась статья, касавшаяся Дальнего Востока. Можно сказать, что, по меньшей мере, общее представление о ситуации они давали. Наиболее полную картину данные статьи давали в отношении российской части, преимущественно транспортно-мобилизационного направления. Ряд статей вполне внятно описывал состояние приграничных областей Китая и Монголии. Некоторые вопросы не могли быть освещены по причине отсутствия информации. Заметен еще и тот небезынтересный факт, что, согласно имевшейся информации, две наиболее значимые армии региона — китайская и японская — не представляли реальной угрозы для России. Китайская стала хорошо известна после событий 1900–1902 гг., причем всеми офицерами, видевшими ее действия воочию, была отмечена ее полная несостоятельность, и это нашло свое отражение на страницах «Военного сборника». Иное дело армия японская — всеми отмечался унаследованный ею самурайский дух, но воспринимать ее как серьезного противника русские не могли по двум причинам. Во-первых, она была слишком мала, чтобы бросить вызов огромной Российской империи — при условии проведения тотальной мобилизации, когда под ружье ставились все, кто только был годен, ее численность могла дойти до 350 тысяч человек²⁸. Во-вторых, Япония не имела континентальных владений, в которых могла бы сосредоточить армейскую группировку без объявления войны. То есть, чтобы напасть на Россию, согласно привычным понятиям, Япония вначале должна была объявить войну и только потом, после столкновения с русским флотом, могла начать переброску войск на конти-

-
21. Соковкин. Хунхузы Маньчжурии // Военный сборник. 1903. № 12. С. 194–218.
  22. Надаров И. Хунхузы в Южно-Уссурийском крае (очерк) // Военный сборник. 1896. № 9. С. 183–204.
  23. Хлыновский М. По Саянам // Военный сборник. 1903. № 1. С. 204–234; № 2. С. 205–246.
  24. Домелунксен. Ургинский отряд (1900–1902 гг.) // Военный сборник. 1903. № 4. С. 213–244.
  25. Тихменев Н. М. Постройка моста через реку Хунхэ // Военный сборник. 1902. № 1. С. 132–136.
  26. Орлов Н. На Якшах Казачьих // Военный сборник. 1901. № 1. С. 185–211.
  27. Афонасьев, Грудзинский Н. Русские инструкторы в Корее // Военный сборник. 1898. № 11. С. 34–55 (Русское военное обозрение).
  28. Недзвецкий В. Вооруженное столкновение Японии с Китаем // Военный сборник. 1895. № 6. С. 109–138 (Иностранное военное обозрение).

нент. Подобная операция в русском Генеральном штабе вполне естественно оценивалась как почти нереальная, да и убеждение в том, что русский флот не позволит Японии произвести переброску полноценной армии, отнюдь не являлось безосновательным.

Итак, можно отметить следующие характерные черты дальневосточной проблематики на страницах русской военной печати конца XIX — начала XX века. Дальневосточный театр военных действий не занимал особого места в планах Российской империи. Связано это было с несколькими причинами. Во-первых, с его чрезвычайной удаленностью. Во-вторых, основные интересы России к началу XX в. здесь уже были удовлетворены, новых территориальных приобретений не планировалось. В-третьих, и пожалуй, это самое главное — на страницах «Морского» и «Военного сборника» рассматривались все наличные силы в регионе и было вполне заметно, что великие державы не имеют на Дальнем Востоке ни сил, ни средств, достаточных для удара по русской границе. Япония находится за морем, и всерьез рассчитывать на появление ее войск на континенте не приходилось. Долгое время сохранялось представление о наличии «китайской угрозы», которое было развеяно во время кампании в Манчжурии при подавлении восстания ихэтуаней. Свою роль в различии при освещении дальневосточных проблем сыграло разделение армии и флота по разным ведомствам. Сухопутное командование было плохо знакомо с истинным положением вещей и расстановкой сил на море и потому пребывало в полной уверенности о невозможности какого бы то ни было десанта и принимало в расчет только силы, уже имевшиеся на континенте. Что же касается морского аспекта, то надо отметить, что именно в это время Россия вновь активно вступила в борьбу за господство на морских путях сообщения, возникло глобальное противостояние Британской империи, с одной стороны, и Франции и России — с другой. Положение в «китайских водах» в данной ситуации рассматривалось как частный случай этого противостояния. Заподозрить редакцию «Морского сборника» в искажении фактов об истинном соотношении сил затруднительно. Также вполне здравой была и оценка Тихоокеанской эскадры, как достаточно сильной для противостояния любому противнику в случае угрозы удара по русской территории с моря. В целом нужно сделать вывод, что все рассмотренные публикации военной печати периода, предшествовавшего Русско-японской войне, вполне укладываются в оборонительное устремление русской дальневосточной политики, направленной с начала XX в. на сохранение *status quo*.

Ю. В. КАЗАНОВА

РУССКАЯ ВОЕННО-ИНСТРУКТОРСКАЯ
МИССИЯ В МАКЕДОНИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ И НАЧАЛО РАБОТЫ

(ИЗ ИСТОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ МЮРЦШТЕГСКОЙ
ПРОГРАММЫ)

В конце XIX — начале XX века судьба европейских владений Османской империи была уже predetermined. Присутствие Турции на континенте расценивалось как присутствие «больного человека», на наследство которого претендовали все балканские государства. И в скором времени вопрос об этом наследстве должен был быть решен благодаря «героическому» воспитанию молодого поколения и «проповеди „великих“ идей»¹ в Болгарии, Греции и Сербии. Тогда же о своих территориальных претензиях все чаще начинает заявлять албанское население Османской империи. Национальные идеи всех действующих в регионе сил пересеклись в Македонии, которая и стала центром ближневосточного кризиса в начале прошлого века.

В то время под названием Македония была известна географическая область на Балканском полуострове, ограниченная на востоке Родопскими горами (...), на севере — горной группой Орбелоса и хребтом Шар-Карадаг, на западе — отрогом Шар-Дешат, Охридским озером и хребтом Грамос, на юге — Олимпом, Капуцкими

---

1. Шемякин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.) / Ред. Гришина Р. П. СПб., 2004. С. 46. Гришина Р. П. Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX — первая половина XX в.) // Там же. С. 113. Улунян А. А. Модернизация по-гречески: между переворотами и революциями, монархией и республикой // Там же. С. 144.

горами и Эгейским морем»². Эти земли входили в состав 3 турецких вилайетов — Косовского (Ускюбского), Монастырского (Битольского) и Салоникского (Солунского). Их население, составлявшее в начале XX века около 2,5 миллионов человек, было чрезвычайно разнородным. Кроме турков, в Македонии проживали болгары, сербы, греки, албанцы и вlahи. Именно это обстоятельство, подкрепленное историческими «правами» участников балканского спора, позволяло соседним государствам обосновывать свои притязания на пока еще османские земли. После Берлинского конгресса осуществление их национальных идеалов происходило в основном мирным путем — пропаганда болгарских, греческих и сербских учителей и священнослужителей велась в македонских школах и церквях. Они действовали под руководством комитетов в Софии, Афинах и Белграде, и их главной задачей было «превратить» местных жителей соответственно в болгар, греков или сербов. Но уже в конце XIX века в европейских вилайетах Османской империи начинают действовать вооруженные банды из балканских государств, а также четы (небольшие вооруженные отряды) Внутренней Македонско-Одринской революционной организации (ВМОРО). Эта организация не была однородной. Отдельные ее члены действительно искренне выступали в защиту декларируемого принципа «Македония для македонцев». И для них «идеал целокупной Македонии (...) [был] собственно лишь формулой отрицания всякого права вмешательства в македонские дела со стороны своекорыстных непрошенных соседних благодетелей»³. В то же время большинство из «внутренних» тем или иным образом сотрудничало с «соседними благодетелями», и особенно крепкие связи установились с Верховным македонским комитетом (ВМК) в Софии. В этой среде родилась идея о восстании как о способе привлечения великих держав к решению македонского вопроса. Предполагалось, что Европа восстановит мир на Балканах путем проведения новых — более «справедливых» — границ.

Однако в первые годы XX века Европа не спешила делить османское наследство. Две «наиболее заинтересованные» в балканских делах державы — Россия и Австро-Венгрия — напротив, проводили политику сохранения status-quo в регионе. И от этой линии они не отказались даже после того, как на Балканах были убиты 2 русских консула, в Салониках прогремела серия взрывов, а в Битольском вилайете было поднято Илинденское восстание. Печальные события весны-лета 1903 года привели лишь к более настойчивым требованиям введения реформ в Македонии и к установлению европейского контроля над процессом преобразований. Именно в этом заключался смысл Мюрцштегской программы, предложен-

---

2. Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 124.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 505. Оп. 1. Д. 82. Л. 8 об. (Балканские письма. Глава VII. Македонская организация. Начало 1903 года).

ной Петербургом и Веной в октябре. Очередной проект реформ был составлен В. Н. Ламздорфом и А. Голуховским — министрами иностранных дел России и Австро-Венгрии — и был направлен в виде тождественных инструкций в их константинопольские посольства.

Поскольку успех всего реформенного предприятия зависел от внутренней обстановки в европейских вилайетах Османской империи, преобразованием первостепенной важности была признана реорганизация жандармерии как «одна из наиболее существенных мер к умиротворению края». Согласно второму пункту Мюрцштегского соглашения, задачу реорганизации предполагалось поручить иностранному генералу. Он должен был поступить на турецкую службу, а остальные великие державы прикомандировать к нему своих офицеров (аджуантов), каждый из которых заведовал бы жандармской реформой в выделенном его стране округе. Старшие офицеры, на которых возлагалась роль «контролеров, инструкторов и организаторов», в свою очередь могли просить о прикомандировании к ним иностранных военных чинов⁴.

Работа европейских военно-инструкторских миссий, сформированных в соответствии с этим проектом, должным образом еще не исследована. В литературе, посвященной истории дипломатии или истории Балканского полуострова, можно встретить лишь отдельные упоминания о ходе жандармской реформы. Пожалуй, пока наиболее полное освещение реорганизации представлено в статье О. Н. Исаевой «Мюрцштегский опыт „умиротворения“ Македонии». Но даже она недостаточно информативна, и, к тому же, в ней содержатся некоторые фактические неточности. Автор данной работы ставит перед собой задачу частично восполнить этот пробел в историографии. На примере участия России нами будут рассмотрены такие моменты, как критерии выбора кандидатов для командирования в Македонию, первые шаги реорганизации и ее первые сложности.

Начальный этап работы русской миссии был восстановлен на основе материалов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Важнейшим источником при обращении к проблемам реорганизации является делопроизводственная документация военного министерства, прежде всего, донесения руководителя русской миссии в Главный и Генеральный штаб. Решения, связанные с жандармской реформой, принимались как военным ведомством, так и министерством иностранных дел, поэтому межведомственная переписка и дипломатические документы также представляют огромный интерес. Анализ послужных списков командированных на Балканский полуостров офицеров позволил выявить те требования, которым должны были соответствовать реорганизаторы.

---

4. Соглашение между Россией и Австро-Венгрией о реформах в Македонии. 20 сентября / 3 октября 1903 года // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 331.

Мюрцштегская программа была принята турецким правительством в конце ноября 1903 года — спустя почти 2 месяца после соответствующих представлений российского и австро-венгерского послов в Константинополе. К этому времени проект жандармской реформы был уже разработан. Его автором стал австро-венгерский военный агент в Османской империи — полковник В. фон Гизль. В его проекте было оговорено как количество иностранных инструкторов, так и распределение жандармских округов между великими державами. Фон Гизль предлагал командировать в распоряжение аджуантов 54 офицерских и 140 унтер-офицерских чина. Все они должны были заключить контракты с турецким правительством на 3 года. Поскольку Германия отказалась отправлять на Балканы своих инструкторов, территория 3 европейских вилайетов Турции была разделена на 5 жандармских округов. Окончательное разграничение Македонии было согласовано уже на заседаниях международной военной комиссии в Константинополе, в состав которой входили военные агенты великих держав в Османской империи и старшие офицеры. На заседаниях этой комиссии, проводившихся в феврале–апреле 1904 года, обсуждались общие основания жандармской реформы. Они проходили под председательством поставленного во главе реорганизации итальянского генерал-лейтенанта Э. Деджиорджиса, тем не менее, право решающего голоса принадлежало представителям держав, подписавших Мюрцштегское соглашение.

Разграничение жандармских округов совпало с административно-территориальным делением Османской империи. Австрийским и итальянским офицерам предстояло провести реорганизацию соответственно в Косовском и Монастырском вилайетах. А границы английского, французского и русского секторов совпали с границами Драмского, Сересского и Салоникского санджаков Салоникского вилайета. Количество пеших жандармских рот, которые предстояло реорганизовывать иностранным офицерам, соответствовало количеству каз в каждом из округов. Помимо этого, в македонской жандармерии существовали конные роты (сувари). Всего в английском секторе было 4, во французском — 6, в итальянском — 9, в австрийском — 13 и в русском — 14 рот. Такая неравномерность предстоящей работы ничем не компенсировалась. Изначально все великие державы могли командировать в Македонию лишь определенное, равное для всех, число инструкторов.

Русский жандармский округ располагался в юго-западной части Македонии. На заседаниях международной комиссии было решено, что изначально сфера деятельности иностранных офицеров распространится только на внутренние казы европейских вилайетов. Поэтому на первом этапе осуществления Мюрцштегской программы русские инструктора занимались реорганизацией жандармерии лишь в девяти казах выделенного им санджака, а именно в Тиквеше, Струмице, Гевгели, Дойране, Водене, Енидже-Вардаре, Кюкю-

ше, Лангазе и Салониках. В казах Караферии, Катерине и Кассандре, расположенных на побережье залива Термаикос, а также на о. Тасос проведение преобразований пока откладывалось.

К началу XX века юго-западная часть Македонии превратилась в арену борьбы болгар и греков. Согласно донесениям инструкторов-членов русской миссии, в Салоникском санджаке преобладающим элементом явно был болгарский. Правда, в более благоприятных условиях находились не славяне, а греки. Объяснение этому факту следует искать в главной цели «преследуемой турецким правительством политики относительно взаимно враждующих христиан: поддерживать слабых против сильных»⁵. В 1903 году, независимо от соотношения сторонников греческой и болгарской церквей, переход из Патриархата в Экзархат был повсеместно запрещен. Находясь под покровительством генерального инспектора европейских вилайетов Хильми-паши⁶, Греческий Патриархат даже получил возможность закрывать болгарские церкви и прекращать богослужения на болгарском языке. Но самым действенным методом утверждения греческого влияния в регионе были угрозы расправиться со всеми, кто отказывался признать власть Константинопольского патриарха, и их выполнение. Примерно так же действовали и болгары. В результате угрозы, похищения, убийства и поджоги стали обычным делом в спорных районах.

К моменту прибытия в Македонию иностранных офицеров большинство греческих и болгарских четников преследовало политические цели Афин и Софии. «И тех и других с условной долей маскировки поддерживали собственные национальные правительства, снабжавшие отряды повстанцев оружием, боеприпасами, деньгами»⁷. Другим источником их существования были грабежи местного населения. С беспорядками в Салоникском санджаке пытались справиться некоторые из членов Внутренней организации, однако их представления о справедливости разделялись далеко не всеми. Проводимая ВМОРО линия противоречила целям балканских государств — в конце 1904 года даже обсуждался проект болгаро-сербского соглашения, направленного против нее⁸. Македонское население также относилось к Внутренней организации весьма на-

---

5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3109. Л. 48. Краткий обзор положения дел в Солунском санджаке за 1907 год.

6. Эта должность была введена султанским ираде о реформах в европейских вилайетах в 1902 году. Получивший назначение Хильми-паша должен был наблюдать за проведением преобразований в Македонии.

7. Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006. С. 464.

8. Тверде поверителен рапорт № 940 от БТА в Солун до министр-председателя Р. Петров в София. 10 ноем. 1904 // Гръцката и сръбската пропаганда в Македония. Краят на XIX — началото XX век / Сост. Георгиев В., Трифонов С. София, 1995. С. 342.

стороженно, поскольку не хотело компрометировать себя в глазах четников из соседних стран и поскольку облагалось «налогом» в ее пользу. Что касается местных властей, то они в лучшем случае держались в стороне от конфликта, но обычно поощряли его. Деятельности банд, в особенности греческих арматолов, они практически не препятствовали — «при точных справках, которыми турецкие власти обыкновенно снабжены, приходится удивляться их медленности и точно неохоте, с которыми совершается их поимка»⁹.

Таким образом, ко времени прибытия первых членов русской миссии расклад сил в Салоникском санджаке был непростым. Правда, с другой стороны, пока еще не проявила себя ни румынская, ни сербская, ни католическая пропаганда. К тому же, пока еще в конфликте не участвовали албанцы. А в зимнее время затихала деятельность даже болгарских и греческих комитетов.

Правда, в 1904 году европейские инструкторы не застали балканскую зиму — время относительного спокойствия в Македонии. Прибывая к новому месту службы, они сразу же окунались в атмосферу межнационального конфликта. В связи с этой обстановкой уже в проекте фон Гизля отмечалось, что на турецкую службу необходимо будет принять 54 специально подобранных иностранных офицера. В конце концов, такое же требование выдвинула и константинопольская военная комиссия, хотя на ее заседаниях и звучали предложения увеличить их количество до 81. Однако правительство Блистательной Порты считало, что с задачей реорганизации жандармерии вполне могут справиться и 25 человек¹⁰. Чтобы хотя бы 25 офицеров приступили к реформе незамедлительно, на эту цифру пришлось согласиться. То есть каждая из великих держав, согласившихся принять участие в Мюрцштегской программе, должна была командировать в выделенный ей округ 5 своих офицеров. Вопрос о старших офицерах, находящихся в подчинении итальянского генерала, а не на службе в турецкой жандармерии, к тому времени был уже решен.

Каким критериям должны были соответствовать командлируемые в Македонию инструкторы?

Уже в Мюрцштегской программе знание турецкого «языка и местных условий» было признано крайне желательным требованием для офицеров-кандидатов¹¹. Помимо этого, в дипломатической переписке неоднократно указывалось на необходимость использования приобретенного на о. Крит опыта. После греко-турецкой войны 1897 года над островом был установлен контроль 6 европейских дер-

---

9. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2754. Л. 2 об. (Рапорт генерал-майора Шостак в Главный штаб. 29 декабря 1905 года/11 января 1906).

10. Там же. Д. 2564. Л. 232 об. (Ламздорф В. Н. Сахарову В. В. 15/28 марта 1904); Там же. Л. 247 (Ламздорф В. Н. Сахарову В. В. 16/29 марта 1904).

11. Соглашение между Россией и Австро-Венгрией о реформах в Македонии. 20 сентября / 3 октября 1903 года // Сборник. С. 331..

жав. Обращение к попытке решения критской проблемы, успехам и трудностям направленных туда военных чинов, несомненно, могло стать неоценимым подспорьем в работе будущих реорганизаторов. В проекте фон Гизля предлагалось оценивать кандидатов, исходя из следующих критериев: служба в жандармерии или полевых войсках одной из великих держав, способности к такого рода службе, возраст до 50 лет для офицеров (исключая генерал-реорганизатора) и до 40 лет для унтер-офицеров. Помимо этого, желательными признавались опыт службы на Кавказе, в Боснии и Герцеговине или в итальянской жандармерии и знание южнославянских языков.

Почти всем этим требованиям отвечал генерал-майор Шостак, назначенный руководителем русской миссии. К моменту командировки в Османскую империю офицеру Генерального штаба Федору Александровичу Шостаку исполнилось 50 лет. Участник рускотурецкой войны 1877–1878 годов и выпускник Николаевской академии, он был достаточно опытным и отлично зарекомендовавшим себя офицером. При обсуждении кандидатуры на пост главы русской миссии у него не было конкурентов. Решающую роль здесь, конечно, сыграла не только «безупречно-честная <...> его служба», но и «бытность начальником экспедиционного отряда на острове Крите»¹². Генерал-майор Шостак был знаком как со спецификой проведения международных акций с целью успокоения местного населения, так и со спецификой службы в Османской империи. Поэтому именно ему было поручено составить список офицеров, готовых к службе в турецкой жандармерии.

Такой список из 13 кандидатов был представлен на рассмотрение Главному штабу в декабре 1903 года. В нем Шостак исходил из общей цифры в 60 офицеров, куда входили и 6 помощников генерала Деджидорджиса. В таком случае в распоряжение русского аджуанта было бы командировано 11 офицеров (плюс 2 запасных варианта). Впоследствии на турецкой службе оказалась лишь часть военных чинов из этого списка. Это произошло не только из-за нежелания турецких властей увеличивать количество иностранных инструкторов в своей жандармерии, но и из-за сопротивления командиров частей, в которых служили намеченные Шостаком офицеры, а затем и по причине мобилизации.

О том, что Порта согласится принять 25 европейских инструкторов, стало известно лишь весной 1904 года. Поэтому вопрос о том, сколько чинов командировать в Турцию для помощи старшим офицерам в период заседаний международной военной комиссии, ре-

---

12. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 1210. П/с 261–003. Л. 2 (Из канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства военному министру. 1913); Там же. П/с 167–899. Л. 229 (Полный послужной список начальника Закаспийской области и командира 2-го Туркестанского Армейского корпуса генерал-лейтенанта Шостака. 1911).

шался в известной степени самостоятельно. Русский военный министр А. Н. Куропаткин рекомендовал Шостаку взять с собой 4–5 офицеров, но генерал-майор посчитал, что будет достаточно и 2. В январе 1904 года он прибывает в Константинополь в сопровождении 58-го пехотного Прагского полка подполковника Свирского и 8-го армейского корпуса штабс-капитана Н. Н. Полтанова¹³. Отметим, что Полтанов в 1898–1899 годах состоял при штабе сводно-го экспедиционного отряда на о. Крит¹⁴.

Однако после первых заседаний константинопольской комиссии Шостак осознает, что втроем справиться со всем объемом справочной, чертежной и письменной работы невозможно. В феврале он просит командировать в Турцию 205-го Измаильского резервного полка штабс-капитана Сурина и Лейб-гвардии Московского полка штабс-капитана Певцова. Руководитель русской миссии связывается с Главным штабом, Главный штаб посылает запросы командирам этих полков, и тут выясняется, что не все намеченные Шостаком офицеры могут отправиться в Македонию. В связи с некомплектом Лейб-гвардии Московского полка его командир просит отклонить командировку Певцова. Тогда Шостак просит Главный штаб сделать запросы сразу обо всех включенных в декабрьский список офицерах, чтобы в дальнейшем штат русских инструкторов можно было увеличивать без всяких проволочек.

Заседания международной комиссии выявили и другую трудность. Стало очевидным, что детально познакомиться с организацией османской жандармерии можно было, только владея турецким языком. Российский посол в Константинополе сообщал в Петербург, что мог бы подыскать для русских офицеров переводчиков, но так и не получил ни соответствующего распоряжения, ни кредита для их найма. Именно поэтому Шостак так настоятельно продолжал требовать командирования в Македонию знающего турецкий язык Певцова. В конце марта, уже после отрицательного ответа на запрос в Лейб-гвардии Московский полк, он вновь ходатайствует о его кандидатуре: «иметь в числе вызываемых хотя бы одного офицера не только изъясняющегося, но и читающего и пишущего по-турецки, является безусловной необходимостью. (...) Таковым является штабс-капитан Певцов, почему я позволю себе особенно подчеркнуть безусловную желательность его сюда командирования»¹⁵. В конце концов, на командирование Певцова было получено согласие.

---

13. Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2564. Л. 103 (Докладная записка по Главному штабу. 17/30 декабря 1903 года).

14. Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 84 817. П/с 32–242. Л. 27 (Послужной список командующего 10й бригадой 20й особой пехотной дивизии Николая Полтанова. 1917 год).

15. Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2564. Л. 268 об. — 269 (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 16/29 марта 1904 года).

В начале апреля 1904 года возникла новая проблема. Блистательная Порта наконец-то назвала точное число иностранных офицеров, которых она готова была принять в свою жандармерию. Но пока в Османскую империю прибыло не 25, а 24 иностранных инструктора — не хватало одного русского офицера. Им стал 14-го стрелкового полка капитан Б. К. Воронин, выехавший в Салоники в середине того же месяца.

Кроме реорганизации жандармерии, Мюрцштегская программа предполагала также проведение административно-территориальной и судебной реформ. Поэтому при выборе кандидатов, помимо таких качеств, как опыт в проведении акций «замирения» и знание местных языков, приветствовалось участие во всероссийской переписи 1897 года и в судебных разбирательствах. Большинство командированных в Македонию офицеров несколько лет назад были добровольными счетчиками населения. Капитан Воронин до 1904 года неоднократно был членом полкового суда, а также членом суда общества офицеров¹⁶. А генерал-майор Шостака имел опыт в проведении дознаний. Весной 1903 года он был отправлен в Кишинев для расследования поведения русских войск во время бывших в городе беспорядков¹⁷.

Одной из важнейших проблем, с которыми столкнулось русское правительство, был выбор достойных кандидатов для службы в османской жандармерии, в то время как всеми завладело «столь понятное стремление бросить все, здесь происходящее, на произвол судьбы и устремиться на Дальний Восток»¹⁸. Однако гораздо более сложной оказалась проблема взаимоотношений с Блистательной Портой. Отношения с Турцией не были простыми уже до заключения австро-русского соглашения. С августа 1903 года российское правительство всерьез беспокоилось о безопасности границ империи в районе Кавказа, что было связано с проводимой в четвертом корпусном округе мобилизацией. И хотя в ноябре того же года была провозглашена «совместная» политика реформ, с самого начала реализации Мюрцштегской программы османское правительство придерживалось линии плохо скрываемого противодействия любым европейским начинаниям.

Взаимоотношения великих держав с турецким султаном Абдул-Гамидом II (1876-1909) были описаны одним из константинопольских дипломатов следующим образом: «Султан — человек гениальный. В дипломатических войнах он такой умница, что просто

---

16. Там же. Ф. 409. Оп. 2. Д. 6721. П/с 269-173. Л. 24-24 об. (О назначении пенсии вдове полковника Екатерине Ворониной. 1914 год).

17. Там же. Оп. 1. Д. 1210. П/с 261-003. Л. 39 об. (Полный послужной список ... генерал-лейтенанта Шостака. 1913 год).

18. Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2564. Л. 331 (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 23 апреля/6 мая 1904 года).

непобедим. Всю свою жизнь он только и слышал от нас, представителей держав, что требования уступок, противных его совести, самолюбию, праву, как доброго мусульманина, преемника халифов. И на все решительно уступки он всегда соглашался и ни одной решительно уступки он никогда не сделал»¹⁹.

Примерно в таком же духе решался вопрос о полномочиях и количестве офицеров, командиремых в Македонию. Порта согласилась принять иностранных инструкторов, но международной комиссии пришлось признать «невозможность (...) провести принцип непосредственного командования европейскими офицерами жандармерией»²⁰, а также сократить их число почти в 2,5 раза. В дальнейшем главной задачей великих держав было добиться согласия Османской империи на увеличение штата инструкторов. Российский и австро-венгерский послы в Константинополе, хорошо знакомые с дипломатическим стилем Абдул-Гамида и его окружения, предлагали даже действовать в обход турецкого правительства. И. А. Зиновьев и Г. фон Каличе считали возможным отправить в распоряжение заведующих жандармскими округами старших военных чинов офицеров в национальных мундирах. К этой идее вернулись при отправке второй партии инструкторов, о чем речь пойдет ниже.

Полная неопределенность царила и в вопросе о командировании унтер-офицеров. Пока велись переговоры по поводу офицерского состава, было абсолютно неизвестно, когда и сколько унтер-офицеров согласится принять Османская империя. Тем не менее, русская сторона, надеясь на уступки турецкого правительства, готовилась к отправке в Македонию своих нижних чинов. В сентябре 1904 года был составлен список из 11 кандидатов. Если кандидатов-офицеров выбирал руководитель русской миссии, то относительно кандидатов-унтер-офицеров запрашивался отдельный корпус жандармов. В одном из своих донесений в Главный штаб Шостака перечислял те качества, которым должны были отвечать предполагаемые реорганизаторы. Главными из них была «сметливость», а также «знание турецкого языка», а кандидатов предлагалось искать «между служащими на Кавказе или в Казанском округе»²¹. Однако найти жандармов, соответствующих этому критерию, так и не удалось. Правда, как и в случае с офицерами, происходило это не потому, что для командирования военных чинов требовалось в том числе их персональное согласие, а потому, что таких кадров в русской армии про-

---

19. Амфитеатров А. В. Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 190–191.

20. Краткий отчет о деятельности командированных в Македонию русских офицеров со времени их прибытия по 1 июля 1905 года // Реформы в Македонии. Дипломатическая переписка. 1903–1905. СПб., 1906. С. 226.

21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2564. Л. 410 (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 9/22 августа 1904 года).

сто не существовало. В Главный штаб была направлена следующая характеристика выбранных и потенциальных кандидатов: «лишь один из них (...) немного понимает турецкий язык, а остальные его не знают, и вообще в корпусе жандармов нет унтер-офицеров, знающих этот язык»²². Таким образом, далеко не все русские реорганизаторы могли соответствовать условиям Мюрцштегской программы.

Вопрос о нижних чинах окончательно разрешился в конце декабря 1904 года, когда дипломатические представители двух «наиболее заинтересованных» держав перестали требовать от Турции принять своих унтер-офицеров на службу в жандармерию. Зиновьев считал, что в этом аспекте переговоров упорство и усилия напрасны и лучше проявлять их там, где возможен результат, при «осуществлении других более важных реформ»²³. Такая позиция российского посла была отступлением от второго и третьего пунктов Мюрцштегской программы. В этих пунктах австро-русского соглашения приписывалось приступать к преобразованиям только после умиротворения Македонии, то есть после успешной реорганизации жандармерии.

Зато к началу 1905 года удалось увеличить штат европейских инструкторов. В середине мая генерал-майор Шостак начал первый объезд Салоникского санджака и пришел к выводу, что обойтись силами нескольких находящихся в его распоряжении офицеров просто невыносимо. Он считал, что для проведения жандармской реформы необходимо увеличить общее число офицеров до 12, а также командировать на Балканы 11 унтер-офицеров. К руководителю русской миссии присоединились австрийский, французский и итальянский адъютанты. Турецкое правительство — как и опасался генерал-лейтенант Деджиорджис — возражало против увеличения штата реорганизаторов, ссылаясь на плачевное положение своих финансов, но в этом вопросе ему пришлось уступить.

Как уже отмечалось, отказы командиров частей, в которых служили кандидаты, и проведение мобилизации в русской армии несколько изменило первоначально намеченный состав македонской миссии. Окончательная определенность наступила лишь осенью 1904 года, когда на Балканский полуостров были отправлены 14-го стрелкового полка капитан Г. Н. Щербина, 2-го запасного кавалерийского полка поручик Н. А. Агура, 22-го драгунского Астраханского полка штаб-ротмистр Н. М. Байрактарев, 224-го пехотного Скопинского полка капитан И. Фролов, участковый пристав Сырдарьинской области поручик Цветков и Лейб-гвардии гренадерского полка подпоручик Л. П. Дюсиметьер. Последний из них, незнакомый Шостаку, бал кандидатом Главного штаба.

---

22. Там же. Л. 429–429 об. (Список, отправленный отдельным корпусом жандармов в Главный штаб. 9/22 сентября 1904 года).

23. Там же. Л. 506 об. (Депеша Д. Т. С. Зиновьева в Министерство иностранных дел. 9/22 декабря 1904 года).

Руководитель русской миссии особенно настаивал на командировании капитана Щербины, несмотря на скорое начало мобилизации стрелковых частей. Объясняется это следующим фактом — как и штабс-капитан Полтанов, Щербина уже находился под началом Шостака на о. Крит. Помимо этого, он участвовал в переписи населения 1897 года и был членом суда общества офицеров²⁴. Видимо, при выборе кандидатов приветствовался опыт в финансовых делах. Например, Агура и Байрактарев занимали должности полковых казначеев в своих частях²⁵. Для участия в заседаниях международной комиссии требовался офицер, отлично знающий французский язык. Этому требованию отвечали как капитан Щербина, так и подпоручик Дюсиметьер²⁶. Но особенно ценным пополнением русской миссии стал «свободно владеющий турецким наречием»²⁷ поручик Цветков.

К окончанию первого года реорганизации состав русской миссии наконец-то расширился до 12 офицеров. Правда, срок их контрактов был сокращен с 3 до 2 лет, а с новыми инструкторами они были подписаны лишь в следующем году. «В ожидании заключения с ними контрактов офицеры эти, не одевая турецкой формы, знакомятся с предстоящей им работой и исполняют поручения, не требующие сношений с местными властями»²⁸.

К прибытию второй партии офицеров правительство Порты уже подписало соглашение с Османским банком о выплате зарплат принятым на турецкую службу офицерам, однако их размер явно не мог обеспечить инструкторов всем необходимым. Расходы офицеров, куда входила жизнь на два дома, содержание верховых лошадей, плата за квартиры и за прислугу, были действительно довольно значительными. Поэтому военное ведомство выплачивало им дополнительное содержание в размере их прежнего жалования, к тому же они получали 50%-ю надбавку от министерства иностранных дел. Обсуждалась даже возможность полного обеспече-

---

24. Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 166–752. П/с 128–768. Л. 2 (Послужной список состоящего в резерве чинов Штаба Кавказского военного округа полковника Щербины. 1918 год).

25. Там же. Оп. 2. Д. 11 305. П/с 281–401. Л. 2 об. (Об увольнении от службы штабс-ротмистра 2-го запасного кавалерийского полка Агуры для определения к статским делам с производством в следующий чин. 1910 год).

Там же. Оп. 1. Д. 27 469. П/с 3883. Л. 4 (Полный послужной список ротмистра 8-го драгунского Астраханского великого князя Николая Николаевича полка Байрактарева. 1909 год).

26. Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 3109. Л. 5 об. (Аттестация капитана Георгия Николаевича Щербины за 1907 год).

Там же. Д. 2564. Л. 466 (Донесение начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа в Главный штаб. 4/17 октября 1904 года).

27. Краткий отчет о деятельности командированных в Македонию русских офицеров со времени их прибытия по 1 июля 1905 года // Реформы... 1903–1905. С. 238.

28. РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 31. Л. 318 (Извлечение из донесений генерал-майора Шостака в Главный штаб. 19 ноября/2 декабря 1904 года).

ния военных чинов национальными правительствами, но она так и не воплотилась в жизнь.

В январе 1904 года по дороге из Одессы в Константинополь руководитель русской миссии ознакомился с дневниковыми записями шведских офицеров — капитана Нандрупа и поручика Унандера. Первым реорганизаторам, прибывшим в Македонию для реализации Венской программы²⁹, не удалось добиться сколько-нибудь заметных изменений в работе жандармерии. Ее устройство они описывали следующими словами: «вся служба жандармерии обставлена так, что способна вызвать лишь улыбку сожаления на лице тех, кто знаком с устройством и службой жандармерии других стран»³⁰. Среди основных характеристик данного института были названы следующие: отсутствие образованных и дисциплинированных офицеров — личный состав назван «сбродом»; ужасные взаимоотношения с местным населением, которое жандармы постоянно грабят; произвольная выплата и без того маленьких окладов; и, наконец, упорное противодействие реформам.

В такой обстановке шведские офицеры утратили всякую возможность и желание выполнять свои функции. А одного присутствия европейских офицеров, занявших позицию не реорганизаторов, а пассивных свидетелей, было явно недостаточно для умиротворения края и начала реформ. Вообще прибытие первых иностранных инструкторов не смущало не только турецких жандармов, но и остальных жителей Балканского полуострова. Болгарские, греческие и сербские комитеты, напротив, становились все более активными в ожидании скорого раздела турецкого наследства. Даже когда участь европейских вилайетов обсуждалась на заседаниях международной комиссии, в Македонию продолжали проникать вооруженные четники. По сведениям русского военного агента в Афинах за март 1904 года через Салоники было «отправлено малыми партиями (...) 350 вооруженных греков»³¹.

Помимо записок шведских офицеров, Шостак и его подчиненные ознакомились с донесениями русских консулов в Македонии за последний год. Они были предоставлены членам инструкторской миссии российским посольством в Константинополе. А весной 1904 года началось их личное знакомство с обстановкой в европейской Турции. Апрель и начало мая Шостак проводит в разъездах, сопровождая генерал-лейтенанта Деджиорджиса и оценивая общую си-

---

29. Венская, или Февральская, программа македонских реформ была предложена Россией и Австро-Венгрией в начале 1903 года. Эта программа также подразумевала проведение реорганизации жандармерии под руководством иностранных инструкторов — шведских и бельгийских офицеров.

30. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2564. Л. 92 (Рапорт генерала Калнина в Главный штаб. 4/17 декабря 1903 года).

31. Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 855. Л. 19 об. (Рапорт подполковника Хольмсена в Главный штаб. 17/30 марта 1904 года).

туацию в трех вилайетах. К середине мая он возвращается в Салоники и в сопровождении подчиненных ему офицеров сразу же приступает к осмотру русского сектора. 24 мая итальянский генерал рассылает старшим офицерам записку по поводу учреждения жандармских полков, очищения личного состава и реорганизации службы. С этого момента в жандармских округах началось практическое воплощение решений международной комиссии.

В своей записке Деджиорджис рекомендовал старшим офицерам изначально ограничиться лишь ролью наблюдателей, ничего не меняя в организации жандармерии. Пока европейские представители могли лишь передавать через состоящих на турецкой службе иностранных инструкторов временные инструкции. А все возникавшие соображения им предписывалось направлять в жандармскую комиссию, в состав которой входили гражданские агенты России и Австро-Венгрии³², Хильми-паша, итальянский генерал и его наличные помощники.

19 мая 1904 года в русском секторе начался «период изучения» — был предпринят первый двухдневный объезд каз Салоникского сан-джака³³. Из Салоник Шостак в сопровождении русских офицеров и свободно владеющего всеми местными языками секретаря русского гражданского агента выехал в Водену, расположенную на пути из города в Битоли. На Воденском вокзале они были встречены почетным караулом, каймакамом, комендантом города, а также простыми жителями. Шостак и его спутники сразу были приглашены на дачу к одному из местных беев. Осмотр жандармских постов происходил во второй половине дня и оставил у русских офицеров двойственные чувства. Незадолго до прибытия европейских представителей Хильми-паша приказал заменить всех непригодных к службе новыми кадрами, и в результате часть личного состава жандармерии могла произвести благоприятное впечатление. В своем рапорте Шостак охарактеризовал его так: «нижние чины-жандармы, в отличных новых сапогах, — народ крепкий, здоровый»³⁴. С другой стороны, многие из жандармов не имели никакого представления и не желали ничего знать о своих обязанностях, а уж тем более выполнять их. Русские инструкторы даже не смогли осмотреть весь

---

32. Должности гражданских агентов России и Австро-Венгрии были введены Мюрштерским соглашением. Они должны были всюду сопровождать генерального инспектора и вместе с ним наблюдать за процессом преобразований. Назначения получили соответственно Н. Н. Демерик и Г. Мюллер Рогой.

33. РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 31. Л. 141 (Записка генерала Деджиорджиса по поводу учреждения жандармских полков, очищения личного состава и реорганизации службы. 11/24 мая 1904 года).

Там же. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2564. Л. 332 (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 10/23 мая 1904 года).

34. Там же. Л. 332 об.

личный состав, поскольку после преследования местных банд жандармы часто исчезали на несколько недель, которые якобы проводились в погоне. Абсолютное большинство воденской роты, как и всей турецкой жандармерии, было неграмотно. «Все дела в роте вершит фельдфебель, грамотный; он же, по словам ротного командира, обучал последнего и (...) офицеров „новому уставу“: прочел им этот устав вслух, но [они] не все поняли, что он (...) читал»³⁵.

Воденская рота насчитывала 116 жандармов, из которых 21 были христианами. Все они были набраны непосредственно перед прибытием русской миссии, и к службе в жандармерии были готовы еще меньше, нежели служившие до этого в армии мусульмане. При проинспектированном 20 мая осмотре всей роты развеялось впечатление первого дня — оказалось, что большинство военных чинов вообще непригодно к службе. Помимо этого, отведенное жандармам помещение находилось в ужасном состоянии. Требовалась срочная замена обмундирования и вооружения. Лишь в вопросе выплаты жалованья произошли явные перемены к лучшему — за последние месяцы не было ни задержек, ни сокращений.

Во второй день объезда Шостака и его спутники после осмотра воденской роты отправились дальше на северо-запад — в казу Енидже-Вардар. Каймакам и комендант одноименного города заверили главу русской миссии в своем полном сочувствии и содействии делу реформ. Однако результатов такого отношения к реорганизации пока заметно не было. После встречи с представителями местных властей был осмотрен конный жандармский пост на берегу р. Вардар. Жандармы этой казы выглядели как «настоящие разбойники, а от вахмистра водкой несло за несколько шагов»³⁶. На этом закончился первый объезд Салоникского санджака, и русские офицеры вернулись в Салоники.

Это предварительное знакомство с работой македонской жандармерии убедило генерал-майора Шостака в необходимости постоянного присутствия русских представителей в каждой из 9, а в недалеком будущем и 13 каз. По возвращении из этой двухдневной поездки он сразу же начинает убеждать генерала Деджидорджиса в острой необходимости увеличить инструкторский штат. Из-за огромных объемов работы, с которой офицеры должны были справиться в русском и австрийском секторах, эти две державы получили разрешение на командирование еще 6 офицеров. Тогда как вторая партия итальянских и французских инструкторов состояла из 5 человек, а английская и вовсе из 1.

Первое время русские офицеры проводили в непрерывных разъездах по Салоникскому санджаку. Они проходили примерно по такой же схеме, как и инспекция каз Водены и Енидже-Вардара,

---

35. Там же. Л. 333.

36. Там же. Л. 334 об.

и оставляли примерно такое же впечатление. В соответствии с письменными инструкциями генерала-реорганизатора прибывшие в Македонию инструкторы занимались осмотром личного состава жандармерии, распределением своих секторов на участки работы жандармских постов и общей оценкой организации жандармерии. В середине июля Шостака сообщал, что пока ему и его подопечным не удалось осмотреть весь личный состав жандармов Салоникского санджака, поскольку некоторые из них несли службу на отдаленных горных постах, а некоторых так и не удалось сразу обнаружить. Выше уже упоминалось, что отправлявшиеся в погоню за македонскими четами жандармы имели обыкновение исчезать на довольно продолжительное время. В Кавадарской казе не удалось провести новое разграничение на участки, контролируемые жандармскими постами, поскольку в ней отсутствовал местный каймакам. А в македонской жандармерии ничего не предпринималось без участия гражданских властей, у которых «командиры рот были (...) в беспрекословном подчинении»³⁷. Лишь к середине сентября был «окончательно выработан проект распределения жандармских постовых участков по всем казам и приступлено к подысканию в них помещений для постов»³⁸.

Отчет о личном составе жандармерии в своем секторе русская миссия представила генералу Деджиорджису в начале августа. Осмотр личного состава позволил распределить жандармских унтер-офицеров по трем категориям. В первую категорию попали признанные годными к полевой службе, во вторую — годные к вспомогательной службе в канцеляриях, канаках, тюрьмах и вестовыми и, наконец, в третью — совершенно негодные к службе. «Из общего числа 1029 осмотренных найдено возможным оставить в первом классе, и то с послаблениями, 797 человек; во второй класс пришлось перевести 173, и 59 представить за непригодностью к удалению совсем из жандармерии»³⁹. Таким образом, годными к службе были признаны 970 жандармов, хотя по штату их полагалось иметь 1115.

Цифра в 970 жандармов и так была довольно внушительной, если учесть, что турецкая жандармерия «пополняется добровольцами, часто завербованными насильно (...); безупречного прошлого не требуется; многие жандармы известны совершенными ими раньше разбоями и они иногда приносят большую пользу, так как знают прочих разбойников и те места, в которых они преимущественно скрываются и где их часто можно разыскать». В случае задержки или умень-

37. Краткий отчет о деятельности командированных в Македонию русских офицеров со времени их прибытия по 1 июля 1905 года // Реформы... 1903–1905. С. 228.

38. РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 31. Л. 212 (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 2/15 сентября 1904 года).

39. Краткий отчет о деятельности командированных в Македонию русских офицеров со времени их прибытия по 1 июля 1905 года // Реформы... 1903–1905. С. 231.

шения жалования они возвращаются к своим прошлым занятиям — «так что многие из них одновременно жандармы и разбойники»⁴⁰.

Проект фон Гизля подразумевал сохранение турецкой системы организации жандармерии в соответствии с административно-территориальным делением Османской империи. В каждом вилайете формировался один жандармский полк, в каждом санджаке батальон, а количество пеших рот в нем соответствовало количеству каз в санджаке. Помимо этого, в каждом санджаке имелаься рота конных жандармов, а в Салоникском — даже батальон в составе трех рот. Правда, часто такое разделение жандармов на пеших и конных было лишь номинальным. Например, в русском секторе сувары «были приданы (...) к пехотным ротам, а ротные их командиры редко видели своих людей»⁴¹. Поэтому русские офицеры предложили сократить количество рот — были упразднены роты конных жандармов и, помимо этого, произошло слияние двух пеших рот. В остальном же реорганизация не коснулась турецкого распределения. Европейские инструкторы сосредоточили свое особое внимание лишь на численности рот, поскольку их формирование в османской жандармерии было предоставлено воле случая. И нередко оказывалось, «что в наиболее спокойных казах штат оказывался вдвое больше, чем в казах значительно больших по пространству и населению или требующих особо строго присмотра»⁴².

Теперь количество жандармов на каждом из постов было строго регламентировано в зависимости от местной обстановки. А новые постовые участки были разграничены таким образом, чтобы от поста до самой удаленной точки нового участка было не более четырех часов ходьбы. Когда члены русской миссии подсчитали, сколько жандармских унтер-офицеров потребуется при такой организации их работы, получилась пока явно не реальная цифра — 1361. Поэтому изначально пришлось согласиться сократить численность патрулей и отказаться от открытия некоторых постов, а штат русского сектора был определен в 1193 человека.

Еще одной проблемой турецкой жандармерии были жандармы-христиане. Несмотря на то, что конечной целью македонских реформ было уравнивание в правах мусульман и христиан, поступление на службу последних не приветствовалось даже европейскими офицерами. В одном из своих рапортов 1906 года руководитель русской миссии отмечал: «прием в жандармерию христиан продолжает быть открытым, но никто из них не желает поступать. (...) Приходится сознаться, что от этого, как показал двухлетний опыт, служба жан-

---

40. РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 31. Л. 40–40 об. (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 26 января/8 февраля 1904 года).

41. Краткий отчет о деятельности командированных в Македонию русских офицеров со времени их прибытия по 1 июля 1905 года // Реформы... 1903–1905. С. 232.

42. Там же.

дармерии только выиграет»⁴³. Дело было в том, что христиане, в отличие от большинства жандармов-мусульман, не имели армейского опыта, а после поступления на службу в жандармерию их практически ничему не учили. К тому же, отношения с турками у них складывались не лучшим образом — ротные командиры предъявляли к ним более высокие требования, нежели к остальным, а они, естественно, не находили нужным их выполнять. К моменту осмотра личного состава русскими инструкторами из 1029 жандармов 203 были христианами, но в дальнейшем их процент постоянно снижался.

После выполнения первых поручений генерал-лейтенанта Дежорджиса — осмотра личного состава и нового разграничения постовых участков — первое благоприятное впечатление, произведенное жандармскими унтер-офицерами Воденской казны, рассеялось окончательно. Внешний вид большинства из состоящих на службе был действительно удручающим: «снаряжение собственное, разнородное, рваное. Одежда казенная из плохого материала, у некоторых по наружному виду сносная, у других совершенно истрепанная, почти у всех совершенно не пригнанная»⁴⁴. Очевидной становилась и необходимость перевооружения жандармских частей. «Вооружение, — ружья Мартини, а у конных жандармов и сабли, найдено в отчаянном виде, не только внутри и снаружи перержавленное и без принадлежностей для чистки, но зачастую без мушек и с погнутыми прицелами, без прицельной рамки; починка производилась зачастую самими жандармами, заменявшими винты гвоздями и т. п.»⁴⁵.

Некомплект, неграмотность, незнание устава, сложные отношения с жандармами-христианами и с местным населением, отсутствие всякой дисциплины и ужасное состояние обмундирования, вооружения и помещений жандармов — так можно охарактеризовать «то грустное положение, в котором находилась (...) вся организация жандармерии и личный ее состав»⁴⁶ в начале XX века. Тем не менее, члены русской миссии были полны энтузиазма и веры в успех предпринятой реорганизации.

В начале сентября 1904 года удалось добиться смещения Мухлиса-паши — яркого противника реформ — с должности начальника жандармерии Салоникского вилайета. Новым командиром солунского полка стал полковник Генерального штаба Хамди-бей, бывший профессор тактики и военной истории, «по-видимому, преисполненный массой добрых намерений оправдать новое назначение, которое

---

43. РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2754. Л. 4 об. (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 11/24 января 1906 года).

44. Краткий отчет о деятельности командированных в Македонию русских офицеров со времени их прибытия по 1 июля 1905 года // Реформы... 1903–1905. С. 227.

45. Там же.

46. Там же. С. 226.

он весьма ценит»⁴⁷. Продолжили свою работу организованные еще бельгийским офицером салоницкие жандармские курсы для офицеров и нижних чинов. Огромное значение имело открытие специальной рекрутской школы, в которой могли обучаться все желающие поступить на службу в жандармерию. Для отбора самых достойных кандидатов в русском секторе были разосланы приглашения поступать на жандармскую службу. Потенциальные кадры должны были отвечать следующим условиям: турецкое подданство, возраст от 20 до 25 лет для христиан и освобожденных от военной службы мусульман и от 25 до 45 для прошедших службу в армии, помимо этого нужно было быть здоровым и холостым или бездетным вдовцом, иметь безупречную репутацию и свободно владеть турецким языком. Приветствовалось также знание других местных наречий.

Осенью 1904 года началось обсуждение распределения русских офицеров по 9 казам Салоницкого санджака. К этому моменту Блистательная Порта согласилась принять на свою службу лишь 5 русских инструкторов, из которых, видимо, лишь штабс-капитан Певцов знал турецкий язык. Перед Шостаком вставал вопрос о привлечении к работе своих подопечных надежных переводчиков (драгоманов). На переводчиков, рекомендованных Османской империей, нельзя было полагаться потому, что даже при переводе решений международной комиссии с французского на турецкий язык произошел ряд изменений⁴⁸. Чтобы подобрать переводчиков Шостаком обратился в российское генеральное консульство в Салониках. После того, как члены русской миссии обзавелись драгоманами, уже ничто не препятствовало их отправлению на места.

В октябре «заведование казами, впредь до прибытия ожидаемых офицеров [возлагалось] на офицеров в следующем порядке:

- 1) На подполковника Свирского — Гевгелейской и Енидже-Вардарской. Штаб-квартира — Гевгели.
- 2) Капитана Воронина — Дойрановской и Кукушской. Штаб-квартира — Дойран.
- 3) [Капитана] Полтанова — Салоницкой и Лангазинской. Штаб-квартира — Салоники.
- 4) Гв. штабс-капитана Певцова — Воденской.
- 5) Штабс-капитана Сурина — Кавадарской и Струмицкой. Штаб-квартира — Кавадар»⁴⁹.

Выше уже отмечалось, что приезд первых иностранных инструкторов в соответствии с Венской программой мало способство-

---

47. РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 31. Л. 260 (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 1/14 ноября 1904 года).

48. Там же. Л. 120–120 об. (Рапорт генерал-майора Шостака в Главный штаб. 12/25 апреля 1904 года).

49. Там же. Л. 254 (Инструкция русским офицерам, состоящим на службе в македонской жандармерии. Октябрь 1904 года).

вал улучшению обстановки на Балканах. Только коллективное вмешательство великих держав и прибытие их представителей в Македонию дало хоть какие-то результаты. Поскольку местные турецкие власти были плохо осведомлены о полномочиях и намерениях европейских офицеров, то на какое-то время прекратились учиняемые войсками грабежи и бесчинства. Местные жители, пораженные такими последствиями от одного только прибытия иностранцев, пришли к выводу об их неограниченных возможностях в деле успокоения края. «Реорганизация же жандармерии считалась лишь предложением для прибытия офицеров внутрь страны»⁵⁰. Родилась мысль о том, что османские власти уже мало что решают в Ускюбском, Битольском и Солунском вилайетах и что справедливости надо добиваться непосредственно у представителей великих держав. Местные жители так и действовали, и в первое время иностранные миссии были завалены жалобами македонского населения. К офицерам с просьбой заступничества обращались как христиане, так и мусульмане. Только греки, видя, что подорвано влияние их покровителей — турецких властей, заняли по отношению к иностранным инструкторам откровенно враждебную позицию. Греческий посланник в Санкт-Петербурге даже жаловался Ламздорфу на то, что представители Российской империи отказывают македонским грекам в защите их интересов.

В русском секторе уже во время первой инспекции Шостаку были переданы жалобы болгар, обвинявших греков в притеснениях и лживых доносах. Эти жалобы были переданы на рассмотрение русскому гражданскому агенту Н. Н. Демеру, а затем и генералу Деджорджису. Но при каждом следующем объезде количество просителей увеличивалось и начинало отвлекать офицеров от их главной задачи — реорганизации жандармерии. Поэтому глава русской миссии предписал офицерам направлять жалобщиков к турецким властям и только в случае их отказа рассматривать дело принимать жалобы и передавать их ему лично. Когда стало ясно, что полномочия русских офицеров вовсе не безграничны, положение в Салоникском санджаке снова обострилось. Особенно беспокойными были 4 северные казы — Кавадарская, Струмицкая, Гевгелийская и Енидже-Вардарская. Осенью 1904 года в них развернулась широкая деятельность болгарской банды под руководством Апостола, угрожавшей каймакам и принуждавшей целые села переходить в Экзархат. К этому времени турецкие власти вернулись по своему обыкновению к поддержке греческого элемента против болгарского, и потому многие болгары, стараясь скрыть свою национальность, переходили в Патриархат. Помимо этого, к Патриархату принадлежали местные сербы и, конечно же, греки. Таким образом, патриархисты составляли большинство

---

50. Краткий отчет о деятельности командированных в Македонию русских офицеров со времени их прибытия по 1 июля 1905 года // Реформы... 1903–1905. С. 229.

местного населения. Естественно, болгарских четников, стремящихся утвердить свое влияние в Македонии, такая ситуация не устраивала. Вот один из примеров их борьбы за утверждение Экзархата:

В октябре 1904 года священник села Грчишты получил письмо от Апостола с требованием немедленного перехода в Экзархат и с угрозами страшной расправы в случае его невыполнения. Село «превратилось» в болгарское, и из него даже были изгнаны греческие учителя. Правда, вскоре одна учительница вернулась, надеясь на защиту обосновавшихся в селе греческих четников. Спустя несколько дней к селу вновь подошла болгарская банда. После перестрелки с греками Апостол потребовал выдачи той самой учительницы и ее покровителя, но они заперлись в одном из домов. «В виду отказа этих лиц выйти из дому, четники сначала открыли огонь, а затем подожгли дом, причем сгорело три соседних дома. (...) В огне погибло всего 6 человек, а 7-ой, показавшийся у окна, был застрелен»⁵¹. Этот эпизод был далеко не единственным — от подобных расправ страдали и другие села северных каз. Осенью 1904 года банда Апостола безраздельно господствовала в этих районах.

Но уже в декабре соотношение сил на севере Салоникского санджака изменилось, поскольку в Македонию прибывало все больше и больше вооруженных греков. Наступала зима, но активность четников не снижалась. Напротив, «деятельность болгарских и греческих банд в Салоникском вилайете увеличилась, причем кроме столкновений этих банд между собой, имели даже место случаи нападения банд на турецкие войска»⁵². Все это, конечно, не могло не тревожить членов русской миссии, которые всерьез обеспокоились за судьбу местного населения и македонских реформ.

Таким образом, трудности, с которыми столкнулись иностранные офицеры в Македонии, проявили себя уже на начальном этапе реорганизации. Сопrotивление Порты препятствовало увеличению штата инструкторов и так и не позволило пополнить состав русской миссии унтер-офицерскими чинами. Ее малочисленность при том удручающем состоянии, в котором находилась македонская жандармерия, еще больше усложнила задачу реорганизации. Лишь благодаря тщательному подбору кандидатов впоследствии русской миссии удалось достичь определенных успехов, но и тогда постоянное противодействие Константинополя мюрцштегским преобразованиям и обстановка, в которой они осуществлялись, сводила на нет многие из ее начинаний.

---

51. РГВИА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 31. Л. 315 об. — 316 (Извлечение из донесений генерал-майора Шостака. 6/19 ноября).

52. Там же. Л. 322 (Извлечение из донесений генерал-майора Шостака. 31 декабря 1904 года/13 января 1905 года).

ЭНТОНИ ДЖ. ХЕЙВУД

«САМЫЙ КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ ВОПРОС»:

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

И ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ¹

В последние годы существования Российской империи отношение государства к железным дорогам приобрело явно двусмысленный характер. Одним из важнейших уроков Крымской войны стало осознание экономической, политической и военной необходимости создания железнодорожной сети общего пользования. И такая сеть протяженностью около 70,5 тыс. км, построенная в течение следующего полувека, действительно ускорила экономическую модернизацию, усилила контроль центра над периферией, содействовала возрождению дипломатической активности и послужила одним из инструментов расширения империи². К 1913 г. железные дороги

-
1. Настоящая статья представляет собой слегка исправленный вариант одноименной главы из книги: T. G. Otte and Keith Neilson (eds). *Railways and International Politics: Paths of Empire, 1848–1945*. London: Routledge, 2006. Pp. 45–67. Выражаю большую благодарность О. Р. Айрапетову, Э. П. Конси, К. Диволлу, Б. У. Меннингу, Дж. Н. Уэствуду и персоналу Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге за содействие в подготовке данной статьи. Часть цитируемых источников была изучена во время поездок в Россию в рамках работы над биографией инженера Ю. В. Ломоносова, финансировавшихся Королевским обществом; я чрезвычайно благодарен за эту поддержку.
  2. Мы здесь говорим о железных дорогах «общего пользования», чтобы отличать их от таких железных дорог ограниченного пользования, как внутризаводские. Железная дорога общего пользования по своему уставу обязана предоставлять услуги по грузо- и пассажироперевозкам всем желающим. О протяженности железнодорожной сети на 1913 г., исключая Финляндию, см.: Статистический сборник Министерства путей сообщения за 1913 г. Выпуск 141. Часть I. Пг., 1916. С. 2–25; также цит. в: Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник / Под ред. и сост. А. М. Анфимова и др.

стали «артериями» империи: будучи куда более скоростными, чем немногочисленные водные пути и безрельсовые дороги, и не слишком зависящими от капризов зимней погоды, они обеспечивали большинство грузовых и пассажирских перевозок на дальние расстояния. Однако на тот момент расходы на их строительство стали одним из источников колоссального внешнего долга России, а работы оставались далеки от завершения: по-прежнему считалась необходимой прокладка еще большего числа линий. Между тем включение Маньчжурии в сферу российского влияния как следствие постройки Транссибирской магистрали в 1892–1905 гг. стало одной из причин войны с Японией, разразившейся в 1904 г., а трудности с военными перевозками через Байкал превратились в один из символов внутреннего расстройтва империи. Железнодорожная забастовка в октябре 1905 г. вообще едва не привела к свержению самодержавия. Но самое главное — то, что, по мнению большинства наблюдателей, железные дороги не сумели справиться с гигантским объемом перевозок в Первую Мировую войну. Утверждается, что транспортные проблемы, усугубленные дурным управлением и недостаточным строительством в предвоенные годы, подрывали боеспособность армии и вызвали кризис в тылу. Результатом этого кризиса являлись инфляция и нехватка продовольствия, ставшие той искрой, из которой разгорелась Февральская революция 1917 г. в Петрограде (бывший С.-Петербург), покончившая с самодержавием. Короче говоря, если воспользоваться медицинской метафорой, империя страдала от атеросклероза, который и оказался ее «ахиллесовой пятой»³.

Такие представления подчеркивают колоссальное значение железнодорожного транспорта в имперской России. Но насколько обоснована подобная критика? Например, в том, что касается мировой войны, некоторые историки считают транспортные проблемы всего лишь одной из сторон общего политического и экономического коллапса империи. Железнодорожная сеть вполне отвечала запросам мирного времени, но оказалась непригодной для продолжительной войны, которой никто не предвидел; вообще же, с учетом всех об-

---

СПб., 1995. С. 110–112. Отметим, что в 1913 г. насчитывалось около 15 местных веток (общей длиной в 2644 км), главным образом узкоколейных линий в Польше и прибалтийских губерниях, которые не входили в состав основной железнодорожной сети, но были доступны для широкой публики.

3. Общую историю российских железных дорог см. в: J. N. Westwood. A History of Russian Railways. London: George Allen and Unwin, 1964. Метафора «ахиллесова пята» получила популярность благодаря работе советского историка А. Сидорова: Сидоров А. Л. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. Т. XXVI. М., 1948. С. 3–64. Показательный пример подобной критики в авторитетном советском военно-историческом исследовании см.: Ушаков К. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.-Л., 1928. С. 13–15, 105–107.

стоятельств, железные дороги продемонстрировали высокую работоспособность. Например, управление железнодорожными перевозками со стороны Министерства путей сообщения (МПС) серьезно осложнялось передачей почти трети всех путей под непосредственный армейский контроль, и особенно тем, что армия припрятывала товарные вагоны. Правительство не только не сумело решить эти проблемы, но и не удосужилось включить производство локомотивов, вагонов и рельсов в число оборонных приоритетов. Тем не менее, железные дороги перевезли рекордное количество грузов сначала в 1915, а затем и в 1916 г. Нехватки продовольствия, по-видимому, были вызваны скорее недостатками в работе городских продуктовых складов⁴.

Данная статья в порядке продолжения дискуссии вновь обращается к «самому катастрофическому вопросу России»: обеспокоенности военных кругов тем, что недостаточное и неравномерное развитие транспортной инфраструктуры представляет собой «меч отсталости», который сильно ограничивает возможности военного планирования⁵. Ситуация будет рассмотрена на примере западных областей империи в последние десятилетия перед 1914 г. В первых двух разделах приводится обзор соответствующего железнодорожного и военного контекста: развитие железнодорожной сети, вопрос принадлежности этих линий и управления ими, процедура оценки предложений по новому строительству, а также характер российского военного планирования. Третий раздел посвящен взглядам армейских кругов на железнодорожную систему в смысле ее задач в случае войны, представлений об ее недостатках и влиянию этих проблем на армию. В последнем разделе рассматривается представленный в 1912 г. проект одной новой магистральной линии

-
4. См., в частности: J. N. Westwood et al. *The Railways* // R. W. Davies (ed.). *From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR*. Basingstoke: Macmillan, 1990. Pp. 169–88; и J. N. Westwood. *Railways at War*. London: Osprey, 1980. Pp. 148–9. К некоторым из этих выводов приходит С. Ронжин, бывший военный служащий, эмигрировавший после революции, в содержательном исследовании, посвященном военным годам: Ронжин С. А. Военные сообщения и управление ими // Сборник записок относящихся к русскому снабжению в великую войну. [Сан-Франциско]: Финансовое агентство в США, 1925. С. 123–155.
  5. Обе цитаты находятся соответственно в: Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов, по архивным документам. М., 1926. С. 55; и В. W. Menning. *Bayonets before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1992/2000. P. 120. Об этом вопросе в более общем плане см., например: Зайончковский. Подготовка России... С. 44–45, 55–60, 78–80, 122–140; N. Stone. *The Eastern Front, 1914–1917*. Abingdon: Purnell, 1976. Pp. 32–3; D. N. Collins. *The Franco-Russian Alliance and Russian Railways, 1891–1914* // *The Historical Journal*. Vol. 16. No. 4 (December 1973). Pp. 777–788; P. Luntinen. *French Information on the Russian War Plans 1880–1914*. Helsinki: SHS, *Studia Historica* 17, 1984. Pp. 26, 31, 191–3, 195–6; Menning. *Bayonets before Bullets*. Pp. 116–7, 120, 122.

как образец учета этих вопросов в практике планирования. Указывается, что наряду с путаницей по поводу смысла, вкладываемого в такие ключевые понятия, как «стратегическая железная дорога», бытовавшее в военной среде мнение о недоразвитости железнодорожной сети было, по-видимому, преувеличенным. Более того, формирование железнодорожной сети у западных границ произошло под влиянием военных интересов в значительно большей степени, чем это осознавалось в то время: раны, нанесенные «мечом отсталости», армия отчасти получила по своей собственной вине.

Железнодорожный контекст

Несмотря на всю шумиху вокруг Транссибирской магистрали, железнодорожная сеть общего пользования в основном располагалась в наиболее населенных районах империи — в европейской России, Польше, Финляндии и на Кавказе, — и была построена главным образом в ходе двух «бумов», которые произошли с некоторым запозданием по отношению к таким европейским конкурентам России, как Великобритания и Германия. Первая российская железная дорога общего пользования открылась в 1837 г. — примерно тогда же, когда появились первые линии в Германии, Франции и Австро-Венгрии. Однако к 1854 г. в стране действовало лишь около 1000 км путей, включая 650-километровую линию С.-Петербург-Москва, названную Николаевской железной дорогой в честь правящего царя. В ходе «бума» 1860–1870-х гг. протяженность действующих линий подскочила примерно до 20 тыс. км. Из этих линий в основном состояла радиальная система с центром в Москве, соединявшая ее с месторождениями железных руд на Урале, с углем, рудой и новой тяжелой индустрией Донбасса на юге, с зернопроизводящими регионами Поволжья и Украины, и с портами на балтийском и черноморском побережьях. Инвестиции в новые линии несколько снизились во второй половине 1870-х гг. и оставались скромными в 1880-е гг. Но благодаря второму «буму» 1890-х гг. протяженность линий к 1903 г. составила 58 400 км. В распоряжении империи оказалась железнодорожная система, связывавшая центр с самыми отдаленными границами в Средней Азии и на Дальнем Востоке. За резким сокращением инвестиций в начале 1900-х гг. последовал новый инвестиционный «бум», начавшийся около 1907 г., и к 1916 г. в строй вступило более 27 тыс. км новых линий, несмотря на разрушения, вызванные Первой мировой войной. В 1913 г. железнодорожная сеть империи имела протяженность примерно в 70,5 тыс. км, из которых 52 854 км (75%) приходились на Европейскую Россию и Польшу⁶.

---

6. Исчерпывающие сведения о железнодорожных линиях и датах их открытия см.: Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838

По абсолютной величине приблизительно такую же протяженность имели железные дороги в Великобритании, Германии и Франции, хотя эти страны очень сильно уступали России по площади и их основные магистрали были в основном проложены к 1870-м гг.

Такие рыжки в строительстве в основном объясняются четырьмя взаимосвязанными причинами: географическими условиями, социально-экономическим окружением, глубоко укоренившейся в официальных государственных кругах неприязнью к частному предпринимательству и нежеланием попадать в иностранную зависимость. К 1840-м гг. большинство правительств в Западной Европе с большей или меньшей неохотой признало, что строительство национальной железнодорожной сети нереально без крупномасштабных частных инвестиций. Однако российское правительство упорствовало гораздо дольше, хотя колоссальная протяженность линий требовала огромных затрат. Встрешенное финансовыми скандалами, с которыми были связаны первые железнодорожные предприятия, и осознавая нехватку свободного капитала внутри страны, но не желая допускать иностранный контроль над российскими железными дорогами, правительство пошло на снижение темпов строительства, обусловленное использованием только государственных средств. В течение ряда лет строительство фактически не велось, так как граф Е. Ф. Канкрин, министр финансов в 1823–1844 гг., убедил царя не финансировать железнодорожное строительство за счет государственных займов. Эта политика изменилась только тогда, когда поражение в Крыму привело к осознанию отчаянной потребности в железных дорогах. Последующее открытие этой области для частного капитала, включая иностранные займы и инвестиции, и стало причиной первого «бума». Но вскоре такая политика стала вызывать тревогу. Очередные скандалы и банкротства, расплачиваться за которые пришлось государству, необдуманно дававшему гарантии, снова породили подозрительность в отношении частного сектора и иностранного капитала. Отныне государство старалось занять ключевые позиции как во владении железными дорогами, так и в управлении ими. В течение следующих лет за счет грандиозных расходов оно финансировало большинство новых проектов, национализировало многие частные линии и поощряло слияние других частных линий

по 1990 г. / Сост. Г. М. Афонина. М., 1995. Длина линий в различных источниках приводится разная. Например, чуть более низкие цифры на 1837–1913 гг. фигурируют в: Статистический ежегодник на 1914 г. / Ред. Шапиро В. И. СПб., 1914. С. 663; цит. по: Россия. 1913 год. С. 109. Общая цифра на 1913 г. по Европейской России (исключая Финляндию) приводится по: Статистический сборник Министерства путей сообщения за 1913 г. Выпуск 141. Часть 3. Пг., 1916. С. XIII–XXI; цит. по: Россия. 1913 год. С. 113–114. Третий «бум» подробно рассматривается: О деятельности Комиссии о новых дорогах [ок. января 1917] // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1372. Л. 2-706.

в несколько крупных компаний, которые государство могло приобрести по окончании срока их концессии. Скрамность инвестиций в 1880-е гг. была связана с необходимостью реструктурировать государственные финансы после войны с Турцией 1877–1878 гг., а лихорадочное строительство 1890-х гг. свидетельствовало о решимости И. А. Вышнеградского и особенно С. Ю. Витте, занимавших пост министра финансов в 1887–1903 гг., содействовать ускоренной индустриализации. Однако, к 1910 г. эта стратегия контроля за дорогами легла на правительство таким непосильным финансовым бременем, что несмотря на оппозицию МПС, к следующей фазе железнодорожного строительства был допущен частный капитал⁷.

Предложения о постройке новых линий оценивались в государственных комитетах, имевших иерархическую структуру⁸. Модель, выработанная к 1870-гг., дожила, с некоторыми усовершенствованиями, до 1917 г. Наиболее показательными в свете задач данной статьи являются институты, существовавшие в 1899–1917 гг. Проекты обычно инициировались самим Управлением по сооружению железных дорог МПС или по согласованию с ним. Первоначальные изыскательские работы, на которые требовалось разрешение правительства, служили для подготовки технических и финансово-экономических предложений. После того, как эти предложения временно одобрялись в управлении по строительству, технические аспекты подвергались первоначальной оценке в комиссии старших железнодорожных инженеров, известной как Инженерный совет МПС, который нередко требовал внесения в проект значительных изменений. Финансово-экономическая документация поступала в межведомствен-

---

7. Подробный анализ см.: R. M. Haywood. *The Beginnings of Railway Development // Russia in the Reign of Nicholas I, 1835–1842*. Durham, NC; Duke University Press, 1969. *Ibid.* *Russia Enters the Railway Age, 1842–1855*. Boulder: East European Monographs No. CDXCIII, 1998; B. E. Hurt. *Russian Economic Development, 1881–1914, With Special Reference to the Railways and the Role of the Government* (unpublished PhD dissertation, University of London, 1963); S. G. Marks. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. London: I. B. Tauris, 1991.

8. Этот и два следующих абзаца основаны на многочисленных источниках того времени, таких, как: Краткий исторический очерк деятельности Инженерного совета за XXV лет с 1892 по 1917 г. / Под ред. С. К. Куницкого. Пг., 1917. С. 1–14, 51–65; архивные дела Комиссии о новых железных дорогах, включая организационную переписку 1911–1913 гг.: РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 832–834; О деятельности Комиссии о новых дорогах [ок. января 1917] // Там же. Д. 1372. Л. 1–15; Обзор деятельности Второго департамента Государственного Совета по рассмотрению дел о частных железных дорогах за время с 1906 по 1913 год. СПб., 1914. С. 5–16; Журналы Второго Департамента Государственного Совета сессии 1913–1916 г. СПб.-Пг., 1914–1917; Государственная Дума, созыв IV, сессии 1–4, 1912/13–1915/16: Законопроекты Министерства путей сообщения. Описание основных госучреждений см.: Высшие органы государственной власти и управления России, IX–XX вв.: Справочник / Под ред. А. С. Тургаева. СПб., 2000.

ную комиссию, называвшуюся Комиссией о новых железных дорогах. Эта комиссия была создана при Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов; в нее с правом голоса входили представители всех главных министерств, включая Военное и Морское⁹. Заседания комиссии становились для местных государственных учреждений и представителей частного капитала основной возможностью выступить со своими предложениями, после чего комиссия обсуждала экономические, политические, военные и прочие стороны нового проекта за закрытыми дверями. Конкурирующие предложения по одному и тому же маршруту обычно рассматривались одновременно. Итогом заседания являлись политические рекомендации, которые ложились в основу законопроекта, подготовленного в МПС и Департаменте железнодорожных дел. Согласно положению от 1892 г., сохранявшему силу до 1906 г., те проекты, которые выдвигались государством либо крупными частными предприятиями, обычно поступали в Комитет Министров и оттуда пересылались в Департамент экономики при Государственном Совете, если требовались вложения государственного капитала; далее одобренные проекты отправлялись на утверждение царю наравне с законами. После 1906 г. предложения, целиком финансирувавшиеся частным капиталом, оценивались во втором департаменте Государственного Совета, обычно в присутствии заинтересованных министров, включая военного министра. Проекты же, требовавшие государственных расходов, рассматривались в новоизбранной Государственной Думе. Как и прежде, право на окончательное одобрение оставалось за царем. После этого начиналось детальное планирование, включавшее новые изыскания и пересмотренный технический план.

Самой важной и трудной ступенькой в этой лестнице была Комиссия о новых железных дорогах. Правда, порой процесс чрезмерно тормозился в Инженерном совете МПС, а депутаты Думы, как правило, пользовались возможностью лишний раз подпустить режиму шпильку, подвергая сомнению предполагаемые расходы. Однако основной площадкой для взаимодействия ведомственных и прочих интересов оставалась Комиссия о новых железных дорогах. Именно в этой инстанции, в частности, оценивался относительный вес экономических и военных приоритетов. Более того, решительное одобрение, высказанное этой комиссией, обычно никем не оспаривалось, если только проект не сулил крупных финансовых осложнений для казначейства. Так, например, при наличии нескольких конкурирующих проектов по строительству данного пути проигравшие едва ли могли рассчитывать на действенность апелляций к председателю Комиссии о новых железных дорогах, к министру финансов, или в Государственный Совет.

---

9. Кроме того, железнодорожный департамент министерства финансов отвечал за тарифную политику.

Следует четко обозначить институциональное место армии в дискуссиях о железнодорожном строительстве. В численном выражении, а следовательно, как представляется, и в политическом плане позиция военных представителей в Комиссии о новых железных дорогах выглядит слабой. Министерства финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, а также внутренних дел имели в комиссии по пять представителей, хотя министерство финансов обладало преимуществом, так как председателем комиссии по должности являлся директор Департамента железнодорожных дел. Аудиторское министерство, известное как Государственный контроль, давало в комиссию четырех делегатов, а Военное министерство и Главное управление землеустройства и земледелия — по два; наконец, в комиссию входило по одному представителю от Морского министерства, Государственной канцелярии и Министерства императорского двора. Однако Военное министерство могло направлять на конкретные обсуждения большее число представителей, хотя и без права голоса. Военный министр мог участвовать в обсуждениях в Комитете Министров или в Совете Министров, а также в заседаниях Государственного Совета. Наконец, он имел право доклада царю, которым часто пользовался. Следовательно, в институциональном смысле нет оснований полагать, что военные были исключены из процесса принятия решений¹⁰. Считались ли с их мнением, а если нет — то почему, — это отдельные вопросы, к которым мы вернемся позже.

Военный контекст

В конце XIX и начале XX столетий русское военное планирование велось в тревожной стратегической обстановке. Армии приходилось защищать обширные территории, а серьезные угрозы исходили со всех сторон: союз Германии, Австро-Венгрии и Румынии на западе, Османская империя на юге; усиление британского влияния в Афганистане и потенциально — в Средней Азии; поддававшийся западно-европейскому влиянию Китай, с которым Россия имела протяженную и почти не защищенную границу; наконец, рост имперских амбиций в Японии. К 1890-м гг. Генеральный штаб считал союз Германии, Австро-Венгрии и Румынии самой серьезной угрозой. Однако после 1905 г. военное руководство было также склонно ожидать новой японской агрессии. Строя свои планы на основе наихудшего сценария, оно хотело иметь возможность сражаться одновременно на двух фронтах, появление которых предполагалось на западе и на Дальнем Востоке¹¹.

10. В этом отношении см., например: W. C. Fuller Jr. *Strategy and Power in Russia, 1600–1914*. New York: The Free Press, 1992. Pp. 439–440.

11. См., например: Палицын Ф. Ф., Алексеев М. В. Доклад о мероприятиях по

Достижение этой цели представляло собой крайне сложную задачу¹². Армейские стратеги готовились к краткосрочной войне с решающим сражением вскоре после начала военных действий. Соответственно, ускоренная мобилизация и развертывание армии считались необходимыми условиями победы¹³. Такая перспектива еще со времени заключения союза между Россией и Францией в 1890-х гг. усугублялась русско-французским соглашением о скорейшем нападении на Германию в случае войны. Однако на пути к решению задачи вставали хронические проблемы. Русские генералы считали количество и качество живой силы недостаточными, транспортную систему — недоразвитой, а финансирование армии — неадекватным. Более того, после 1905 г. им приходилось поддерживать баланс между западным и восточным направлениями. Потеря Балтийского и Тихоокеанского флотов в 1904–1905 гг. оставила два побережья и столицу беззащитными. Но срочное восстановление флота требовало колоссальных инвестиций, а громадное расстояние между двумя предполагаемыми фронтами делало быструю переброску войск невозможной даже в идеальных условиях. Ю. Н. Данилов, заместитель начальника Генштаба в 1909–1914 гг., возможно, слегка мелодраматизировал, когда вспоминал о 1906–1910 гг. как о «периоде нашей полной военной беспомощности», но кое-какие основания для таких слов у него были¹⁴.

В течение нескольких десятилетий, примерно до 1909 г., российская армия, как правило, занимала осторожную позицию. Начало этому курсу было положено в 1870-х гг., вслед за сокрушительным поражением Франции от Пруссии. Особенное влияние на армейские настроения оказал анализ, проведенный генерал-майором Н. Н. Обручевым, который утверждал, что в случае войны с Россией Германия и Австро-Венгрия, вероятно, будут действовать в коалиции, что армия каждой из них численно превосходит русскую армию, и что они могут провести мобилизацию вдвое быстрее того времени, которое требуется России. Поэтому России необходимо крепить оборону. Следовало построить новые крепости и около 7 тыс.

обороне Государства, подлежащих осуществлению в ближайшее десятилетие. [СПб., 1908]. С. 7–9.

12. Такие аналитики, как С. Добровольский, пришли к выводу, что армейское руководство обманывалось само и обманывало всю страну: Добровольский С. К. Мобилизация русской армии в 1914 году: Подготовка и выполнение. М., 1929. С. 62–63.
13. Сравнительное исследование французского, германского и русского наступательного планирования см.: J. Snyder. *The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914*. Ithaca: Cornell University Press, 1984.
14. Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 32. Цит. по: В. W. Menning. *Pieces of the Puzzle: The Role of Ju. N. Danilov and M. V. Alekseev in Russian War Planning before 1914* // *International Historical Review*. Vol. 25. No. 4 (December 2003) Pp. 775–798 (780).

км стратегических железных дорог, увеличить армию и разместить более крупные силы в Польше и рядом с ней, чтобы сократить дальние перемещения войск во время мобилизации. В случае войны армия должна была мобилизоваться как можно быстрее, чтобы остановить вражеское наступление и проводить наступательные и/или контр наступательные операции там и тогда, когда это было бы уместно¹⁵. Некоторые стороны этого подхода (известного как система Милютина-Обручева) впоследствии подверглись пересмотру, но лежащий в их основе принцип осторожности оставался неизменным даже после заключения в 1892 г. военного договора с Францией. После потерь и неурядиц Русско-японской войны такой оборонительный менталитет на несколько лет только усилился¹⁶.

Тем не менее, начиная примерно с 1911 г. разрабатывалась более агрессивная стратегия, в рамках которой мнимая недоразвитость железнодорожной сети приобретала ключевое значение. Этот план, принятый в 1912 г., включал два наступления по расходящимся направлениям, против Германии и Австро-Венгрии соответственно, и обязательство начать наступление против Германии на пятнадцатый день после объявления мобилизации. План был рискованным в обоих этих отношениях: обе русские наступающие армии окажутся уязвимыми в случае контрудара, направленного в разрыв между ними; а само наступление предполагалось начать до завершения мобилизации и сосредоточения русских войск. Несмотря на прогресс в строительстве стратегических железных дорог с 1870-х гг., железнодорожная сеть по-прежнему считалась недостаточной по сравнению с возможностями германских и австро-венгерских железных дорог и едва-едва отвечавшей потребностям, которые к ней предъявлял новый военный план. Программа инвестиций в железнодорожное строительство с целью ускорить мобилизацию рассматривалась в 1912–1914 гг., но ее завершение планировалось не ранее 1917 г. Собственно, представить ее на формальное одобрение в Совет Министров помешало начало войны в 1914 г.¹⁷

Этот отказ от давних традиций осторожности стал темой множества научных дискуссий об его причинах и авторстве. Например, Меннинг утверждает, что новый план стал результатом компромисса между Даниловым и начальником штаба Киевского военного округа генералом М. В. Алексеевым¹⁸. Здесь нам интересны два вопроса. Во-первых, согласие армии начать наступление против Германии в день М+15 ста-

---

15. Menning. *Bayonets before Bullets*. Pp. 19–23.

16. Палицын, Алексеев. Доклад о мероприятиях... С. 38–41; Зайончковский. Подготовка России... С. 31.

17. Snyder. *Ideology of the Offensive*. Pp. 157–98; Menning. *Danilov and Alekseev: О деятельности Комиссии о новых дорогах [ок. января 1917]* // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1372. Л. 706.

18. Menning. *Pieces of the Puzzle*. *passim*.

вит вопрос о том, не относились ли армейские круги к проблеме железнодорожного снабжения более оптимистично, чем принято считать? Во-вторых, вправду ли русская армия неохотно согласилась на такой график наступления под давлением Франции на условии, что французы предоставят займы на строительство стратегических железных дорог, как утверждают различные российские и советские источники, или этот заем был всего лишь удобным предлогом для уступчивости, как предположил Дж. Снайдер?¹⁹ Но какой бы ни была интерпретация, представляется очевидным, что мнимые недостатки железнодорожной сети в потенциале являлись политическим орудием. Как же в этом свете следует оценивать анализ военно-стратегической ситуации с железными дорогами у западных границ, проведенный русскими военными кругами, и их реакцию на эту ситуацию?

Железные дороги с точки зрения армии

Определить, что в царской России называлось «стратегической железной дорогой» — задача более трудная, чем можно было бы ожидать. Сторонний наблюдатель имел все основания считать, что стратегическое значение получали все магистральные дороги и многие второстепенные линии — и российская общественность, несомненно, так и полагала. Но вплоть до 1914 г. армия придерживалась куда более узких взглядов²⁰. По сути, в соответствии с предположениями о раннем решающем сражении и скоротечной войне, на железные дороги в случае конфликта возлагались всего две основные задачи. Первая задача — в ходе мобилизации как можно быстрее перевезти войска со сборных пунктов к местам сосредоточения; что касается западной границы, основное внимание при этом уделялось примерно восьми главным магистралям, начинающимся в таких городах, как Санкт-Петербург, Москва, Орел, Курск, Полтава и Одесса. Вторая задача — обеспечить армии максимальную свободу оперативного маневра, осуществляя быстрые переброски войск из одного сектора фронта на другой; необходимые для этого железные дороги в западных областях представляли собой в основном сравнительно короткие второстепенные и местные линии в польских губерниях и, в более широком плане, на оси север-юг поблизости от российских границ с Польшей и Австро-Венгрией, где театр военных действий сильно осложнялся наличием обширных припятских болот (природный барьер, почти непреодолимый как для железных дорог, так и для наступающих армий)²¹. Соответственно, военные плани-

---

19. Snyder. *Ideology of the Offensive*. Pp. 181–2.

20. Зайончковский. *Подготовка России...* С. 123.

21. Подробное описание соответствующих линий на их протяжении до Москвы и С.-Петербурга см.: Ушаков. *Подготовка...* С. 49–63.

ровщики выделяли «стратегические железные» дороги и оценивали их пригодность главным образом в связи с двумя этими задачами. За пределами этих рамок оставалось большинство линий в тылу, с точки зрения армии не являвшихся «стратегическими магистралями», включая те, что обслуживали промышленные и гражданские потребности таких крупных городов, как Москва и Петербург²².

Отталкиваясь в основном от широких статистических сопоставлений в международном масштабе, армия вплоть до 1914 г. последовательно выражала тревогу по поводу отсталости железнодорожной инфраструктуры и оборудования. Как показано в Таблице 1, накануне Первой Мировой войны Россия казалась далеко отставшей от Германии и других держав по таким показателям, как протяженность дорог на душу населения и плотность железнодорожной сети, количество локомотивов и товарных вагонов. Утверждалось, что в России нужно построить около 200 тыс. км новых дорог, чтобы сравняться с германской инфраструктурой. К особенно тревожным выводам приводило сравнение количества магистральных линий в приграничных районах, особенно двухпутных, и их пропускной способности. Например, в 1909 г. в Германии, Австро-Венгрии и Румынии имелось соответственно 18, 14 и 4 линии, идущих к границам с Российской империей, в то время как в России таких линий насчитывалось 10, 7 и 2²³. Следовательно, Германия и Австро-Венгрия могли сосредоточить свои войска около границы гораздо быстрее, чем Россия. Но России было непросто преодолеть это отставание. Стратеги сетовали на то, что при железнодорожном планировании военными вопросами пренебрегали в пользу экономических, что на усовершенствование сети и на строительство новых линий, требовавшихся в военных целях, отпускались недостаточные государственные средства²⁴. Однако по иронии судьбы прокладка новых линий в приграничных районах могла бы принести больше вреда, чем пользы, поскольку облегчила бы врагу наступление²⁵.

До 1912 г. реакция армии на эти проблемы представляла собой те или иные сочетания попыток приспособиться, осторожности, инвестиций и призывов к переменам. Размещение войск в мирное время осуществлялось таким образом, чтобы снизить потребность в железных дорогах во время мобилизации. Например, вплоть до 1910 г. регулярные армейские части в основном располагались вблизи границы, и главная задача железных дорог в ходе мобилизации сводилась

---

22. Ронжин. Военные сообщения... С. 133; Васильев Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М., 1939. С. 62.

23. Зайончковский. Подготовка России... С. 123–126, 130, 134–139. См. также: Ушаков. Подготовка... С. 15.

24. На частные средства в любом случае не было никакой надежды, поскольку большинство стратегических линий не могли приносить коммерческую прибыль.

25. Зайончковский. Подготовка России... С. 57.

к перевозке резервистов. При этом призывы армейских кругов к новым инвестициям имели своей основной целью ускорение мобилизации посредством повышения пропускной способности магистралей, идущих из глубины страны к границам. В число желательных мер входило строительство новых линий и такие усовершенствования, как прокладка вторых путей. Военное министерство, в сущности, само призывало французов усилить нажим на русское правительство в вопросе о постройке новых стратегических дорог, возможно — как отмечалось выше — дойдя до того, что согласилось начать наступление на Германию в день М+15 в обмен на железнодорожные займы. Что касается новых путей в приграничных районах, то характерная для армии осторожная политика в течение многих лет выражалась в сопротивлении таким проектам. И фактически это противодействие оказалось очень результативным, несмотря на жалобы о забвении интересов армии при железнодорожном планировании²⁶.

Военный план 1912 г., в большей степени ориентированный на наступление, предусматривал серьезные изменения в политике железнодорожного строительства. На развитие и усовершенствование «стратегических дорог» в период 1913–1917 гг. предусматривалось гораздо больше ассигнований. Такая перемена была вызвана отчасти нажимом на русское правительство французов, требовавших начать наступление на Германию вскоре после начала войны и с этой целью улучшить железные дороги — в этих обстоятельствах Военное министерство с удовольствием увязало свои союзнические обязательства с железнодорожными инвестициями и с французским займом²⁷. Соответственно в 1912 г. министерство составило список своих ключевых приоритетов в масштабах империи, оценивавшихся примерно в 650 млн. рублей, для включения в план железнодорожного строительства и усовершенствований на 1913–1917 годы. МПС, в целом сочувственно относившееся к этим требованиям, но выражавшее сомнения в некоторых частностях, предложило в марте 1913 г. сформировать межведомственную комиссию для выработки программы по удовлетворению

---

26. Например: Menning. Bayonets before Bullets. Pp. 117–20; Snyder. Ideology of the Offensive. Pp. 171–172, 181–182; Зайончковский. Подготовка России... С. 57–58, 128, 130–132. Пример противодействия армии конкретному железнодорожному проекту см.: П. А. Столыпин — В. Н. Кокорцову, 19 мая 1909 (РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1643. Л. 1–2). Эта поразительная политика вкратце отмечается в: Зайончковский. Подготовка России... С. 57–58, 128 и Ронжин. Военные сообщения... С. 134. Но ни тот, ни другой ее не анализировали, и она обычно оставалась в забвении. Современные замечания по этой теме см., например: Fuller. Strategy and Power. Pp. 439–440. Такое умонастроение имело хождение не только в России, французские генералы думали нечто подобное после войны 1870–1871 гг.: Westwood. Railways at War. P. 65.

27. О французском нажиме в тот момент см.: Зайончковский. Подготовка России... С. 127; Luntinen. French Information. Pp. 192–194.

армейских потребностей. Комиссия приступила к работе в ноябре 1913 г., но к тому времени нужды Военного министерства возросли примерно до 1240 млн. рублей²⁸. План железнодорожного строительства и усовершенствований на следующие 5–10 лет, в конце концов одобренный Министерством финансов в мае-июне 1914 г., предусматривал выделение около 470 млн. рублей на военные потребности — примерно 72 процента от той цифры, которой Военное министерство открыло торги, и 17 процентов от общего бюджета плана в 2,8 млрд. рублей²⁹. В отношении западных областей эти меры были в основном направлены на ускорение переброски войск во время мобилизации; Военное министерство не изменяло свою оборонительную политику в отношении местных линий в приграничных районах вплоть до января 1914 г.³⁰

Встает вопрос: насколько соответствовал реальности анализ состояния железных дорог, производившийся армейскими кругами? Во-первых следует заметить, что хотя задача обеспечения безопасности России, очевидно, не имела простого решения, историки подвергают резкой критике армейское стратегическое планирование. Указывается, что оборонительные планы отличались избыточной осторожностью, основанной на преувеличенных представлениях об угрозах. Например, в одном случае Генеральный Штаб допускал возможность одновременного конфликта практически на всех направлениях, заставив уважаемого аналитика А. А. Керсновского заметить, что непредвиденным оставалось только вторжение марсиан³¹. Что касается несчастного плана 1912 г., Меннинг пишет о «трагических изъянах в стратегическом замысле, которые стали одной из причин катастроф 1914 г. на русском фронте»³². Раз-

---

28. Требования Военного министерства на тот момент приводятся в: Ушаков. Подготовка... С. 187–190.

29. Рухлов — Коковцеву, 22 марта 1913 г. // РГИА, Ф. 268. Оп. 3. Д. 1643. Л. 200–203; Меры по усилению и улучшению сети ж. д. Империи для обеспечения интересов гос. обороны на пятилетие 1913–1918 [1912] // Там же. Л. 204–205; внутренний меморандум Департамента железнодорожных дел [июнь 1913?] // Там же. Л. 230; Выписка из журнала Совещания под председательством тайного советника Думитрашко относительно мероприятий по улучшению и усилению железнодорожной сети со стратегической целью, 30 ноября, 10, 16 и 28 декабря 1913 г. // Там же. Л. 242; Думитрашко — Старынкевичу, 18 февраля 1914 г. // Там же. Л. 241–241 об.; внутренний меморандум Департамента железнодорожных дел [март 1914?] // Там же. Л. 249–250; внутренний меморандум Департамента железнодорожных дел 12 мая 1914 г. // Там же. Л. 262.

30. Зайончковский датирует это изменение январем 1914 г.: Зайончковский. Подготовка России... С. 128. Пример успешной борьбы армейских кругов с проектом строительства линии от Сувалки на Северо-Западной железной дороге к германской границе еще в ноябре 1912 г. см.: С. В. Рухлов — Коковцеву, 28/30 ноября 1912 г. // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1643. Л. 193–193 об..

31. Цит. по: Menning. Pieces of the Puzzle. P. 784.

32. Menning Pieces of the Puzzle. P. 798.

личные стороны более детального планирования также получали презрительную оценку. Например, русские военные игры велись в предположении, что Германия будет наступать, и не принимали во внимание возможности того, что германская армия останется на месте — что и произошло в августе 1914 г. Кроме того, в военных играх обычно не учитывались вопросы железнодорожных перевозок, несмотря на их ключевое значение в процессе мобилизации³³.

Как ни странно, представления армии о состоянии железных дорог не подвергались такой же критике со стороны военных историков. В частности, почти никто не пытался опровергнуть заявление о недоразвитости железнодорожной сети. Например, У. Фуллер отмечает, что австро-венгерская и германская железнодорожные системы начиная с 1870-х гг. и по 1914 г. «неизменно превосходили» российскую систему³⁴. Также и Лунтинен согласен с тогдашним французским вердиктом о необходимости новых обширных инвестиций для того, чтобы вывести железнодорожную сеть на уровень, обязательный для ведения успешного наступления против Германии, и с их мнением о том, что причиной «отсталости» были недостаточные капиталовложения³⁵. Позиция армии подвергалась серьезной критике исключительно в отношении чрезмерно узкой концепции «стратегических железных дорог» и нехватки железнодорожных линий вблизи границы. Но даже эта критика в основном ограничивалась отдельными замечаниями в некоторых советских и эмигрантских исследованиях 1920–1930-х гг.³⁶ Мы же к этой критике можем прибавить, что мнение армии о недоразвитости железных дорог, вероятно, было преувеличенным, и что реакция армии также заслуживает тщательной переоценки.

Узкое определение военных задач, ставившихся перед железными дорогами, негативно влияло и на их развитие, и на их функционирование. Оно усугубляло свойственную для МПС досадную тенденцию понимать под «стратегическими железными дорогами» убыточные линии, финансируемые государством. Правда, экономические и военные императивы совпадали в случае магистралей восток-запад, обладавших хорошими коммерческими перспективами. Но поперечные и местные линии в приграничных областях — совсем другое дело. Во второй половине XIX в. они обычно не считались коммерчески прибыльными, а поскольку ни МПС, ни Военное министерство не желали брать на себя финансовое бремя по строительству и содержанию военных железных дорог, подобные пути в то время и не строились; впоследствии же, конечно, Военное ми-

---

33. Snyder. *Ideology of the Offensive*. Pp. 164, 190–192.

34. Fuller. *Strategy and Power*. P. XIX.

35. Luntinen. *French Information*. Pp. 192–194.

36. Зайончковский. *Подготовка России...* С. 57–58, 128; Ронжин. *Военные сообщения...* С. 134.

нистерство противилось строительству этих линий из опасения, что тем самым будет оказана помощь врагу. Что касается предполагаемой работы железных дорог в военное время, то отсутствие широкого взгляда на фронт и тыл как на единую военно-экономическую систему вело к тому, что военные планы недооценивали значение промышленных и гражданских путей снабжения в тылу. Например, война с Германией, вероятно, привела бы к прекращению поставок по Балтийскому морю британского угля, который служил основным топливом для русской столицы, и его пришлось бы заменить углем Донбасса; тем самым был бы создан существенный и потенциально пагубный грузопоток в направлении юг-север.

Более того, сомнительными являлись сравнения с другими странами, с помощью которых доказывалась недоразвитость российской сети. Статистика по видимости давала объективную картину, позволяя получить хотя бы базовое представление о возможностях и силе (или слабости) зарубежных сетей. Она служила решающим аргументом военным, добивавшимся солидных инвестиций, и, как можно цинично добавить, позволяла найти потенциального козла отпущения на случай неприятностей. Но статистика порой бывает обманчива. Армейское руководство по той или иной причине в основном игнорировало методологические проблемы, с которыми связаны широкие сопоставления. Потенциально громадные различия в контексте могли серьезно ограничить сопоставимость данных, особенно в географическом, социально-экономическом, техническом и военно-стратегическом отношении. И если мы пристально изучим примеры этих контекстуальных проблем, то получим право предположить, что недостатки российских стратегических железных дорог в плане *оборон* западной границы были не так велики, как считала армия.

Во-первых, источником заблуждений мог являться диапазон и характер данных. В отношении западной границы было естественно проводить сравнения с Германией, Австро-Венгрией и Румынией. Но говоря об империи в целом, как можно объяснить хроническое отсутствие данных по Османской империи, этому исконному южному врагу? По сути, еще в 1912 г. российский Генеральный штаб был уверен в превосходстве своих железнодорожных линий на Кавказе и добивался строительства ряда новых линий с целью сохранения этого превосходства и своей наступательной способности на фоне таких проектов, как строительство магистрали Берлин-Багдад³⁷. Также при сопоставлениях обычно не учитывался Дальний Восток, где плотность железнодорожной сети была низкой с обеих сторон. Значит, возможно, эти упущения отражали озабоченность судьбой тезиса о «недоразвитости». Что касается харак-

---

37. Меры по усилению и улучшению сети ж. д. Империи // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1643. Л. 204–205; Зайончковский. Подготовка России... С. 80, 130–131; Luntinen. French Information. P. 130.

тера и сопоставимости данных, то методы сбора статистики могли быть самыми разными. Например, цифра километража российских линий обычно учитывала только железнодорожную сеть общего пользования и пренебрегала узкоколейными местными линиями в балтийских губерниях и в Польше, которые могли иметь значение как полевые железные дороги³⁸. Но основывались ли данные по Германии, Австро-Венгрии и Румынии на тех же критериях?

Точно так же следует внимательно изучать критерии для сопоставления с конкретными странами. Низкая плотность железнодорожной сети в России на единицу площади оказывается не таким впечатляющим показателем отсталости, если вспомнить, что большая часть российской территории оставалась редкозаселенной вследствие неблагоприятных географических условий. Зайончковский в 1920-х гг. признавал это затруднение, исключая ряд северных регионов из своей статистики. Но есть основания полагать, что этот момент необходимо рассмотреть подробнее. Бросается в глаза абсурдность сделанного на этой основе совершенно серьезного заключения Генштаба о том, что Россия, чтобы сравняться с Германией, нуждается в сети железных дорог общего пользования протяженностью около 200 тыс. км.³⁹

Широкие социально-экономические сопоставления свидетельствовали о слабости России по отношению к ее противникам. Однако нам необходимо знать, почему развитие железнодорожной сети в приграничных районах различных государств происходило разным образом. Объяснение вполне может заключаться в местных факторах, не имеющих специфически военного значения. Например, разный темп строительства железных дорог в Германии и России отчасти был вызван радикальными различиями в философии инвестиций: в большинстве регионов Германии поощрялись частные капиталовложения, в то время как Россия начиная с 1870-х гг. полагалась на государственное финансирование. Соответствующая философия планирования также различалась: германская армия была вовлечена в планирование железнодорожного строительства в приграничных районах в гораздо меньшей степени, чем российская⁴⁰. Более того, в Германии почти не имелось препятствий географического характера, земля стоила недорого, а положение страны сулило большие выгоды от международных транзитных грузопотоков⁴¹. В Силезии у Германии имелись уголь-

38. Цифры километража см.: Россия, 1913 год. С. 111–112.

39. Зайончковский. Подготовка России... С. 124–125.

40. R. E. H. Mellor. *German Railways: A Study in the Historical Geography of Transport* (University of Aberdeen: Department of Geography, O'Dell Memorial Monograph No. 8, 1976). P. 4; Зайончковский. Подготовка России... С. 56, 132.

41. W. O. Henderson. *The Rise of German Industrial Power, 1834–1914*. London: Temple Smith, 1975. P. 50.

ные шахты, обладавшие очевидной коммерческой привлекательностью для частных инвестиций в железные дороги, безотносительно к вопросам стратегии. Вообще Силезия в 1913 г. занимала третье место в Германии по грузообороту железных дорог⁴². Напротив, большинство железных дорог в российской части Польши не обещали крупных прибылей, так как это была равнинная аграрная страна с невысокой плотностью населения; российским горнопромышленным районом, аналогичным Силезии, был Донбасс, имевший густую железнодорожную сеть.

Особенно много проблем доставляют технические сопоставления, как видно из последующих пяти примеров. Во-первых, как всем известно, разной была ширина железнодорожной колеи. История о том, что в России вместо 1435-мм колеи, становившейся европейским стандартом, была принята ширина колеи в 1524 мм (пять футов) из-за соображений обороны, апокрифична⁴³. Но в итоге оборона России действительно в какой-то степени облегчалась, хотя, конечно, то же самое верно в отношении Германии и Австро-Венгрии. Во-вторых, Россия, вероятно, добилась большего прогресса, чем ее соперники, в отношении стандартизации оборудования и объединенного управления дорогами. Процесс стандартизации замечен уже в начале 1870-х гг., и его темп был ускорен после транспортного хаоса во время войны с Турцией 1877–1878 гг. Напротив, в Германии подобным мерам препятствовал местный «партикуляризм» германских государств⁴⁴. В третьих, ключевой вопрос о пропускной способности необходимо увязывать с наличием подвижного состава; в реальности, поскольку русские вместо тщательного учета всех нюансов предпочитали грубый подсчет на пальцах, французские эксперты полагали, что те переоценивают пропускную способность австро-венгерских дорог⁴⁵. В-четвертых, количество подвижного состава следует соотносить с качеством оборудования и транспортными потребностями. В обоих этих отношениях русская отсталость, вероятно, была преувеличенной. Например, армия считала, что накануне Первой Мировой войны ситуация с локомотивами ухудшалась, поскольку уменьшалось их количество; на самом же деле строительство новых «мощных» локомотивов позволяло МПС в больших количествах выводить из эксплуатации устаревшие маломощные машины. Что касается грузооборота, то нехватки подвижного состава действительно случались, вызывая широкую негативную реакцию. Однако, они

---

42. Mellor. *German Railways*. P. 47. Согласно тому же источнику, наименьшим грузооборотом отличались Познань, Балтийское побережье и Восточная/Западная Пруссия.

43. Haywood. *Beginnings of Railway Development*. Pp. 112–113; *Ibid.* *Russia Enters the Railway Age*. Pp. 118–119; Westwood. *Railways at War*. Pp. 12–13.

44. Westwood. *History of Russian Railways*. Pp. 81–82, 95–96; *Ibid.* *Railways at War*. Pp. 89–90, 120; Mellor. *German Railways*. Pp. 4, 19.

45. Snyder. *Ideology of the Offensive*. P. 176.

имели временный и местный, а не всеобъемлющий характер, и в целом железные дороги перевозили грузы без задержек⁴⁶. В-пятых, возможности железных дорог и подвижного состава также находились в зависимости от того, что (или кто) перевозилось. Обозначения «40 человек или 8 лошадей», встречавшиеся в то время на вагонах по всей Европе, не просто указывали на двойное предназначение подвижного состава; они имели также отношение к пропускной способности линий. На практике, русская кавалерийская дивизия вчетверо сильнее загружала линию, чем пехотная дивизия. Если бы русская армия снизила свои потребности в кавалерии, то железные дороги в ходе мобилизации могли бы перевезти гораздо больше пехотных частей и с гораздо большей скоростью⁴⁷.

Наконец, если мы изучим стратегически-транспортный контекст в Центральной Европе, то железнодорожные сопоставления окажутся куда более благоприятными для России — по трем причинам. Одна состоит в том, что Германии и Австро-Венгрии тоже угрожала война на два фронта, соответственно против Франции и России и против Сербии и России. Вторая причина — в том, что по иронии судьбы мнимая неполноценность русской железнодорожной сети убаюкивала германское верховное командование, не испытывавшее опасений в отношении Восточной Пруссии и Силезии. И третья причина, заслуживающая углубленного рассмотрения, сводится к тому, что немцы, как и русские, критически относились к состоянию своих железных дорог. По их мнению, железнодорожная сеть на востоке страны была редкой, хотя и вполне достаточной благодаря ее большей плотности по сравнению с российской Польшей. Однако ось восток-запад ослаблялась отсутствием объездных путей вокруг Берлина, которые так и не были закончены к 1914 г. (окружная дорога вокруг Москвы открылась в начале 1900-х гг.). На западе индустриальная Вестфалия имела хорошую сеть, но не хватало денег на строительство мостовых переходов через Рейн, в которых нуждались военные. Что самое важное, сосредоточить войска на 80-километровом бельгийском фронте можно было в единственном железнодорожном узле — Ахене, и соответственно скорость наступления в Бельгии очень сильно зависела от того, удастся ли захватить целыми туннели и мосты льежского узла. Наличие этого «бутылочного горлышка» имело важные последствия для России. В рамках шлиффеновской идеи о сокрушительном ударе против Франции и при наличии мощной германской обороны в Восточной Пруссии и Силезии, оно способствовало

---

46. Зайончковский. Подготовка России... С. 137. Сидоров. Железнодорожный транспорт... С. 12–13 (и цитата в: Menning. Bayonets before Bullets. P. 292, note 124); Westwood. The Railways. Pp. 170–178.

47. Ронжин. Военные сообщения... С. 143; Westwood. Railways at War. P. 139; Stone. Eastern Front. P. 36.

принятию плана, согласно которому немецкий подвижной состав во время мобилизации сосредотачивался на *западе*⁴⁸.

Последствия такой ситуации для России нельзя назвать иначе, как трагической иронией. Хотя пропускная способность железных дорог не позволяла России производить сосредоточение войск с такой же скоростью, как Германии, эти железные дороги использовались бы с большей интенсивностью, чем в восточной Германии. Однако, хрупкое равновесие было бы нарушено, если бы Россия приняла существенные меры к улучшению своей сети «стратегических магистралей», так как германское командование лишилось бы чувства защищенности. И тем не менее *представление* российского Генштаба о недоразвитости железных дорог, как говорилось выше, начиная примерно с 1912 г. вело именно в этом направлении, и немцы соответственно встревожились тем, что Россия сумеет провести мобилизацию в более короткие сроки. Они опасались того, что к 1917 г. мобилизация в России займет всего лишь на три дня больше, чем в Германии, если в последней не произойдет серьезных перемен. Поскольку в таких обстоятельствах план Шлиффена не мог увенчаться успехом, строительство железных дорог в России могло спровоцировать немцев на начало войны в 1914 году⁴⁹.

Характерные для России представления о недоразвитости железных дорог, возможно, были более оправданными в смысле готовности к немедленному наступлению. Пропускная способность определяла ту скорость, с которой можно было сосредоточить войска, а железнодорожная сеть 1912 г. была просто не в состоянии и обеспечить мобилизацию (на которую требовалось, вероятно, десять дней), и своевременную переброску необходимого числа войск с целью начать наступление согласно новому военному плану, на 15-й день после начала мобилизации. Но и к этому моменту мы должны относиться осторожно. В железнодорожном смысле наступление означает намного больше, чем просто мобилизацию. Поскольку военная технология давала обороняющейся стороне преимущество перед наступающей, Германия и Австро-Венгрия автоматически получали определенные преимущества⁵⁰. Более того, дополнительным препятствием служила разная

---

48. Mellor. German Railways. Pp. 18–19; Snyder. Ideology of the Offensive. Pp. 112, 152, 154; A. J. P. Taylor. War by Timetable: How the First World War Began. London: MacDonal, 1969. P. 26; H. H. Herwig. The First World War: Germany and Austria-Hungary, 1914–1918. London: Arnold, 1997. Pp. 59, 75.

49. См., например: Taylor. War by Timetable. P. 89; Stone. Eastern Front. Pp. 40–42; Westwood. Railways at War. Pp. 126–127; Collins. Franco — Russian Alliance. P. 788.

50. Общие соображения по этому поводу см.: Snyder. Ideology of the Offensive. Pp. 21–22, 112, 161; Westwood. Railways at War. Pp. 141–143. 1914 год дает нам такие примеры, как передислокация французских войск с целью встретить наступление германской армии через Бельгию, оборона Восточной Пруссии немцами и ответ русских на австрийское наступление в Польше.

ширина железнодорожной колеи. Если бы русские прорвали фронт, их передовые части вскоре бы оказались вдали от ближайших станций с русской шириной колеи и столкнулись бы с серьезными проблемами снабжения. Иными словами, вне зависимости от того, насколько развиты были российские железные дороги и как быстро Россия проводила мобилизацию, русское наступление в любом случае споткнулось бы о железнодорожные проблемы на вражеской территории.

Представления армии о препятствиях, мешавших преодолеть недоразвитость железнодорожной сети, возможно, также заслуживают переоценки. Например, необходимо подвергнуть сомнению ключевое обвинение в адрес Комиссии о новых железных дорогах, что она якобы препятствовала строительству стратегических дорог, отдавая приоритет коммерческим интересам. Начиная с 1870-х гг. многие железные дороги строились в первую очередь со стратегическими целями, и как говорилось выше, летом 1914 г. в свете нового военного плана был поднят вопрос о крупных ассигнованиях. Комиссия, как правило, учитывала возражения военных, касавшиеся проектов строительства дорог в западных приграничных районах. В любом случае, принятое в военных кругах узкое определение «стратегических железных дорог» вело к тому, что инвестиции в такие линии выглядят незначительными на фоне общих капиталовложений в железнодорожную сеть. Кроме того, начиная с 1900 г., если не ранее, правительство исключало комиссию из обсуждения таких проектов, имевших наивысший приоритет для армии, как линии Оренбург–Ташкент, Бологое–Седлицкая, Амурская железная дорога (проходивший по российской территории северный обходной путь взамен Китайско-Восточной железной дороги через Маньчжурию во Владивосток), и Петрозаводск–Мурманск⁵¹. Что интересно, как демонстрирует приведенный ниже пример, представители невоенных кругов, отстаивая проекты тех или иных линий, пытались подкрепить свою позицию ссылками на военные нужды, при этом пользуясь гораздо более широким определением «стратегической железной дороги», чем то, что было принято в армии. Но не следует полагать, что эти военные аргументы обладали несокрушимой самоочевидностью: налицо были крупные разногласия во мнениях. И как покажет наш пример, есть основания подозревать, что военные круги достаточно вяло отстаивали свои интересы в ходе процесса планирования.

Точно так же военные заблуждались, утверждая, что на их железнодорожные потребности выделяются недостаточные ассигнования. Очевидно, неприязнь армии к частным инвестициям ограничивала имеющиеся возможности. Более того, хотя Франция выдала несколько займов на строительство стратегических дорог, которые предназначались в первую очередь на случай войны с Германией,

---

51. О деятельности Комиссии о новых дорогах // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1372. Л. 106.-2.

русская армия предпочла использовать большую часть этих денег для усиления австро-венгерского направления⁵². В любом случае, армия имела право выделять на строительство железных дорог часть собственного бюджета. Тот факт, что она этого явно не делала, в конечном счете объясняется общей нехваткой средств, существовавшей расстановкой приоритетов в Военном министерстве и слабым интересом к вопросам организации железнодорожных перевозок у армейских планировщиков. Подобно министерствам во всем мире, русское Военное министерство заигралось в бюджетную политику.

Наконец, вероятно, преувеличенными были и тревоги по поводу того, что развитие железнодорожной сети в приграничных районах окажется на руку врагу. Очевидно, русская сторона получала пользу от любых существующих линий, если бы ее армии удалось удержать границу или даже перейти в наступление. Кроме того, она в какой-то степени могла выиграть от разницы в ширине колеи при любых оборонительных действиях на русской территории. Вражеское наступление можно было замедлить даже частичным разрушением железнодорожной инфраструктуры — эта задержка могла оказаться если не решающей, так хотя бы полезной. Абсолютная неготовность воспользоваться этой возможностью являлась признаком глубоко укоренившейся в армейских кругах осторожности и, возможно, готовности к отступлению. Как ни иронично, последующие частные инвестиции в строительство этих линий никак не сказывались на военном бюджете. Взвесив все «за» и «против» в смысле полезности приграничных линий во время конфликта, можно заподозрить, что плюсы все-таки перевешивали минусы.

Что же тогда можно сказать о политической реакции армии на «недоразвитость» железнодорожной сети вблизи от западной границы? Первоначальные чисто военные меры действительно были направлены на преодоление основных трудностей, какими они представлялись, но последующие новшества скорее вели к их обострению. Во-первых, оборонительная стратегия, исповедовавшаяся несколько десятилетий до 1912 г., вполне соответствовала существовавшей железнодорожной сети. Однако, план 1912 г. был очень рискованным в транспортном смысле до тех пор, пока запланированные инвестиции не привели бы к существенному сокращению сроков мобилизации. Во-вторых, как отмечалось выше, соответствующая тактика такого развертывания сил, которое бы минимизировало транспортные потребности, также в течение многих лет благоприятствовала предполагавшейся работе железных дорог в ходе мобилизации. Но опять же, последующие изменения — на этот раз в 1908 г. — свели на нет часть этих выгод, так как требовали более напряженного использования транспорта, несмотря на то, что пункты сосредоточения войск в ходе мобилизации теперь располагались дальше к востоку.

---

52. Snyder. *Ideology of the Offensive*. Pp. 181–182.

Возможно, что политика, препятствовавшая строительству железных дорог в приграничных районах, была контрпродуктивной. Она достигла своей цели: в течение многих лет в этих районах действовало лишь несколько линий. И она действительно принесла существенную стратегическую выгоду — хотя неожиданную и незамеченную — состоявшую в том, что немцы благодаря своему транспортному превосходству не чувствовали серьезной угрозы на своих восточных рубежах. Однако, недостаточная железнодорожная сеть в приграничных районах ограничивала возможности армии по совершению оперативного маневра по рельсам. Более того, отход от этой политики, произошедший примерно в январе 1914 г., и последующий бурный всплеск активности в этом регионе и интереса к нему встревожил немцев, опасавшихся быстро лишиться своего превосходства. Таким образом, как ни странно, такое развитие событий только повысило уровень опасности для России. Если при данных обстоятельствах мобилизация по сути означала войну, то практически к тому же вели и масштабы новых приготовлений. Если бы строительство этих линий началось ранее и шло не так поспешно, германская реакция, вполне возможно, была бы куда менее нервной.

В целом в существующей литературе отсутствует анализ усилий военных кругов, предпринимавшихся ради новых инвестиций в стратегические железные дороги, строительства конкретных линий или таких усовершенствований, как двухпутные дороги. Например, каким образом мы должны интерпретировать бюджет в 470 млн руб., ставший предметом торга в 1914 г.? Здесь необходимы тщательные исследования, особенно в отношении начала 1900-х гг. и попыток 1912–1914 гг. по расстановке приоритетов. Именно в рамках этой задачи находится следующий раздел данной статьи. Он представляет собой анализ дискуссий, развернувшихся вокруг предложения от 1912 г. о строительстве магистрали из Орла к балтийскому побережью. В центре внимания окажется Комиссия о новых железных дорогах и будет показано, как обсуждавшиеся выше проблемы отражались в повседневной практике планирования железнодорожного строительства. Мы продемонстрируем, что принятое в армейских кругах определение «стратегической железной дороги» заставляло их выступать против этого важного проекта по расширению российской железнодорожной сети, что в потенциале негативно сказалось на самой же армии.

Экономика, военная политика и железнодорожное строительство: показательный пример

Эпоха после Русско-Японской войны благоприятствовала частным проектам строительства железной дороги из Орла к балтийскому побережью. Представители государственной бюрократии, особен-

но в Министерстве финансов, впервые после 1870-х гг. начали благосклонно относиться к крупномасштабным частным инвестициям. Правда, МПС упорно сопротивлялось этим новшествам, но у него не имелось реальной альтернативы по финансированию всех тех проектов, которые считались необходимыми. Что особенно важно, эта дорога фигурировала в пятилетнем плане железнодорожного строительства, составленном в 1908 г. на межведомственном совещании, она должна была пересечь многие уезды, у которых отсутствовал удобный доступ к железнодорожной сети, и в феврале 1911 г. было получено официальное разрешение на изыскательские работы⁵³.

В конечном счете Комиссия о новых железных дорогах в 1912–1913 гг. рассмотрела три сходных проекта. Первый был представлен в конце 1911 г. предпринимателями Н. А. Васильевым и К. Е. Юрковским. Они предполагали строительство дороги длиной около 975 км от Орла через Вязьму, Нелидово, Торопец, Холм и Дно к старому приморскому городу Нарве, расположенному на полпути между Ревелем (ныне — Таллин, столица Эстонии) и Санкт-Петербургом. Департамент железнодорожных дел надеялся, что комиссия рассмотрит это предложение в октябре 1911 г. наряду с «конкурирующим» проектом Москва–Ревель. Но поскольку все бумаги не были к тому времени готовы, комиссия отложила дискуссию о дороге Орел–Нарва, надеясь тем временем добиться от Совета Министров согласия с ее отрицательным мнением о проекте Москва–Ревель как неэкономичном. Второй, запоздалый проект в мае 1912 г. представили военный инженер В. К. Фельдт и его деловой партнер Ф. А. Цехановский. Они назвали свой проект Петровской железной дорогой, хитро эксплуатируя славу Петра Великого и подражая престижной Николаевской дороге. Их дорога должна была следовать тем же маршрутом от Орла до Нелидово, но затем проходила восточнее, через древний город Новгород к новому вокзалу в столице (общая протяженность за исключением боковых веток — 921 км). Наконец, когда комиссия уже начала слушания, о своем плане объявила частная Московско-Виндавско-Рыбинская железная дорога (МВР). Представленный ею в октябре 1912 г. проект предполагал строительство пути, который к северу от Нелидово должен был пройти по линии, средней по сравнению с двумя другими линиями, огибая Новгород с запада и на последних километрах пути до С.-Петербурга используя уже существующую дорогу компании до Царского Села (общая протяженность за исключением боковых веток и других линий — 907 км)⁵⁴.

53. Приоритетность этого проекта и разрешение на изыскательские работы отмечаются в: Н. А. Васильев и К. Е. Юрковский — Министру финансов, [23] июля 1911 г. // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1200. Л. 1; Краткие экономические и финансовые данные к проекту сооружения железнодорожной линии Орел–Нарва [1911] // Там же. Л. 174 об..

54. Васильев и Юрковский — Министру финансов, [23] июля 1911 г. // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1200. Л. 1; Департамент железнодорожных дел — Васильеву и Юр-

Работа комиссии в целом проходила в рамках обычной процедуры. Все началось с формальных слушаний, на которых авторы проектов представили их на обсуждение, а представители с мест выступили со своими замечаниями; эти заседания проводились в конце мая и середине декабря 1912 г. После этого комиссия приступила к продолжительным дискуссиям, которые происходили в декабре 1912 г. и марте-апреле 1913 г.; на более поздних заседаниях также выслушивались замечания различных заинтересованных сторон⁵⁵. Этот процесс чрезмерно затянулся по нескольким причинам. Первой была необходимость рассмотреть запоздалые предложения, а также слегка видоизмененный план дороги Орел–Нарва. Во-вторых, дело было очень сложным: дороге придавалось большое значение, предложений выдвигалось много, требовалось заслушать различные стороны. В-третьих, в ходе дискуссии рождались побочные проекты, главным образом связанные с улучшением доступа к Ревелю, и от кандидатов требовалось исследовать эти предложения. Наконец, имелась и практическая причина: проведение дополнительных заседаний было затруднительно вследствие крайней загруженности комиссии.

Военные соображения с самого начала затрагивались и авторами проектов, и выразителями местных интересов. Например, авторы нарвского проекта подчеркивали, что если пропускная способность Николаевской дороги в случае войны с западными державами окажется недостаточной, то новая линия может использоваться для перевозки людей и боеприпасов к побережью для обороны столицы. Аналогично, защитники интересов города Белый в Смоленской губернии утверждали, что Нарвская дорога имеет первостепенное стратегическое значение, поскольку она пересечет большинство линий из Москвы к западным границам и окажется ближайшей крупной магистралью к Финскому заливу⁵⁶. Тем вре-

---

ковскому, 26 июля 1911 г. // Там же. Л. 3–3 об.; Экономическая записка к проекту железнодорожной линии Орел–Нарва [1911], и ее исправленный вариант [февраль 1912] (Там же. Л. 33–76, 80–167); Внутренний меморандум Департамента железнодорожных дел [ок. 11 мая 1912] // Там же. Л. 33; Журнал Комиссии о новых железных дорогах по вопросу о сооружении железных дорог от г. Орла к Балтийскому морю, 26 мая 1913–9 апреля 1913 // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1326. Л. 3. В проектах используется название «Ревель», и по этой причине мы тоже будем говорить о Ревеле, а не о Таллине.

55. Подробности см.: Журнал Комиссии... С. 1–82, приложения и карта // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1326. Л. 1–81.

56. Краткие экономические и финансовые данные... // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1200. Л. 178; Журнал Комиссии... // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1326. Л. 10 об.; Представители Смоленского губернского земства, Бельского уездного земства и города Белый — Министру финансов [январь 1912] // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1200. Л. 223. С аналогичными решительными заявлениями выступили представители Нарвы и Гдова: Журнал Комиссии... // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1326. Л. 20.

менем МВР утверждала, что предложенная ею 424-километровая соединительная линия от Валдая через Новгород в Тапс обеспечит альтернативный зимний доступ в ревельский порт взамен замерзающего петербургского и позволит быстро перебрасывать войска из Новгородской губернии к заливу, а также без особых проблем снабжать их из Верхнего Поволжья⁵⁷. По сути о том же самом говорили делегаты из Новгорода, выступавшие за строительство отвления от Петровской железной дороги; кроме того, они напомнили комиссии, что перевод их узкоколейной ветки к Николаевской железной дороге на широкую колею будет способствовать армейским перевозкам⁵⁸. Особенно оправданной, в свете последующих событий, была озабоченность городских властей Санкт-Петербурга зависимостью столицы от британского угля, поставки которого незадолго до того нарушались из-за шахтерских забастовок. Крайне необходимо было перевести Петербург на использование русского угля путем снижения внутренних транспортных затрат, в первую очередь благодаря постройке более короткого железнодорожного пути из Донбасса: «В случае же военных осложнений для С.-Петербурга крайне важно иметь отечественный уголь, чтобы в виду его отсутствия (т. е. отсутствия британского угля — Э. Х.) не оказались в тяжелом положении водопроводы, трамваи, фабрики, артиллерийские заведения, а также и флот. Вопрос об удешевлении подвоза русского угля есть вопрос государственной важности»⁵⁹.

Порой дискуссии становились весьма обстоятельными, хотя их участники не всегда оказывались хорошо осведомленными в военных вопросах. В данном случае у нас имеется полностью зафиксированная аргументация в поддержку Нарвской линии с военной точки зрения, которую привел делегат от города Холм на заседании по этому вопросу Санкт-Петербургского порайонного комитета по регулированию перевозок⁶⁰. Для начала князь К. М. Шаховской представил проведенный им самим стратегический анализ. По его мнению, государственную систему стратегических железных дорог требовалось привести в соответствие с наступательными и оборонительными планами соседних государств. План союзного австро-германского командования, — утверждал князь, — состоял в том,

---

57. Журнал Комиссии... // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1326. Л. 3, 120б.

58. Журнал Комиссии... // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1326. Л. 19.

59. Журнал Комиссии... // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1326. Л. 19 об.

60. Поправка в заявлении представителя Холмского земства князя Константина Михайловича Шаховского в заседании С.-Петербургского Порайонного Комитета, 26 августа 1912 г. // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1201. Л. 2. Этот комитет, координировавший организацию железнодорожного движения в районе Петербурга, в течение 1912 г. выслушивал мнения, готовясь представить собственный проект в Комиссию о новых железных дорогах. Холм находился на предполагаемом маршруте Нарвской магистрали, но две другие линии через него не должны были проходить.

чтобы быстро разгромить Францию, оставив на востоке немногочисленные войска, а после этого напасть на Россию. Поэтому российские стратегические дороги должны связать центр страны с западной границей, хотя времени для стягивания военных сил там, где они потребуются, и без того будет достаточно. Согласно этому сценарию, крупное германское наступление вдоль балтийского побережья невозможно благодаря российскому Балтийскому флоту и ведению Германией войны на два фронта относительно ограниченными силами. Однако, — продолжал князь, — германские планы, вероятно, изменились. Германия строит крепости на французской границе. Укрепив этот район, она может сперва напасть на Россию. Отмечая увеличение германских войск на востоке с 18 до 23 корпусов и австрийских войск — с 14 до 18 корпусов, Шаховской дал полную волю своему воображению, предупреждая, что Россия должна опасаться крупного германского наступления в прибалтийских губерниях, которое станет угрозой для Санкт-Петербурга и для тылов западной армии. Ситуация складывалась серьезная, учитывая слабость Балтийского флота после 1905 г., незащищенность побережья и отсутствие удобных железных дорог, не считая линии Петербург–Нарва–Ревель.

Как же представители армии реагировали на аргументацию такого рода? За исключением заявления Министерства торговли и промышленности, в протоколах комиссии не зафиксированы взгляды конкретных министерств. Однако, из документов Государственного Совета видно, что армия решительно выступала за злощастную магистраль Москва–Ревель⁶¹. Проекты такого маршрута, представлявшиеся в 1902 и 1904 гг., в 1907 г. были отвергнуты Комиссией о новых железных дорогах, а ревельский проект, отвергнутый комиссией в 1911 гг., 17 мая 1912 г. не получил одобрения и в Совете Министров. Однако Военное министерство упорствовало и возражало против конкурирующих орловских проектов, хотя и не включило линию Москва–Ревель в свой список военных приоритетов от 1912 года. Оно не протестовало ни против вердикта комиссии в пользу плана МВР в 1913 г., ни когда Совет Министров передал этот проект в Госсовет в 1914 г.⁶² Но за день до заседания Государственного Совета, назначенного на 14 июня, военный министр В. А. Сухомлинов потребовал отложить рассмотрение

---

61. В. А. Сухомлинов (военный министр) — Н. Петрову (глава Второго департамента Государственного Совета), 13 июня 1914 г. // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1245. Л. 443; Внутренний меморандум [Второго департамента Государственного Совета, ок. 13 июня 1914] // Там же. Л. 445–448; Протоколы Второго департамента Государственного Совета, 14 и 19 июня 1914 г. // Там же. Л. 506–510.

62. Подробно об основных возражениях и предложениях см. представление Департамента по железнодорожным делам в Совет Министров, 3 апреля 1914 г. (РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1245. Л. 89–89 об.).

до тех пор, пока не будет обсужден альтернативный проект дороги Москва–Ревель. Получив отпор, Сухомлинов на заседании Государственного Совета подверг орловский проект суровой критике. Он утверждал, что ни линия Орел–Петербург, ни магистраль Смоленск–Юрьев не отвечают требованиям Военного и Морского министерств, касающимся подвоза войск, военных материалов и боеприпасов в Ревель, который планируется превратить не только в базу Балтийского флота, но и в первоклассную крепость, защищающую подступы к столице; лишь магистраль Москва–Ревель в достаточной степени соответствует армейским потребностям. К этому Сухомлинов прибавил, что чувствует себя обязанным высказать сейчас это мнение, чтобы в будущем, при обсуждении линии Москва–Ревель, никто не мог утверждать, что две другие магистрали делают ее постройку ненужной⁶³.

Комиссия о новых железных дорогах поддерживала проект МВР главным образом по финансовым соображениям. Из протоколов заседаний и соответствующей переписки видно, что она оценивала проект дороги Москва–Ревель как безнадежно неэкономичный. Сравнительный анализ трех орловских проектов сводился к обсуждению ожидаемых затрат на строительство, прогнозов по доходам от коммерческих перевозок и т. д. Особенно деликатным был вопрос о том, какие убытки понесет сеть государственных железных дорог в результате перевода части грузоперевозок на новую магистраль: что перевесит — тарифные преимущества для горнорудной промышленности и для Санкт-Петербурга, или снижение доходности государственной сети, от которой и без того усиленно требовали снижать расходы и повышать эффективность? Как ни странно, с точки зрения этой конкуренции между государством и частным предпринимательством, комиссию меньше беспокоила недостаточность существующей железнодорожной сети, чем ее избыточность (как она понималась комиссией). Наконец, что очень важно, за выбором в пользу МВР скрывалась еще одна, менее очевидная, возможность существенной экономии, ибо государство могло получить более выгодные условия для запланированной покупки МВР после окончания срока ее концессии.

Предпочтение, отдаваемое таким соображениям в ущерб требованиям армии строить дорогу Москва–Ревель, с первого взгляда подтверждает общее недовольство армейских кругов очевидным приоритетом экономических соображений при железнодорожном планировании. Однако это не так, поскольку комиссия упорно старалась найти разумный компромисс. Не стоило ожидать от нее одобрения «неэкономной» альтернативы, которую даже Военное министерство не внесло в список оборонных прио-

---

63. Протоколы Второго департамента Государственного Совета, 14 и 19 июня 1914 г. РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1245. Л. 508.

ритетов. Вообще же, высказываясь против линии Москва–Ревель, большинство членов комиссии, очевидно, не соглашались с мнением Военного министерства о стратегических потребностях Ревеля. В глазах комиссии стратегически приоритетной являлась связь этого города с военно-морской базой Кронштадт (под Петербургом) и с Уральским регионом, которую удобнее всего было обеспечить, снабдив второй колеей приморскую линию С.-Петербург–Нарва–Ревель — а эту меру и сами военные круги считали приоритетной. Что касается переброски войск в Ревель, то для этого лучше было построить ответвление от орловской магистрали через Псков и Юрьев — с этим мнением военные явно согласились в ходе дискуссии, относясь к нему как к разумному компромиссу⁶⁴. Собственно, можно заподозрить, что указание на юрьевское ответвление как на важный компонент магистрали Орел–Петербург отражало стремление комиссии максимальным образом учесть позицию военных, не выходя за рамки разумных финансовых затрат.

Таким образом, по иронии судьбы представители армии отвергали те аргументы, истинность которых была доказана в 1914–1917 гг. Они отмахивались от предупреждений о том, что в случае войны Николаевской железной дороге угрожает перегруженность. И нет никаких сомнений в том, что в реальных обстоятельствах 1914–1917 гг. прямой путь Москва–Ревель принес бы куда меньше пользы, чем линия от Орла на Петроград через Вязьму. Первый, возможно, снял бы часть нагрузки с магистралей, соединявших восток и запад, снабжая фронтную армию, а также обеспечивая дополнительную поддержку обороне балтийского побережья. Но армия в реальности не нуждалась в новых дальних магистралях восток–запад ни во время, ни после мобилизации, за исключением эвакуации 1915 года. В то же время линия Орел–Вязьма–Петроград существенно разгрузила бы Николаевскую, Московскую Окружную и Московско-Курскую дороги с очень напряженным движением, которые к северу от Орла служили основной артерией для жизненно важных поставок зерна, угля, руды и промышленных товаров из Украины в столицу. В реальности этот маршрут стал в 1915 г. одним из самых важных «бутылочных горлышек», превратившись в излюбленную мишень для критики в адрес железных дорог.

Железнодороги из Орла к балтийскому побережью через Вязьму не существует и поныне. Хотя Государственный Совет одобрил проект МВР, точного решения о том, где пройдет дорога, — например, через Белый или через Демянск, — так и не было при-

---

64. См.: Внутренний меморандум [Второго департамента Государственного Совета, ок. 13 июня 1914] // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1245. Л. 446–447; Выписка из журнала Совещания под председательством тайного советника Думитрашко, 30 ноября, 10, 16 и 28 декабря 1913 г. // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1643. Л. 242.

нято. Само собой, эти дискуссии с началом войны были отложены, а представители местных кругов пользовались любыми возможностями для лоббирования своих интересов. Государственный Совет вынес финальный вердикт только 16 декабря 1916 г., а царь утвердил его 9 февраля 1917 г. — за две недели до начала революции⁶⁵. Строительные работы начались было во время гражданской войны, но вскоре их забросили и больше никогда не возобновляли.

Заключение

Как ни удивительно, но такие ключевые понятия, как «стратегическая железная дорога» и «недоразвитость», не имели четкого определения при их использовании в процессе железнодорожного планирования в последние годы существования императорской России (до 1914 г.). Военные круги в ожидании короткой войны возлагали на «стратегические железные дороги» только две задачи: перевозку войск в места их сосредоточения в ходе мобилизации и переброску частей с одного участка фронта на другой. Соответственно армия оценивала в этом смысле и железнодорожное строительство. Напротив, заинтересованные лица из гражданских кругов — такие, как частные инвесторы и городские власти, — склонялись к более широкой оценке армейских потребностей, стремясь заручиться максимальной институциональной поддержкой в пользу конкретных инвестиционных проектов или против них. В свою аргументацию они включали такие вопросы, как снабжение индустриальной экономики и гражданского населения во время военных действий. Иными словами, невоенные круги старались подчеркнуть те моменты, которыми военные пренебрегали и которые, безусловно, приобрели решающее значение во время Первой Мировой войны.

Железнодорожная сеть в европейской части Российской империи, включая ее западные приграничные районы, несомненно, была в какой-то степени недоразвита. Помимо прочего, об этом красноречиво говорит огромное число частных инвестиционных проектов накануне Первой Мировой войны. Но степень этой недоразвитости наверняка заслуживает пересмотра. Предвоенные оценки, исходившие из армейских кругов, даже в смысле соответствия железных дорог стратегическим задачам в представлении самой армии, выглядят преувеличенными и вводящими в заблуждение. Статистические сопоставления грешат методологическими ошибками, в первую очередь связанными с различием контек-

---

65. Управление МПС по железнодорожному строительству — Второму департаменту Государственного Совета, 19/22 ноября 1916 г. // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1246. Л. 261–263 об.; Постановление Второго департамента Государственного Совета, 16 декабря 1916 г. // Там же. Л. 285.

стов. Почему именно армейский анализ пренебрегал подобными проблемами — задача для другого, более подробного исследования. Но можно предположить, что особое значение имели два фактора: осторожность, на которой строились военные планы до 1912 года, и бюджетная политика.

Точно так же и заявления военных о «недоразвитости», какой они ее понимали, вероятно, были преувеличенными и ошибочными. Сетования армии на то, что к ее голосу не прислушиваются в ходе железнодорожного планирования, были очевидной неправдой: армейские представители участвовали во всех ключевых стадиях процесса. Более того, военные вопросы вовсе не игнорировались: возражения против строительства в приграничных областях, безусловно, удовлетворялись, а пример с Орловской магистралью демонстрирует, что Комиссия о новых железных дорогах прикладывала все усилия к тому, чтобы соблюсти военные интересы, даже когда отвергала конкретные проекты, которым армия оказывала явное предпочтение. Исходя из этого, следует очень осторожно относиться к жалобам армейских кругов на излишнее увлечение экономическими критериями при планировании железнодорожного строительства. Вообще, из приведенного нами примера видно, что эти заявления, возможно, делались с целью скрыть такие неприятные обстоятельства, как несогласие гражданских кругов с армейским стратегическим анализом как таковым. Можно допустить, что нехватка средств ограничивала скорость, с какой могли быть осуществлены военные приоритеты. Но насколько сильно эта нехватка реально подрывала стратегическое железнодорожное строительство, особенно в последние годы существования империи? Бюджетные ограничения всегда были и будут фактором бюрократической жизни, и нельзя допустить, чтобы они отвлекали наше внимание от реальности, которая, по крайней мере отчасти, заключалась в том, что Военное министерство придавало больший приоритет другим направлениям работы. В сущности, главной причиной негеографического характера, стоявшей за нехваткой местных линий в приграничных районах, была сама армия; Военное министерство имело возможность направить часть собственного бюджета на поддержку стратегических железных дорог, особенно коротких местных линий, если бы вправду верило в их необходимость. Что касается тыловых районов, то военные высказывались как минимум против одного проекта, который бы получил колоссальное значение в случае продолжительной войны, и в пользу такого плана, который не фигурировал даже в их собственном списке стратегических приоритетов.

В этом свете мы можем прийти к выводу о наличии фундаментальных проблем, связанных с задачами, которые царская армия ставила перед железнодорожными дорогами при организации обороны империи. Заинтересованность армии в мерах по ускорению мобилизации была вполне оправданной в рамках парадигмы ко-

**Железные дороги общего пользования в европейских
державках и США (1910)**

	Европейская Россия	Австро- Венгрия	Германия	Франция	Велико- британия	США
Протяженность линий, вёрсты	50 453	40 002	54 521	37 893	35 291	360 067
В т. ч. двух/ трехпутных, вер- сты	13 737	4 516	21 393	16 602	19 726	38 259
Число паровозов	16 930	10 806	27 042	12 840	22 840	58 947
Число паровозов на 1 версту	0,34	0,27	0,50	0,34	0,65	0,16
Число товарных вагонов	400 022	249 177	604 677	348 714	786 819	2 213 236
Число товарных вагонов на 1 вер- сту	7,93	6,29	11,17	9,19	22,30	6,15
Перевозки в млн. погонных верст	322,0	269,5	643,4	362,9	638,6	1 843,8
Число служащих на 1 версту	13,3	10,2	12,8	8,9	Нет данных	4,7

Источник: Статистический сборник Министерства путей сообщения за 1913 г. Вып. 141. Часть 3. Пг., 1916. С. XII–XXI. Цит. по: Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник / Под ред. и сост. А. М. Анфимова и др. СПб., 1995. С. 113–114. 1 верста = 1,06 км.

роткой войны и решающего сражения. Но неспособность мысленно выйти за пределы этой парадигмы — что задним числом выглядит крайне удивительно, учитывая характерную для армейских кругов склонность к рассмотрению наихудших сценариев, — не позволила ей разглядеть важные задачи в тылу. Вместо того, чтобы обвинять российские железные дороги за неготовность к длительной, тотальной войне, которую не смогли предсказать даже военные эксперты, нам следует задуматься над тем, почему армия не сумела предусмотреть этот самый катастрофический из всех возможных сценариев.

Перевод Николая Эдельмана

ВААГН АГЛАН

О ФОРМИРОВАНИИ АРМЯНСКОГО КОРПУСА (1917–1918)

1917—1920 гг. выдались, пожалуй, самыми драматичными и противоречивыми за всю новейшую историю Закавказья. Кардинальные социально-политические сдвиги в Российской империи, слом прежней, традиционной структуры организации, как и самого политического режима государства, для народов Закавказья ознаменовали начало качественно иной траектории развития. Февральская и вскоре последовавшая за ней Октябрьская революции в России самым существенным образом отразились на геополитической обстановке всего Кавказского региона. Именно в этот исторический период во многом были predetermined контуры и политическая нарезка карты современного Закавказья.

Фактический развал некогда единого Кавказского фронта и отход русских войск в революционную Россию, скорее являвшийся стихийным бегством с фронта в «материковую» Россию, поставил народы региона перед совершенно новыми вызовами, важнейшим из которых стала необходимость обеспечения собственной безопасности и формирования национальных общественно-политических организаций, призванных взять на себя функции этносоциальной мобилизации в обстановке военного времени. Для армян, имеющих давние исторические корни государственности, сохранивших собственные традиции национальной и конфессиональной сплоченности, создание отдельных военных подразделений, а в дальнейшем национальных армий, стало задачей первостепенной важности. Формирование регулярной армии современного образца явилось не просто задачей по созданию атрибутов самостоятельной, хотя и кратковременной государственности, но стратегической проблемой,

от успешного решения которой зависела сама судьба армянского народа в условиях непрекращающегося турецкого нашествия.

С формально-юридической точки зрения, Армянский корпус в качестве самостоятельной военной структуры, полностью подчиняющейся политическому руководству Армении, стал основой вооруженных сил республики лишь после провозглашения независимости Армении 28 мая 1918 года. Однако предпосылки для создания национальных вооруженных сил Первой республики были более чем предметны еще задолго до того, как произошло реальное политическое размежевание между тремя республиками Закавказья и Россией большевиков, завершившееся провозглашением независимости Армении, Азербайджана и Грузии в мае 1918 г.

После Февральской революции Кавказский фронт территориально охватывал весь театр военных действий, включая завоеванные земли в Западной Армении, часть северного Ирана, а также сам Кавказский военный округ (по существу, после Февральской революции полномочия военного руководства Кавказским фронтом продолжали распространяться на всю эту территорию, однако исполнительная власть на местах была фактически раздроблена). В пропорциональном исчислении, на Кавказском фронте в период Первой мировой войны было задействовано 5–7% личного состава русской армии (сухопутных войск). Правда, начиная с весны 1917 г. численность его неуклонно снижалась. Если по состоянию на 1 апреля 1917 г. в Кавказском военном округе служило более 340 000 военных, то ровно через 5 месяцев — не более 180 000¹.

Процесс формирования армянских национальных соединений на Кавказе прошел несколько этапов институционализации. Осознавая насущную необходимость сохранения завоеванных в результате русско-турецкой войны территорий, командование кавказским фронтом приняло решение значительно увеличить состав регулярных армянских частей. Примечательно, что данная инициатива была полностью поддержана также и генералом Юденичем, несмотря на двойственное отношение высшего военного командования Армии к национализации действующих войск. Первые конкретные шаги были предприняты уже в конце весны 1917 г. 5 мая 1917 г. командующим Кавказским фронтом Юденичем в Генеральный штаб было направлено ходатайство о формировании армянских полков на основе 6 уже действующих батальонов. Ходатайство было отклонено Ставкой в Могилеве (10 мая 1917, № 777). Тем не менее, 27 мая Юденич отправил в Ставку еще один рапорт, обосновывая необходимость расширения регулярных армянских частей.

Следует отметить, что направленное в Ставку предложение Юденича напрямую не предполагало создания отдельного ар-

---

1. Назарян А. Формирование армянских военных соединений на Кавказском фронте (1914–1918 гг.). Ереван, 1999. С. 86 (на арм. языке).

мянского корпуса. Непосредственно вопроса о создании корпуса не ставили и армянские национальные организации (в частности, действовавший в Тифлисе Армянский армейский союз), учитывая тот факт, что Временное правительство и Генштаб в свое время отклонили предложения о создании украинского и польского корпусов. И те, и другие придерживались тактики постепенных шагов (батальон — полк — бригада — дивизия), при успешной реализации которой создание корпуса не представляло бы особой сложности.

Однако резкое обострение внутривосточной борьбы в России и усиление позиций большевиков внесли существенные коррективы в изначальные замыслы армянских политиков и военного командования Кавказского фронта. 4 августа 1917 г. Армянский комитет Петрограда от имени Озакома (Особый закавказский комитет, создан 18 марта 1917 г. для осуществления функций исполнительной власти на местах) представил Военно-морскому министерству развернутый проект создания Армянского корпуса. Авторы рапорта настаивали на необходимости дальнейшего расширения национальных армянских соединений: доведения числа полков до 8 (каждый из которых имел бы трехбатальонный состав), создания на их основе двух армянских дивизий (по четыре полка в каждой), в дальнейшем объединения этих дивизий в один армейский корпус (с двумя полками в резерве)². И хотя данный проект был отклонен Ставкой и Верховным командующим (23 августа 1917), процесс национализации армии приобретал необратимый характер. Вскоре под давлением серьезнейшего политического кризиса власти кардинальным образом поменялось отношение и самого Временного правительства к вопросу национализации войск.

Пришедшие после Октябрьской революции к власти большевики на какое-то время поддержали и продолжили начатый еще при правительстве Керенского процесс национализации войск. Однако уже 8 декабря 1917 г., после заключения 5 декабря перемирия с Турцией, новый главнокомандующий Крыленко отдал приказ о временной приостановке национализации армии. Правда, реального воздействия этот приказ не возымел: как Закавказский комиссариат, так и командование Кавказским фронтом, которое продолжало подчиняться Ставке в Могилеве, проигнорировали его. Более того, Генштабу Кавказского фронта удалось получить одобрение Ставки на создание армянского, грузинского и украинского армейских корпусов. 5 ноября 1917 г. генералом Пржевальским был отдан приказ (№ 128) о формировании грузинского корпуса, а 16 ноября — армянского корпуса. Вскоре «украинизировали» V Кавказский корпус, начали создание казачьего корпуса, а решением от 11 декабря позволили мусульманским организациям Закавказья сформировать свой корпус, используя для пополнения его ря-

---

2. РГВИА. Ф. 203. Оп. 2. Д. 338. Л. 75–76.

дов добровольцев и некоторые части Кавказского «дикого» корпуса, переброшенного сюда с Западного фронта.

Этнический состав воюющих на кавказском фронте войск имел следующий вид: от 40 до 42 процентов составляли русские, порядка 30% — украинцы, 10% — армяне, 8% — грузины, 4,5% — русскоподанные немцы, 1,5% — поляки и другие. Этнический состав офицерского корпуса несколько отличался: 60% — русские, 10% — украинцы, 8–9% — армяне, 3–4% — поляки, 3% — немцы и другие национальности³. Эти статистические данные верны лишь по состоянию на ноябрь 1917 г. В течение следующих нескольких месяцев этнический состав радикально изменился, в основном за счет преобладающего увеличения численности армянских, а также грузинских соединений.

С созданием Закавказского комиссариата возникли первые коллизии вокруг принципов комплектования вооруженных сил региона. Генерал Пржевальский и его штаб предложили перейти на обязательный призыв в армию лиц от 18 до 32 лет. Однако Комиссариат, в первую очередь грузинские представители, высказались за сохранение принятого еще при Временном правительстве добровольного набора, что и было отражено в соответствующем приказе Пржевальского (№ 925). В пользу обязательного призыва склонялись также и армяне, прекрасно сознававшие, какую опасность представляет оголенный фронт с Турцией. Так, по состоянию на 1 января 1918 г., позиции армянского участка обороняло всего 17 066 военнослужащих, из коих всего четверть была представлена армянами (4335 человек; остальные части Армянского корпуса пока еще дислоцировались в тыловых зонах). Только за один месяц численность личного состава на этом участке военного театра сократилась на 85 тыс. человек⁴.

Вместе с тем, Комиссариатом было принято «рамочное» решение о принципах, целях и задачах вооруженных силах Закавказья, положения которого фиксировали, что: (1) Армия превращалась в боевую единицу, основанную на национальном признаке, (2) кроме формирующихся добровольческих военных соединений (армянских, грузинских, мусульманских, украинских, греческих, ассирийских и осетинских), создавался русский корпус, в ряды которого могли вступить все желающие, вне зависимости от национальной принадлежности, (3) в течение определенного периода времени солдатам и офицерам, служащим на Кавказском фронте, предоставлялась возможность вернуться в места постоянного проживания⁵. Для солдат, проходящих службу на фронтовой линии, назначалось жалование в 35 рублей, а в тылу — 20 рублей.

Надо отдать должное прозорливости армянских военных и политических деятелей, вовремя понявших, какую угрозу несет в себе ре-

3. Назарян А. Ук. соч. С. 140.

4. Там же. С. 147.

5. РГВИА. Ф. 2104. Оп. 1. Д. 10. Л. 50–51.

шение о добровольном комплектовании армии, принятое под давлением грузинских меньшевиков Закомиссариата (хотя позднее, с большим трудом, Комиссариатом и было принято решение о проведении обязательного призыва, начало призыва назначалось на 15 февраля 1918 г. — в условиях, когда геополитическая ситуация в Закавказье начала кардинально меняться). Несмотря на возникшее противоречие, Армянским национальным советом (месторасположение — Тифлис) и Особым комитетом Еревана был осуществлен срочный призыв в армию. В срочном порядке также были созданы карательные отряды для отлова и призыва в армию дезертиров. Благодаря слаженным действиям генерала Силикяна (Силиков), Дро и Арама была проделана значительная работа, благодаря которой были заложены реальные основы Армянского корпуса. В Канакере окончательно сформировался II конный полк, в Ереване — партизанский пехотный полк полковника Перекрестова и партизанский конный полк подполковника Корнилова. На базе V кавказского пограничного полка сформировался пограничный батальон подполковника Силина.

Более того, развернулась активная работа по привлечению в ряды национальной армии армян-военнослужащих. Усилиями временного военного комиссара Л. Тиграняна, а также армянского военного комитета Петрограда удалось заручиться поддержкой Генерального штаба: согласно циркуляру от 14 ноября 1917 г. всем начальникам военных округов приказывалось отправлять армян-военнослужащих на Кавказский фронт.

С начала Первой мировой войны до конца 1917 г. на действительную службу было призвано около 250 тыс. русскоподданных армян. Ко времени формирования Армянского корпуса в различных соединениях Русской армии все еще насчитывалось более 150 тыс. армян. Более половины из них находилось на Западном фронте и других регионах страны. В ноябре 1917 г. в двух армянских бригадах служило 10 тыс. солдат и офицеров, а в семи русских кавказских корпусах — порядка 18–20 тыс. армян. В целом, на Кавказском фронте на действительной службе находилось около 30 тыс. армянских воинов, а в войсках и других вспомогательных частях Кавказского военного округа еще около 40 тыс. этнических армян. Тем не менее, реальное количество армянских военнослужащих на Кавказе не превышало 50 тыс., и продолжало сокращаться.

Согласно ноябрьскому приказу Пржевальского (№ 796), командующим Армянским корпусом был назначен генерал Русской Армии Фома Назарбекян (Назарбеков) (1855–1931 гг.). После знаменитого сражения при Дильмане (16–18 апреля 1915 г.) генерал Назарбеков был награжден Георгиевским крестом, а также французским орденом (во всей русской армии лишь двое были удостоены этой чести — генерал Назарбеков и главнокомандующий армии великий князь Николай Романов). 19 ноября 1915 г. Ф. Назарбеков был назначен начальником 2-ой кавказской артиллерийской дивизи-

зии, а с 1916 г. до конца октября 1917 г. был командующим IV корпуса (участок фронта Ван-Кохп). Во многом благодаря его авторитету и стараниям удалось за относительно сжатый период времени сформировать и превратить в реальную боевую силу Армянский корпус. Так, к февралю 1918 г., когда Закавказский комиссариат только-только принял решение о проведении призыва, Армянский корпус уже имел в своем составе две дивизии (командующий I дивизией генерал-майор Силикян; II дивизией — генерал-майор Арешян (Арешев)), одну конную бригаду под командованием Н. Корьяна, а также несколько полков резерва.

По состоянию на 1 марта 1918 г. национальные армии, действовавшие на Кавказском фронте, имели следующую структуру:

1. Армянский армейский корпус под командованием генерал-майора Фомы Назарбекова. Начальник штаба подполковник Сяляревич. Боевой состав: 1287 офицеров, 10 388 солдат. Всего 11 675 военнослужащих.
2. Особый сводный армянский военный отряд под командованием генерал-майора Андраника. Начальник штаба полковник Зинкевич. Боевой состав: 179 офицеров, 13 679 солдат-пехотинцев, 1.000 всадников. Всего 14 858 военнослужащих.
3. Грузинский корпус под командованием полковника Ахметелова. Начальник штаба капитан Гедеванов (его вскоре сменили генерал-лейтенант Габаев и полковник Захарадзе). Боевой состав: 924 офицера, 9746 солдат-пехотинцев, 611 всадников. Всего 11 281 военнослужащих.
4. Русский корпус под командованием полковника Драценко. Начальник штаба полковник Пиковский. Боевой состав: 577 офицеров, 663 солдата (сведения о количестве в составе Русского корпуса, возможно, неполны). Всего 1240 военнослужащих.
5. Мусульманский корпус под командованием генерал-лейтенанта Шихлинского. Начальник штаба полковник Меньшуков. По состоянию на 1 марта не был еще полностью сформирован. Военный штаб и другие административные функции исполнялись офицерским корпусом, насчитывающим более 150 офицеров, из коих большинство составляли русские.
6. Греческая кавказская отдельная стрелковая дивизия под командованием полковника Ананио. Начальник штаба капитан Никифораки. Боевой состав: 175 офицеров, 3800 солдат. Всего 3975 военнослужащих.
7. Польская стрелковая бригада под командованием подполковника Макаревича. Какие-либо конкретные сведения о составе данной бригады по состоянию на 1 марта 1918 г. отсутствуют. Месяц спустя, по приказу генерала Лебединского, формирование бригады было приостановлено ввиду отсутствия боевого состава.

Таким образом, к началу весны 1918 г. национальные войска на Кавказском фронте насчитывали 43.029 солдат и офицеров. Однако необходимо учитывать, что сведения о количественном составе национальных армий Закавказья не являются абсолютно точными: их состав периодически пополнялся новобранцами, в то время как дезертирство (иногда принимавшее массовый характер) неуклонно снижало реальное количество солдат в действующих фронтовых и тыловых подразделениях. Тем не менее, истинные количественные показатели закавказских войск превышали вышеприведенные в полтора-два раза.

Полностью сформированный и укомплектованный отдельный Армянский корпус просуществовал с 1 марта 1918 г. до 5 сентября того же года, когда было принято официальное решение о его расформировании⁶. Именно на основе этого корпуса были созданы вооруженные силы Республики Армения: 6 полков (на трехбатальонной основе), которые в дальнейшем объединились в две бригады (по два полка). Кроме того, в составе дивизии действовала одна артиллерийская бригада и еще один конный полк.

По существу, ко времени провозглашения независимости трех республик Закавказья в мае 1918 г. как в численном, так и в профессиональном отношении наиболее боеспособными вооруженными силами обладала лишь Армения. И во многом благодаря именно армии армянскому народу удалось в майских героических сражениях сломить турецкое наступление при Сардарапате, Баш-Апаране и Каракилисе, сохранив независимость Первой Республики.

Доклад Назарбекова об армянском корпусе

14 апреля 1919 г.
г. Эривань

В конце 1912 г. в Петрограде образовался Армянский национальный Комитет, который возложил на себя задачу — ходатайствовать путем сношения с соответствующими правительствующими учреждениями и лицами как России, так и иностранных держав об урегулировании управления областями турецкой Армении и улучшении невыносимого положения населения в этих областях. Министр иностранных дел и товарищ его г. Нератов явившимся к ним делегатам Комитета выразили согласие содействовать возбужденному ходатайству и обещали принять все меры к разрешению возбужденно-

---

6. ЦГИА РА (Центральный государственный исторический архив Республики Армения). Ф. 121. Оп. 2. Д. 92. Л. 4а.

го вопроса в положительном смысле⁷. В том же смысле высказались и послы иностранных держав (Англии, Франции и Америки).

Заручившись соответствующими мандатами указанных лиц, из Петрограда был командирован за границу доктор Я. Х. Завриев⁸, которому было поручено по этому вопросу войти в сношение с армянскими комитетами в Лондоне и Париже и, кроме того, видаться с Погосом Нубар Пашой⁹ и совместно с ними возбудить ходатайство перед правительствами этих держав (Франция и Англия) о жизненном для армян вопросе.хлопоты эти увенчались некоторым успехом, ибо тогда же были назначены в областях Турецкой Армении генерал-губернаторы из лиц, состоящих подданными маленьких европейских держав (кажется Голландии и Норвегии). В 1913 г. в Петроград приезжал Погос Нубар Паша для переговоров с министром иностранных дел России о том, чтобы русское правительство оказало бы полное свое реальное содействие в этом деле. Назначение генерал-губернаторов хотя и состоялось¹⁰, но Турецкое правительство приняло все возможные меры к оттяжке приведения в исполнение этой меры, и благодаря этому назначенным генерал-губернаторам так и не удалось прибыть к месту назначения (хотя один и прибыл, но не вступил в отправление своих обязанностей).

Тут разразилась война и вопрос, конечно, заглох.

Младотурецкая партия, предвидя неизбежность войны с Россией и желая обеспечить себя от выступления против Турции армян, обратилась к армянской партии «Дашнакцутюн» с предложением, что если в случае войны с Россией армяне окажут помощь Турции, то они гарантируют им автономию после окончания войны. Партия «Дашнакцутюн» предложение это отвергла. Тогда они предложили оставаться во время этой борьбы пассивными. На это также не получили желательного ответа (показание доктора Я. Х. Завриева).

С началом военных действий в 1914 г. на западе, армяне, предвидя неизбежное выступление Турции против России, желали принять живое участие в этой войне, поэтому через свои комитеты возбудили ходатайства в Петрограде и Тифлисе перед русским

-
7. 2 октября 1912 г. к императору Николаю II с просьбой стать гарантом западных армян обратился католикос всех армян Геворк V. 26 ноября 1912 г. посол России в Турции Гирс сообщил министру иностранных дел Сазонову о тяжелом положении турецких армян, об их желании проведения реформ, предусмотренных Берлинским трактатом, под контролем России.
  8. В декабре 1912 г. Я. Х. Завриев выехал в Константинополь, где имел встречу с Гирсом, о чем Гирс 24 декабря доносил министру Сазонову.
  9. Погос Нубар-паша 12 ноября 1912 г. кондаком католикоса Геворка V был уполномочен составить национальную делегацию для сношения с государствами, подписавшими Берлинский договор 1878 г. для осуществления реформ в Западной Армении.
  10. Генеральными инспекторами были назначены Вестенанк (Голландия) и Гофф (Норвегия).

правительством о том, чтобы дать возможность им принять посильное активное участие в войне с турками, и тем самым стать на защиту общих с Россией интересов и совместно с союзниками, с одной стороны, защитить и оградить свой очаг и свои семьи от вероломного выступления Германского союза, а с другой стороны, иметь нравственное право перед миром просить о самоопределении своего народа, так много пострадавшего. Армяне хотели выставить значительные силы, но на это Кавказское правительство не дало согласия, в виду предположения, что у турок в Малой Азии нет больших сил, хотя доктор Завриев и указывал на то, что турки сосредоточили значительные силы, но этим указаниям не придали особенного значения. Вообще в Тифлисе у высшего русского командного состава было весьма преувеличенное мнение о неуживности русско-турецкого фронта. Беспечность эта впоследствии повела ко многим несчастьям.

Выступление Турции совместно с центральными державами особенно близко коснулось интересов народов, населяющих Кавказ, а потому естественно, что народности эти (а в особенности, и главным образом — армяне) были сильно заинтересованы в благоприятном исходе ее, с одной стороны, в видах ограждения себя самих, а с другой — в видах освобождения своих братьев-армян, населяющих Турцию, от турецкого ига. Вот почему армяне с первого момента возникновения боевых с Турцией действий, нервно следили за всеми перипетиями боевых действий союзной армии и напрягали свои силы, дабы оказать всякое содействие благоприятному и успешному окончанию навязанной братоубийственной и кровопролитной бойни.

С началом открытия военных действий в 1914 г. с одушевлением, с энтузиазмом армяне заполнили ряды Кавказской армии. В частях их было до 40-50%, а 2-й и 3-й корпуса в таком составе двинулись в Европейскую Россию, для действий против Германии и Австрии.

Правительство изъявило согласие на формирование нескольких отдельных армянских добровольческих самостоятельных дружин, на что и последовало распоряжение Верховного Главнокомандующего. В сентябре 1914 г. приступили лихорадочно к формированию 4-х дружин. Во главе этих дружин стали народные герои: Андраник, Дро, Амазасп и Кери. Дружины эти быстро пополнены и двинуты с объявлением войны с Турцией; 1-я — в Персию, 2-я — в Алашкертскую долину, 3-я — в Башкей и 4-я — в Ольгинском направлении. Численность дружин была от 1000 до 1200 человек. Тут были люди со всего света. Дружины организовались и содержались на национальные средства, а от правительства было отпущено 200 000 рублей для начала дела и ежемесячно отпускалось по 10 р. на каждого добровольца.

Делом организации и содержания дружин руководило национальное Бюро, которому армянским обществом (российских и заграничных армян) оказывалась широкая помощь. Дружины были

причислены к регулярным частям и выполняли как разведывательные, так и операционные задачи.

С самого начала военных действий дружины принимали большое участие в боевых действиях и заслужили лестные отзывы начальников отрядов.

После декабрьских боев в 1914 г. дружины, сильно потрепанные непрерывными боями и переходами, были отведены в тыл для отдыха и пополнения. В начале 1915 г. был создан Арагатский отряд, под начальством Вартана, состоящий из 2-й, 3-й и 4-й дружин, который вошел в состав [бригады] генерала Николаева и принимал главное участие во взятии Вана и очищении всего южного Ванского побережья.

Первая дружина действовала в Персии под Дильманом в разгроме отряда Халил-бея и в его преследовании, а после она была направлена тоже в Ван.

Дальше все дружины принимали горячее участие в наступлении 4-го корпуса в июне и июле 1915 г. После июльских неудач и отступления, дружины, после отхода, были отведены в Эривань, где они в течение 2-х месяцев пополнялись людьми и снаряжением и в конце сентября выступили на передовые позиции. За время отдыха была сформирована 7-я дружина под начальством кн. Аргутинского. 1-я дружина участвовала во взятии Битлиса, 2-я — Хныса, 3-я действовала на южном берегу Ванского озера, а 4-я и 7-я — в Персии, на Урмийском направлении¹¹. 7-я (Аргутинского) до конца ноября 1915 г. работала в Ванском районе, охраняя линию Востан-Ван у с. Хан, против неприятеля, наступавшего через Мокус и Шатах.

Для пополнения этих дружин в Эривани был [создан] запасный полк. Контроль над дружинам находился в руках распорядительного комитета.

За время своих боевых действий дружины несли значительные потери убитыми и ранеными. Дружины оказали значительные отличия. Все командиры дружин были награждены Георгиевскими крестами.

Семьи убитых и раненых, за малым исключением, содержались на национальные средства.

Летом 1916 г. дружины были переформированы в стрелковые армянские батальоны (6 батальонов), которые составили одну армянскую стрелковую бригаду.

После переворота в 1917 г., когда в Европейской России украинцы и другие народности стали требовать формирования своих национальных частей, тогда и армяне стали хлопотать о том же.

Председатель Керенский ничего не имел против этого, но разрешение из ставки, вследствие быстрых перемен в личном составе после выступления Корнилова, затянулось до половины ноября.

19 ноября 1917 г. был отдан приказ Главнокомандующего Кавказского фронта о формировании Армянского корпуса и одной

---

11. Примечание генерала Кулебекина, сделанное его рукой на рукописи.

Кавалерийской бригады. С распадением русской армии и с ее уходом с фронта, народности, населяющие Кавказ, были предоставлены самим себе, и естественно, принуждены были спешно формировать свои собственные национальные войска (корпуса: армянский, грузинский и мусульманский, дивизии: польская и греческая) дабы хоть отчасти заполнить осталяемые уходящими русскими войсками обширные позиции и тем оградить родину от вторжения турок, которые, воспользовавшись уходом русских войск, начали двигать свои войска на Кавказ.

Нужно было спешить с формированием корпуса, так как с фронта уходили части неудержимо, бросая и уничтожая богатое имущество. Брошенное имущество и склады спешно принимались и оберегались армянскими национальными военными советами и разными армянским организациями во всех местах, где только возможно было. Все было направлено к тому, чтобы создать части корпуса для высылки на фронт.

С помощью населения и всех общественных организаций спешно приступили также к формированию из местных жителей частей в своих районах для защиты от мусульман, при их выступлениях. В это же время всюду турецкие эмиссары вели сильную пропаганду против армян. Мусульманское население, благодаря этой пропаганде, сильно мешало формированию армянского корпуса. Оно задерживало передвижение частей, провоз снаряжения, обмундирования, продовольствия и пр., нападая на ж.-д. на ст. Садахло, Сандар, и в районах, населенных мусульманами по Эриванской, Караклисской, Макинской, Джульфинской дорогам, портили телеграфную и телефонную связь и местами разрушали пути сообщения.

Грузины, делая вид, что они сочувствуют формированию корпуса, в действительности при первой возможности старались мешать этому под разными предлогами.

Вот при каких тяжелых обстоятельствах приходилось формировать корпус, между тем противник уже открыл военные действия.

Обстановка была следующая: нужно было занять громадный фронт от Калкита почти до Башкалы. Всего имелось лишь [6] полков 2-х бат. состава, хотя и был приказ о разворачивании этих полков в 3 бат., но приказ не успели выполнить, так как он был получен во время отхода русских частей, которые с собой увлекали армян, препятствуя им силой оставаться на позициях. Солдат заставляли следовать за ними на Северный Кавказ. 1, 3, 4, 6 полки стояли около г. Эривани, 2-й полк на Мушском направлении, 5-й — на Ванском.

Так как нужно было занять громадный район фронта, для чего, конечно, недостаточно одного корпуса: решено было сформировать еще одну сводную дивизию, которая была переименована в особый отряд. Как видно, в период формирования корпуса и после ухода русских войск, на границе завоеванных в Турции областей находились исключительно национальные части армянских войск.

В начале января 1918 г. обстановка рисовалась следующим образом: в Тифлисе формировался штаб армянского корпуса из русских армян, батареи и парки 1-й дивизии, кавалерийский полк и штаб сводного отряда. Штаб 1-й дивизии в Александрополе, и 2-й дивизии в Эривани.

Несмотря на то, что за дело формирования было приступлено с громадной энергией и подъемом, тем не менее, болезнь, которою была заражена русская армия, не могла не отразиться на солдатах остальных народностей, в том числе, конечно, на солдатах-армянах. Вот почему ряды национальных войск туго заполнялись, и успешность формирования национальных войск шла из ряда вон плохо.

Штабы, личный состав офицеров были заполнены довольно быстро, но солдаты шли очень неохотно, и в конечном результате, когда приходили приказы Главнокомандующего занять войсками тот или другой район, лишь армянские войска, и те в незначительном числе, могли выполнить непосильные для них задачи.

Немалую роль в неблагоприятном формировании армянских войск сыграли слухи о зверствах, творимых турками над беженцами, которые сотнями тысяч покидали насиженные ими места и уходя вглубь страны, увлекали с собой и своих сыновей и мужей, должествующих встать в ряды войск. Дезертирство, имевшее место и в русских войсках, начало принимать большие размеры, и к довершению всего, дезертиры стали уходить из рядов войск, унося с собой оружие, снаряжение, беря и тут пример с русских солдат, которые, покидая Кавказ, уносили с собой все оружие и увозили всю артиллерию. Оружие армянам нужно было для защиты своих очагов от мусульман.

При таких условиях не имелось возможности давать военным элементам, вливавшимся в войска, все необходимое для борьбы с врагом, имевшим большой опыт за три года войны с русскими войсками и ободренным слабым сопротивлением, оказываемым кучками храбрецов-добровольцев.

При этом Кавказское правительство, несмотря на сравнительно большой процент армянских войск, в сравнении с остальными национальными войсками, старалось чинить всевозможные препятствия к достаточному снабжению армян вооружением и боевыми припасами и ставило ряд необъяснимых в то время препятствий к своевременной готовности армянских национальных войск. На фронте, оставленном русскими войсками, оставались лишь спешно сформированные части (кроме 2-го и 3-го полков) под управлением еще существующего штаба фронта Кавказской армии. В Эрзинджане Эрзинджанский полк из русско подданных армян, служивших в туркестанских полках 2-го туркестанского корпуса, в Эрзеруме — Эрзерумский полк (из турецких армян), Эрзерумский запасной полк. Туда же перекинуты были из города Эривани 3-й армянский полк — 2 бат. (и 6-я рота 4-го полка). Из эрзерумских

частей был сформирован Эрзерумский отряд, а впоследствии эрзерумский отряд и Эрзерумский запасный батальон сведены в особую бригаду с дивизионом горной артиллерии особого отряда. В помощь регулярным частям во многих частях была сформирована милиция (хумбы) Сепу, Мурада, Тер-Гевондяна, Торгома, Пандухта и пр.

От г. Хныса до Ванского озера позиции в стороне Муша и Битлиса занимал 2-й армянский полк, в помощь ему из турецких армян были сформированы хнысский и караклисский полки, впоследствии слившиеся во вторую бригаду особого отряда.

Южнее, в Ване, находился 5-й полк, и в помощь ему сформированные из турецких армян 1, 2, 4 Ванские полки, составившие впоследствии 3-ю бригаду Особого отряда. Охрана Макинской ж. д. была поручена Макинскому полку и Макинскому ж. д. батальону.

Видя тяжелую обстановку армян, турки и курды в январе 1918 г. перешли на всем фронте в наступление и окружили Эрзинджан. Эрзинджанский полк, после ряда кровопролитных боев, 7 января пробился через долину Ефрата и 1 февраля присоединился к Эрзерумскому отряду.

Дальнейшие бои в районе Мелижан-Таки-Дараси-Илиджа были не в пользу армян. Турецкая артиллерия была значительно более обученной — весь февраль под Эрзерумом шли значительные бои. 27 февраля отряд принужден был оставить Эрзерум, причем во имя сохранения жизни населению (мусульманскому, так как только оно и осталось) было решено пороховых и динамитных складов (1000 пудов пороха и 2000 пудов динамита) не взрывать, так как все население погибло бы. Масса складов продовольствия, боевых припасов и орудий была оставлена в Эрзеруме за невозможностью вывести ранее, ввиду отхода русских войск, которыми была занята узкоколейная дорога.

Эрзерумский отряд стал отходить в беспорядке на Сарыкамыш. Отход прикрывала конница Мурада и Торгома.

1 марта отряд сосредоточился в Сарыкамыше, хотя передовые части (Торгома) были в Караургане и Зивинском перевале.

27-го же февраля был отдан приказ об отходе и Хнысского отряда, отошедшего частью на Кеприкей, Каракурт, частью на Кон, Меляскерт и Караклис.

1 марта, согласно приказу Главнокомандующего, Армянский корпус был переименован в отдельный, а штаб армии расформирован. Начальник штаба армии был назначен начальником штаба корпуса, некоторые лица из штаба армии влились в штаб корпуса.

В конце февраля штаб корпуса с I конным полком переехал в Александрополь. 2 марта командир корпуса вместе с оперативным отделением штаба переехал в Сарыкамыш.

Тем временем в тылу продолжалась усиленная работа по формированию частей дивизии и Особого отряда, а также по вывозу из громадных сарыкамышских складов боевых припасов, снаряжения, об-

мундирования, продовольствия и пр. материального богатства. Вся эта работа усложнялась недоброжелательным отношением наших мусульман и курдов, которые продолжали портить связь и дороги.

На борьбу с ними приходилось отправлять с фронта, где была большая нужда в боевых единицах, значительные силы и вступать с ними в бой. Большим препятствием к вышеуказанному служила малочисленность подвижного состава. На все просьбы в Тифлис в центральное правление о высылке подвижного состава и бронированных поездов корпус получил отказ, а между тем и то и другое высылалось в Сарыкамыш в значительном количестве грузинскими секциями для забора богатств из сарыкамышских складов.

В начале марта приказом Главнокомандующего последовало назначение комендантов крепостей Карса и Александрополя, без подчинения первоначально командиру корпуса. Район Ольты и Ардаган был включен в сферу Грузинского корпуса, но спустя некоторое время, грузинский корпус отказался выполнить возложенную на него задачу. От этого задача обороны Сарыкамыша, Карса и Александрополя значительно усложнилась, так как сил армянских было недостаточно для выделения в этом направлении особого отряда.

Противник с 9 на 10 перешел в наступление в районе Караурга-на. Штаб корпуса, согласно распоряжению Главнокомандующего, переехал 10-го в Александрополь. Во главе обороны стоял начальник 1-й дивизии. Несмотря на то, что из Александрополя экстренно были посланы подкрепления и пополнения, все-таки для правильной обороны позиции они были незначительны. Нужно было выиграть время для разгрузки Сарыкамыша и приведения крепости Карс хоть в какое то обороноспособное состояние. Части особой дивизии были направлены на Селим и на Николаевск во исполнение боевого приказа. Поэтому пришлось прибегнуть к помощи разных хумбов, в особенности для охраны флангов. Элемент очень неустойчивый и ненадежный.

Турки повели энергичные атаки фронтальные с обхватом обоих флангов, а в особенности нашего правого. Отряд сопротивлялся без смены и отдыха 11 дней, не имея почти ни обуви, ни шинелей, несмотря на снег и морозы, и только будучи угрожаем обходом правого фланга со стороны Бардусского перевала, принужден был отступить на Бегли-Ахметскую позицию, что и выполнил образцово с 21 на 22 марта, взорвав оставшиеся незначительные склады. После отхода, на третий день начальник отряда хотел перейти в наступление, но погода (сильный туман) не позволила этого выполнить. Было приступлено к укреплению позиции.

Падение Батума почти без сопротивления сильно подействовало на моральное состояние войск. Всем ясно было видно, что армянские войска одни должны сражаться с противником и что задача стала гораздо сложнее и труднее.

4-го апреля посетил Александрополь Главнокомандующий кавказским фронтом вместе с французским представителем, осмотрел части, расположенные там (резерв корпуса) и остался очень доволен видом последних. После этого он поехал в Карс, где осмотрел крепость, нашел, что много сделано за короткий срок для обороны крепости. 6-го поехал на позиции, тут шел бой. Турки перешли в наступление, после получения подкрепления целой дивизии. Остался очень доволен состоянием войск, что и выразил командиру корпуса. Для обороны громадной позиции Бегли-Ахметской [сил] было недостаточно, резервов почти не было. Все стояли на позициях при ужасной погоде, снег с дождем, без смены. Всеми средствами мусульмане в тылу и правительство в Тифлисе старались мешать подвозу подкрепления, отказом в подвижном составе и задержкой вооруженными бандами, пулеметами и даже орудиями на станциях Сандар и Садахло.

8, 9 и 10 апреля с боем войска шаг за шагом стали отходить к наружному Карскому крепостному району — к Ах-бабе и Араваратским укреплениям. 10 апреля была получена телеграмма за подписью председателя Совета министров Чхенкели и Военного министра Одишелидзе, что перемирие заключено с турками, надлежит сдать крепость Карс туркам, для чего надлежит войти в переговоры с турецким командным составом. Турки должны до сдачи быть допущены к крепости и веркам, не доходя 5 верст.

Когда эта телеграмма стала известна войскам (она каким-то образом раньше стала известна, чем командиру корпуса) она страшно подействовала на моральное состояние их.

По прямому проводу был запрошен Главнокомандующий, Национальный Совет, но ничего нельзя было добиться. Видимо кто-то с целью мешал. Когда войска увидели наших парламентариев, направляющихся к туркам, это оказало большое влияние на солдат слабых духом: многие солдаты, жители Карской области, ринулись к своим семьям для спасения их. Дороги моментально были заполнены беженцами, никакая сила не могла их остановить. Все это направилось через Карс в Александрополь, что не могло не подействовать на войска и вызвало беспорядки как в отряде, так равно и в крепости. Соглашение состояло об отводе войск за Арпа-чай, согласно Брест-Литовскому договору, т. е. к границам 1876 года. Несмотря на заключение перемирия и на приглашение, турки продолжали наступление за указанную черту. Пришлось открыть огонь из крепостных орудий и этим лишь остановить дальнейшее наступление. Кроме того, обходные колонны (целая дивизия) стали заходить со стороны Мацры с целью отрезать наш Карский отряд, но высланный своевременно из корпусного резерва отряд парализовал этот обход турецкой кавалерии у с. Кизил-Чахтах. Бегли-Ахметский отряд, согласно распоряжению, отходил к Арпа-Чаю, задерживая шаг за шагом на позициях.

Туда отошел и гарнизон крепости, а комендант с некоторыми лицами остался в крепости для сдачи.

Командир корпуса через Главнокомандующего просил правительство войти в соглашение с турецким командным составом о разрешении оставить за нами укрепления, расположенные по ту сторону Арпа-чая у Александропольской крепости, так как без этих крепостных верков оборона крепости Александрополь очень затруднительна. Ходатайство это не было уважено.

Части первой дивизии и первой и второй бригады особого отряда отошли за Арпа-Чай сильно расстроенными и поредевшими, так как многие солдаты пошли спасать свои семьи и имущество. Беженцев было непомерное количество. Вместе с армянами были молочане и русские. Из-за громадного числа их нельзя было выполнить условия об отходе отряда из Карса в 3-х дневный срок. По отходе пришлось заняться приведением частей в порядок и укреплением позиций на флангах крепости Александрополь. Но в виду того, что Александрополь-крепость была слабая и мало обороноспособная, то приказано было немедленно укрепить Джаджурский перевал. Части Эриванского отряда отошли также к границе 1876 года.

До 15 мая части продолжали пополняться прибывающими дезертирами и приводить материальную часть в порядок, а из складов продовольствие, патроны, снаряды и прочее постепенно перевозить в Эривань и Караклис. Этой работе сильно мешали беженцы: армяне, русские и греки. Их было громадное количество, г. Александрополь, в особенности, был ими запружен. Никакие силы не могли урегулировать порядок в городе и на вокзале, вырвать у беженцев вагоны, занятые ими, для нужд эвакуации.

После отхода от Карса, где было оставлено громадное количество припасов боевых, продовольствия и разного имущества, чувствовался во всем большой недостаток. В Эриванском и Нахичеванском уездах, несмотря на перемирие, продолжали повторяться боевые столкновения с мусульманами и турками. Конечно это делалось под руководством турецких офицеров и разных их комиссаров.

15 мая утром около 2 часов был доставлен коменданту крепости от турецкого командного начальства пакет, написанный на турецком языке. Офицер требовал немедленного ответа. Не имея переводчика, комендант поехал на ближайший турецкий пост для перевода этой бумаги. Штаб корпуса 13 и 14 мая переехал в Караклис, остался в городе лишь командир корпуса с несколькими офицерами. Пакет заключал требования турецкого командного состава об очищении Александрополя, о сдаче железной дороги от Александрополя до Джульфы и об отводе войсковых частей от Александрополя на 20 км. Ответ требовалось дать в 6 часов, а пакет был доставлен в половине седьмого. Когда комендант ехал к турецкому посту, то турки уже перешли границу боевыми цепями и наступали на город и крепость. Комендант, вместо того, чтобы возвра-

таться обратно и открыть огонь по противнику, так как противник уже открыл артиллерийский огонь по городу из крепостных орудий, продолжал ехать к посту. Тогда части, находящиеся на позиции в крепости, открыли огонь по цепи.

На позиции стояли части еще не пополненные и не вполне сформированные. Бой завязался серьезный. Турки повели фронтальную атаку с охватом флангов. Накануне в Александрополе было собрано более 8500 дезертиров. До распределения их по частям они были размещены в крепости и в городе. При первых выстрелах они рассеялись и невольно внесли панику. Первая дивизия стояла в резерве уступами на флангах. Она, к сожалению, не дала должного отпора на флангах, стала быстро уходить за Джаджурский перевал. Принятые меры против этого не оказали действия. Бой вел исключительно фронт. Он оказывал упорное сопротивление. Андраник со своим отрядом стоял между Александрополем и Ахалкалаки. У него было до 3500 человек пехоты и конницы с артиллерией. Ему было послано приказание двигаться на Александрополь и ударить в тыл турецким частям, захватывающим наш правый фланг. Это приказание не было исполнено¹². Он стал отходить по направлению к Джалал-оглы.

Крепостной гарнизон и части, находящиеся на линии крепости, продолжали оказывать упорное сопротивление. Видя, что фланги обойдены и что грозит отряду пленение, командир корпуса приказал войти в соглашение с турками — ночью гарнизону и всем частям отойти к Джаджурскому направлению, а коменданту с некоторыми лицами по его усмотрению остаться в крепости для сдачи ее. Отряду, находящемуся на левом фланге и состоящему из первой и второй бригад особого отряда — отходить на Эриванский отряд.

С отходом частей уроженцы Эриванского уезда и близлежащих местностей оставляли ряды частей для спасения своих семейств. Туда же направился второй конный полк, состоящий исключительно из эриванцев.

Таким образом произошел ряд событий одно вероломнее другого: сначала — сдача Батума, потом приказ об оставлении без боя крепости Карс вследствие подписанного перемирия, в финале — переход турок через Арпа-чай у Александрополя во время перемирия, и армянские войска, недостаточно сформированные и сплоченные и притом, с одной стороны, изнуренные непрерывными боевыми действиями и ужасной погодой, а с другой — объятые ужасом турецких зверств, окончательно дезорганизовались, потеряли боеспособность и стали дезертировать и расходиться, присоединяясь к армии беженцев, которые к этому моменту представляли стихийное море бегущих и ищущих спасения людей.

---

12. 16 мая ген. Андранику дана задача — охранять Лорийскую степь. См.: Запись в дневнике боевых действий арм. корпуса // ЦГИА РА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 28. Л. 15.

Таким образом, турецкое требование о сдаче железной дороги и об отходе от этого города на 20 км. — было выполнено. Казались бы, турки должны были остановить дальнейшее свое наступление. Но, к сожалению, этого не было.

Турки, спустя несколько дней после падения Александрополя, повели свое наступление на всем фронте. Эриванский отряд постепенно стал отходить за Аракс. Завязались бои на всем фронте, а главным образом, в трех пунктах: около Караклиса, Баш-Абарана и Сардарабада. Тут шли упорные бои с переменным успехом, а в особенности, в двух последних — были значительные успехи. Андраник, занимая выгодные позиции: безобдальские горы и Желал-оглы, не оказал туркам достаточного сопротивления и очистив эти пункты, поставил в тяжелое положение Караклиссский отряд. По линии ж. д. на Сандар и Садахло задерживались мусульманами не только одиночные люди, но и команды; расстреливали их беспощадно, а в особенности офицеров. Таким образом было расстреляно даже несколько начальников частей.

Отходя вглубь своей страны, войска оставались без продовольствия, снаряжения, имея с собой массу беженцев, голодных и раздетых. Положение создалось очень и очень тяжелое, и поэтому решено было согласиться на все условия, требуемые турками для заключения мира.

1 июня был заключен мир на весьма невыгодных условиях. Таким образом окончилась тяжелая борьба на главном фронте. Но армяне продолжали вести борьбу еще на Бакинском фронте, где задержались благодаря татарским наступлениям в Елизаветполе эшелоны армянских войск, идущих с западного фронта в Закавказье, закаленных в суровых боях.

Татарские банды, в течение всей войны способствовавшие успеху турецкого оружия, впоследствии явно присоединились к турецким войскам и так сказать усилили их мощь, давая им не только живую силу, но предоставляя им необходимые для питания этапы, на которых были заготовлены провиант, продукты и фураж.

Естественно, при таком положении дел армянин-солдат, желая оградить свою семью от зверств, как со стороны врага, так и соседей-татар, не мог спокойно оставаться в рядах войск и бежал к себе, думая своим присутствием и оружием в руках хоть несколько защитить себя и семью от всевозможных насилий и убийств, чинимых его семье с обеих сторон.

Вся эта грустная история в жизни армянского народа за последние два года небезызвестна всем, а в особенности державам Согласия, так как представители их в бытность среди наших войск для связи и наблюдения за ходом развивавшихся событий на Кавказе, не могли не видеть всего того, что творилось над армянским народом, с какой энергией он работал над созиданием национальных войск, дабы оказать посильное содействие державам Согла-

сия, и конечно делали соответствующие доклады своим правительствам. С распадом Закавказского правительства, с отделением Грузии и Азербайджана армяне вынуждены были объявить свою самостоятельность и, будучи предоставлены самым себе, тем не менее, ни на одну секунду не покидали оружия, продолжая тем привлекать на себя взоры и силы противника и таким образом имели, вместе с городом Баку, против себя около восьми турецких дивизий, долженствовавших при отсутствии этого армянского фронта, быть переброшенными на запад на помощь Германии.

Несмотря на голод, охватывающий страну, на отсутствие одежды и пр., снаряжение и боевых припасов, ничто не могло поколебать стойкости этого народа, и к моменту развязки разыгравшейся драмы на Западе, армяне имели твердое и крепкое ядро, могущее быть брошенным в любом направлении, если, конечно, того требовала бы обстановка. Несмотря на то, что грузины для ограждения своих интересов, безопасности и прочности созданной ими республики прибегнули к помощи и покровительству Германии, а азербайджанцы к покровительству Турции, армяне, будучи замкнуты в незначительном участке и окружены со всех сторон врагами в этом «концентрационном» лагере, ни на секунду не думали последовать примеру своих соседей и мечтать о союзе с врагами всего мира с тем, чтобы спасти свое физическое существование ценой предательства и выступления против [стран] Согласия, совместно с которым они провели всю войну. Армяне решили или погибнуть, или добиться справедливого решения своей участи, которого они ждали лишь от держав Согласия, и даже в минуту особенного успеха германотурецкого оружия и полного своего бессилия — не протянули руки и не просили покровительства ненавистных победителей.

Таким образом, армянский народ со своими войсками, до конца оставаясь под оружием, принимал посильное участие в борьбе с врагами всего мира и вместе с державами Согласия способствовал ослаблению вражьей мощи, а потому конечно справедливо заслужил внимание со стороны этих держав и смеет рассчитывать принять участие в благоприятных результатах, к которому приведет окончание войны, и тем вознаградить себя за те исключительные жертвы, которые понес этот народ, предоставленный самому себе и окруженный со всех сторон врагами

14 февраля 1919 г.
г. Эривань

Генерал-лейтенант Назарбеков

ЦГИА РА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 92. Л. 6–12. Машинопись.
Заверенная копия¹³.

---

13. Копия заверена в апреле 1919 г. капитаном Абазовым, секретарем комиссии об участии армян в Первой мировой войне.

М. А. КОЛЕРОВ

НА ПУТИ К ЛОЯЛЬНОСТИ:
«ДЕКЛАРАЦИЯ ТРУДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ»
(1920)

Этот газетный текст, несмотря на его формальную библиотечную доступность, науке остался практически неизвестен. Исследователи давно и детально изучают историю взаимоотношений большевистской власти и русской интеллигенции в 1917 — начале 1920-х годов, фокусируясь не только на конфликтах или общих для них социалистических и культурных мотивах, но и на такой специфической теме, как поиск формулы лояльности интеллигенции к власти большевиков. Наукой давно показано, как навстречу друг другу в 1918 — 1921 гг. в России развивались интеллигентское идейное и практическое желание «сильной власти» и большевистская политика по привлечению «буржуазных специалистов» к экстертному участию в управлении страной и по нейтрализации белой эмиграции. Давно известно, какую роль в этом играли родившиеся в среде русской политической эмиграции идейные течения «сменовеховство» и «национал-большевизм», во второй половине 1920-х гг. — «евразийство», в начале 1930-х — движение «пореволюционной молодёжи». Относительно недавно достоянием науки стали факты (а не только всегда бытовавшие подозрения) большего или меньшего участия большевистской политической разведки (ГПУ-ОГПУ) в создании или руководстве этих движений. Однако богатая тема манипуляции идейными движениями в эмиграции и антисоветским подпольем в СССР невольно сужается на этом, безусловно, чрезвычайно ярком сюжете. Ведь любая политическая манипуляция тесно привязана к тактическим задачам. И без учёта контекста тактических задач большевиков в отношении интеллигенции исследователи так и будут недоумевать: насколько остро политической была и насколько быстро отпала нужда в «сменовеховстве».

Существенно важно обратить внимание и на общеполитические мотивы этой манипуляции — ведь все принципиальные решения о специальных операциях в среде русской эмиграции неизменно принимались на высшем уровне политического руководства в СССР — в Политбюро ЦК РКП-ВКП (б).

Общим местом исследований о взаимоотношениях большевиков с подсоветской (находящейся на территории СССР и внешне лояльной) и антисоветской интеллигенцией в России и эмиграции стало утверждение об инструментальном и идейном использовании большевиками присущего многонациональной русской интеллигенции (после 1917 года и большевистского Брестского мира с Германией 1918 года) патриотизма и «великодержавного» национализма. Считается, что большевики технологически грамотно использовали это настроение вне и внутри страны для укрепления своей власти, и спор идёт лишь о том, когда именно наступил «великодержавный поворот» в политике большевиков: в период заигрывания Троцкого со сменевеховством и национал-большевизмом в начале 1920-х, в дни поворота Сталина к созданию официальной системы исторического знания в 1934-м, в годы Великой Отечественной войны или в 1945-м, в час праздничного тоста Сталина «за русский народ», или после, в дни борьбы с «космополитизмом» и короткого периода государственного антисемитизма накануне смерти Сталина в 1953-м.

Однако из основного потока исследований «идейной близости» и инструментального подхода правящих большевиков к русской интеллигенции невольно выпадает именно контекстуальный и инструментальный их смысл, то есть продиктованный конкретными политическими обстоятельствами их тактический характер. Если в 1918 году перед советской властью стояла задача привлечения в Красную армию масс профессиональных военных от фронтового офицерства до сотрудников Генерального штаба — и эта задача была решена, то, например, в 1920 году, когда военная победа советской власти в Гражданской войне стала близкой реальностью, главной задачей большевиков внутри страны стало гражданское управление деградировавшими за истекшие годы городским обществом и хозяйством в океане крестьянской экономики — и сопутствующий им крайний дефицит элементарных управленческих кадров. Во внешней политике перед большевиками встала задача — после прекращения военной интервенции иностранных государств на территорию России и поддержки ими альтернативных («белых» и «национальных») государственных центров: зафиксировать внешние границы страны, добиться дипломатического признания своей власти и — главное — добиться восстановления внешнеэкономических отношений, которые позволили бы советской России использовать иностранные технологии и капиталы для управления экономикой страны и укрепления власти.

Все остальные обстоятельства 1920 года вроде агрессии Польши на историческую территорию России и неудачную революционную агрессию советской России против Польши, породивших всплеск общенационального патриотизма, а затем и ликвидация последнего очага альтернативной общенациональной государственности в лице врангелевского Крыма, — нисколько не могли изменить названных приоритетов. Внешнее признание ради внешних технологий и капиталов стало принципиальной задачей советской власти.

Степень остроты непризнания и экономической блокады большевиков была хорошо проиллюстрирована условиями Юрьевского мирного договора большевистского РСФСР с Эстонией от 2 февраля 1920 года, когда советская Россия ради выгод приобретения внешнеэкономического «окна» через Эстонию пошла на условия, которые современный исследователь законно уподобляет «капитуляции, поскольку... речь идет явно об аннексии (Ивангород и Печоры) и контрибуции (золото и концессии)»¹.

Середина февраля 1920 года стала временем особой активности главы советского правительства и лидера большевиков В. И. Ленина в области установления диалога с Западом. В серии целенаправленных официальных интервью представителям западной прессы Ленин с присущей ему откровенностью изложил программу такого диалога, названного им «мирное сожительство с народами».

18 февраля в интервью американскому информационному агентству Ленин сказал: «Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем... Мы за [экономический] союз со всеми странами, никого не исключая... Обмен машин на хлеб, лен, на другое сырье — может ли он быть благотворным для Европы? Явно не может не быть благотворным». Отвечая на вопрос агентства «Готова ли Россия вступить в деловые сношения с Америкой?» Ленин повторил: «Конечно, готова, как и со всеми странами. Мир с Эстонией, которой мы сделали громадные уступки, доказал нашу готовность идти ради этого, при известных условиях, даже на концессии». При этом в ответе на вопрос «Должна ли Россия еще бояться контрреволюционного

---

1 Расширение границ соседа за счёт своей этнографической территории, уплата ему 15 миллионов рублей золотом и согласие на лесную концессию в миллион десятин на территории России, освобождение Эстонии от всех долгов Российской Империи, возвращение ей вывезенных ценных бумаг, отказ от передачи и возмещения движимого и недвижимого имущества российской казны, в том числе портов, военных и гражданских судов, захваченных Эстонией, норма о том, что преференции следующих международных договоров РСФСР, которых нет в договоре с Эстонией, автоматически будут распространяться и на Эстонию и т. п. (И. Павловский: Юрьевский оффшор: Цена эстонского мира // REGNUM. 25 января 2008: [www.regnum.ru / news / 948103.html](http://www.regnum.ru/news/948103.html)).

вмешательства извне?» («Должна, к сожалению») прямо сформулировал единственное политическое условие — невмешательство в ход Гражданской войны в России².

Вскоре, в беседе с ещё одним американским журналистом, Ленин дал предельно откровенную формулу сделки: «Мы в России имеем пшеницу, лен, платину, поташ и много полезных ископаемых, в которых испытывает острую потребность весь мир. В конце концов, мир должен будет прийти к нам за этим, невзирая на то, большевизм у нас или не большевизм... В прошлом мы пожертвовали всем, чтобы одержать победу над нашими вооруженными противниками, а теперь мы направим все наши усилия на восстановление экономики»³.

Однако, несмотря на всю объективную заинтересованность тогдашних мировых держав в освоении природных ресурсов России, механизм принятия решений мировых держав о дипломатическом признании именно большевиков и советской власти — законной властью России — и, как минимум, установлении с ними экономических отношений — находился целиком в сфере прикладной политики и принятия политических решений, подверженных целому спектру персональных, публичных и экспертных воздействий. Советская власть имела все основания опасаться, что русская эмиграция, сконцентрировавшая цвет прежней экономики и политики, деловую и экспертную среду (в том числе — остатки государственных институций Временного правительства, Учредительного собрания, администраций Колчака, Врангеля и т. п. за рубежом и в изгнании), связанная бесчисленными нитями с действующими властями и элитами иностранных государств, — будет первой, кто приложит все усилия, чтобы торпедировать надежды большевиков на признание и вытекающие из него материальные выгоды. Большевикам было хорошо известно, что в среде этой эмиграции доминировали либеральные и социалистические круги, одновременно близкие и политическим системам послевоенной Европы и ценностям (риторике) послефевральской России. И в начале 1920 года была предпринята первая попытка нащупать риторическую коммуникацию к этой среде, из опыта которой, как можно предполагать, и выросли все последующие усилия.

3 марта 1920 года, в день неформальной годовщины манифеста императора Николая II об отречении от престола и победы Февральской революции 1917 года, в центральной советской газете «Известия ВЦИК», тогдашний главный редактор которой Ю. Стек-

---

2 В. И. Ленин. Ответ на вопросы берлинского корреспондента американского информационного агентства Universal Service Карла Виганда. 18 февраля 1920. Ср.: В. И. Ленин. Ответ на вопросы корреспондента английской газеты Daily Express. 18 февраля 1920.

3 В. И. Ленин. Беседа с корреспондентом американской газеты The World Линкольном Эйром. Напечатано 21 февраля 1920

лов впоследствии занял видное место в пропаганде лояльности русской интеллигенции к большевизму и, в частности, в политическом продвижении сменовеховства в среде советской бюрократии и «буржуазных специалистов», появилась редакционная статья «Знамение времени». Статья информировала: в России создаётся «Союз трудовой интеллигенции», инициаторы которого 18 февраля 1920 года (то есть накануне другой значимой для политического класса старой России даты — отмены крепостного права 19 февраля 1861 года) приняли «Декларацию трудовой интеллигенции».

В 1917 году другой «Союз трудовой интеллигенции» был в ряду ярко антибольшевистских организаций. Теперь инициаторы его «второго издания», по-видимому, сознательно шли на использование старого имени, демонстрируя, что для некогда антибольшевистской интеллигенции принципиально изменились времена. Немного спустя, обсуждая навязчивое пропагандирование лоялистского сборника «Смена Вех» в советской публичной среде, компетентный наблюдатель точно уловил «экспортный» характер подобного рода большевистских инициатив для интеллигенции. А. С. Изгоев процитировал выступление участника дискуссии о «Смене Вех» в Доме литераторов в Петрограде («споры о „Смене Вех“. Кому это нужно? Опять-таки только Европе, чтобы доказать ей, что у нас есть уместная жизнь») и, протестуя, заметил: «интеллигенция не игрушка, содержащаяся для заграницы»⁴. Но участники и сторонники «Смены Вех» и упомянутого Союза, напротив, были как раз именно этой «игрушкой, содержащейся для заграницы», тактическим инструментом большевиков.

«Известия» опубликовали список учредителей Союза (полнота написания имён в источнике здесь сохранена): В. М. Бехтерев, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Зак, В. А. Щавинский, З. Ф. Кан, В. В. Тарновский, Зандеберг, Н. С. Цвылев, Снягин, А. Я. Брафман, Желватых, В. Плансон, Е. С. Каратыгин, Н. В. Ивановский, Марголис, Л. Н. Фрезе, С. И. Дзеконский, П. Н. Воронов, Н. И. Пантюхов, Г. М. Хржановский, Б. Б. Сабанеев, М. Горький, А. К. Бабицевский, С. Н. Корф, Н. А. Елачич, Н. Н. Рейнке, И. Н. Ефремов. Согласно газете, эти люди утвердили проект «Положения о союзе трудовой интеллигенции», пункт первый которого называл целью Союза «всемерное содействие наиболее целесообразному использованию интеллигентных сил России в целях воссоздания ее культурно-хозяйственной жизни».

Редакционная статья «Известий» прозрачно и неуклюже толкует эту инициативу как переход на сторону советской власти «интеллигенции крупно-буржуазной, стоявшей весьма близко к заправилам прежней промышленности»: «в виду предстоящего возобнов-

---

⁴ А. С. Изгоев. О задачах интеллигенции // Парфенон. Сборник Первый. Редактор А. Л. Волынский. СПб., 1922. С. 32, 39.

ления экономических отношений с Западом, специалисты, стоящие близко к торгово-промышленным кругам, будут в полной мере использованы государством». При этом эмигрантские круги, по мнению советского органа, «отныне не будут иметь ни малейшего права говорить ни от имени „русской интеллигенции“, ни от имени торгово-промышленной буржуазии»⁵.

В приложении к статье «Известий» была также опубликована упомянутая «Декларация трудовой интеллигенции». Этот текст, несомненно, написанный под детальным контролем советского политического руководства, за полтора года до «Смены Вех» и общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол) стал первым программным документом про-большевистской агитации, который имел своей целью использование остатков старого политического класса России в интересах внешней легитимации российского большевизма на Западе.

Однако этот «Союз трудовой интеллигенции» практически не оставил общественно-политического следа. В конце апреля 1920 года Польша начала масштабное наступление против советской России и политическая повестка дня резко изменилась. Вместе с изменившимися обстоятельствами вскоре отпала и тактическая нужда в использовании старой интеллигенции для налаживания связей с Западом. 12 июля 1920 года высший орган распорядительно-экономической власти — Президиум Высшего Совета Народного Хозяйства вынес решение «дать заключение в МСНК (Малый совнарком — правительственную комиссию для решения административных вопросов — *М. К.*) об Обществе трудовой интеллигенции»⁶. Но, похоже, заключение не родилось и бюрократическая судьба Союза прекратилась.

Ниже по единственной известной газетной публикации публикуется и комментируется полный текст «Декларации трудовой интеллигенции». Автор комментария стремился расшифровать тактически значимый для его большевистских инициаторов политический смысл текста и одновременно «привязать» его к риторическим формулам той интеллигенции, к которой, по замыслу большевиков, и должен был обращаться её искусственный и недолговечный Союз.

---

5 [Ред.] Знамение времени // Известия [ВЦИК]. № 48 (895). 3 марта 1920. С. 1. В литературе публичное авторство этой статьи приписывается Н. А. Гредескулу, однако эта публикация анонимна. Тем не менее, сама ошибка показательно: старый либерал Н. А. Гредескул именно в то время пытался публично сформулировать мотивы и принципы своей лояльности к новым властям. См.: Н. Гредескул. Одиночная попытка или общественное движение? // Известия ВЦИК. 1920. 17 августа.

6 Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. 1920 год. Сборник документов / Отв. сост. Е. В. Хандурина. М., 2000. С. 190.

Декларация трудовой интеллигенции

Группа русской трудовой интеллигенции, принадлежащей к различным оттенкам политической и социальной мысли, являющейся непосредственной свидетельницей⁷ происходивших в России в течение последних лет событий и объединившаяся на признании необходимости приложить теперь же свой труд и знания к восстановлению производительных сил страны и к сохранению остатков уцелевшей после мировой войны и революционного процесса культуры, обращается к руководящим общественным кругам Европы и Америки⁸ и к зарубежным своим соотечественникам⁹ с изложением своего взгляда на то, какие пути могли бы привести к скорейшему возрождению культурных и деловых сношений Запада с Россией¹⁰.

В России уже три года идет революция¹¹, выражающаяся в коренной ломке старых устоев, изыскании новых форм политического

---

7 *Непосредственной свидетельницей* — противопоставление авторов из числа «трудовой интеллигенции» той части «буржуазной интеллигенции», что пережила события Гражданской войны вдали от событий, в эмиграции. Искусственное противопоставление подсоветской интеллигенции, то есть действующей в условиях советской власти, как единственной «непосредственной свидетельницы» — остальной интеллигенции, будто бы не имеющей непосредственного опыта событий, одновременно (1) выводит антибольшевистскую либеральную и социалистическую интеллигенцию, проводшей годы Гражданской войны в рядах белых армий и администраций, за рамки диалога и (2) игнорирует сам факт её существования и значимость её непосредственных антибольшевистских свидетельств на Западе.

8 *Руководящим общественным кругам Европы и Америки* — эвфемизм, позволяющий не употреблять большевистских риторических классовых оценок вроде «буржуазных правительств» и «эксплуататорских классов», компромиссно расширяющий за счёт политической оппозиции на Западе спектр тех, к кому обращаются от имени «общественных кругов» России авторы Декларации.

9 *Зарубежным своим соотечественникам* — вновь обращение к политической и, более всего, торгово-промышленной эмиграции через голову ещё действующих на территории России антибольшевистских правительств и «общественных кругов».

10 *Культурных и деловых сношений Запада с Россией* — ясно, что обращение к общественности Запада с призывом о «возрождении культурных сношений» направляется авторами Декларации не по адресу, ибо прекращение этих сношений в условиях непризнанности советской России странами Запада, а также в условиях большевистской диктатуры, установившей тотальную цензуру в сфере внутренней и внешней культурной деятельности, ни в коей мере не было инициативой общественности Запада. Призыв же о «возрождении деловых отношений» — не более чем призыв к установлению экономических связей с большевистской Россией без предварительных условий её политического признания.

11 *Три года идет революция* — авторы не только исторически изображают революцию февраля и октября 1917 года как единый процесс, но, выступая

и социального уклада, народной жизни и сопровождающаяся неизбежными эксцессами¹². Брожение это болезненно ощущается всем миром, нуждающимся в покое после потрясений беспринципной войны¹³ и в культурных средствах, необходимых для восстановления порядка и нового строительства; этим преимущественно объясняется, по нашему мнению, стремление правящих кругов иностранных держав воздействовать на создание в России прочного политического и экономического строя¹⁴.

Но насколько необходимы дружеское содействие и помощь за границы в экономической и производительной эволюции России¹⁵

от имени подсоветской «трудовой интеллигенции», стремятся уверить адресатов Декларации в том, что действующий большевистский режим является не просто исторически, но и идейно преемственным по отношению к Февральской революции.

12 *Неизбежными эксцессами* — инициированные победителями Октябрьской революции Брестский мир, «военный коммунизм» и красный террор, таким образом, не только помещаются в контекст Февральской революции, но и изображаются в качестве «неизбежных эксцессов» общего революционного процесса, за которые большевики не несут отдельной ответственности.

13 *Беспринципной войны* — аллюзия на широко распространённые в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. взаимные пропагандистские упреки политиков и деятелей культуры Англии, Франции, России, с одной стороны, и, прежде всего, Германии, с другой стороны, в (технологически неизбежных из-за резкого усиления разрушительной мощи средств войны) «варварских» методах ведения войны, приведших к массовым жертвам среди гражданского населения и памятников культуры. Впрочем, упоминание о «беспринципности» мировой войны — в условиях продолжающейся ещё более жестокой и истребительной Гражданской войны в России — заставляет усомниться в «свидетельской» адекватности авторов Декларации, либо предположить, что Декларация адресована лишь тем на Западе, кто не интересуется мерой «беспринципности» происходящих в России событий.

14 *Стремление правящих кругов иностранных держав воздействовать на создание в России прочного политического и экономического строя* — эта предельно компромиссная и иносказательная формула призвана «оправдать» прямое военное вмешательство стран Запада в Гражданскую войну в России на стороне белых армий, новых националистических движений и правительств на окраинах бывшей Российской империей. Другая цель: заменить риторический ряд об интервенции (ничем не обоснованным) предположением о том, что преобладающим мотивом вмешательства Запада в Гражданскую войну в России было именно желание создать в России некий нейтральный, но «прочный политический и экономический строй» безотносительно к политической и экономической несовместимости западных демократий и полудемократий с большевистским «военным коммунизмом» в России. В такой подмене риторик прямо читается предложение советской России устами «близкой Западу» «трудовой интеллигенции» переориентироваться с поддержки антибольшевистских движений и администраций на, как минимум, экономическое признание большевиков в уважение к демонстрируемой ими «прочности» режима.

15 *Помощь за границы в экономической и производительной эволюции России* — имеются в виду только потребности советской России в рынках сбыта, до-

в общечеловеческих интересах и для обоюдной пользы, настолько безрезультатно и даже вредно вмешательство извне, в особенности вооруженное, в область внутренней политики столятидесятиллионного народа¹⁶. Это та область, в которой русский народ ценою борьбы и страданий должен самостоятельно строить свою жизнь и свое будущее, ибо нет сомнений, что насильственное воздействие не дает положительных результатов, а, в большинстве случаев, служит даже источником новых страданий для революционного народа, обрекая на гибель уцелевшие остатки его культуры.

Соответственно сему нашим зарубежным соотечественникам, отсутствующим в России уже более двух лет¹⁷, необходимо пересмотреть многие из своих взглядов и убеждений, как уже не соответствующих современным потребностям страны, а равно настроению и воззрениям как широких народных масс, так и многочисленных групп интеллигенции, значительно эволюционировавшей за это время, когда дни и часы можно было считать за годы. Мож-

---

ступе к кредитным ресурсам и технологиям Запада, но вовсе не «помощь» в эволюции экономической политики большевиков в сторону от «военного коммунизма» к «новой экономической политике», в качестве «временного отступления» допускавшего легализацию мелко- и среднетоварного производства в сфере промышленности и городских услуг. Тем не менее, двусмысленная формула «эволюции» намеренно избрана авторами Декларации для поддержания надежд Запада и русской эмиграции на необратимую буржуазную экономическую и, следовательно, политическую эволюцию советской власти в сторону от коммунизма и диктатуры, по пути признания частной собственности в промышленности, монополизации внешней торговли и прямой допуск иностранного капитала к освоению природных ресурсов России. Именно надежда на такую эволюцию и служила главным обоснованием установления торговых отношений с большевиками, а затем и их признания странами Запада.

16 *Безрезультатно и даже вредно вмешательство извне, в особенности вооруженное, в область внутренней политики столятидесятиллионного народа* — после риторических предположений о заинтересованности Запада в «прочном политическом и экономическом строе» в России, это — прямо осуждение военной интервенции. Ко времени составления Декларации на территории исторической России оставалось лишь два очага вооруженного сопротивления большевикам при поддержке иностранцев: в Крыму и Таври и на Дальнем Востоке. Пользовавшийся наибольшей поддержкой Запада верховный правитель России адмирал Колчак в Сибири потерпел военное поражение от большевиков и был ими расстрелян 7 февраля 1920 года в Иркутске.

17 *Зарубежным соотечественникам, отсутствующим в России уже более двух лет* — судя по тому, что в конце 1917 — начале 1918 года из России в эмиграцию выехали (в первую очередь, из-за большевистской политики тотальной национализации) представители торгово-промышленных кругов, а вовсе не абсолютное большинство представителей «цензовой» и «трудовой» интеллигенции (либерального и социалистического политического класса), оставшихся в России, то очевидно, что Декларация обращена к тем русским деловым кругам в эмиграции, чье мнение об условиях хозяйствования в большевистской России было бы наиболее значимым для западных правительств и экономических властей.

но не соглашаться со многим происходящим в России и подлежащим безусловному осуждению, но необходимо, чтобы отрицательные явления временного и преходящего характера¹⁸ не заслоняли от русской интеллигенции всего русского народа, для облегчения страданий которого следует идти по пути уступок, не останавливаясь ни перед какими личными жертвами¹⁹.

Несомненно, современное политическое и экономическое положение России крайне затруднительно: страна нуждается и в правовом творчестве²⁰, без которого немислима ни культурная, ни деловая жизнь, и в экономических реформах²¹, и в таких средствах, при которых только и возможно производительное использование её сил. Но какими путями пойдет русский революционный процесс дальше, какие руководящие идеи в нем, в конце концов, восторжествуют,²² и в чем выразится происходящий в толще народа психоло-

---

18 *Отрицательные явления временного и преходящего характера* — авторы Декларации вновь, без каких-либо фактических оснований, берут на себя смелость утверждать, что политическая и экономическая программа большевиков, реализованная в «военном коммунизме», более всего породившая «отрицательные явления» — «временна», как временна Гражданская война. Большевистские политические редакторы текста, санкционировавшие появление такой формулировки в Декларации, заведомо исходили из того, что её более обширное толкование как обещание отказа от своей политической и экономической программы — не имеет никаких оснований и является простым обманом.

19 *Можно не соглашаться со многим происходящим в России и подлежащим безусловному осуждению, но необходимо... идти по пути уступок, не останавливаясь ни перед какими личными жертвами* — авторы Декларации прямо сводят принципиальные (политические, экономические, военные) конфликты своих адресатов с большевиками к «личным» конфликтам, оперирующим, в лучшем случае моральными оценками политики большевиков. Именно потому они считают возможным принести их личные интересы в «жертву» объективной реальности большевизма.

20 *Страна нуждается и в правовом творчестве* — в эзоповом политическом языке дореволюционной России «правовое творчество» — аналог юридически закреплённых политических реформ, расширяющих личную и общественную политическую и экономическую свободы. Очевидно, что и в этом случае большевики, санкционируя Декларацию, не санкционировали надежд на расширение сферы политической свободы в России.

21 *В экономических реформах* — в отказе от «военного коммунизма», но в большем масштабе, нежели это было допущено в «новой экономической политике».

22 *Какими путями пойдет русский революционный процесс дальше, какие руководящие идеи в нем... восторжествуют* — намёк на широко обсуждавшиеся наблюдателями разногласия между «левыми» (радикальными) и «умеренными» большевиками, от результата противоборства которых (и победы последних) на Западе и в эмиграции ждали «буржуазной эволюции» советской власти. Тема этих разногласий, не верифицируемых фактическими источниками, неизменно использовалась ответственными переговорщиками советской России на Западе (Л. Б. Красин, Г. В. Чичерин, др.) для завоевания доверия деловых и политических кругов Запада и эмиграции.

гический сдвиг — предугадать пока невозможно, и тем более трудно повлиять на него мерами насильственного воздействия²³.

Единственно ясное в нашем русском вопросе — это то, что изолировать от всего остального мира население колоссальной страны²⁴ в ожидании разрешения им своих социальных и политических проблем²⁵ невозможно. Этого не позволяют жизненные интересы

---

23 *В чем выразится происходящий в толще народа психологический сдвиг... трудно повлиять на него мерами насильственного воздействия...* —

Ещё одно распространённое в современной Декларации публицистике и частной переписке представителей антибольшевистской интеллигенции в эмиграции и в России, а также в свидетельствах лояльных большевистскому режиму (подсоветских) интеллигентов. В общих чертах оно сводилось к ряду свидетельств-предположений о том, что в массе населения России, в её демократическом большинстве, вызванном к активной жизни революциями 1917 года растут религиозные настроения, восстанавливается непартийный национализм или патриотизм, увеличивается отторжение от большевиков при внешней к ним лояльности и т. п. Все эти соображения должны были подчеркнуть «верхушечный» характер большевистской власти, неспособной противостоять развивающимся под нею «органическим процессам», которые в итоге приведут либо к соответствующему «перерождению» большевистской власти, либо к её падению. При этом ускорение этих процессов, «насильственное воздействие», то есть свержение режима в ходе антибольшевистской революции, Гражданской войны или военной интервенции признавалось противоречащим более глубоким «органическим процессам» и, самое главное, лишённым шансов на успех.

24 *Изолировать от всего остального мира население колоссальной страны* — авторы ставят знак равенства между международной политической и экономической изоляцией большевиков и проистекающей из неё изоляцией подвластного большевикам населения. Далее, подменяя изоляцию большевиков — изоляцией народа России, авторы Декларации производят формулу, ставшую одной из ключевых в ходе борьбы большевиков и ряда деятелей эмиграции за признание советской России на Западе, установления с ними сначала экономических, а затем политических отношений. Согласно этой формуле, изолируя большевиков, нельзя изолировать подвластный им народ, но следует, признав большевиков, «втянуть» их в международную кооперацию и получить прямой доступ к воздействию на подвластный им народ — и тем самым помочь внутренней антибольшевистской эволюции страны. Очевидно однако, что из установления отношений Западом с советской Россией в условиях 1920-х гг. вовсе не создавалось никаких социально значимых контактов с населением, которые могли хотя бы теоретически подорвать политическую монополию большевиков.

25 *В ожидании разрешения им своих социальных и политических проблем...* — Ещё одна риторическая уловка: установление и укрепление в результате Гражданской войны власти большевиков уже воспринимались как совокупность необратимых политических и социально-экономических итогов революции, именно то состоявшееся «разрешение», которое в ходе дальнейшей эволюции могло лишить власти большевиков, а вовсе не «ожидание» Запада. «Ожидание» Запада, выливавшееся в форму политико-экономической блокады, было категорически неприемлемо именно для высшего политического и экономического руководства большевиков, столкнувшегося с предельным

не только России, но и других стран, и современное положение вещей повелительно требует:

- 1) Прекратить поддержку вооруженного вмешательства²⁶ в исключительно внутренние дела России.
- 2) Возобновить возможно скорее культурные и деловые сношения с Россией, независимо от существующего в ней ныне строя²⁷.
- 3) Оказать широкое и всестороннее содействие русскому народу в области восстановления его культурных, производительных и хозяйственных сил.

Глубоко веруя в то, что Россия преодолет все трудности и возродится к новой культурной жизни, мы убеждены, что руководящие круги европейского общественного мнения, сочувствуя нашему начинанию, откликнутся на наш призыв и помогут русскому народу в его усилиях выйти на путь мирного труда.

*Учредители Союза трудовой интеллигенции.
18 февраля 1920.*

дефицитом экономических ресурсов, необходимых для элементарного выживания большевистского государства в России.

- ²⁶ *Прекратить поддержку вооруженного вмешательства...* — в применении к Западу — отказ от поддержки вооружённой борьбы Вооружённых сил Юга России (во главе с Деникиным, а затем — Врангелем) против большевиков.
- ²⁷ *Возобновить возможно скорее культурные и деловые сношения с Россией, независимо от существующего в ней ныне строя...* — установить экономические отношения Запада с большевиками.

~

ДАЛИБОР ДЕНДА

РУССКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ЮГОСЛАВСКОЙ
АРМИИ, 1919–1941:

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ
ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

В первой половине XX в. волна русской эмиграции, в значительной степени состоявшей из военных¹, накрыла Королевство СХС/Югославия, как и другие балканские страны. Согласно новейшим исследованиям, профессиональная структура русской колонии выглядела следующим образом: 62% составляли лица, которых, с формальной точки зрения, можно определить как военнослужащих; 33% — представители интеллектуальных профессий, 5% зарабатывали физическим трудом. Из 10.620 представителей российских вооруженных сил, оказавшихся в Югославии в 1921 г., 7.856 были войсковыми офицерами, военными специалистами и служащими военной администрации. 3.713 человек находились на военной службе и в 1914 г., в начале Первой мировой войны. 40 человек были военными инженерами, что на 6 меньше, чем было до Первой мировой войны, если принимать во внимание довоенную профессиональную принадлежность прибывших десяти с половиной тысяч. Военных техников было 103 — на 50 больше, чем в 1914 г. 10 представителей военных учреждений до войны имели другую профессию. Солдат было 2.611. Начало войны застало в этом звании 805 человек². Из вышеприведенных данных следует, что для почти четырех тысяч человек военная служба была основным родом занятий. Зна-

---

1. См.: Јовановић М. Доселовање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996; Его же: Руска емиграција на Балкану 1920–1940. Београд, 2006; Качаки Ј. План генерала Врангела о спасавању језгра Армије Југа Русије (беле) у Краљевини СХС // Војноисторијски гласник. Београд, 2004. № 1–2. С. 48–70.

2. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану... С. 182–183.

чительная часть солдат и офицеров армии генерала Врангеля (около 7.000 человек) по договору с Министерством строительства была направлена на строительство и обслуживание дорог и железнодорожных путей в Южной Сербии, а также на сбор трофейного оружия на полях сражений Первой мировой войны. Около 4.600 солдат, унтер-офицеров и 64 офицера в августе 1921 г. были приняты на службу в Пограничную стражу Королевства СХС с сохранением права ношения русской формы и знаков отличия. Офицеры зачислялись на службу по договору как военные чиновники. Военнослужащие были распределены вдоль границ с Австрией, Италией, Албанией, Грецией, Венгрией и Румынией в составе отдельных русских соединений, что способствовало сохранению русской военной организации. В ноябре 1922 г. Пограничная стража была реорганизована в не столь многочисленную и находившуюся в ведении Минфина³ Финансовую стражу, в которой осталось около 1.700 русских. Около 500 русских по решению властей были приняты в находившуюся в оперативном подчинении МВД жандармерию, в которую мог быть зачислен любой беженец, располагавший опытом военной службы⁴. Подотчетность этих двух подразделений специального назначения Министерству армии и флота ограничивалась только вопросами подготовки и обучения. Поэтому мы не можем считать их частью югославской армии в полном смысле этого слова.

Русские беженцы представляли огромный потенциал, который мог быть использован для нужд югославских вооруженных сил. Однако вопросы деятельности русских эмигрантов в составе армии Королевства СХС/Югославии остаются не вполне изученными сербской и югославской историографией⁵. Русские офицеры, кадровые и запасные, военные чиновники, служившие по контракту или нанятые на условиях подённой оплаты, гражданские чиновники, служившие в составе армейских институтов, определили роль бывших российских подданных в жизни югославской армии в межвоенный период⁶.

---

3. Качаки Ј. Указ. соч. С. 61-64; Јовановић М. Досељавање руских избеглица... С. 208-211.

4. Качаки Ј. Указ. соч. С. 64.

5. Приводим наиболее значимые работы: Јовановић М. Досељавање руских избеглица...; Его же. Руска емиграција на Балкану... С. 182-183, 292-316; Бјелајац М. Војска Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1918-1921. Београд, 1988. С. 92; Его же. Војска Краљевине СХС/Југославије 1922-1935. Београд, 1994. С. 13, 60, 280-281; Его же. Југословенско искуство са мултиетничком армијом 1918-1991. Београд, 1999. С. 27, 38, 41-42; Димић Љ. Културна политика Краљевине Југославије 1918-1941, III, Београд, 1997, С. 135-185; Миленковић Т. Школовање деце емиграната из Русије у Југославији 1919-1941. Београд, 2004. С. 399-401; Рувидић Р. Руски лекари емигранти у Војном санитету Југославије између два рата (1920-1940) // Војносанитетски преглед. № 6. Београд, 1999. С. 677-681; Качаки Ј. Указ. соч. С. 61-65;

6. Общее количество русских офицеров и военных чиновников в югославской армии определить трудно. Для этого потребовалось бы тщательное исследование,

Кадровые и запасные офицеры

После начавшегося в 1923 г. преобразования Русской армии в Русский общевоинский союз (РОВС), после утраты иллюзорных надежд на еще один весенний поход против большевиков, разоружения и изгнания из болгарских казарм Первого армейского корпуса, русские кадровые офицеры утратили свой прежний профессиональный статус⁷. Поступление на службу в армии тех государств, в которых они оказались, осталось единственным выходом для желавших оставаться кадровыми офицерами, и для кого военная служба была единственной профессией. Наряду с профессиональной подготовкой, в Королевстве СХС/Югославии одним из главных условий зачисления на активную службу или в запас было наличие у кандидата подданства Королевства. Согласно Закону об устройстве армии и флота от 1923 г., офицеры зачислялись в армию приказом министра армии и флота в чине, соответствовавшем прежнему чину, в котором проходила служба в иностранной армии, но до подполковника. Условием была и подача рапорта на зачисление в течение года после прекращения службы в вооруженных силах другого государства, а также знание в совершенстве сербскохорватского (словенского) языка⁸. Таким образом, поступление на активную службу требовало от русских офицеров в изгнании отказа от российского подданства и принятия гражданства страны, предоставившей убежище. Это было непростое решение для тех, кто до недавнего времени защищал интересы Российской империи. Однако реальные обстоятельства и жизненные потребности подталкивали к шагам, которые до эмиграции трудно было себе и представить.

Возникшую дилемму устранил митрополит Антоний. На поставшие со всех сторон вопросы, не станет ли грехом «присягнуть другому правителю», он весной 1925 г. ответил, что не станет, если речь идет о правителе дружественной страны⁹. Что касается югославской стороны, то в армии Королевства СХС на момент прибытия российских формирований существовала насущная потребность в кадровых офицерах и унтер-офицерах. А именно, для полного комплектования, оцениваемого в 8864 офицера и 12 153 унтер-офицера, не хватало 2886 и 7100 человек соответственно¹⁰.

отнявшее бы много времени и принесшее скромные результаты. Все-таки, что дать более полное представление о числе русских, скажем, что на более чем тысячи персональных дел офицеров и военных чиновников, хранящихся в архиве бывшего Военно-исторического института, написаны русские имена.

7. О формировании РОВСа см: М. Јовановић, Руска емиграција на Балкану 1920–1940. С. 292–316.
8. Закон о устройству Војске и Морнарице. Београд, 1923. С. 51 (члан 105).
9. Миленковић Т. Указ. соч. С. 399–400.
10. Архив Војноисторијског института, пописник 17, кутија 201, Фасцикла 1, регистарски број 21 (Далее: АВИИ, П-17, К-201, Ф-1, р. б. 21).

В период с 1919 г. по конец 1940 г. на действительную военную службу напрямую было принято 107 офицеров — бывших подданных Российской империи¹¹. Бывшие русские офицеры, принятые до 1923 г., все были по национальности сербами¹². Эти 16 человек когда-то были подданными Австро-Венгрии, Черногории и Сербии, которые служили в российской армии или учились в военно-учебных заведениях и по их окончании остались на русской службе. Трое из шестнадцати были зачислены в чине полковника, один в чине подполковника, двое в чине майора, двое — капитана первого класса, один — капитана, семеро — поручика. Восемь были артиллеристами, четверо — пехотинцами, двое служили в кавалерии. Один был инженером, и один — офицером генштаба¹³. Первый русский офицер царской армии был принят на активную службу в августе 1923 г.¹⁴

С 1923 г. по 1940 г. на действительную военную службу принят 91 российский подданный — офицер бывшей царской армии, принявший югославское гражданство. Из них двое были сербами. 42 человека были зачислены капитанами первого класса, 17 — капитанами, 23 — поручиками, 6 — подпоручиками (двое из них были выпускниками кавалерийских военных училищ), 1 — морским поручиком боевого корабля первого класса, 1 — младшим авиационно-техническим делопроизводителем второго класса и 1 — младшим авиационно-техническим делопроизводителем третьего класса. Всего из 107 бывших русских офицеров царской армии, принятых в югославскую армию, 23 были кавалеристами, 16 — артиллеристами, 22 — пехотинцами, 5 — морскими офицерами (4 — техническими специалистами), 9 — офицерами санитарной службы, 6 — инженерами, 5 — ветеринарами, 14 — авиаторами (2 — авиационными техниками), 3 — инженерами артиллерии, 2 — офицерами военной администрации и по одному аптекарю и офицеру генштаба. По годам процент зачисленных распределялся следующим образом:

год	1919	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931
количество	3	8	4	2	2	15	47	11	8	3	3	1
%	2,8	7	3,7	1,8	1,8	14	44	10	7	2,8	2,8	0,9

11. Службени војни лист Краљевине СХС/Југославије за 1919, страна 46 (даље: СВЛ 1919/46, 1919/628, 1919/898, 1921/756, СВЛ 1921/862, 1921/863, 1921/1721, 1921/1787, 1921/2289; СВЛ 1922/603, 1922/918, 1922/1856, 1922/2174; СВЛ 1923/201, 1923/1699; СВЛ 1924/2280, 1924/2457; СВЛ 1925/533, 1925/671, 1925/1252, 1925/1253, 1925/1289, 1925/1840, 1925/2074; СВЛ 1926/446, 1926/821, 1926/1046, 1926/1595, 1926/1778, 1926/1906, 1926/2178; СВЛ 1927/136, 1927/214, 1927/587, 1927/638, 1927/1483; СВЛ 1928/1482, 1928/2127; СВЛ 1929/826; СВЛ 1930/1036, 1930/1677; СВЛ 1931/246).

12. СВЛ 1919/628, 1919/46, 1919/898, СВЛ 1921/756, СВЛ 1921/862, 1921/863, 1921/1721, 1921/1787, 1921/2289, СВЛ 1922/603, 1922/918, 1922/1856, 1922/2174, СВЛ 1923/201.

13. Там же.

14. СВЛ, 1923/1699.

Из всего вышеизложенного следует, что на военную службу принимались русские офицеры в чине от подпоручика до капитана первого класса, за исключением шестерых высших офицеров — сербов по национальности, принятых на службу до вступления в силу Закона об устройстве армии и флота от 1923 г. Русские офицеры царской армии стали подавать просьбы о поступлении на службу с конца 1923 г. По причине сомнений в допустимости подобного шага количество заявлений поначалу было невелико. Наиболее активно зачисление русских на службу происходило в 1925–28 гг. — после преобразования Русской армии в РОВС и разрешения митрополита Антония присягать монарху дружественной страны. Позже прием русских на службу постоянно сокращался и совсем прекратился после 1931 г.

Схожим образом обстояло дело и с зачислением бывших российских офицеров в запасной состав югославской армии. До 1923 г., за исключением одного, принимались только сербы, а с 1924 г. — только русские. Больше всего было зачислено в 1927 г. — 27 человек. Из 36 зачисленных офицеров 14 были пехотинцами, 9 — кавалеристами, 7 — артиллеристами, 4 — инженерами, по одному офицеру авиации и санитарной службы. 15 человек были подпоручиками, 11 — поручиками, 5 — капитанами и 6 — капитанами первого класса¹⁵.

год	1919	1921	1923	1924	1927	1929	1936
количество	1	1	3	2	27	1	1
%	2,7	2,7	8,3	5,5	75	2,7	2,7

Русские попадали на службу в югославскую армию и через белградскую Военную академию¹⁶. В нее поступали молодые люди, влюбленные в мундир и чувствовавшие в себе призвание к военной службе. Несколько поколений их предков служили, и новая генерация стремилась продолжить традицию. Немаловажно было и то, что слушатели Военной академии учились за государственный счет. После успешного окончания академии их ждала гарантированная занятость — служба в качестве офицера югославской армии, — престижная и относительно хорошо оплачиваемая, а также быстрое продви-

15. СВЛ 1919/540, СВЛ 1921/2219, СВЛ 1923/1408, СВЛ 1924/1303, 1924/2341, СВЛ 1927/1991, СВЛ 1929/173, СВЛ 1936/1406.

16. Военная академия состояла из высших и низших классов. В первых учились будущие офицеры генерального штаба. Обучение во вторых до 1924 г. продолжалось два года, потом — два с половиной, а с середины 1930-х гг. — три года. Академия имела следующие отделения: пехотное, артиллерийское, кавалерийское и инженерное. Офицеры военной администрации и интенданты стали получать специализированное образование с 1927 г. Военно-морская академия открылась в Дубровнике в 1923 г. (Бјелајац М. Војска Краљевине СХС/Југославије... С. 54–59, 91–92, 151).

жение по службе и увеличение жалования. К поступлению в академию хорошо готовили 3 эмигрантских кадетских корпуса. Донской кадетский корпус императора Александра III (основан в 1883 г.), прибывший в Королевство СХС через Египет и Константинополь, сначала был размещен в Стерниште, около Птуя (Словения), потом в Билечи (1921–26 гг.), и, в конце концов, в Боснии и Герцеговине — в Горажде (1926–33 гг.). После закрытия корпуса кадеты были переведены в Крымский корпус в Белой Церкви. Та же судьба ожидала и воспитанников Первого кадетского корпуса Великого князя Константина Константиновича, основанного в 1920 г. и размещенного в Сараево (1920–29 гг.). Крымский корпус (основан в 1920 г.) с момента прибытия в Королевство СХС до осени 1944 г. располагался в Белой Церкви¹⁷. Короткое время с 1921 г. по 1923 г. в Югославии действовало и Николаевское кавалерийское училище, осуществившее до закрытия два выпуска¹⁸. С 1919 г. по 1928 г. в низшие классы Военной академии было принято 123 русских воспитанника¹⁹.

В Военную академию поступило 66 выпускников Крымского и 41 выпускник Донского корпуса. До 1940 г. 111 кадет получили образование в военно-учебных заведениях Югославии. Выпускников русских гимназий, выбравших военную карьеру, было намного меньше.

Около 100 человек было зачислено в Николаевское кавалерийское училище²⁰. На действительную военную службу шли и выпускники гражданских факультетов.

Непросто определить точное количество русских студентов, получивших военное образование в Югославии, а также сказать, сколько русских офицеров служило в югославской армии. Некоторые из них, особенно получившие гражданское образование, оставляли службу, находя более высоко оплачиваемое занятие. Так, например, в 1925 и 1926 гг. в отставку вышли два русских офицера²¹. До 1939 г. в югославской армии осталось 226 кадровых и 106 запасных русских офицеров²². Они составляли 2,5% кадрового и 0,27% запасного офицерского состава. Причина несовпадения числа бывших офицеров Русской армии, принятых в кадровый состав и в запас югославской армии, и общего количества этнически русских офицеров состояла в том, что на службу принимались и русские

---

17. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану... С. 395; См. также: Миленковић Т. Указ. соч. С. 93–100, 119–127.

18. Миленковић Т. Указ. соч. С. 394–399.

19. Бјелајац М. Војска Краљевине СХС/Југославије... С. 60; Миленковић Т. Указ. соч. С. 400.

20. Миленковић Т. Указ. соч. С. 399–401.

21. Бјелајац М. Југословенско искуство са мултиетничком армијом 1918–1991. Београд, 1999. С. 27

22. Там же. С. 38.

Российские слушатели Военной академии,
1919–1928

Год	Всего	Русские	%
1919	213	1	0,5
1920	308	—	0
1921	303	1	0,3
1922	355	2	0,5
1923	372	2	0,5
1924	383	6	1,5
1925	358	28	7,8
1926	599	59	9,8
1927	353	8	2,2
1928	561	16	2,8
всего	3805	123	3,2

молодые люди — югославские подданные, выросшие в эмиграции, получившие в Королевстве СХС образование (в том числе и цивильное — техническое и медицинское).

Оказавшись в армии, русские продвигались по службе, не встречая препятствий, а некоторые достигали и весьма высокого положения. Так в марте 1941 г. русские командовали одним из восьми авиационных полков (полковник Леонид Байдак), одной из девяти авиационных школ (майор Владимир Тихомиров) и одним из десяти кавалерийских полков (подполковник Сергей Скачков). Что касается артиллерии, то одним из пяти полков командовал русский (подполковник Георгий Митрович), а из 34 полков (самостоятельных дивизионов) в составе дивизионных областей русские командовали тремя (полковники Георгий Токарович, Георгий Никитин и Ростислав Васильев)²³. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в армии Королевства Югославия русские эмигранты пользовались полным доверием и обладали равными с сослуживцами-югославянами правами.

²³. 27. март 1941, тематска збирка докумената / Приредили Б. Петрановић и Н. Жутић. Београд, 1990. С. 250–253; Бјелајац М. Југословенско искуство... С. 41–42.

Военные чиновники и служащие на условиях подённой оплаты

Немало русских эмигрантов, многие из которых ранее были офицерами, унтер-офицерами и солдатами, получили работу в армии и флоте в качестве военных чиновников на контракте и служащих на условиях подённой оплаты — так называемых подёнщиков. Многие из них, приняв подданство, продолжили службу в армии как гражданские служащие. Последние делились на приказных²⁴ и неприказных²⁵. Приказной персонал состоял из военных и штатских чиновников, а неприказной — из ремесленников, мастеров и обслуживающего персонала. К военным чиновникам относились капельмейстеры, военные контролеры, ассистенты врачей, аптекарей и ветеринаров, военные писари, технический персонал на флоте и в авиации, а также смотрители и персонал военно-технически производств и пороховых фабрик, закончившие военно-ремесленную школу в Крагуевце (или аналогичную)²⁶. Военные чиновники делились на три основные категории.

К первой категории относились штатные преподаватели и ассистенты Военной и Военно-морской академий, прочих военно-учебных заведений, технические специалисты, авиационно-технический персонал с высшим гражданским образованием или окончившие высшие классы Военной академии, а также внештатные чиновники с высшим гражданским образованием.

Ко второй категории относились военные контролеры с аттестатом зрелости или с законченными низшими классами Военной академии (или другого равного по статусу военно-учебного заведения), авиационно-технический персонал с дипломом Высшей ремесленной школы, а также внештатные чиновники, окончившие гимназию.

Третью категорию составляли военные писари 1, 2, 3 и 4 класса, ассистенты врачей и ветеринаров, авиационно-технический персонал с начальным школьным образованием, смотрители и работники фабрик и мастерских, закончившие военно-ремесленную школу в Крагуевце.

Среди прочих гражданских лиц, занятых на военной службе, были ремесленные мастера, работавшие на фабриках, заводах и мастерских, на флоте, в авиационных частях и арсеналах, служащие (чертежники, дактилографы, писари) и прислуга. Помимо постоянного штатского персонала, Министерство армии и флота в случае необходимости нанимало служащих на контрактной основе, преподавателей в военно-учебные заведения, врачей, ветерина-

24. Чиновники, назначенные приказом министра армии и флота.

25. Чиновники, для назначения которых не требовался приказ министра.

26. Закон о устройству Војске и Морнарице. Београд, 1923. С. 85 (члан 216).

ров, аптекарей и т. д. Круг их обязанностей был определен в договоре в соответствии с уровнем профессиональной подготовки²⁷.

Для югославской армии в рассматриваемое время существовала на-
сущная необходимость приема российских подданных на службу на
условиях договора и подённой оплаты. В соответствии с докладом от
22 марта 1924 г., представленным Совету министров тогдашним мини-
стром армии и флота генералом Петром Пешичем, до полной уком-
плектованности штатов гражданских чиновников, оцениваемой в 742
человека, не хватало 440. Особенно остро ощущался дефицит спе-
циалистов: инженеров, архитекторов, преподавателей, врачей. Так-
же не доставало 212 служащих, мастеров, слуг, которых по штатно-
му расписанию должно было быть 231. Нехватка персонала ощуща-
лась бы еще сильнее, если бы не наём на работу граждан иностранных
государств — технических специалистов, обеспечивавших нормальное
функционирование вооруженных сил. Из 763 иностранцев — граж-
данских чиновников на военной службе почти все были русскими,
за исключением нескольких граждан Чехословакии, Австрии и др.²⁸

Правовой основой для принятия российских подданных на воен-
ную службу в качестве чиновников на договоре и подённых была
130 статья Закона о чиновниках и прочих гражданских служащих,
а также статья 217 Закона об устройстве армии и флота. Решение
о приеме принимал Совет министров Королевства СХС. Благоприят-
ные условия для трудоустройства русских создавали и новые прини-
маемые законы. Так Правилами приема и распределения персонала
производств, учреждений и частей армии и флота было предусмотре-
но, что в особых случаях в отсутствие специалистов — граждан Ко-
ролевства СХС могут быть наняты и иностранные граждане²⁹. Дого-
воры с ними составляли начальники управлений министерства на ос-
новании инструкции министра армии и флота. В соответствии с его
приказом от 9 апреля 1924 г. была увеличена доля внештатных чинов-
ников и прочих штатских лиц, которым могло выплачиваться повы-
шенное жалование.

Месячное жалование	% от общего числа
до 4000 динар	до 2
до 3500 динар	до 8
до 3000 динар	до 20
до 2500 динар	до 25
до 2000 динар	до 25
до 1500 динар	Все остальные

27. Там же. С. 86–87 (члан 218).

28. Ё. Бр. 12 520 од 22.марта 1924. године (АВИИ, П-17, К-201, Ф-1, р. б. 21, лист 1).

29. Ё. Бр. 11 040 од 23.марта 1924. године (СВЛ 1924/717-723).

Это было значительным повышением заработной платы. Трудовые договоры, подписанные в соответствии с данным актом, действовали не менее года³⁰. На этих условиях в феврале 1924 г. в Министерстве армии и флота (МАФ) служило 437 офицеров — членов русских офицерских обществ³¹. Следующая таблица демонстрирует их профессиональную специализацию:

Члены русских офицерских обществ,
трудоустроенные Министерством
армии и флота (1924)

Русское офицерское общество	трудоустроенные МАФ
инженеры	55
артиллеристы	150
топографы	86
Генерального штаба	26
авиация	70
флот	50
всего	437

Сколь значительную роль для развития югославской армии играли внештатные военные чиновники, по большей части русские, лучше всего демонстрирует тот факт, что их положение постоянно улучшалось и приближалось к статусу государственных служащих на постоянной основе. Так, например, в соответствии с Инструкцией по применению Закона о денежных компенсациях за жилье и командировочные расходы от 15 ноября 1926 г. компенсации становились одинаковыми и для постоянных, и для временных служащих, что было отражено и в новых заключаемых с ними договорах, и в продлеваемых старых. Срок действия договоров продлевался с одного года до двух лет. Впрочем, внештатные чиновники получали только те компенсации и премии, которые были предусмотрены договором³².

Свидетельством более чем равноправного положения русских беженцев, нанятых Министерством армии и флота, по отношению к представителям местного населения является тот факт, что русские, осознавая собственное значение для функционирования оборонительной системы страны, начали злоупотреблять своим положением. Многие из них в обход официальной процедуры стали обращаться с разными просьбами напрямую в высшие инстанции —

30. Т. Бр. 15 886 од 09.априла 1924. године (АВИИ, П-17, К-201, Ф-1, р. б. 21, лист 3).

31. Качаки Ј. Указ. Соч. С. 64; Хувер — Гирс 48/1.

32. Т. Бр. 13 258 од 16. априла 1927. године (АВИИ, П-17, К-201, Ф-1, р. б. 21, лист 5).

к министру армии и флота и даже самому югославскому королю Александру. В связи с этим министр армии и флота армейский генерал Стеван Хаджич был вынужден в конце февраля 1928 г. издать приказ, по которому каждый русский, продолжающий нарушать порядок подачи прошений и после персонального указания на обязательность его соблюдения, должен был представляться к увольнению со службы³³. И, все-таки, без русских специалистов было не обойтись. В 1928 г. русским эмигрантам было предложено принять югославянское подданство «по облегченной процедуре». Однако многие это предложение не приняли, оставшись российскими подданными³⁴. Проявлением желания военных властей задерживать русских чиновников и офицеров на югославской службе был и приказ министра от 15 сентября 1928 г., разъясняющий, что принявшим подданство русским офицерам прежняя внештатная служба в Сербии и Черногории будет зачтена в оплачиваемый стаж³⁵.

Доверие, которым пользовались русские в югославской армии, имело и обратную отрицательную сторону. Так русские были причастны к крупнейшей афере, раскрытой разведывательным управлением Генерального штаба в ноябре 1929 г. Речь шла о том, что один русский специалист, воспользовавшись халатностью югославских офицеров, передал итальянскому военному атташе югославские военные шифры. Кроме того, при помощи еще нескольких русских Италия получила сведения обо всех промышленных предприятиях Югославии³⁶.

Несмотря на эти прискорбные случаи, югославские власти исключительно высоко ценили русских служащих, о чем свидетельствуют и положения финансового закона (бюджета) на 1937/1938 г., действовавшие вплоть до вступления Югославии во Вторую мировую войну. Русским, старше 65 лет, служившим в Первую мировую войну в составе царской или любой другой союзнической армии и прошедшим на югославской государственной службе в составе вспомогательного персонала более десяти лет, в случае вынужденного ухода со службы предоставлялась пенсия в размере 900 динар. По смерти пенсионера его семья продолжала получать материальную помощь. Если у покойного оставался один член семьи, то ему причиталось 50% пенсии, двое получали — 65%, трое — 75%. В марте 1940 г. Общество российских резервных офицеров обратилось к министру армии и флота с просьбой распространить право получения пенсии и на тех участников войны, кому исполнилось 65 лет, но кто

---

33. Пов. Ађ. Бр. 2496 од 29. фебруара 1928. године (АВИИ, П-17,К-81, Ф-2, р. б. 2).

34. Димић Љ. Указ. соч. С. 155-156.

35. Ђ. Бр. 27 167 од 15. септембра 1928.године (СВЛ 1928/1721).

36. В связи с этими аферами были арестованы русские эмигранты: др. Дмитрий Цвет, Прокофиров, Роксиков и Савойский. Прокофиров после ареста покончил с собой. (Бјелајац М. Војска Краљевине СХС/Југославије 1922–1935. С. 170-171).

не находился на государственной службе, затем на тех, кому исполнилось 60 лет, и кто прослужил 10 лет или проработал 15 лет в русских эмигрантских школах, но по состоянию здоровья более не был трудоспособен, и, наконец, на участников войны любого возраста, проводших 10 лет на государственной или муниципальной службе (и в русских школах), но уволенных по болезни или по сокращению. Министр просьбу отклонил, объясняя это нехваткой финансирования, а также нежеланием создавать прецедент, который мог бы быть использован и другими находившимися в тяжелых условиях ветеранами, которых было немало³⁷. Все вышесказанное свидетельствует о том, что в Королевстве Югославия русские беженцы находились в привилегированном положении, особенно в армии. Это объяснялось как симпатиями высшего сербского офицерства и королевского двора, так и высокой квалификацией эмигрантов.

Русские эмигранты в отдельных военных институтах

Русские эмигранты сыграли значительную роль в реконструкции и развитии югославской военной промышленности, главной производственной мощью которой была фабрика в Крагуевце. Помимо нее существовали производства в Сараево, Скопье, Загребе и Чачаке³⁸, а также пороховые заводы в Обиличево (Крушевац) и Камнике (Словения). С 1927 г. начало действовать и авиационно-техническое предприятие в Кралево³⁹. Кроме того, существовал военно-морской арсенал в Тивате, завод по ремонту военно-морской артиллерии в Лепетанах. В 1939 г. был построен завод по производству пороха и взрывчатки в Лазаревце.

На всех военных предприятиях работали русские. В 1924 г. в Министерстве армии и флота числилось 156 русских, занятых в артиллерийско-технической отрасли. Двое работали по договору как инженеры высшей категории, 141 — как чиновники (тоже на договорной основе), восемь — как служащие. Помимо них было три артиллерийских техника, одна квалифицированная медсестра и один литограф⁴⁰. Большая часть вышеперечисленных эмигрантов местом своего проживания выбрала Крагуевац из-за возможности трудоустройства на местном Военно-техническом заводе, реконструкция которого продолжалась до 1928 г. В том году на заводе чис-

37. АВИИ. П-17. К-144. Ф-1, р. б. 38

38. В Сараево производились артиллерийские боеприпасы, в Скопье и Загребе в основном ремонтировалась материальная часть артиллерии, в Чачаке производили и чинили инженерное оборудование, средства связи и каски (Спасић Ж. Крагујевацка фабрика оружја 1853-1953. Београд, 1973. С. 242).

39. См.: Филиповић М. Краљевски авиони — фабрика авиона у Краљеви 1927-1942. Краљево, 1995.

40. АВИИ. П-17. К-201. Ф-1, р. б. 22

лились 12 русских инженеров⁴¹. Русские занимали на предприятии ответственные руководящие должности, а большое количество служащих со средним специальным образованием работало в заводской администрации. Благодаря поддержке Министерства армии и флота, эмигранты заканчивали слесарные курсы, организованные при фабрике. В 1931 г. в Крагуевце проживало 580 русских эмигрантов⁴². Количество работников фабрики варьировалось от 1.300 в период реконструкции, до 6.000 в 1933 г.⁴³ Таким образом, русские эмигранты играли значительную роль как в обновлении Военно-технического завода, так и, непосредственно, в производстве.

Эмигранты оставили заметный след и в военно-санитарной службе, испытывавшей после Первой мировой войны кадровый дефицит. Многие врачи умерли от эпидемических заболеваний, или просто оставили военную службу. В этой ситуации на службу принимались гражданские медики, а также иностранцы, в большинстве своём русские. С 1919 г. по 1941 г. они работали в качестве внештатных медицинских работников и кадровых офицеров санитарной службы. Часто бывало, что первые по принятии югославского подданства, становились кадровыми офицерами. Нередко и молодые врачи, — югославские граждане, русские по происхождению, — по окончании медицинского факультета поступали офицерами в санитарную службу. Их продвижение по службе не встречало препятствий. Так из семи санитарных офицеров, зачисленных в армию в середине 1920-х гг. в чине капитана 1-го класса, к 1940 г. трое стали полковниками, а четверо подполковниками⁴⁴. В югославской военно-санитарной службе они занимали самые ответственные должности. Так, например, Д. Вершинин возглавлял Оздоровительное отделение Третьей армейской области в Скопье, Г. Гладилин был референтом санитарной службы Первой армейской области в Белграде, Г. Иванов руководил Отоларингологическим отделением военного госпиталя Второй армейской области в Сараево, А. Передельский — Кожно-венерическим отделением военного госпиталя Первой армейской области в Белграде, В. Семенченко — Хирургическим отделением Зетского военного госпиталя. Н. Сычев был заведующим Хирургическим отделением и главным врачом госпиталя в Боке Которской, а также возглавлял патологоанатомическое отделение Главного военного госпиталя

---

41. Бјелајац М. Војска Краљевине СХС/Југославије... С. 281.

42. В это число входят семь работавших на заводе, а также не имевшие к нему отношения русские, проживавшие в городе. В том же году в Крагуевце действовали многочисленные эмигрантские организации: русский комитет, школа, две библиотеки, русский клуб, церковная община и певческое общество, женское общество «Коло русских сестар», офицерское объединение, любительский театр, Русский сокол, кооперативная столовая. (Спасић Ж. Крагујевацка фабрика оружја 1853-1953. Београд, 1973. С. 285-286).

43. Бјелајац М. Војска Краљевине СХС/Југославије... С. 281.

44. Рувидић Р. Указ. соч. С. 677-681.

в Белграде⁴⁵. Из 265 военных врачей Королевства Югославии русских было более 50 (внештатных и действующих офицеров), среди которых были и женщины. Четверо врачей были в России университетскими профессорами⁴⁶, что свидетельствовало об их высокой квалификации. В развитие испытывавшей кадровый дефицит югославской военно-санитарной службы русские эмигранты внесли весомый вклад. Это в первую очередь относится к работе госпиталя Первой армейской области (Главный военный госпиталь), самого крупного военного медицинского учреждения в Югославии⁴⁷.

Эмигранты играли значительную роль и в работе Военно-географического института. В феврале 1933 г. из 76 сотрудников 8 были русскими — кадровыми офицерами Королевства Югославия⁴⁸. Четверо из восьми были капитанами геодезии 1-го класса, трое — капитанами 2-го класса, один — поручиком геодезии. Два русских офицера служили в топографическом отделе, состоявшем из 12 сотрудников, 5 — в картографическом (15).

До марта 1941 г. институт претерпел организационные изменения. За это время число русских сотрудников института выросло до 12, однако офицеров осталось только 6. Из 18 сотрудников Отдела фотограмматки 4 были русскими: майор геодезии Р. Е. Тябин, капитан геодезии первого класса М. К. Ильинский и два внештатных чиновника. Половину Отдела картографии составляли русские: подполковник Б. В. Бородин (возглавлял сектор в составе отдела), капитаны первого класса В. В. Сафонов, И. А. Веселов и В. А. Гинтовт, а также два чертежника (чиновники девятой и десятой позиционных групп). В административном, преподавательском и геодезическом отделах русских не было⁴⁹. Итак, можно сде-

---

45. Там же. С. 679

46. Это др. Вербицкий — профессор Киевского университета, работавший все межвоенное время врачом внутреннего отделения Главного военного госпиталя, др. Пасек — профессор Психоневрологического института в Петербурге, занимавшийся в югославской военно-санитарной службе лечением нервных больных в 1920–1927 гг., др. В. Сиротинин — профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, работавший на договорной основе в госпитале Первой армейской области, а также др. В. Требинский — профессор дерматологии в Саратовском и Киевском университетах, служивший с 1920 г. в том же госпитале (Там же. С. 678).

47. Рувидић Р. Указ. соч. С. 680

48. В институте было 60 офицеров: 1 бригадный генерал, 11 полковников геодезии, 6 подполковников геодезии, 6 майоров геодезии, 19 капитанов геодезии 1-го класса и 1 пехотный капитан 1-го класса, 7 капитанов геодезии 2-го класса, 9 поручиков, из которых 1 инженерный, 6 геодезических, 1 пехотный и 1 артиллерийский, 2 инженерных подпоручика. Кроме того, в институте работали 1 низший военный чиновник-экономист, 1 низший военный чиновник-геодезист 2-го класса, 5 низших военных чиновников-геодезистов 3-го класса, 1 военный писарь 3-го класса, 4 чиновника 8-й позиционной группы, 1 чиновник 9-й и 1-10-й.

49. АВИИ. П-17. К-123. Ф-1, р. б. 2

лать вывод, что русских привлекали к узкоспециальным направлениям деятельности. Офицеры не сталкивались с трудностями при продвижении по службе. Двое даже дослужились до чина майора (подполковника), а один из них стал начальником сектора.

Русские эмигранты оставили заметный след и в Историческом отделении Генерального штаба. В ведении Отделения находились Военный архив и специализированный военный журнал «Ратник», испытывавшие хронический дефицит кадров. Из предусмотренных штатным расписанием 32 постоянных сотрудников, работало всего 14. 9 высших русских офицеров (5 внештатных чиновников и 4 поддёнщика) должны были восполнить нехватку специалистов. Четверо занимались переводом с иностранных языков, пятеро — обработкой архивных материалов. Это были люди с генеральскими эполетами, в своё время занимавшие ответственные должности в военном командовании царской России (например, В. И. Баскаков, В. М. Драгомиров). Главными их задачами были перевод иностранных работ о Югославии и её армии, сбор и обработка документов, относящихся к Первой мировой войне, подготовка книг о Сербо-турецкой войне 1876–1878 гг., Сербо-болгарской войне 1885 г., 1-й и 2-й Балканских войнах, а также подготовка труда «Великая война Сербии»⁵⁰. Уже после Второй мировой войны проделанная русскими работа позволила сотрудникам Военно-исторического института без дополнительных усилий опубликовать труды по вышеприведенной тематике.

Персоналии

В Королевстве СХС в эмиграции оказались многие представители высшего российского офицерства и Белого движения. Высокая концентрация русских военных специалистов дала толчок развитию русской военной мысли, а также повлияла на характер югославского офицерского корпуса.

В связи с этим важную роль сыграл журнал «Вестник военных знаний», публиковавшийся в Сараево с 1929 г. по 1935 г. усилиями генерал-лейтенанта Е. Ф. Новицкого и редактора — полковника Генерального штаба К. К. Шмигельского. В журнале сотрудничали и представители военной эмиграции, проживавшие вне Югославии. Среди авторов были: генерал-лейтенанты Б. В. Адамович и К. М. Адарида, полковник Кр. Е. Ахаткин, профессор генерал-лейтенант А. К. Батов, полковник В. В. Баранов, профессор генерал от инфантерии В. Н. Баскаков, генерал Н. С. Батюшин, адмирал А. Д. Бубнов, полковник В. А. Бурмант, полковник Волко-Брун, инженер И. В. Волянский, генерал-лейтенант А. В. Геруа, профессор

---

50. Доклад начальника Исторического отделения начальнику Главного генерального штаба от 27 июня 1933 г. (АВИИ, П-17, К-123, Ф-3, р. б. 9).

генерал-майор Б. В. Геруа, профессор генерал-лейтенант Н. Н. Головин, генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов, генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, полковник В. В. Добрынин, генерал-майор В. Н. Доманевский, полковник Р. К. Дрейлинг, инженер И. Е. Залапугин, полковник А. А. Зайцев, полковник В. А. Значенко-Яворский, профессор генерал-майор М. А. Иностранцев, А. А. Керсновский, генерал-майор А. А. фон Лямпе, полковник Ю. М. Лисовой, полковник А. Л. Марюшкин, генерал-лейтенант А. И. Мартынов, полковник Е. Е. Меспер, профессор генерал-лейтенант А. А. Нилус, генерал-лейтенант Е. Ф. Новицкий, полковник И. Ф. Патронов, полковник В. Н. Пронин, генерал-майор В. Н. Полтавцев, профессор генерал-майор Рябиков, генерал-лейтенант П. И. Симанский, генерал-майор Н. Г. Синеоков, генерал П. Ставицкий, генерал от инфантерии В. М. фон Флуг, генерал-майор В. В. Чернявин, полковник Е. Е. Шайтанов и генерал-майор Б. А. Штейфон⁵¹.

Движущей силой, редактором и издателем журнала был Константин Константинович Шмигельский, служивший на договорной основе в Артиллерийской и пехотной школе в Сараево. Бывший капитан генерального штаба, помощник начальника оперативного отдела западного русского фронта, ставший в Гражданскую войну полковником генерального штаба, в Королевстве Югославия закончил курс геометрии. Кроме родного русского и сербского, знал немецкий и польский языки, благодаря чему сотрудничал в следующих югославских военных журналах: Артиллерийский, Пехотный, Пехотно-артиллерийский и авиационный вестники. В югославской военно-специальной периодике отмечился своими переводами с указанных языков⁵².

Кроме К. К. Шмигельского, еще 6 высших русских офицеров — сотрудников Вестника военных знаний получили заработок в югославской армии. С мая 1923 г. в югославской военно-морской академии в Дубровнике преподавал в качестве внештатного профессора контр-адмирал А. Д. Бубнов, принятый в постоянный штат в 1928 г. после перехода в югославское подданство. Профессором академии Бубнов оставался вплоть до нападения Германии на Югославию в апреле 1941 г.⁵³

---

51. Вестник военных знаний. Сараево, 1931. С. 1.

52. Константин Константинович Шмигельский родился в Киеве 25 февраля 1890 г. Закончил Высшее коммерческое училище в Киеве, затем Константиновское Киевское училище и Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге, а также авиационную (пилотирование и разведка) школу в Киеве. В Первую мировую войну служил в чине капитана Генерального штаба. Войну закончил помощником начальника Оперативного отделения штаба русского Западного фронта (АВИИ, Досијеи персональных података офицера и војних чиновника бивше југословенске војске, Далее: ДПП, К-1775/768, Шмигельски К. Константин).

53. Александр Дмитриевич Бубнов родился 29 мая 1883 г. Окончил низшие классы Военно-морской академии в 1903 г., а высшие — в 1911 г. В российском

Некогда штатный профессор и преподаватель военного искусства в Николаевской академии Генерального штаба, а также почетный попечитель благотворительного общества императрицы Марии Федоровны генерал Вениамин Иванович Баскаков поступил на службу в Министерство армии и флота 3 января 1923 г. подённым служащим Исторического отделения Главного генерального штаба. Оставался на службе до 30 сентября 1938 г., выйдя в отставку по старости и физической немощи. В качестве основателя военно-научной секции В. И. Баскаков участвовал в работе Русского научного института в Белграде⁵⁴. Занимался вопросами военной социологии, тактики и стратегии, военной доктрины, логистики, управления войсками на театре военных действий и поле боя. Разрабатывая указанные темы, Баскаков пользовался опытом современности и прошлого, анализировал материал Первой мировой войны. Доклады по материалам изысканий доводились до сведения начальника Исторического отделения Главного генерального штаба⁵⁵. После окончания службы В. И. Баскаков получал месячную пенсию в 900 динар как участник Первой мировой войны, прошедший более десяти лет на государственной службе.

Генерал-майор Н. С. Батюшин был принят на службу в конце мая 1923 г. — сначала как технический специалист-подённый, а затем как внештатный служащий общего сектора Отделения военно-морского флота Министерства армии и флота. В марте 1936 г. был направлен в Инженерно-техническое отделение Командования во-

---

флоте служил с 22 мая 1900 г. до 8 ноября 1917 г. Преподаватель высшей тактики высших классов Военно-морской академии с 25 ноября 1911 г. В Русско-японскую войну служил мичманом в эскадре Рождественского. Ранен в Цусимском сражении. В Первой мировой войне участвовал с 10 августа 1914 г. по апрель 1917 г. Сначала начальником Оперативного отдела военно-морского отделения верховного командования в чине капитана фрегата и капитана линейного корабля. С апреля по 8 ноября 1917 г. был начальником военно-морского отделения верховного командования в чине капитана линейного корабля и контр-адмирала. В Гражданскую — в Добровольческой армии генерала Деникина (начальник штаба Черноморского флота в чине контр-адмирала). Кроме русского и сербского, знал французский и немецкий (АВИИ. ДПП. К-172/630, Бубнов, Димитрија, Александар).

54. См.: Димић Љ. Указ. соч. С. 178–180; Јовановић М. Руски научни институт у Београду 1928–1941. година // Годишњак за друштвену историју. № 2–3. Београд, 2004. С. 29–45.

55. Вениамин Иванович Баскаков родился 31 марта 1861 г. в станице Алхан-Юрт Терского казачьего войска. Окончил военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба, в которой позднее преподавал. В Русско-японскую войну был начальником штаба кавалерийского соединения, а в Первую мировую — членом Всеславянского освободительного комитета. В совершенстве знал французский, немецкий и английский языки, читал и переводил с итальянского, польского, чешского, болгарского (АВИИ. ДПП. К-82/670. Баскаков, Ивана, Венијамин).

енно-морского флота. Вышел в отставку по старости в конце мая 1940 г. с правом получения ежемесячной пенсии в 900 динар⁵⁶.

Полковник артиллерии Валериан В. Баранов был принят на службу в декабре 1920 г. в качестве внештатного сотрудника Общевоинского отделения Министерства армии и флота. Как офицер, окончивший школу стрельбы, преподавал в школе артиллерийских и пехотных офицеров в Калиновике, поблизости от Сараево. Баранов писал работы военно-специального характера для югославского «Пехотно-артиллерийского вестника»⁵⁷.

Полковник артиллерии Владимир А. Бурмант в мае 1921 г. в качестве технического специалиста-подёнщика был зачислен в службу сбора материалов военного назначения в заливе Бока Которская. В 1923 г. переведен в качестве внештатного служащего в офицерскую школу в Калиновике, после чего стал чертежником штаба Боснийской дивизионной области. В сентябре 1937 г. Бурмант назначен ассистентом-преподавателем школы пехотных и артиллерийских офицеров. Автор большого числа военно-специальных работ⁵⁸.

Генерал-лейтенант Владимир Михайлович Драгомиров, старший сын генерала от инфантерии Михаила Ивановича Драгомирова (1830-1905), почётный адъютант императора Николая II и начальник штаба русского юго-западного фронта (1915) 21 февраля 1921 г. был принят на службу в Историческое отделение Главного генерального штаба внештатным чиновником 4-го класса. Кроме русского знал сербский, французский и немецкий языки. В издаваемом Отделением журнале Ратник сотрудничал как переводчик и автор статей, а также участвовал в подготовке труда по истории Салоникского фронта (Великая война Сербии за освобождение и объединение сербов, хорватов и словенцев). Писал по военно-специальной проблематике и для русской эмигрантской периодики. Драгомиров был первым председателем Объединения русских офицеров Генерального штаба в Королевстве СХС, а затем и председателем Центрального комитета всех подобных объединений Ев-

---

56. Николай Сергеевич Батюшин родился 11 марта 1874 г. в Астрахани. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в Русско-японской войне. В Первую мировую был начальником Разведывательного отделения северо-западного фронта, командовал Вторым драгунским полком. С 1915 г. — в чине генерал-майора (АВИИ. ДПП. К-84/734. Батюшин, С. Никола).

57. Валериан В. Баранов родился 10 октября 1880 г. в Новгороде. Окончил кадетский корпус, военное училище и Офицерскую школу стрельбы. В Первую мировую — командир батальона. Помощник командира и командир Финляндского стрелкового полка (АВИИ. ДПП. К-76/528. Баранов. В. Валериан).

58. Владимир А. Бурмант родился 15 декабря 1891 г. Окончил Михайловское артиллерийское училище. В первую мировую войну служил в чине артиллерийского полковника. Знал сербский и французский, читал по-немецки, по-английски, по-болгарски и по-итальянски (АВИИ. ДПП. К-185/137. Бурмант, А. Владимир).

ропы, Азии и Америки. Умер 27 января 1928 г. в Земуне, где и похоронен⁵⁹.

Заслуженный преподаватель Михайловского артиллерийского училища, начальник одесского Артиллерийского училища и ректор одесского Политехнического института генерал-лейтенант Андрей Александрович Нилус был принят на службу 5 апреля 1921 г. на должность технического специалиста-подёнщика. С 16 мая 1923 г. — высший военно-технический чиновник 4-го класса, а с 17 августа того же года — инженер-машиностроитель в Инженерном отделении военного командования в Боке Которской. В конце декабря Нилус принят на службу в штаб командования. Автор нескольких важных работ: «Инструкция по составлению таблиц по стрельбе» в трех частях (февраль 1922) «Теория стрельбы из зенитных орудий» и «Теория и практика стрельбы из зенитных орудий» (август 1923).⁶⁰

В Королевстве СХС нашел убежище и помощник начальника штаба Верховного командования генерал-лейтенант Генерального штаба Вячеслав Евстафьевич Борисов. По воле югославского престолонаследника принца-регента Александра Борисов был приказом министра правосудия (№ 8181 от 20 октября 1920) назначен государственным комиссаром в Сент-Лоренц в области Бараня (Венгрия), где находился все то время, что длилась оккупация Барани югославскими войсками. 9 апреля 1924 г. Борисов получил назначение в белградскую Военную академию внештатным служащим с подённой оплатой. Исключительным знанием Борисовым военной литературы пользовались и преподаватели, и слушатели академии. Благо, не было такой военно-научной темы, по которой генерал не мог бы составить обширный список литературы⁶¹. В апреле 1939 г. генерал, наряду с занимаемой должностью, был определен на службу в 3-е отделение Института территориальной обороны. И хотя ему шел 79-й год, он был оставлен на службе и после февра-

---

59. Владимир Михайлович Драгомиров родился 7 февраля 1867 г. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в качестве пехотного офицера и офицера Генерального штаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн (АВИИ. ДПП. К-321/324. Владимир Михајла Драгомиров; В. А. Половцев. Некролог Владимиру М. Драгомирову, дивизијском ђенералу царске руске војске // Ратник. № 5. Београд, 1928. С. 118–120).

60. Андрей Александрович Нилус родился 5 января 1858 г. в селе Веселогарок Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Окончил Михайловское артиллерийское училище, в котором позднее преподавал. Дипломованный инженер, специализирующийся в области артиллерии. Знал сербский и французский (АВИИ. ДПП. К-1224/499. Нилус, А., Андреја).

61. Поручник Пирант Вјечеслав Борисов // Војни Весник. № 11. Новембар 1933. Београд. С. 372.

ля 1940 г.⁶² Во многом благодаря личной дружбе с профессором Военной академии генералом Николой Аранджеловичем, в доме которого Борисов провел последние четыре года жизни⁶³. Находился на службе до вступления Югославии в войну в апреле 1941 г., после чего вскоре скончался.

* * *

Русская эмиграция в Королевстве СХС была в профессиональном отношении во многом военной. Поэтому в югославской армии процент русских был на порядок выше, чем их доля в населении страны. В качестве кадровых офицеров, служащих на условиях подённой оплаты, внештатных и гражданских чиновников они выполняли в югославской армии обязанности, требовавшие высокой профессиональной квалификации. Соображения как традиционнo-политического и сентиментального характера — духовная, религиозная общность, династические связи, — так и объективные интересы — заинтересованность государства в необходимых ему кадрах — предопределили теплое отношение югославских военных кругов к русским эмигрантам. В армии их воспринимали как представителей некоего меньшинства, пользовавшегося особым доверием. Так что русские беженцы, принятые на военную службу, находились по отношению к югославам в равном, а некоторых случаях и привилегированном положении. В армии Королевства СХС русские офицеры начинали с низших чинов, однако не встречали никаких препятствий при продвижении по службе по сравнению с сослуживцами-югославами. 1941 год многие встретили в высоких чинах. Таким образом, русская эмиграция, благодаря своим высоким профессиональным качествам, оставила заметный след в истории югославских вооруженных сил в межвоенный период.

---

62. Вячеслав Евстафьевич Борисов родился 24 сентября 1861 г. в Петербурге. Окончил Гимназию Св. Петра и Павла, 2-е пехотное Константиновское военное училище и Императорскую академию Генерального штаба. На военную службу поступил в 1882 г. В Первую мировую войну — генерал-адъютант начальника Штаба армии Юго-западного фронта, а позднее в той же должности служил при главнокомандующем армиями Северо-западного фронта, при начальнике штаба верховного главнокомандующего царя Николая II генерале Алексееве и при верховном главнокомандующем Керенском. Знал немецкий и французский. Преподавал стратегию (АВИИ. ДПП. К-140/534. Борисов, Е, Вјечеслав).

63. Йованович М. Идея лихорадочная и дутая: манифест «Михаила Александровича» // Русский сборник. I. М., 2004. С. 221.

А. Ю. ТИМОФЕЕВ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЮГОСЛАВИИ, 1941–1945

После окончания Первой мировой войны в составе государства под скипетром сербской династии Карагеоргиевичей оказалось абсолютное и подавляющее большинство сербских этнических территорий, и на очереди были не внешние приращения, а внутриполитические проблемы. Югославское королевство к 1941 году находилось в исключительно тяжелом положении из-за безуспешного процесса интеграции разнородных составляющих, а также напряженности, вызванной противостоянием сербов как доминирующего народа и народов национальных окраин — хорватов, македонцев и албанцев. В период между двумя мировыми войнами югославские полицейские боролись с вооруженными сепаратистами в Македонии, Хорватии и в Косово, в то время как политики с трудом удерживали целостность государства в политических баталиях в Скупщине. Лучшим лекарством для укрепления целостности страны является экономический рост, возможности которого предоставляла нейтральным государствам грядущая Мировая война. Остро нуждавшиеся в сырье и посреднических услугах воюющие страны обогатили Швейцарию, Швецию и Турцию. Необходимо отметить, что ни Германия, ни СССР не желали вовлечения Югославии в мировой конфликт, справедливо видя в ней периферию Европы, не имеющую ключевого значения¹ в грядущей схватке гигантов. Германия была заинтересована в бесперебойных поставках сырья² и не ока-

---

1. Van Creveld Martin. Hitler's Strategy 1940–1941, The Balkan Clue. Cambridge, 1973.

2. Ristović M. Nemački novi poredak i Jugoistočna Evropa: 1940/41–1944/45: planovi o budućnosti i praksi. Beograd, 1991. S. 34; Алексић Д. Привреда Србије у другом светском рату, Београд, 2002. С. 111.

зывала на Югославию чрезмерного давления³, а СССР объективно оценивал возможности истощенного междуусобицами аграрного государства и стремился к соблюдению Югославией нейтралитета⁴. Необходимо отметить, что даже в конце войны, в 1944 году, территория Югославии представляла собой периферию военных действий, и стальная армада РККА прошла лишь по северо-восточным окраинам страны с относительно умеренными потерями; Белградская стратегическая наступательная операция была самой малочисленной по количеству потерь РККА⁵ стратегической операцией. Цели и результаты операции (перекрытие путей отхода немецких войск с Балкан через Югославию, надежный левый фланг при наступлении на Будапешт и выход на границы Венгрии) не были бы стратегически необходимы, если бы Югославия придерживалась полного или условного нейтралитета (как Болгария).

Однако весной 1941 британские спецслужбы, стремясь улучшить положение своих войск в Греции⁶, организовали военный путч, который вовлек Югославию в войну. При этом британцы вполне осознавали лживость своих обещаний о помощи Югославии, безвыходность ее стратегической ситуации и неизбежность ее быстрого, позорного и кровавого поражения⁷. За несколько дней и с минимальными потерями вермахт оккупировал территорию Югославии. А для самой Югославии начался затяжной период гражданской войны. За следующие 4 года сотням тысяч ее граждан было суждено погибнуть от рук своих же соотечественников, подвергнуться невыносимым унижениям, потерять кров и имущество. В результате войны к власти в Югославии пришли малочисленные прежде⁸ коммунисты, которые установили режим жесткой диктатуры. Тысячи граждан Югославии были вынуждены эмигрировать. Сербская этническая тер-

-
3. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.; М., 1999. С. 19–194. Даже позднее, когда Югославия оказалась вынуждена присоединиться к странам Оси, обязательства, наложенные на нее договором, были весьма умеренными и не включали даже транзит воинских эшелонов. Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). М., 1969. С. 241.
  4. 1941 год // Россия. XX век. Документы. В 2-х книгах. М., 1998. Кн. 1. С. 310–311.
  5. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил: Статистическое исследование / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001.
  6. Stafford D. Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // *Slavic Review*, Vol. 36, No. 3, 1977. Факт участия Секретной службы Великобритании в путче 27 марта 1941 года давно не вызывает сомнения у отечественных историков (См. напр.: Смирнова Н. Д. Ук. соч. С. 242).
  7. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 76, 84.
  8. «Число членов КПЮ к апрелю 1941 года... примерно 8.000 человек». Преглед историје савеза комуниста Југославије, Београд, 1963. С. 302. Причем и эти цифры были следствием максимальных усилий КПЮ и рекомендованного из Москвы, устойчивого с 1935 года курса на легализацию (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 17. Л. 252).

ритория была разделена административными границами и щедро роздана национальным меньшинствам, после 1991 года эти границы стали государственными, а безуспешная попытка исправить положение и не превращать 20% сербов в людей второго сорта привела к еще одному витку кровавой и разорительной междоусобицы. Кроме межнациональных конфликтов, Вторая мировая война нанесла еще одну тяжелую травму — вооруженного политического противостояния внутри одного народа, которое стало следствием того, что два отчаянно борющихся между собой движения Сопротивления (коммунистическое — партизаны и некоммунистическое — четники) были в массе своей представлены сербами. Лишь сейчас, спустя 60 лет после окончания Второй мировой войны, сербское общество постепенно начинает залечивать раны гражданской войны и пытается примирить память всех, павших за свою Родину в междоусобной борьбе.

Таким образом, для сербского народа Вторая мировая война не имела исключительного подтекста борьбы за национальное будущее, увенчавшейся блестящей, хотя и стоившей напряжения всех сил победой, какой она имела для русского народа. Скорее ее можно сравнить с горькими событиями 1918–1922 гг. в России, в течение восьми последующих десятилетий официально возводившимися в ранг героического эпоса, но оставшимися в народной памяти смутным временем, полным крови, грязи и позора, когда основным приоритетом была борьба не с иностранными поработителями, а с согражданами иной идеологической ориентации.

В тридцатые годы корпус русской эмиграции в Югославии был уже достаточно ясно кристаллизован и близок к состоянию биологического равновесия, второе поколение эмигрантов вступало во взрослую жизнь, заканчивало гимназии и высшие учебные заведения. Общество русских эмигрантов в монархической Югославии было связано не только формальной общностью своеобразного эмигрантского статуса (Югославия предоставила русским эмигрантам прав и привилегий больше, чем какая-либо другая страна), но и не менее крепкими неформальными связями. К ним относились доминировавшая среди эмигрантов ностальгическая любовь к России, приверженность к православию, общая консервативность настроений⁹, ненависть к коммунизму и, в то же время, уверенность, что бороться с ним необходимо насильственными методами¹⁰. Все это естественным образом сочеталось с лояльностью к Югославии вооб-

9. Policijski elaborat. Ruska emigracija u Jugoslaviji, Bileća, 1953. S. 601–604.

10. Стоит обратить внимание на сравнительную популярность среди русских эмигрантов военных курсов, обучения детей в военных (кадетских) заведениях и чтения военной литературы. Значительное число книг по военным дисциплинам постоянно издавалось (а значит, и читалось) русской эмиграцией в Югославии. См.: Качаки Ј., Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији. Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције, Београд, 2003. С. 15–16.

ще, и к сербам и династии Карагеоргиевичей в частности. Эта лояльность базировалась на уважительном отношении к русским эмигрантам близких по убеждениям правых кругов сербской элиты, возглавлявшейся королем Александром Карагеоргиевичем (1888-1934) и патриархом Варнавой Росичем (1880-1937), получившими образование в императорской России и благоволившими к русским. В результате, русская колония в Югославии превратилась в привольный заповедник правоконсервативной идеологии в рамках Русского зарубежья, заметно контрастирующий с либеральным эмигрантским сообществом в Праге и Париже¹¹. Это бросалось в глаза приезжающим в Югославию русским эмигрантам: «На станции Нови-Сад, — точно из гроба вставший живой образ далекого-далекого прошлого: генерал в русской форме с двумя Георгиями. Здесь, в Югославии, еще многие русские военные сохранили свою старую форму. Вообще, положение русских здесь настолько отличается от их правового положения в остальной Европе, что попадаешь точно в иной мир»¹².

Накануне войны началась поляризация представителей югославской элиты по вопросам усиления сотрудничества с Германией или с СССР, что было особенно важно для концентрировавшейся в восточной части страны эмигрантской массы. Улучшение отношений с СССР предполагало смягчение взглядов на коммунизм и, следовательно, ухудшение положения эмигрантов как противников коммунистического режима, в то время как усиление сотрудничества с Германией подразумевало усиление антикоммунистических настроений, но было чревато вовлечением Югославии в войну. Укрепление контактов с Великобританией также неминуемо вело к войне. Александра и Варнавы с их твердой позицией нейтралитета и симпатиями к русским эмигрантам давно уже не было в живых, они больше не оказывали стабилизирующего влияния на ситуацию в стране.

После нападения Германии и ее союзников на Югославию русские эмигранты в Югославии выразили устами своих представителей — митрополита Анастасия [Грибановского] (1873-1965) и главы Делегации по защите интересов русских беженцев Василия Николаевича Штрандтмана (1877-1963), — уверения в «безграничной преданности Русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем заветам... предков»¹³. Редакция газеты «Русский голос» призывала соотечественников «воздержаться от разговоров, заниматься своим делом и, если потребуется, выполнить свой долг перед гостеприимно... принявшей [нас — А. Т.] родственной страной»¹⁴. Намеренно суровая бомбардировка Белграда 6 апреля 1941 года¹⁵ была воспри-

11. См.: ОА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 173. Л. 26.

12. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 225.

13. Русский голос. 6 апреля 1941.

14. Там же.

15. Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С. 332.

нята русскими, да и остальным населением Сербии, как «жестокая и бессмысленная»¹⁶. Белградская русская колония являлась одной из самых крупных в стране, поэтому эмигранты сполна заплатили свой долг смерти. Военнообязанные эмигранты без колебаний явились в свои части, 12% русских участников Апрельской войны погибли на поле боя¹⁷. Однако уже 17 апреля Югославия, не выдержав деятельности внутренних подрывных элементов (подавляющее большинство хорватских военнослужащих) и напряжения круговой обороны (на Югославию напали практически все соседние страны), капитулировала, а 173 русских эмигранта, участвовавших в защите Югославии от нападения держав Оси, оказались в немецком лагере для военнопленных. Большинство из них (строевые офицеры, военспецы, инженеры, пилоты, зенитчики) попали в печально известный замок Колдитц между Лейпцигом и Дрезденом¹⁸.

Упорядочивание разбитой на множество политических движений и групп русской эмиграции, осуществляемое в целях контроля и использования ее членов, было одной из многочисленных задач в общем списке необходимых мероприятий, проводившихся немцами после оккупации соседних европейских стран¹⁹. Это насильственное реструктурирование сводилось к закрытию всех организаций и печатных изданий, после которого немцы вновь выдавали (крайне выборочно и ограничено) разрешение на их деятельность. В Сербии во главе подобной организации был поставлен Михаил Федорович Скородумов (1892-1963), боевой офицер Первой мировой, ставший генералом в Гражданскую, начав с участия в белом офицерском заговоре в Петрограде в 1917 и закончив обороной Перрекопа и лагерями Галлиполи, участник и один из наиболее заслуженных инициаторов сбора и перезахоронения останков русских воинов, павших на Балканах в Первую мировую войну, обозначенного величественным памятником Славы русским воинам на Новом кладбище, что на Гроблянской улице в Белграде. В рамках официального массового мероприятия, посвященного переносу останков и погребению их в единой братской могиле 24 мая 1935 года, Скородумов торжественно объявил: «Сегодня, хороня эти кости, мы хороним не только кости наших погибших солдат, наши святые кости, но мы хороним и нашу русскую глупость»²⁰, подвергая критике как участие России в Первой мировой войне, так и обманувших

-
16. Острогорский Г. Заметки к Слову о полку Игореве. Белград, 1941. С. 5.
  17. Шеншин Алексије. Садашње стање руске емиграције у Југославији, 23.11.1943, МИП, прилог Пов. бр. 6544/43 // Сборник докумената Јаковљевић Ранко. Руси у Србији. Београд, 2004
  18. ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 515. Л. 1.
  19. Подробнее см.: Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004.
  20. Скородумовъ М. Ф. Шта треба да зна, сваки Словен, а нарочито словенски политичар. Београд, 1939.

ее союзников — Англию и Францию. Тем самым он выражал мнение эмигрантов, объединявшихся вокруг него в союз бывших кадровых царских русских офицеров и остальных военнообязанных, получивший название «Русское народное ополчение»²¹.

После капитуляции югославской армии и оккупации Скородумов и его единомышленники (полковник Н. Л. Неелов, профессор доктор Н. В. Краинский, журналист А. В. Ланин и др.) были поставлены немцами во главе единой организации, призванной объединить русских эмигрантов, — Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии. Активность, развернутая Скородумовым с конца июня, спустя месяц после начала деятельности Бюро, основанного 22 мая 1941 года приказом командующего немецкими вооруженными силами в Сербии, настораживала немцев. Организованные Бюро многочисленные подготовительные курсы для будущих «администраторов Земли Российской» и открытые устные заявления Скородумова и его окружения о скором возвращении в Россию шли в разрез с политикой Третьего рейха, направленной на расчленение и ослабление России, на недопущение возврата на Родину изгнанной части ее элиты. Особенно настораживало немцев стремление М. Ф. Скородумова создать воинское формирование из русских эмигрантов для «освободительного похода» на Россию. Идея об этом появилась, по-видимому, еще в конце июня, поскольку уже в июле М. Ф. Скородумов начал переговоры с сотрудником СС в Загребе графом фон Хейдек-Корвином о вывозе русских эмигрантов с территории получившей «независимость» Хорватии. Причем последним была даже сформирована группа в 200 русских эмигрантов, готовая к отправке в Белград. Впрочем, руководство не только не похвалило Хейдек-Корвина за проявленную инициативу, а даже приказало его арестовать²².

Тем временем, сдавшаяся почти без боя в результате перехода на немецкую сторону значительной части хорватских офицеров и солдат Сербия готовилась к восстанию против немецких оккупантов. Уязвленное национальное сознание народных масс разогревалось двумя группами Сопротивления, возникшими на двух различных основаниях.

Первые — четники, называвшие себя «Югославской армией в Отечестве», были организованы проанглийски настроенными офицерами из Сербии, которые стремились смыть позор за молниеносное поражение в Апрельской войне и не признавали капитуляции югославской армии. Четники ориентировались на модель сопротивления, характерную для Западной Европы, пытались избежать

---

21. Подробнее см.: Скородумов М. Ф. Памятка Русского Народного Ополчения. Идеология, задачи, организация. Белград, 1935; Назимов Г. В. Забытые могильные холмики. Посвящается генерал-майору Михаилу Федоровичу Скородумову // Добровolec. № 2 (2), 2003.

22. ИАБ. Ф. BdS. Д. Н91. Л. 4.

жертв среди мирного населения и готовились (согласно утвержденным еще до войны планам действий четнического командования) организовать базу для восстания, которое должно было вспыхнуть при подходе основных сил союзников к территории Сербии.

Второй группой стало боевое крыло Коммунистической партии Югославии, поднявшей после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года знамя партизанской войны за освобождение Югославии против врагов первого социалистического государства. Руководители партизанского движения прошли подготовку на партизанско-диверсионных курсах в СССР и республиканской Испании²³, они не боялись ради достижения цели пролить кровь своих сограждан, рассматривая восстание как основу для построения нового социалистического общества. Поднятое партизанами восстание, поддержанное ради сохранения своей репутации и примкнувшими к ним четниками, началось в июле 1941 и было неожиданным для немцев, сконцентрировавших большинство войск на Восточном фронте. Замешательство противника окрылило восставших и подвигло их на расширение зоны восстания. Озлобленные немцы начали массовые расстрелы заложников, чтобы отомстить восставшим и запугать их, но репрессии еще более воспаляли народный гнев и приводили к всеобщему ожесточению.

Объектами нападений коммунистических повстанцев были не только немцы, но и представители «классово чуждых элементов», среди которых, по данным специально проводившихся Русским бюро опросов, погибли около трехсот русских эмигрантов²⁴. Опасность поголовного истребления привела к стихийному возникновению отрядов самообороны, которые создавали русские эмигранты, имевшие боевой опыт и склонность к самоорганизации. Самым ярким примером этих событий стало произошедшее на западе Сербии. «Проживавшие в Шабаце казаки после убийства коммунистами пяти казаков с семьями сами взяли за оружие и, сформировав две сотни, под командой сотника Иконникова, отбивались вместе с немецкими частями от наступающих и окружавших их коммунистов»²⁵.

Под влиянием такого положения дел, заручившись предварительным согласием начальника штаба немецкого главнокомандующего на юго-востоке полковника Кевеши, М. Ф. Скородумов решил ор-

---

23. Например, И. Хариш, позднее руководитель диверсионного отделения ГШ партизанских отрядов Хорватии. См. подробнее: Старинов И. Г. Записки диверсанта. М., 1997.

24. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг. СПб., 1999; ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 327. Л. 28–32.

25. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. С. 45. При кажущейся невероятности этой истории, деятельность Павла Иконникова, который организовал отряд самообороны из 124 казаков, действовавший до 12 октября 1941, описана в архивных материалах гестапо (ИАБ. Ф. VdS. Д. I-122) и сербской Специальной полиции (ИАБ. Ф. УГБ СП. Д. IV 269/25).

ганизовать Русский корпус, который «после ликвидации коммунизма в Сербии... [должен был быть переброшен — А. Т.] на Восточный фронт»²⁶. Однако вскоре слишком активного Скородумова и назначенных им руководителей отделов Бюро сместили с их постов, а вместо них назначили более управляемых людей. Владимир Владимирович Крейтер (1888–1950) стал руководителем Бюро, а Борис Александрович Штейфон (1881–1945) возглавил Русский охранный корпус.

Хотя большинство русской эмиграции в Югославии было сконцентрировано именно в Сербии, в других краях Королевства Югославии также имелось несколько русских колоний, которые после оккупации ожидала сходная судьба. В Хорватии (и Боснии и Герцеговине, включенной в ее состав) хорватскими националистами было провозглашено Независимое Государство Хорватия. Последовавшая вслед за провозглашением независимости жестокая резня сербов затронула и несколько русских эмигрантов. Большая часть верски убитых хорватскими погромщиками («дикими усташами», якобы неподконтрольными Загребу) русских относилась к духовному сану²⁷. После стабилизации ситуации было сформировано Особое представительство русской эмиграции при правительстве НГХ. Начальником представительства стал бывший царский консул в Вене и Загребе Георгий Фермин, а его заместителем начальник русской колонии в Загребе доктор Энгельгардт²⁸. Военными делами (учетом и подбором кандидатур для вступления на немецкую службу) ведали известные участники Гражданской войны в России генералы Даниил Павлович Драценко (1876–194?) и Иван Алексеевич Поляков (1886–1969)²⁹. Результатом деятельности представительства стал возврат уволенных с государственной службы эмигрантов на их рабочие места, дававшие русским эмигрантским семьям средства к существованию. В Хорватии возникло и единственное новое официальное политическое объединение русской эмиграции в Югославии в годы Второй мировой войны — Русское национал-социалистическое движение. Это движение отличалось малочислен-

---

26. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. С. 45.

27. Тем контрастнее выглядит участие отколовшихся от РПЦ (з) русских священников и монахов в организации Хорватской Православной Церкви в 1942 году, служившей маской для антисербского и антиправославного режима А. Павелича (русскими были 20 из 62 священнослужителей ХПЦ, в том числе ее глава Митрополит Гермоген (Максимов)). Бурић В. Усташе и Православье. Београд, 1989; Горячев И. В. Хорватская православная церковь в годы Второй мировой войны // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы, 1939–1958 гг.: Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 220–231.

28. ГА РФ. Ф. Р-5752. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–4.

29. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 2002; Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М., 2003 («Военно-историческая библиотека»).

ностью и радикальностью взглядов, но имело свой значок, бюллетень и отделения в русских колониях в Осиеке, Славонском Броде, Мостаре и Сараево. Основателем движения был Михаил Александрович Семенов (1894-1965), в дальнейшем организовавший и возглавивший вспомогательный полицейский полк «Варяг»³⁰.

Менее многочисленные русские диаспоры существовали в частях Югославии, включенных в свой состав государствами-агрессорами — Германией, Италией, Болгарией и Венгрией. Там русская эмиграция попала под контроль эмигрантских организаций в столицах государств, захвативших части югославской территории. Так, русские эмигранты на территории оккупированной Италией части Словении были объединены в Люблянскую колонию и включены в состав объединения русских колоний в Италии, которое возглавлял князь Сергей Георгиевич Романовский (1890-1974), герцог Лейхтенбергский³¹. Существуют сведения о попытках некоторых русских эмигрантов (среди них были и представители русской интеллектуальной элиты в Югославии, работавшие в Люблянском университете, — профессора Евгений Васильевич Спекторский (1875-1951) и Александр Дмитриевич Билимович (1876-1963)) вернуться в Россию и оказать помощь в ее возрождении, отклоненных представителями немецкого консульства в Любляне³². Похожая ситуация сложилась и в Македонии, захваченной Болгарией, где было сформировано подчинявшееся Софии руководство русской колонией во главе с полковником Георгием Эвертом и генералом Борисом Ковалевским. Аналогичные процессы наблюдались и в Воеводине, оккупированной Венгрией, и в Черногории, попавшей под протекторат Италии.

Важным элементом участия русских эмигрантов в событиях оккупации и Гражданской войны в Югославии стало создание оккупантами нескольких сформированных из эмигрантов воинских частей для борьбы с партизанами. Самым крупным из них был Русский корпус. Ограничив инициативы Скородумова и его единомышленников, надеявшихся на скорое победоносное возвращение в Россию, немцы определили Корпусу с момента его основания (12 сентября 1941) предельно узкую функцию — антипартизанская деятельность на территории Сербии. Поэтому формально провозглашенный Скородумовым независимый корпус получил официальное немецкое название «Русской охранной группы» и был подчинен Верховному уполномоченному по экономике Сербии Ф. Нойхаузену.

До конца 1941 года корпус, вместе со сформированными в то же время частями сербских радикальных националистов из Сербского добровольческого корпуса, использовался для подавления парти-

---

30. Policijski elaborat. Ruska emigracija u Jugoslaviji, Bileća, 1953. S. 655–659.

31. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 2002.

32. Policijski elaborat. Ruska emigracija u Jugoslaviji, Bileća, 1953. S. 666.

занского восстания, масштабы которого все возрастали. Партизаны продемонстрировали, что их целью является не только освобождение Югославии от немцев, но и установление своей власти, чем испугали даже своих недавних союзников — четников. Лишь к зиме 1941/42 гг. немцам удалось разгромить партизан при помощи Сербского добровольческого корпуса, Русского охранного корпуса и части перешедших на их сторону четников. Печальным последствием всех этих событий стал раскол сербского общества на три неравные части и начало Гражданской войны. Впрочем, полномасштабные боевые действия на территории Сербии прекратились до прихода советских войск, что не исключало активных локальных операций против отдельных попыток партизан перебраться на территорию Сербии. В это время Русский корпус был увеличен за счет русских добровольцев из других балканских стран: Болгарии, Хорватии, Греции и Румынии, в том числе из захваченных последней Бессарабии, Буковины и Одесской области. В 1942 году Охранная группа была включена в состав немецкой армии и получила название «Русского охранного корпуса». В момент наибольшего расцвета в корпусе было 5 полков, причем первый, находившийся под командованием генерала Зборовского, в основном состоял из казаков. Корпус не действовал как единое воинское соединение, его полки и более мелкие части были приданы немецким и болгарским оккупационным дивизиям в качестве вспомогательных частей. Основная деятельность Корпуса сводилась к охране кирпичных бункеров, защищавших мосты и туннели вдоль железной дороги, в особенности в долине реки Ибар, к обеспечению безопасности рудников и фабрик Бора, Трепчи, Майданпека, Крушня, а также защите от прорыва партизанами вместе с частями Сербского Добровольческого Корпуса границ Сербии вдоль рек Дуная и Дрины. Согласно мнению авторов меморандума о русской эмиграции в Югославии, «корпус имел очень важное стратегическое значение охраны самых чувствительных мест в экономическом механизме оккупированной Сербии»³³.

В октябре 1944 года осуществилось давнее стремление организаторов корпуса опробовать силы не в сражениях с партизанами, а в столкновении с самой Красной армией. К этому времени в составе корпуса было 11.197 человек. Именно тогда из названия корпуса было исключено слово охранный, не соответствовавшее боевым действиям, в которых активно участвовали части корпуса. Корпус понес большие потери в тяжелых арьергардных боях, а также в ходе зимнего отступления через гористые районы Боснии в Словению. После скоропостижной смерти генерала Штейфона командование корпусом 30 апреля 1945 года принял полковник Анатолий Иванович Рогожин (1893-1972). В последние дни войны большая часть Корпуса успешно покинула территорию Югославии и сдалась в плен англича-

---

33. Там же. С. 679.

нам. На тот момент в нем числились 5584 человека. Всего за неполных 4 года существования в рядах корпуса служили 17.090 человек, общее число потерь (убитые, раненые и пропавшие без вести) составило 6709 человек (без учета выбывших по болезни и дезертировавших)³⁴.

Вторым значительным военным соединением, которое было основано русскими эмигрантами в Югославии в годы Второй мировой войны, был батальон, а позднее полк «Варяг». Его организацией занимался вышеупомянутый М. А. Семенов. В отличие от Русского корпуса, попавшего в состав вермахта в 1942 году, эта воинская часть с самого своего начала (с марта 1942 года) создавалась под протекторатом СС. К тому времени Семенов получил звание капитана (гауптштурмфюрера СС) и подготовил в казармах Русского корпуса на Банице пехотную часть численностью в 600 человек, состоящую в основном из эмигрантской молодежи. Сам Семенов расположился вместе со своими единомышленниками (Н. Чухнов, Гринев, Остерман и Э. П. Лавров) в «Палас-отеле» в Белграде, разместив там штаб своего батальона. Батальон состоял на довольствии в Главном управлении СС, а в оперативном отношении подчинялся командованию вермахта. К этому времени Семенов уже получил немецкое гражданство и превратился в «фон Семеновфа». Хотя предложением для формирования части и была посылка на Восточный фронт (называли даже точную операцию — десант в районе Новороссийска), батальон получил статус вспомогательной полицейской части и был оставлен для антипартизанских действий в Югославии³⁵. Роты вспомогательной полиции (ХиПо — Hilfe Polizei), сформированные Семеновым и состоявшие из русских эмигрантов, были размещены в Смедерево и Пожаревце. Набранный из эмигрантской молодежи в начале 1943 года конный эскадрон под командованием поручика Михаила Шидловского был размещен в Гроцке и Белой Церкви³⁶.

В 1943 году гауптштурмфюрер Семенов отбыл в Германию, откуда возвратился лишь в конце 1944 года, когда немецкое командование приняло решение развернуть в Словении на базе этого батальона полк, который впоследствии получил название «Варяг». Так как ресурсы русской эмиграции на Балканах были уже в значительной степени истощены, значительную роль в комплектовании «Варяга» сыграли добровольцы из числа советских военнопленных. В период максимального расцвета в полку насчитывалось около 2,5 тысяч человек. Полк формировался в Любляне, которая к тому времени (после капитуляции Италии в 1943) оказалась под немецкой оккупацией. Командиром полка был назначен дослужившийся уже до звания полковника М. А. Семенов, его заместителем — май-

---

34. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник соратников. Нью-Йорк, 1963. С. 403–405.

35. Чухнов Н. В смятенные годы. Нью-Йорк, 1967. С. 24–25.

36. Policijski elaborat. Ruska emigracija u Jugoslaviji, Bileća, 1953. с. 706.

ор М. Г. Гринев. Полк «Варяг» охранял Люблян и ее дальние пригороды от партизан. Весной 1945 года «Варяг» вместе с Русским корпусом покинул югославскую территорию в арьергарде вермахта и так же, как и Русский корпус, сдался англичанам³⁷.

Куда менее «успешной» оказалась боевая активность казацких и украинских «самостийников» из состава российской эмиграции, пытавшихся сформировать собственные воинские части. Небольшой группе казаков-самостийников не удалось создать массовую организацию и, вследствие этого, максимумом их «достижений» было распространение пропагандистских материалов среди казаков 1-го полка Русского корпуса, не имевшее особых результатов. Полный пессимизма атаман Казачьего национального округа в Сербии Иван Алексеевич Поляков (1886-1969) писал 26 августа 1943 года из Белграда руководителю Казачьего национального движения инженеру Василию Глазкову: «Оглядываясь назад, на двухлетнюю работу Союза, могу сказать откровенно — все было толчением воды в ступе. Наша линия, видимо, неприемлема, о национальных формированиях говорить не приходится. Все военное дело находится в руках русских легитимистов. Немецкие военные круги нас серьезно не воспринимают. Вообще казачий вопрос на задворках. Выделение казаков в Русском корпусе прошло лишь номинально, масса казаков осталась в русских полках... На казаков смотрят как на род оружия, но не как на народ»³⁸. Соратник Полякова из Хорватии С. К. Фастунов вторил: «Казачьих националистов... пока лишь на всю Хорватию 4 человека (Полковников, Попов Василий, В. Куртин и я)»³⁹.

Украинским самостийникам повезло больше, т. к. в Хорватии они натолкнулись на более живое сочувствие хорватских националистов, видевших в русско-украинских взаимоотношениях сходство с сербско-хорватским противостоянием⁴⁰. Особую активность проявлял глава украинского представительства при правительстве НГХ В. Войтановский, являвшийся миссионером ОУН (фракция Андрея Мельника)⁴¹. Вскоре после создания НГХ весной 1941 года появился приказ генерала Марича, начальника Главного штаба Хорватии, о формировании особого Украинского батальона в составе IV диви-

---

37. Захаров В. В., Колунтаев С. А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е — 1945 гг.) // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (статьи, документы, воспоминания). Вып. 2. М., 1998. С. 106–108, 471–472.

38. ГА РФ. Ф. Р-5752. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.

39. Там же. Д. 8. Л. 4.

40. В то же время ультраправые сербские националисты были склонны видеть общность в судьбе русских и сербов, «обиженных» в результате «немецкого недоверия». Љботић Д. Меморандум Немцима (с.1.1944), Сабрана дела, књ. IX. Београд, 2003.

41. Мацяк Є. Українці в Хорватії // Організація українських націоналістів: 1929–1954. [Б. м.], 1955. С. 399.

зии, размещенной в Бихаче. Инструктором батальона по пропаганде был назначен инженер Владимир Панков⁴². Старшие офицеры были хорватами, а значительную часть рядового состава составляли местные украинцы и русины, поселившиеся в Боснии и Славонии еще во времена Австрийской империи. Как бы то ни было, уже к концу 1941 года батальон понес серьезные потери от партизан, «а личный состав утратил мораль и боевой дух», вследствие чего батальон был реорганизован и превратился в смешанную часть, что окончательно лишило ее особого украинского духа⁴³.

Ко всему изложенному следует добавить, что некоторое количество русских эмигрантов служило непосредственно в частях марионеточных режимов, возникших после оккупации Югославии. Свыше 50 бывших офицеров Королевской Югославии, из числа русских эмигрантов, продолжили свою службу в составе вооруженных сил НГХ⁴⁴. В отличие от Хорватии, в Сербии русских эмигрантов на военной (как, впрочем, и на гражданской) службе не было. Причиной тому был указ премьер-министра Сербии генерала Милана Недича от мая 1942 года об увольнении с государственной службы всех русских, вне зависимости от того, являются ли они гражданами Сербии или нет. Этот приказ объяснялся стремлением обеспечить работой прибывавших из оккупированных районов многочисленных сербских беженцев. Редким исключением (из-за массового увольнения русских эмигрантов в недичевской Сербии) был случай Николая Дмитриевича Губарева (1905-1949), который был принят на работу в югославскую полицию еще в 1928 году, а с 1941 года перешел в Специальную полицию и возглавлял там отдел по борьбе с коммунистами, а позднее отдел по борьбе с повстанцами Дражи Михайловича⁴⁵.

Стоит отметить относительно высокую вовлеченность русской эмиграции в военные формирования, возникшие на оккупированной территории Югославии в годы Второй мировой войны. В этом контексте интересно сравнить количество «балканских» русских эмигрантов (Югославия — около 30 тыс. и в Болгарии — свыше 15 тыс. человек), сформировавших Русский корпус, и численность других крупных русских эмигрантских диаспор, не принявших такого организованного участия в событиях 1941–1945 гг.: по сведениям Нансеновского комитета, во Франции проживали около 100 тыс., в Польше — 80 тыс., в Германии — 40 тыс., в Чехословакии — около 9 тыс. и в Бельгии около 8 тыс. человек⁴⁶. Уместно напомнить и то, что на-

---

42. Там же. С. 401–402.

43. Policijski elaborat. Ruska emigracija u Jugoslaviji, Bileća, 1953. S. 710.

44. Там же. С. 715.

45. ИАБ, Суђење сарадницима окупатора (Бећаревића Божидара, Вујковића Светозара и Губарев Николе), XXXVII/73.

46. Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 7.

чальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Франц Гальдер считал, что «исходя из имеющегося опыта... на каждый миллион жителей можно сформировать две дивизии»⁴⁷, т. е. задействовать около 3–4% населения, исходя из штатной численности пехотной дивизии вермахта, по предвоенному мобилизационному плану равной 17.734 солдата и офицера⁴⁸. Этот средний процент мобилизационных ресурсов был намного превзойден русской эмиграцией, даже учитывая, что одинокие мужчины в ее составе были более многочисленны, чем в обычных демографических условиях.

Попытаемся реконструировать мотивы столь чрезвычайной активности. В первую очередь, бросается в глаза непосредственная материальная заинтересованность. Действительно, оставшимся без работы (в Сербии), в тяжелых финансовых условиях эмигрантам служба в рядах Русского корпуса должна была казаться достаточно выгодной: в 1942 году рядовой и сержантский состав получал от 60 (90) до 75 (105) рейхсмарок в месяц, унтер-офицерский состав от 105 (145) до 145 (210), обер-офицерский от 210 (270) до 340 (430), штаб-офицерский от 400 (520) до 620 (800) рейхсмарок в месяц, причем для семейных лиц оклад увеличивался (сумма, указанная в скобках)⁴⁹. Учитывая завышенный курс рейхсмарки в 20 недичевских динаров⁵⁰, эти выплаты были значительными⁵¹. Интересно сравнить, что в то же время рядовой в восточных легионах и батальонах (из граждан СССР) получал от 30 до 42 марок (54 марки для семейных)⁵². Еще более высокие выплаты были у рядового и офицерского состава немецкой вспомогательной полиции, куда, пользуясь этим, активно переманивали военнослужащих из Русского корпуса⁵³.

С другой стороны, стоит отметить, что к 1941 году минуло уже почти 20 лет с момента окончания Гражданской войны, и эпоха ландскнехтства из рядов русской эмиграции отошла в прошлое. Хотя большинство попавших в Королевство СХС/Югославию русских эмигрантов и были участниками Первой мировой и Гражданской войн

---

47. Гальдер Ф. Военный дневник. Том 3. В 2-х кн. Кн. I (22.6.1941–30.9.1941). М., 1971. С. 256.

48. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945 гг. М., 2002. С. 86.

49. ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 68. Л. 4, 97.

50. ГА РФ. Ф. Р-7439. Оп. 1. Д. 10. Л. 133.

51. Например, в Белграде можно было снять комнату за 275 динар в месяц, около 300 динар в месяц хватало для экономного питания по карточкам на одного человека (яйца, животные жиры, ливерная колбаса, кукурузная крупа, мука, фасоль, кофе, вино, ирис (ГА РФ. Ф. Р-7439. Оп. 1. Д. 4. Л. 552–572) Впрочем, выплаты немецким солдатам и офицерам, с которыми позже уравнили Русский корпус, были еще более значительными (<http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Soldat/Besoldung.htm>).

52. При курсе 125 советских рублей за рейхсмарку (Дробязко С. И. Под знаменами врага. М., 2005. С. 182–183).

53. Русский корпус на Балканах и во время II Великой войны 1941–1945: Воспоминания соратников и документы. Сборник 2. СПб., 1999. С. 128–129.

(62% от общего числа прибывших), лишь небольшая их часть относилась к кадровым военным (28,6% от общего числа прибывших)⁵⁴. Представители среднего и молодого поколений эмиграции тем более были интегрированы в мирную жизнь. В случае, если кто-то терял работу в результате военных невзгод, у большинства эмигрантов существовала возможность реэмиграции в Германию, которая активно вербовала работников во всевозможные отрасли экономики на места, освободившиеся вследствие мобилизации⁵⁵. Служба по контракту в рядах боевых подразделений, активно борющихся с многочисленными и решительными повстанцами, защищающими свободу своих гор и спаянными крепкой тоталитарной идеологией, вряд ли может быть признана популярным способом заработка для большей части эмигрантской массы. Желавшие обеспечить себя материально быстро покидали ряды корпуса (если попадали в него), причем вызывали этим исключительную неприязнь у «патриотической» части русских эмигрантов. Подобранный случай описывает в своих мемуарах Анатолий Максимов, разочаровавшийся в службе в Корпусе и благополучно бежавший из него в Германию на заработки. Узнав об этом планирующемся бегстве, юная 15-летняя девушка из семьи знакомых Максимова (русских эмигрантов в Белграде) была настолько возмущена, что хотела, к ужасу своих родственников, сообщить об этом в гестапо, но потом успокоилась и ограничилась тем, что с позором выгнала скрывавшихся в ее доме «корпусников-дезертиров» среди ночи (и комендантского часа) из дома⁵⁶.

Кроме финансовых причин, стоит обратить внимание и на другие (более важные) мотивы, приводившие русских эмигрантов на призывные участки. Сами они выдвигали следующие мотивы. Целью вступления русской эмиграции в антикоммунистические (антипартизанские) формирования в Югославии они считали защиту от партизанского и коммунистического террора. Случаи убийств русских эмигрантов действительно случались, но еще более часты были случаи физических и вербальных нападений, сделавших жизнь русских эмигрантов крайне сложной⁵⁷. Ну, а самым важным мотивом мемуаристы называли желание и возможность вернуться на Родину,

54. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 146–147.

55. Уезжавшие в подконтрольную нацистам Западную Европу русские эмигранты адаптировались сравнительно успешно. Причем адаптация была возможна как для аристократов (Васильчикова М. Берлинский дневник, 1940–1945. Москва, 1994), так и для рядовых эмигрантов (ИАБ. Ф. ВДС. Д. G-703). Это было следствием целенаправленной экономической политики Германии, стремившейся к максимальному использованию трудовых ресурсов балканских стран (Ristović M. Nemački novi poredak i Jugoistočna Evropa: 1940/41–1944/45; planovi o budućnosti i praksi, Beograd, 1991. S. 248; Алексий Д. Привреда Србије у другом светском рату, Београд, 2002. С. 313).

56. См: Краткая биография Анатолия Максимова для журнала «Фоке», часть третья, <http://fox.ivlim.ru>.

57. ИАБ. Ф. ВДС. Д. В-922, J-408.

причем не повинившимися страдальцами, а победителями на белом коне. Поэтому события 1941–1945 в коллективном восприятии эмигрантов были долгожданным продолжением не закончившейся Гражданской войны. Воспоминания о событиях двадцатилетней давности и общая ненависть к засевшим в Кремле правителям России была важным (а может быть, и важнейшим) когерентным фактором существования русской эмиграции как социальной группы. Насколько сильным было воздействие этого фактора, видно по письму, которое отчаявшийся попасть на Родину Андрей Григорьевич Шкуро написал летом 1941 года украинским националистам в Загребе, бывшим в фаворе у немецких оккупационных войск. В этом письме, которое ему (не знавшему западенского диалекта уроженцу Екатеринодара) помогли перевести на украинский язык, Шкуро говорит о своем стремлении попасть на Родину и еще послужить ей в деле освобождения от коммунизма⁵⁸. После формирования Русского корпуса, а затем и прибытия на Балканы 15-ой Казацкой дивизии в таких ухищрениях для стосковавшегося по оружию основателя легендарных «волчьих сотен» больше не было необходимости, и его краткий мезальянс с «галичанами» не имел продолжения.

Партизаны в этих условиях воспринимались как носители враждебной идеологии, а сам Русский корпус как кузница кадров для будущей «освободительной армии»⁵⁹. Недаром первыми бойцами Русского корпуса в сентябре 1941 года стали не безработные или неквалифицированные рабочие, не имевшие других источников существования (что является типичным для контрактников), а добровольно посещавшая военные курсы еще в довоенное время молодежь. В рамках этой подготовки бывшие гимназисты и кадеты за несколько лет до войны уже объединились в т. н. «роту допризывной подготовки молодежи», созданную при 4-ом Отделе Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) полковником Михаилом Тимофеевичем Гордеевым-Зарецким. Командный состав роты также состоял из молодых эмигрантов, закончивших трехлетние Военно-училищные курсы при РОВС, которые организовал тот же Гордеев-Зарецкий⁶⁰. Сами столкновения с партизанами эмигранты пытались осмыслить и рассмотреть в глобальном контексте. Примером этого, несомненно, являются написанные в послевоенное время работы одного из офицеров корпуса, Евгения Эдуардовича

---

58. Кучерук О. «Бажаю ще раз послужити мій батьківщині...» (генерал Андрій Шкуро і Організація Українських Націоналістів) // Військово-історичний альманах. № 3, 2001.

59. Русский корпус на Балканах и во время II Великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963. С. 21, 90.

60. Русский корпус на Балканах и во время II Великой войны. Нью-Йорк, 1963. С. 52; Русский корпус на Балканах и во время II Великой войны. СПб., 1999. С. 56, 79.

Месснера (1891-1974), посвященные антиповстанческим операциям и представляющие интерес и по сей день⁶¹.

Вовлеченность русской эмиграции в антикоммунистические мероприятия видна и по активному участию русских эмигрантов в антикоммунистических пропагандистских акциях в годы Гражданской войны и оккупации в Югославии.

Участие в визуальной борьбе против коммунистической идеологии принимали и русские художники, корифеи «Золотого века югославского комикса», много сделавшие для развития этого направления прикладного искусства в предвоенной Югославии. Среди них был один из основателей сербского комикса талантливый художник Юрий Павлович Лобачев (1909-2002), популярный в Сербии карикатурист под псевдонимом «Джордже Стрип». Активно участвовал в антикоммунистической пропаганде и другой талантливый художник — Константин Константинович Кузнецов (1895-1980), который рисовал карикатуры в недиаческом юмористическом журналах «Бодликаво прасе» («Дикобраз»), «Мали забавник» («Маленький весельчак»), создавал плакаты-комиксы «Притча без слов», «Ложь востока» и «Предупреждение» и оформлял пропагандистские брошюры для немецкого агентства «Юго-восток». Именно он стал автором популярного комикса 1943/1944 гг. «Притча о несчастном короле». В ней в аллегорической форме были представлены: Старый король, Молодой король, Сановник Злого короля, Северный кровожадный тиран и Разбойник, под масками которых скрывались Александр Карагеоргиевич, его сын Петр, Черчилль, Сталин и Тито. Столь же плодотворно работал и Всеволод Константинович Гулевич (1903-1964), создавший в годы войны яркую череду «национально-идеальных» героев германского эпоса («Нибелунги») и сербского средневековья («Меч судьбы»)⁶². Помимо вышперечисленных, и менее известные художники из среды русской эмиграции поставляли антикоммунистическую изобразительную продукцию для агентства «Юго-восток», Отделения пропаганды при правительстве Милана Недича и для периодических изданий, выходивших на территории Сербии. Русские художники внесли свой вклад и в оформление позорной «выставки», органи-

---

61. Месснер Е. Хочешь мира, победи мятежевойну! М., 2005. Важно отметить, что эта книга, идеи которой перекликаются с «Теорией партизана» Карла Шмидта, написанная с учетом боевого опыта антипартизанской деятельности Русского корпуса, вышла в серии «Российский военный сборник» в издании Военного университета Министерства обороны РФ и при поддержке Федеральной программы книгоиздания России.

62. Zupan Z. Ruski emigranti u srpskom stripu // Knjizevna reč. 1998 № 27 (503); Zupan Z. Konstantin Kuznjecov // Putevi. 6 (35), 1990; Draginčić S., Zupan Z. Istorija jugoslovenskog stripa, Novi Sad, 1986; Policijski elaborat. Ruska emigracija u Jugoslaviji. Bileća, 1953. S. 796;.

зованной осенью 1941 года муниципалитетом города Белграда с целью «разоблачения козней мировой закулисы»⁶³.

Отдельные русские эмигранты участвовали в кампании антикоммунистической пропаганды, используя свои публицистические и журналистские дарования. Например, вышеупомянутый Евгений Месснер, имевший качественное военное образование (Михайловское артиллерийское училище и Академия Генштаба), в предвоенное время работал военным обозревателем в сербских («Време» / «Время», «Општинске новине» / «Муниципальная газета») и русских («Сегодня») эмигрантских газетах. В годы войны он не только принял активное участие в деятельности Русского корпуса, но и был некоторое время редактором сербской газеты «Обнова» / «Обновление» и сотрудником ведущей недичевской газеты «Ново Време» / «Новое Время», в которых пространно писал о происходившем на востоке Европы⁶⁴.

Эмигранты, трудившиеся до войны на ниве сербского просвещения, выступали с пропагандистскими антикоммунистическими лекциями в провинциальных городах. Например, Федор Федорович Балабанов (1897-1972), выпускник Богословского факультета Белградского университета, работал до войны преподавателем Священного Писания, психологии, церковно-славянского языка, патрологии и философии в духовной семинарии в Призрене и в Сремских Карловцах⁶⁵. Летом 1941 года он обратился к оккупационным властям с просьбой послать его на Родину для ведения там разъяснительной работы. Получив отказ, Балабанов стал ездить по территории Баната с антикоммунистическими лекциями на темы красного террора, коллективизации, колхозов, репрессий, общей деградации, причем подходил к вопросу творчески, даже разработал общий план и рекомендации активистам агитационной деятельности, переданные им белградскому отделению СД⁶⁶. С подобными лекциями русские эмигранты выступали и на территории недичевской Сербии. В валеvском округе с различными пропагандистскими лекциями выступали преподаватель истории гимназии города Валево доктор Ростислав Владимирович Плетнев (1903-1985)⁶⁷, а также преподаватель музыки той же гимназии Василий Иванович Альтов⁶⁸, богослов по образованию, причем их «коллегами» по лекционной работе были Ми-

---

63. Јовановић Н. Антимасонска и антикомунистичка изложба у Београду 1941 // НОР и револуција у Србији 1941–1945, Београд, 1972; Kreso M. Njemačka okupacijska uprava u Beogradu, 1941–1944. Beograd, 1979; Николић К. Немачки ратни плакат у Србији 1941–1944. Београд, 2000; АВИИ, собр. Командант Србије, ф. Пропагандно одељење Југоисток.

64. АВИИ. Собр. Недићевска архива. К. 88. П. 14. Д. 7. Л. 2.

65. Косик В. И. Русская Церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000. С. 230.

66. ИАБ. Ф. ВДС. Д. В-361. Л. 5; Д. В-336. Л. 4–14.

67. АВИИ. Собр. Недићевска архива. К. 30. П. 5. Д. 1. Л. 32, 78.

68. Там же. Л. 34, 77.

хайло Олчан и Боривое Карапанджич, «звезды» сербской пропаганды и видные члены праворадикального сербского движения «Збор».

Наконец, еще одним элементом влияния русской эмиграции на события в Югославии и на рост антикоммунистических настроений были неформальные контакты с окружавшей их местной средой. Значительная часть этого воздействия, несомненно, относится к более раннему периоду и выходит за рамки нашей темы. Однако стоит отметить, что традиционно близкие взаимоотношения императорской России и Королевства Сербии способствовали тому, что идея об опасности коммунизма как воинствующей атеистической, антинациональной идеологии, склонной к насилию над личностью, проникла в образованные круги сербского общества во многом благодаря контактам с русскими эмигрантами. Наиболее ярким примером взаимодействия были контакты русских эмигрантов с членами движения «Збор»⁶⁹. Проявлениями их стали не только хвалебные высказывания русских и сербских мемуаристов друг о друге⁷⁰, но и следы в музыкальном наследии вооруженного формирования «Збора» — Сербского Добровольческого корпуса. Походные песни СДК своей мелодикой свидетельствуют о большом влиянии русской воинской песенной культуры, что, в общем-то, не типично для сербских воинских песен, в которых доминируют балканские черты. Одна из популярных песен сербских добровольцев-«антикоммунистов» «На сунцу оружје нам блиста» представляет собой наиболее яркий пример этого феномена. Не только музыка, но и слова песни являются результатом вольной обработки русской популярной гусарской песни «Оружьем на солнце сверкая», написанной в начале двадцатого века Владимиром Александровичем Сабининым (1888–1930), автором многих романсов, в том числе общеизвестной аранжировки «Гори, гори, моя звезда»⁷¹.

Уровень интеграции русского антикоммунизма в Гражданскую войну в Югославии стал наиболее заметен на заключительном этапе войны с осени 1944 по весну 1945. В то время у обреченных союзников терпящей поражение Германии возникали различные идеи насчет возможности избежать поражения. В поисках спасения усиливались

69. ИАВ. Ф. BDS. Д. В-361. Л. 5.

70. Интересны в этом контексте контакты Д. Лютича с представителями властовского движения, а также идеи главы «Збора» о создании в северной части Югославии убежища для славянских антикоммунистов (прообраза разделенных идеологией государств из эпохи холодной войны). Трушнович Я. А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 // Новый Часовой. 1994, № 2; Русский корпус на Балканах и во время II Великой войны. Нью-Йорк, 1963. С. 19, 358; Љотић Д. Мемоар упућен Војном заповеднику у Србији (01.1943), Сабрана дела, књ. VIII; Меморандум Немцима (01.1944), Писмо грофу Грабеу (29.01.1945), Дешпе Паблу Ђуришићу, Момчилу Ђуићу, Дражи Мињајловићу (01–04.1945), књ. IX. Београд, 2003.

71. Тврђава. Збирка добровољачке лирике. Друго допуњено издање. Минхен, 1977; Савченко Б. Кумиры российской эстрады. М., 1998; Антология военной песни / Сост. и автор предисл. В. Калугин. М., 2006.

контакты сербских и словенских антикоммунистических формирований и русских частей на службе вермахта. Генеральное направление отступления в Словению объединило словенские части генерала Льва Рупника и полковника Прегеля, Сербского Добровольческого Корпуса и воевод далматинских четников (Момчило Джуича и др.), которые активно устанавливали контакты немцев с русскими союзниками, цепляясь за последнюю соломинку. Хотя этим попыткам было не суждено принести реальные плоды, стоит отметить, что сам факт их существования является косвенным свидетельством вовлеченности русских в события Гражданской войны в Югославии.

Такая вовлеченность стала следствием определенного взаимопроникновения русской эмиграции и окружающей среды. Наиболее яркой формой этого были достаточно частые смешанные браки. Следствием этого было возникшее в русской эмигрантской среде особое мировосприятие, для которого были характерны следующие черты: чувство долга перед приютившей их второй родиной, стремление защитить ее от казавшейся им губительной коммунистической идеологии, ощущение близости к местному населению (той его части, которая также боролась с коммунистами) и, наконец, неприязнь по отношению к сторонникам победы партизан, верящим в «батюшку Сталина». На все это накладывалось все более ясное понимание того факта, что служба в Корпусе, «полная опасности и трудов живота... ведется неизвестно для чего и для кого»; что эмигранты, взявшие в руки оружие «попали в омут, хотя и имели добрые намерения и желания», и в результате, им не осталось ничего, кроме как «ждать развития ситуации и надеяться на лучшее»⁷². С ходом времени все большая часть эмигрантов понимала, что немцы использовали их антикоммунистические настроения и разгоревшееся в Сербии и Югославии противостояние между коммунистами и антикоммунистами ради разжигания гражданской войны и ослабления давления на оккупационную машину. За 20 лет проживания на чужбине русская эмиграция срослась с Балканами, многие, хотя формально и избегали принятия югославского подданства, тем не менее, все более привыкали к местным реалиям, становились «балканскими» русскими и частью местного общества, отчуждаясь от сильно изменившегося общества родной страны. Это делало еще более трагичной роль эмигрантов в событиях Гражданской войны, еще более печальной их участь после окончания войны, в последний период их существования на Балканах, завершив-

---

72. Эти полные тоски и разочарования строки писал 5 января 1942 года выпускник Николаевского кавалерийского училища, активный участник Гражданской войны, в эмиграции чиновник Министерства здравоохранения королевства Югославии 40-летний Павел Овчинников своей горячо любимой супруге Лепосаве Пешич, жившей с родителями в Панчево (ИАБ. Ф. BDS. Д. А-188).

шийся «массовым и окончательным отъездом с Балкан или полной ассимиляцией»⁷³ русской эмиграции.

Стоит сказать, что, конечно, не все русские эмигранты в Югославии, заняли антикоммунистическую (пронемецкую) позицию, продиктованную неприязнью к СССР. Лишь считанные единицы эмигрантов имели желание выступить с оружием в руках (или без такового) против немцев. Формой выражения этих идей был Союз Советских Патриотов, основанный в середине 1941 года⁷⁴. Деятельность этой организации, как и количество членов, были минимальны, до 1944 года в материалах гестапо нет ни одного свидетельства активности этой организации⁷⁵. Они скорее могли выразить собственные взгляды, нежели изменить общую картину поведения русских эмигрантов. Хорошим примером взглядов эмигрантов является не только достаточно массовый уход эмигрантов в Русский корпус и полицейские части, но и количество эмигрантов, «оставшихся» дожидаться советские войска.

Общая численность эмигрантов в Королевстве Югославии в 1937 году составляла 27 150 человек⁷⁶. Согласно результатам регистрации русских эмигрантов, проведенной в мае-июне 1941, в Белграде проживало 7020 взрослых русских эмигрантов (в это число не входили получившие югославское или другое нероссийское гражданство)⁷⁷, а всего в Сербии (т. е. в той ее части, которая была включена в единую немецкую оккупационную зону, без Воеводины, Косова, Санджака, юго-восточных частей Сербии) проживало около 20 тысяч русских эмигрантов⁷⁸, причем согласно воспоминаниям протоиерея Владимира Алексеевича Мошина (1894–1987), в 1941 году в Сербии было около 80 священников⁷⁹. А вот после освобождения страны от немцев «русская церковь [на освобожденной до конца 1944 года территории Югославии, где было сконцентрировано абсолютное большинство русских эмигрантов, оставшихся в Югославии после окончания Второй мировой войны — А. Т.] имела два прихода, два монастыря, 20 священников, 15 монахов,

---

73. Иванович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005. С. 9.

74. Obradović M. Dve krajnosti u političkoj delatnosti Ruskih izbeglica u Srbiji (1941-1945) // Tokovi istorije. № 1–2, 1997. С. 148.

75. Хотя имена лидеров организации Ф. Висторопского, В. Лебедева, И Одиселидзе там встречаются.

76. См. общие демографические характеристики эмиграции в: Иванович М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005.

77. ИАБ. Ф. УГВ СП II. Д. 44/41.

78. Исходя из отчетов колоний Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии, хранящихся в ГА РФ, а также фрагментов регистрации материалов (ИАБ. Ф. УГВ СП II. Д. 44/41).

79. Косик В. И. Русская церковь в Югославии (1920–1940-е гг. XX в.). М., 1999. С. 217.

32 монахини и около 3000 верующих»⁸⁰. С учетом подмеченного исследователями демографического состава русской эмиграции (более высокий, чем обычно, уровень пожилых, одиноких, бессильных и равнодушных к своей судьбе лиц), можно сказать, что большинство эмигрантов не желало встречи со СМЕРШем и следователями НКГБ, оправданно опасаясь последствий своих антисоветских поступков и слов. Понадеявшиеся на снисходительность победителей горько об этом пожалели.

Показательна судьба проживавшей на квартире у о. Василия Тарасьева семьи генерала Бориса Ниловича Литвинова (1872 — после 1945, до сентября 1951), исследователя Туркестана, талантливого живописца и иконописца. На предложение офицеров РОК эвакуироваться Литвинов ответил, «что приход красных будет временным, что они никого не тронут, так как прошлое забыто, что вслед за ними придут англичане и король Петр». Старик был вывезен в СССР органами СМЕРШ 3-го Украинского фронта и умер в лагерях, а его дочь-гимназистка оказалась в печально известной белградской Главняче⁸¹. Дожил до амнистии в лагере, а позже умер в нищете в СССР первый русский генерал авиации Вячеслав Матвеевич Ткачев (1885–1965). Погиб в СССР прославленный русский архитектор, творивший в Югославии, Валерий Владимирович Сташевский (?–1945). Скончался в мордовских лагерях полковник Генерального штаба Роман Константинович Дрейлинг (1880–1945). Стоит отметить, что ни один из них к 1941 году не принимал активного участия в политической жизни...

---

80. Гласник СПЦ. Бр. 10–12, 1944. С. 91. Те же данные приводит в своей книге В. И. Косик, ссылаясь на рапорт настоятеля русской церкви Св. Троицы в Белграде Ивана (Иоанна) Ивановича Сокала (1883–1965), посланный в конце 1944 в Москву местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Ленинградскому Алексию.

81. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. СПб., 1999. С. 280; Незабываемые могилы. М., 2004. Т. 4. С. 177.

А. А. СМИРНОВ

О ВЛИЯНИИ ЧИСТКИ КРАСНОЙ АРМИИ В 1937–1938 ГГ. НА ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В БОЯХ У ОЗЕРА ХАСАН

Не касаясь сейчас вопроса о причинах этого конфликта, напомним, что 29–31 июля 1938 г. 75-й пехотный полк 19-й пехотной дивизии Корейской армии японцев при поддержке погранохраны, 25-го горного артиллерийского и 19-го инженерного полков, отбросив советских пограничников и два усиленных батальона 118-го и 119-го стрелковых полков 40-й стрелковой дивизии 1-й (Приморской) армии Дальневосточного Краснознаменного фронта, занял находившиеся на советско-маньчжурской границе, в самой удаленной части Посъетского района, высоты Заозерная, Безымянная и Пулеметная горка — за которыми лежало озеро Хасан. 2–3 августа, поддерживаемый 25-м горным и Расинским тяжелым артполками, 75-й полк отбил атаки полностью развернувшейся к тому времени восточнее Хасана 40-й стрелковой дивизии и, вместе с подошедшим к утру 3 августа 76-м пехотным полком 19-й дивизии, продолжал удерживать захваченные высоты. Сосредоточив в районе Хасана объединенные управлением 39-го стрелкового корпуса 32-ю, 39-ю и 40-ю стрелковые дивизии, 2-ю механизированную бригаду, 39-й корпусной артполк, дивизион 22-го артполка 22-й стрелковой дивизии, батарею 187-го и батарею 199-го артполков РГК и ряд частей кавалерии и инженерных войск, 6 августа 1938 г. советское командование предприняло генеральное наступление на Заозерную и Безымянную — поддержанное крупными силами авиации. В течение 6–9 августа, несмотря на ввод японцами в бой последних двух полков 19-й дивизии — 73-го и 74-го — и части Цинъюанского охранного батальона, 32-я, 40-я дивизии и 115-й стрелковый полк 39-й дивизии при поддержке разведывательного и 2-го и 3-го танковых батальонов 2-й мехбригады вытеснили про-

тивника с части захваченной им территории, а 10-11 августа отбили попытки японцев вернуть утраченные позиции. Но полностью высотами Заозерная, Безымянная и Пулеметная горка овладеть так и не удалось, и окончательное очищение японцами советской территории в районе озера Хасан произошло только после прекращения боевых действий, которое было осуществлено 11 августа¹.

Последнее обстоятельство означает, что поставленную им задачу советские войска полностью выполнить не сумели. (Продвижение, которого они добились, выглядит тем более скромным, что повторяемые до сих пор утверждения о проникновении японцев на советскую территорию на глубину до 4 километров являются пропагандистским мифом². Фактически противник занимал лишь цепь указанных выше высот вдоль линии границы, и отбросить его требовалось лишь на несколько сот метров). И это при том, что японцев не поддерживали ни танки, ни авиация — тогда как советская сторона ввела в бой до 250 танков и произвела 387 самолето-вылетов бомбардировщиков СБ и ТБ-3РН, 534 самолето-вылета наносивших бомбоштурмовые удары истребителей И-15 и 82 самолето-вылета легких бомбардировщиков и штурмовиков ССС и Р-Зет — в ходе которых на врага было сброшено почти 209 тонн бомб³. Советская сторона обладала и превосходством в живой силе. Даже при том, что ее стрелковые дивизии находились в сильном некомплекте, общая численность войск, введенных в бой, составляла до 23 000 человек, тогда как у японцев сражалось не более 15 000 (ведь даже с учетом подтянутой к району боевых действий, но так и не введенной в бой 120-й пехотной бригады 40-й пехотной дивизии численность их войск не превышала 20 000 человек)⁴ ...

О явной слабости эффективности действий советских войск говорит и то, что, обладая превосходством в артиллерии и абсолютным превосходством в танках и авиации, они понесли большие, чем противник, потери. По наиболее полным данным (полученным к июню 2003 г. И. М. Нагаевым), убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести (т. е. теми же погибшими, так как известий о захвате японцами пленных нет) только войска РККА (не считая погранвойск НКВД) потеряли на Хасане как минимум 1106 чело-

---

1. Катунцев В., Коц И. Инцидент. Подоплека хасанских событий // Родина. 1991. № 6-7. С. 16.

2. Там же. С. 15, 16.

3. Подчитано по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. М., 1960. С. 234, 235; События у озера Хасан в итоговых документах // На границе тучи ходят хмуро... (К 65-летию событий у озера Хасан). М.; Жуковский, 2005. С. 204, 215.

4. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 71, 72; Кольтюков А. А. Вооруженный конфликт у озера Хасан (вместо предисловия) // На границе тучи ходят хмуро... С. 18.

век⁵; раненых было зарегистрировано 2752 (100 из них — умершие не на этапах санитарной эвакуации, а уже в госпиталях — учтены в числе 1106 погибших, так что общее число военнослужащих РККА, выведенных из строя противником в ходе хасанских боев, составляет, по данным на сегодняшний день, 3758) ⁶. Сведения о потерях японцев менее точны. Согласно японским источникам, на которые ссылаются в отечественной литературе⁷, они составили 526 убитых и 913 раненых. Советские штабисты, обобщавшие осенью 1938-го итоги хасанских боев, указали, что, «по официальным данным», японцы потеряли «в боях за Заозерная» (по-видимому, имелись в виду все бои в районе Хасана. — А. С.) 1047 убитых и около 4800 раненых⁸. Но, если эти «официальные данные» были японскими (а никаких других не стоит и рассматривать: наиболее точной информацией о потерях по определению располагает та сторона, которая их понесла), то как они могли почти сразу после окончания конфликта оказаться в распоряжении советской стороны? Встречающаяся в последнее время в отечественной литературе еще одна версия величины японских потерь (600-650 убитых и 2500 раненых) ⁹ однозначно не заслуживает никакого доверия, так как основана на данных советской стороны — тексте сообщения ТАСС, опубликованного 15 августа 1938 г. в газете «Правда» со ссылкой на «оценку нашего командования» ¹⁰. Таким образом, по наиболее

-
5. Нагаев И. М. К уточнению потерь советских войск в период боевых действий в районе озера Хасан в 1938 г. // На границе тучи ходят хмуро... С. 130. (Примечания к этой работе, помещенные в указанном сборнике на с. 368-369, ошибочно озаглавлены как примечания к статье В. И. Коротаяева «Реакция Запада на военный конфликт у озера Хасан (по документам иностранного происхождения РГВА)»). И. М. Нагаев приводит цифру в 1112 человек, но в нее включены и погибшие не от воздействия противника, а в катастрофах и т. п. За вычетом таких лиц, которых на сегодняшний день выявлено 6 (Буриков П. Д. Безвозвратные и санитарные потери советских войск в боях у озера Хасан // На границе тучи ходят хмуро... С. 63), остается 1106 военнослужащих РККА, погибших от воздействия противника.
  6. Гриф секретности снят. С. 72; Буриков П. Д. Безвозвратные и санитарные потери советских войск в боях у озера Хасан // На границе тучи ходят хмуро... С. 64; Нагаев И. М. Указ. соч. С. 130.
  7. 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 291; Гриф секретности снят. С. 71; Кольтюков А. А. Указ. соч. С. 21 (во всех этих изданиях приводятся округленные цифры — 500 убитых и 900 раненых); Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск, 2000. С. 152.
  8. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 324.
  9. См., напр.: Книга Памяти Российской Федерации. 1923-1939 гг. Т. 1. М., 1998. С. 122; Буриков П. Д. Указ. соч. С. 65; Черевко К. Е. Советско-японский конфликт в районе озера Хасан в 1938 г. // На границе тучи ходят хмуро... С. 179.
  10. На границе тучи ходят хмуро... С. 388. Характерно, что, если в сообщении ТАСС говорилось о потере японцами «до 600» человек убитыми и «до 2500» ранеными, то «Книга Памяти» и ссылающийся на нее П. Д. Буриков (см.

достоверным на сегодняшний день данным, соотношение числа военнослужащих, выведенных из строя противником (3758 советских и 1439 японских), составляет 2,6:1 в пользу японцев.

Причиной столь малозффективных действий — как отметил уже приказ наркома обороны № 0040 от 4 сентября 1938 г. — было то, что выучка «войск, штабов и командно-начальствующего состава» Дальневосточного фронта находилась «на недопустимо низком уровне»¹¹. В последние 10-15 лет это обстоятельство стало принято считать следствием массовых репрессий 1937-1938 гг. против командно-начальствующего состава Красной Армии¹². Но мнение это до сих пор остается бездоказательным: *сравнения* уровня боевой выучки дальневосточников, дравшихся на Хасане, и Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА, развернутой 28 июня 1938 г. в Краснознаменный Дальневосточный фронт) «предрепресссионного» времени никто из связывавших хасанские неудачи с чисткой РККА не осуществил (не стала исключением и недавно вышедшая в свет монография В. С. Мильбаха¹³; см. нашу рецензию на неё в этом томе «Русского Сборника»). Попытка такого сравнения, предпринятая в 2000 г. автором настоящей работы, привела его к прямо противоположному выводу¹⁴. Однако крайне ограниченный объем статьи 2000 года и введение с тех пор в научный оборот довольно большого количества новых источников, освещающих боевую работу войск РККА в хасанских боях, делают, на наш взгляд, необходимым повторное проведение подобного исследования — с тем, чтобы сделать его, во-первых, более подробным и более аргументированным, а, во-вторых, более конкретным. Последнее означает, что во всех случаях, когда это позволяют сделать источники, мы будем сравнивать уровень выучки частей и соединений, дравшихся на Хасане, с уровнем выучки, достигнутым в «предрепресссионный» период этими же частями и соединениями — а не ОКДВА в целом (как это было сделано нами в 2000 г.). «Предрепресссионным» же периодом мы будем считать 1935-й (год Киевских маневров, которые принято оце-

---

прим. 9) пишут уже о 650 (sic! — А. С.) убитых и, без всяких оговорок, о «2500» раненых.

11. Русский архив. Великая Отечественная. М., 1994. Т. 13 (2-1). С. 57.
12. См., напр: Анфилов В. А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 58; Войтковяк Я. Чистка среди командно-начальствующего и политического состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и Дальневосточного Краснознаменного фронта. 1937-1938 гг. // Военно-исторический архив. Вып. 15. М., 2000. С. 119; Рубцов Ю. В. Маршалы Сталина. От Буденного до Булганина. М., 2006. С. 159.
13. Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937-1938 гг. СПб, 2007. С. 196, 213, 214-215.
14. Смирнов А. А. К бою — не готовы. Армия маршала Блюхера накануне 1937 года // Родина. 2000. № 9. С. 74-78.

нивать как достижение «дорепрессионной» РККА вершины своего могущества¹⁵), 1936-й и первую половину 1937 года.

Для оценки уровня выучки участников хасанских боев мы воспользуемся опубликованными источниками (приказ наркома обороны № 0040, аналитические материалы, подготовленные после боев штабистами-дальневосточниками и посвященные действиям 2-й мехбригады и артиллерии и организации связи и тыла, фрагменты докладов работников особых отделов и материалов совещаний участников боев). А для оценки уровня выучки «предрепрессионной» ОКДВА — архивными материалами, впервые вводимыми в научный оборот (приказами и актами, отражавшими результаты учений, маневров и проверок боевой подготовки частей и соединений, отчетами посредников на маневрах, аналитическими материалами, подготовленными штабистами, политработниками и особистами, выступлениями командиров и политработников на партсобораниях и партконференциях, а также и годовыми отчетами об итогах боевой подготовки ОКДВА и ее Приморской группы, 28 июня 1938 г. преобразованной в 1-ю (Приморскую) армию Краснознаменного Дальневосточного фронта. Источники последнего типа в принципе ненадежны: ведь составители отчетов стараются преувеличить свои достижения и «замазать» недостатки. Но достоверную информацию можно извлечь и из отчетов: если в них все-таки упомянуто о каких-либо изъянах, то можно не сомневаться, что эти последние действительно существовали: возводить на себя напраслину не выгодно никому).

Наша характеристика уровня боевой выучки войск будет складываться из характеристик:

а) уровня выучки командиров и штабов и б) уровня выучки собственно войск (т. е. выучки одиночного бойца и подразделений — отделений, взводов, рот, батарей, стрелковых батальонов и артиллерийских дивизионов).

Об уровне выучки командиров и штабов стрелковых и механизированных соединений (являвшихся фактически общевойсковыми, т. е. объединявшими части нескольких родов войск), стрелковых и танковых частей и составлявших основу этих соединений и частей пехотных и танковых подразделений — т. е. об уровне выучки *общевойсковых, пехотных и танковых* командиров и штабов — мы будем судить по степени их умения:

а) принимать оптимальные решения в условиях боя и операции 30-40-х годов — «глубокого боя» и «глубокой операции», отличавшихся широким применением танков, мотопехоты, авиации, радиосвязи — и, следовательно, динамичностью, напряженностью, быстрыми изменениями обстановки, избыливающих кризисными ситуациями (иными словами, речь идет об умении решать поставленную

---

15. Анфилов В. А. Вермахт воевал по советским разработкам? // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 30.

задачу смелым маневром, быстро и адекватно реагировать на частые внезапные изменения обстановки, проявлять инициативу — о соответствующем требованиям 1930–1940-х годов уровне оперативно-тактического мышления);

б) организовать взаимодействие в бою различных родов войск;

в) организовать обеспечение боевых действий (разведку и тыловое обеспечение) и г) осуществлять непрерывное управление войсками в ходе боя (т. е. владеть навыками командования, техникой штабной работы, умело организовывать связь).

Оценка уровня выучки командиров и штабов *артиллерии* будет складываться из оценок уровня их:

а) стрелково-артиллерийской выучки и б) тактической выучки.

Оценивая уровень боевой выучки *бойцов и подразделений пехоты*, мы будем рассматривать уровень тактической (включая сюда и неразрывно связанные с действиями бойца в бою элементы инженерной), огневой и физической выучки. Выучку *бойцов и подразделений танковых войск и артиллерии* (в том числе и тех членов танковых экипажей, которые имели звания младшего состава, но ничем не командовали) из-за недостаточной информативности «хасанских» источников нам придется оценивать интегрально, а от сравнения уровня выучки бойцов, подразделений, командиров и штабов *инженерных войск и войск связи* и совсем отказаться.

г. Командиры и штабы

А. Общевойсковые, пехотные и танковые

Оперативно-тактическое мышление. Не станем придирается к крайне неудачному направлению атаки, избранному советским командованием перед наступлением 2 августа, — в лоб, а не во фланг и тыл. Оно было продиктовано не тактическими, а политическими соображениями — нежеланием обострять конфликт вторжением советских войск на маньчжурскую территорию. Ведь обойти находившиеся на самой линии границы высоты можно было только по этой последней... Однако и после того, как 5 августа Москва разрешила пересечь границу Маньчжоу-Го, чтобы иметь возможность обойти противника с флангов, «все рода войск, в особенности пехота, обнаружили» (как отмечалось потом в приказе наркома обороны № 0040) «неумение маневрировать»¹⁶. На «недостаток» в действиях советских войск «маневренности»¹⁷ обратили внимание и японцы (вне всякого

16. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). С. 58.

17. Цит. по: Коротчаев В. И. Реакция Запада на военный конфликт у озера Хасан (по документам иностранного происхождения РГВА) // На границе тучи ходят хмурые... С. 107. (примечания к этой работе, помещенные в указанном сборнике на с. 367–368, ошибочно озаглавлены как примечания к статье

сомнения, информаторами составителя процитированной нами сводки Военного министерства Франции были именно они). Из письма управляющего французским консульством в Мукдене М. Жермена (безусловно, тоже черпавшего информацию у японцев) послу Франции в Китае от 3 августа 1938 г. видно, что виной тому было именно слабое развитие современного, «маневренного», оперативно-тактического мышления у комсостава РККА. Ведь Жермен сообщал о «недостатке» у советских войск «инициативы и адекватного командования»¹⁸. Под «адекватным командованием» здесь явно понималось неумение принимать грамотные решения (о неумении организовать взаимодействие и связь управляющий упомянул особо) — а в 30-е годы XX века такие решения предполагали смелое использование маневра; само собой понятно, что овладению «маневренным» оперативно-тактическим мышлением не способствовала и отмеченная французом безынициативность. (Сведения Жермена основывались на впечатлениях японцев до наступления 40-й дивизии 2 августа — но, судя по процитированному выше сообщению приказа № 0040, *безынициативность и отсутствие стремления к маневру* отличали советских командиров и в боях 6-9 августа — и не только в 40-й дивизии, но и в других «хасанских» соединениях).

С отсутствием у сражавшегося на Хасане советского комсостава инициативности и стремления к маневру вполне закономерно сочеталась *«медлительность в принятии решений* [выделено мной. — А. С.]»¹⁹ — отмеченная старшим лейтенантом госбезопасности Дохиным в составленном им вскоре по окончании боев докладе «Основные недостатки в действиях наших частей».

Нельзя не упомянуть и о *тактически неграмотном использовании* своих и приданных *танковых частей* командирами 32-й и 40-й дивизий — бросавшими эти части (отдельные танковые батальоны своих дивизий и 2-й и 3-й танковые батальоны 2-й мехбригады) в атаку на «в целом танконедоступной» местности в полном составе. «Целесообразнее, — указывали потом штабисты, анализировавшие боевую работу мехбригады, — было бы применять танки для атаки лишь отдельными подразделениями до взвода в теснейшем взаимодействии с пехотой, а остальную часть танков использовать» как самоходную артиллерию, которая, укрываясь в складках местности, поддерживала бы пехоту огнем с места. Направление же в атаку целых танковых батальонов привело лишь к лишним потерям, так как, двигаясь по чрезвычайно сложной местности, Т-26, БТ-5 и БТ-7 все равно «не могли одновременно войти на передний край обороны противника для подавления огне-

---

С. В. Каймаковой «Краеведческая лаборатория: историко-культурное наследие войн»).

18. Цит. по: Там же.

19. Цит. по: Катунцев В., Коц И. Указ. соч. С. 17.

вых точек»²⁰. (То, что «танковые части были использованы неумело», отметили и составители приказа наркома обороны № 0040)²¹.

Но *безынициативность* командиров подразделений в 40-й дивизии отмечалась и в июне «дорепрессионного» 1935-го. «Не изжита шаблонность и схематизм в действиях, — указывал в своем приказе от 1 июля 1935 г. комдив-40 В. К. Васенцович, — замечается стремление угадать решение руководства, а не принятие своего на основе выводов из обстановки»²². А, по крайней мере, весной того же года этот изъян был типичен для всей вообще пехоты ОКДВА! На весенних учениях, признавался 10 декабря 1935 г. на заседании Военного совета при наркомате обороны командарм Особой Дальневосточной Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, выявилось, что войска «не проявляют нужной инициативности, быстроты действия со стороны командиров батальонов, командиров рот и командиров взводов». «Прихожу, — рассказывал маршал, — на один участок, вижу, что обстановка такова, что необходимо немедленно наступление. Спрашиваю командира батальона: „Обстановка ясно диктует необходимость быстрого действия и нападения на противника, почему вы не наступаете?“ Он отвечает: „Приказа нет“. Подхожу к младшему командиру и спрашиваю: „Вам обстановка ясна?“ Он говорит: „Ясна“. Он рассказывает: „Наступает противник, человек 300, из этих 300 человек половина перед нами, и эта половина, находящаяся перед нами, обходится с тыла другой частью“. [...] Я спрашиваю его: „Почему же вы не наступаете?“ Он отвечает: „Приказа нет“. Тогда я ему говорю: „А что бы вы сделали, как бы вы поступили?“ Он говорит: „Я бы пошел в атаку“. „Ну и идите в атаку“. Пошли. Но его не поддержало соседнее отделение, его не поддержала соседняя рота. *Это очень характерный пример для наших войсковых частей* [выделено мной. — А. С.]»²³.

А в «дорепрессионном» же 1936-м? «Мало проявляется командирами самостоятельных, волевых решений, особенно в кризисных моментах боя», — подчеркивал 29 марта 1936 г. командующий Приморской группой ОКДВА командарм 2 ранга И. Ф. Федыко, подводя итоги прошедших 11–18 марта маневров²⁴ — «синей» стороной на которых была как раз «хасанская» 32-я дивизия! «Умение проявить смелую инициативу» отсутствовало и у всех командиров подразделений, проверенных в ОКДВА в мае — августе 1936 г. (в том числе и у командиров двух батальонов, дравшихся потом на Хасане — из состава 95-го стрелкового полка 32-й дивизии и 120-го

20. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 217, 215.

21. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). С. 58.

22. Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

23. РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 166-167.

24. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 12. Л. 61 об.

стрелкового 40-й); на безынициативность своего комсостава командиры дивизий ОКДВА часто жаловались еще и весной 1937 г. — выходя на проходивших тогда в соединениях партконференциях²⁵.

Неумение комсостава ОКДВА *маневрировать* опять-таки было продемонстрировано еще на мартовских маневрах 1936 года в Приморье — когда действия войск, по оценке того же И. Ф. Федько, «протекали в большинстве прямолинейно в открытую, без всяких замыслов и попыток обмануть» противника²⁶. Нежелание тогдашних командиров подразделений и батальонных и полковых штабов бить врага по частям (а значит, и прибегать к смелому маневру. — А. С.) признали даже безбожно приукрашивавшие действительность составители годового отчета об итогах боевой подготовки ОКДВА от 30 сентября 1936 г. В 196-м стрелковом полку 66-й стрелковой дивизии непривычка комсостава к маневру доходила тогда до того, что он атаковал в лоб даже встретившуюся ему в процессе наступления огневую точку — т. е. бросал бойцов прямо на пулемет противника, на убой! По крайней мере, командирам отделений, взводов и рот армии В. К. Блохера умения смело маневрировать недоставало даже и в последние перед началом чистки РККА месяцы. Ведь, как констатировали соответственно в марте и мае 1937 г. начальник штаба ОКДВА комкор С. Н. Богомягков и временно исправляющий должность начальника 2-го (ответавшего за боевую подготовку) отдела этого штаба комдив Б. К. Колчигин, младшие командиры-дальневосточники «тактически слабы», у средних «уровень одиночной подготовки в области тактики» тоже «невысок»²⁷. Эту оценку полностью подтвердили действия командиров двух стрелковых рот 63-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии, пытавшихся 5-6 июля 1937 г. отбить захваченную японцами приграничную высоту Винокурка (близ озера Ханка). Комроты-9 лейтенант Кузин, имея возможность обойти врага с флангов, полностью отказался не только от «смелых попыток охватить фланги и отрезать отход за границу», но и вообще от «какого-либо маневра» — и атаковал высоту в лоб! А комроты-4 лейтенант Немков не проявил никакой инициативы²⁸.

Медлительность и тяжеловесность маневра в ходе боя внутри оборонительной полосы противника (читай: нехватка у комсостава умения быстро принимать решения в изменившейся обстановке. — А. С.) в Приморской группе ОКДВА, куда входили все три дивизии, воевавшие потом на Хасане, отмечалась (как признал даже официальный годовой отчет группы!) еще осенью 1935 г.²⁹ А в «хасан-

25. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 12. Л. 122 об.; Д. 54. Л. 76; Ф. 1293. Оп. 3. Д. 8а. Л. 33 об.; Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 614. Л. 293.

26. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 12. Л. 61 об.

27. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 15, 32 об.

28. РГВА. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 13. Л. 144, 147.

29. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 17.

ской» 40-й дивизии на медленное принятие командирами решений жаловались еще и «дорепрессионной» же весной 1937 г. («Комбаты, к [ом] роты, — указывал в своем политдонесении от 10 марта 1937 г. начальник политотдела 40-й дивизионный комиссар К. Г. Руденко, — не научились решать тактические задачи накоротке [...]»³⁰).

Нежелание учитывать в своих решениях особенности местности у комсостава ОКДВА опять-таки встречалось еще и до чистки РККА. В Приморской группе (т. е. и в «хасанских» дивизиях) ставить войскам непосильные задачи, бросать их в наступление на совершенно неподходящей местности командиры соединений, частей и подразделений считали возможным еще осенью 1935 г. В 32-й дивизии так поступали и на мартовских маневрах 1936 г. И еще 26 мая 1937 г. на 3-й партконференции ОКДВА заместитель Блюхера командир М. В. Сангурский предостерегал от «увлечения широкими замахами при обходах по очень тяжелой местности», на которой отстанет техника, призванная помочь пехоте в бою³¹. Значит, принятие решений на использование техники без учета особенностей местности командиры-дальневосточники — и прежде всего, как и на Хасане, общевойсковые! — допускали еще и в начале 1937 г.

Взаимодействие родов войск. Выявившуюся на Хасане степень умения советских общевойсковых, пехотных и танковых командиров и штабов организовать такое взаимодействие и советские, и японские источники характеризуют совершенно одинаково. «Отсутствие взаимного сочетания действий авиации, артиллерии, танков с пехотой» старший лейтенант госбезопасности Дохин выделил как один из «основных недостатков в действиях наших частей»³²; о том же — со слов японских информаторов — говорилось и в сводке военного министерства Франции: «Связь между родами войск была слабым местом». Особенно бросилось японцам в глаза то, что «не были поддержаны» другими родами войск «массированные танковые атаки», «советская артиллерия и танки, несмотря на свой перевес, не сумели скоординировать свои действия в ходе танковых атак и обуздать в нужный момент противотанковую технику японцев»³³. В результате не подавленные советской артиллерией японские противотанковые пушки подбили и сожгли 93 советских танка³⁴, т. е. до 40% введенных в бой. Так, 6 августа 1938 г. из 114 пошедших в атаку машин 2-й мехбригады было сожжено и подбито 49, т. е. 43%³⁵. (Со-

---

30. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 379. Л. 68.

31. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 373. Л. 238.

32. Цит. по: Катунцев В., Коц И. Указ. соч. С. 17.

33. Цит. по: Коротав В. И. Указ. соч. С. 107.

34. См.: Легкие танки и бронемашин Красной Армии. 1931-1939. Ч. 1. М., 1996. С. 35.

35. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 216.

ветские штабисты добавляли к причинам столь высоких потерь еще и отсутствие взаимодействия между танками и пехотой). В неумении «скоординировать действия» был виноват и комсостав артиллерии (см. ниже), но, как отмечалось в штабном докладе, посвященном анализу действий 2-й мехбригады, командиры-танкисты, «недостаточно отработавшие и усвоившие основы общевойскового боя во взаимодействии со всеми родами войск», тоже оказались не в состоянии «четко и целесообразно поставить задачи по поддержке их огнем артиллерии» (а согласно докладу о действиях артиллерии, вообще «забывали» их ставить)³⁶.

«Пехотные начальники» тоже «не могли поставить конкретных задач» поддерживавшим их танкам. А у составителей доклада о боевой работе артиллерии вырвался прямо крик: «Нужно, наконец, добиться, чтобы пехотный командир умел использовать артиллерию». В ряде случаев комсостав пехоты демонстрировал на Хасане «абсолютное непонимание» «техники взаимодействия» с артиллерией — а ставить задачи артиллерии, приданной его подразделением (по крайней мере, полковым и противотанковым пушкам) вообще «забывал»³⁷.

Советские командиры, похоже, вовсе не придавали особого значения налаживанию взаимодействия с другими родами войск! «Работа в период организации атаки, — указывалось в упомянутом выше докладе о действиях 2-й мехбригады, — проходила больше самостоятельно и независимо друг от друга пехотных начальников, артиллеристов и танкистов [так в документе. — А. С.]»³⁸. Организация взаимодействия родов войск явно не слишком заботила и командиров и начальников штабов 32-й и 40-й дивизий — не торопившихся доводить до командиров приданных им танковых батальонов конкретные задачи, которые тем надо будет решить в наступлении 6 августа (из-за чего на абсолютно необходимую увязку вопросов взаимодействия с конкретным пехотным командиром *на местности* у командиров-танкистов вместо трех дней оказалось лишь несколько часов). Организация взаимодействия родов войск еще 1 августа 1938 г. явно не слишком волновала и комдива-40 полковника В. К. Базарова, решившего атаковать противника с ходу уже в 07.00 2 августа, и начальника штаба Дальневосточного фронта комкора Г. М. Штерна, утвердившего это решение. Ведь из-за этой

36. Там же. С. 217, 219; Нагаева Е. И. «Бог войны» у озера Хасан (боевая деятельность артиллерии в период боевых действий в районе озера Хасан в 1938 г.) // На границе тучи ходят хмуро... С. 141. (Примечания к этой работе, помещенные в указанном сборнике на с. 369, ошибочно озаглавлены как примечания к статье А. А. Кошкина «„На границе тучи ходят хмуро...“»).

37. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 218, 202, 198, 199; Нагаева Е. И. Указ. соч. С. 141.

38. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 218.

поспешности часть пехотных и танковых командиров опять-таки не успела организовать взаимодействие друг с другом на местности, а артиллерийской подготовки и поддержки атаки, по существу, вообще не было! Из пяти артдивизионов к указанному сроку успел подойти только один, а связь с артиллерией не успели установить не только комбаты, но и командиры стрелковых полков.

Но взаимодействие танков 2-й мехбригады с артиллерией — как признавалось даже в официальном годовом отчете Приморской группы, куда входила эта бригада — «слабо» организовывалось еще и на маневрах в Приморье в сентябре 1935 г. Не умели наладить его в бригаде и в 1936 г., что показали, например, мартовские маневры этого года в Приморье³⁹. Взаимодействие с пехотой у 2-й мехбригады до репрессий тоже не могло быть лучше, чем на Хасане — ведь до репрессий оно не отработывалось вообще! «Совместных учений мехбригады с пехотой, — отмечали штабисты, анализировавшие осенью 1938 г. действия этого соединения на Хасане, — и другими [здесь они ошибались, см. выше. — А. С.] родами войск ранее не практиковалось. Обучение в бригаде строилось больше на самостоятельных действиях бригады в тылу противника и на флангах. Не было ни одного учения штаба бригады совместно с какой-либо стрелковой дивизией»⁴⁰.

В 40-й дивизии «абсолютное непонимание» некоторыми пехотными командирами «техники взаимодействия» с артиллерией (да и с танками тоже) опять-таки было налицо еще до чистки РККА, в июне «благополучного» 1935 г. «Вопросы взаимодействия, — отмечалось в приказе по дивизии от 1 июля 1935 г., — недостаточно отработаны [в черновом варианте приказа: „не отработаны“. — А. С.]. Часть начсостава [...] полагает, что взаимодействие пройдет самотеком»⁴¹. «Абсолютное» (или близкое к таковому) «непонимание» «техники взаимодействия» с другими родами войск общевойсковые и пехотные начальники в 40-й дивизии выказывали и на протяжении всего 1936 г. В январе этого года командир 118-го стрелкового полка Т. В. Лебедев и начальник штаба 119-го стрелкового Ужакин не сумели «увязать» действия пехоты и танков даже при решении тактической летучки, а у комсостава учебного батальона 120-го стрелкового полка взаимодействие с танками и артиллерией было плохо отработано даже к октябрю.

В 32-й дивизии «недоработанность» умения использовать приданную артиллерию также была обычной еще до репрессий. В мае 1936 г. это было выявлено в первом же проверенном из ее батальонов (из состава 95-го стрелкового полка; то же самое обнаружили тогда и в батальоне, выбранном для проверки в 40-й дивизии — из состава 120-го полка). 19-23 июня 1936 г. отсутствие натренированности в установлении связи с дивизионной артиллерией выказал комсо-

39. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 104; Д. 588. Л. 60.

40. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 219.

41. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

став и еще одного батальона 32-й дивизии, участвовавшего в опытном учении. Столь же слабое владение «техникой взаимодействия» обнаружил на этом учении и комсостав того единственного полка 39-й дивизии, который был введен потом в бой на Хасане — 115-го стрелкового (тогда, до 1 июля 1936 г., он назывался еще 1-м Читинским стрелковым, а 39-я дивизия — 1-й Тихоокеанской стрелковой).

Случаи, когда и пехотные, и танковые командиры вообще не придавали значения взаимодействию родов войск, в частях и соединениях, дравшихся в 1938 г. на Хасане, также были обычными еще до репрессий. В 40-й дивизии танкисты «не всегда настойчиво стремились к взаимодействию» с другими родами войск в июне 1935 г.⁴², а пехотные командиры — перед самым началом чистки РККА. Донесения особистов о действиях комсостава 40-й дивизии на прошедших в марте 1937 г. учениях 39-го стрелкового корпуса просто потрясают: «Дивизионную артиллерию пехота считала за обузу [sic! — А. С.]. Забывали ставить задачи артиллерии и не использовали полностью ее огневой мощи». Командир одного из батальонов 120-го стрелкового полка Мацул даже не стал ставить задачу приданной ему танковой роте⁴³.

В 115-м стрелковом полку 39-й дивизии (тогда 1-м Читинском) командир одного из батальонов капитан Ли Чун Ван не стал организовывать взаимодействия ни с артиллерией, ни с танками в июне 1936 г., на упомянутом выше опытном учении. Непонимание самой необходимости взаимодействия родов войск на этом учении проявили и другие комбаты 1-го Читинского, и сам комполка, и командир единственного участвовавшего в этом учении батальона 32-й дивизии. Ведь они «совершенно недостаточно» использовали не только приданную им или поддерживающую их дивизионную, но и свою собственную артиллерию — батальонную и полковую⁴⁴.

Нежелание считаться со временем, необходимым для организации взаимодействия родов войск, которое выказали 1 августа 1938 г. полковник Базаров и комкор Штерн, было очередным проявлением того присущего РККА порока, о котором на заседании Военного совета при наркоме обороны 21 ноября 1937 г. напомнил командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1 ранга И. П. Белов: «Принято всеми считать, что, раз часть подошла к рубежу, с которого можно броситься в атаку или пойти в наступление, значит [...] все немедленно вперед. Считается плохим командиром тот, который немного замешкался. Все забывают, что в любых условиях обстановки бой должен быть организован»⁴⁵. Но это явное пренебрежение

---

42. Там же.

43. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 709. Л. 412; Ф. 9. Оп. 39. Д. 41. Л. 79.

44. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 12. Л. 222.

45. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 36-37. В тексте этого выступления, опубликованном в сборнике «Военный совет при народном комиссаре обороны СССР.

необходимостью тщательно организовывать взаимодействие родов войск старший и высший комсостав РККА должен был проявлять опять-таки и до начала массовых репрессий. Ведь указанная задача стояла перед всеми командирами, начиная с ротного звена, и, если осенью 1937 г. новые командиры частей и соединений не желали ее решать, значит, они не привыкли решать ее и до чистки РККА, когда командовали соответственно подразделениями и частями.

Обеспечение боевых действий. Анализируя вскоре после окончания хасанских боев действия противника, советские штабисты прямо заявили об «отсутствии у нас *разведки* [выделено мной. — А. С.] вообще»⁴⁶. И действительно, без всякого представления о системе обороны противника было начато не только наступление 40-й дивизии 2 августа (когда разведать хотя бы передний край помешала охарактеризованная выше поспешность В. К. Базарова), но и общее наступление 6 августа — на подготовку которого было три дня! Ни одним из «доступных средств» (аэрофотосъемка, наблюдение, ночные поиски, разведка боем) не была разведана ни система огня противника, ни система противотанковой обороны (ПТО). Общевоинские и пехотные командиры *просто не организовывали разведку*; не на высоте оказались и танковые. Последним, правда, слишком поздно указали участки атаки, так что они успели провести только «ряд рекогносцировок» — в ходе которых местность «не была достаточно разведана и оценена, труднодоступные места до переднего края не были всюду обнаружены, и боевые курсы с учетом местности соответственно ничем не обозначены». Но командиры-танкисты не организовали и «боевую разведку в период атаки», когда первый эшелон атакующих танков, двигаясь в 300-400 метрах перед главными силами, вскрывал бы «систему ПТО, обнаруживал препятствия и этим самым указывал бы направления действий остальным танкам»⁴⁷.

Пренебрежение разведкой сорвало, в частности, обход правого фланга японцев и удар по их тылам, который должна была нанести танковая рота разведбатальона 2-й мехбригады. 17 из 19 устремившихся вперед БТ-7 и БТ-5 влетели в неразведанное болото между высотами Заозерная и Пулеметная горка, и вместо удара по тылам противника роте пришлось занять круговую оборону. В болоте на подступах к Пулеметной горке застряла и половина машин 2-го танкового батальона той же бригады⁴⁸.

Ноябрь 1937 г. Документы и материалы» (М., 2006. С. 43), последняя из процитированных нами фраз опущена.

46. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 325.

47. Там же. С. 218-219.

48. Желтов И., Павлов И., Павлов М. Танки БТ. Ч. 2. Колесно-гусеничный танк БТ-5. М., 1999. С. 41.

Отсутствие данных о противнике было и одной из причин, по которым не удалось наладить взаимодействие пехоты с танками. Ничего не зная о тех участках обороны японцев, которые им предстоит атаковать, пехотные командиры не могли поставить поддерживающим их танковым частям и подразделениям *конкретные* задачи (вроде: «подавить огневые точки в 50 метрах левее ориентира № 3» и т. п.)

Но в 40-й дивизии комсостав лишь «периодически» организовывал разведку и на тактических учениях в июне 1935 г.⁴⁹ Штабы полков 40-й вели себя точно так же, как и на Хасане, — даже не пытались вскрыть расположение противника! — и в августе 1936 г. (когда их проверяли на выходе в поле со средствами связи). Командир первого же проверенного в 40-й дивизии батальона (из состава 120-го стрелкового полка) начал атаку без достаточной разведки и в мае 1936 г. — и еще в октябре того же года в 119-м стрелковом полку «слабо» организовывали разведку не только командиры выбранного для проверки батальона, но и командир разведроты⁵⁰! А плохое изучение добытых разведданных, что было равносильно отказу от проведения разведки вообще, для штабов 40-й дивизии было характерно и в августе 1936, и в марте 1937 г.

В 32-й дивизии разведку плохо организовывали — а после завязки боя иногда и вовсе не организовывали — и на мартовских маневрах 1936 г. в Приморье. Без достаточной разведки бросил свой батальон в атаку первый же комбат, проверенный в 32-й дивизии в мае 1936 г. (из 95-го стрелкового полка).

Заметим здесь, что в реальном бою «плохая организация» разведки и «отсутствие достаточной разведки» почти наверняка превратились бы в такое же, как на Хасане, «отсутствие разведки» вообще. Ведь в большинстве случаев, когда войскам «предрепрессивной» ОКДВА приходилось вести реальный бой — в пограничных инцидентах у Хунчуна, Турьего Рога и Винокурки, — именно так и было. Под Хунчуном 25 марта 1936 г. командиром капитаном С. А. Боничем был без всякой разведки брошен в атаку отдельный кавалерийский эскадрон 40-й дивизии (прямым назначением которого было, между прочим, именно ведение разведки!). Без всякой разведки атаковал 27 ноября 1936 г., во время инцидента у Турьего Рога, и командир 63-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии полковник И. Р. Добыш; 6 июля 1937 г., готовясь к атаке высоты Винокурка, «общее пренебрежение разведкой»⁵¹ проявил и командир 4-й стрелковой роты этого полка лейтенант Немков. В том-то и дело, что и до чистки РККА командиры-дальневосточники настолько не осознавали необходимости разведки на войне, что, оказавшись в напряженной обстановке настоящего боя, забывали о ней совсем!

49. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

50. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 582. Л. 2.

51. РГВА. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 13. Л. 147.

Ну, а танкисты-дальневосточники? «Разведка пути» в «горно-лесисто-болотистой местности» (из этого набора в районе Хасана не было лишь леса. — А. С.) у них, как признали даже стремившиеся скрыть от Москвы как можно больше своих недостатков составители соответствующего годового отчета ОКДВА, была «неудовлетворительной» еще осенью 1935 г. То, что у танкистов Блюхера «нет нужного внимания непрерывному ведению боевой разведки», что «в разгаре боя о ней обычно забывают», опять-таки отмечалось еще тогда, и тоже не проверяющими, а в годовом отчете самого командующего автобронетанковыми войсками ОКДВА С. И. Деревцова (от 19 октября 1935 г.)⁵² Согласно годовому отчету ОКДВА от 30 сентября 1936 г., «организация и ведение разведки (особенно боевой)» была «слабым местом» ее командиров-танкистов и в 1936 г. А подводивший итоги зимнего периода обучения 1936/37 учебного года приказ В. К. Блюхера констатировал, что организацией какой бы то ни было разведки комсостав дальневосточных танковых частей «очень слабо» владел и к лету 1937 г.⁵³

Умение командиров и штабов организовать *тыловое обеспечение* войск получило в составленных после боев аналитических материалах не менее убийственную характеристику, чем умение организовать разведку: «сплошная тыловая неграмотность командного и начальствующего состава», «отмахивание и нежелание решать вопросы тыла со стороны командиров всех степеней и рангов. Показателен в этом отношении горький факт — 40-я с[трелковая] д[ивизия] и все ее части за все время операции не выпустили ни одного приказа по тылу»⁵⁴.

Но в Приморской группе (в которую входили все дравшиеся потом на Хасане соединения) командиры, согласно годовому отчету самой же группы, «забывали» отдавать соответствующие распоряжения тыловым органам — и перед боем, и в ходе боя — и ориентировать тыловиков в обстановке и осенью 1935 г.⁵⁵ Практически также вели они себя и в 1936 г., когда у танкистов, согласно отчету самого командующего автобронетанковыми войсками ОКДВА комдива С. И. Деревцова, «во всех группах к [оманди] ров и во всех звеньях частей и соединений» к октябрю были «слабо отработаны положенные им тыловые вопросы», а даже сильно «отлакированный» отчет ОКДВА от 30 сентября 1936 г. признавал, что штабы стрелковых батальонов и полков «редко учитывают» вопросы тыла, даже если имеют достаточное время на организацию боя, а штабы дивизий и корпусов по-прежнему «забывают» о тыловом обеспечении (или об отдаче конкретных распоряжений тыловикам) в процессе начавшегося боя или операции⁵⁶.

52. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 573. Л. 12; Д. 574. Л. 104.

53. РГВА. Д. 583. Л. 9; Д. 614. Л. 87 об. (первый из двух листов дела с этим номером).

54. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 294, 293.

55. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 21.

56. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 1049. Л. 104; Д. 583. Л. 6, 11.

В «хасанской» 32-й дивизии в том «дорепрессионном» году дела обстояли и еще хуже — в точности так же, как потом на Хасане! На мартовских маневрах 1936 г. в Приморье штаб 32-й не руководил тылами совершенно, ни в ходе боя, ни перед боем, и даже не знал, где его тылы находятся — а командиры всех рангов (опять-таки как на Хасане) совершенно не учитывали в своих решениях проблемы тылового обеспечения⁵⁷.

В *реальной боевой обстановке* штабы частей и соединений ОКДВА не смогли бы организовать тыловое обеспечение своих войск и перед самым началом массовых репрессий, в апреле — мае 1937 г. Ведь к тому времени они, как установили в штабе армии Блюхера, «удовлетворительно» умели управлять только «тылами, действующими не в полном составе и не в подвижных формах боя»⁵⁸. Единственный обнаруженный нами документ, конкретизирующий этот общий тезис, рисует в точности такую же картину, которая была явлена потом на Хасане. «Мне даже приказами, как нач[альни]ку обоза 1 эшелона, никто не дал указания, куда двигаться и с какой целью, — жаловался 9 мая 1937 г. на проведенном после учения партсобрании тыловик из 62-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии Баранов, — а как и что кому подвезти — это сам гадай, как делать»⁵⁹.

Управление войсками. Участвовавшие в хасанских боях общевойсковые и пехотные командиры и штабы показали, что совершенно не владеют *техникой управления и организации связи*. Было продемонстрировано массовое и просто невероятное для 30-х годов XX века непонимание того элементарного факта, что для облегчения управления войсками в современном бою существуют технические средства связи! И командиры стрелковых батальонов, и командиры стрелковых полков с началом боя покидали свои оснащенные телефонной и радиосвязью командные пункты (КП) и «устремлялись» в нижестоящие подразделения, чтобы руководить «личным примером и личным общением»⁶⁰. В результате управление теряли и они сами, так как находиться во всех своих подразделениях одновременно не могли, и вышестоящие командиры, которые, потеряв с ними связь и не получая от них никакой информации, переставали быть в курсе изменений обстановки, а следовательно, теряли всякую возможность принимать своевременные и адекватные решения. Командир 1-го батальона 95-го полка 32-й дивизии в своем *непонимании основ управления современным боем* пошел еще дальше: он не только игнорировал технические средства связи, но и использовал свой взвод связи в качестве пехотинцев-стрелков, а начальника связи батальона послал командовать стрелковой ротой. «Это по-

57. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 588. Л. 60.

58. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 27 об.

59. РГВА. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 8а. Л. 36 об.

60. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 227.

казывает, насколько комбату была нужна связь и начальник связи, и [правда, только отчасти. — А. С.] объясняет, почему вопросы взаимодействия с танками и артиллерией, особенно в звене полк и батальон, за эту операцию были не разрешены»⁶¹.

Значения для управления войсками технических средств связи не понимал и командир 40-й стрелковой дивизии, трижды за время боев без особой нужды переносивший дивизионный КП на новое место до того, как туда будет протянута телефонная связь и возвращены радиостанции. Не понимал, по-видимому, до конца этого значения и начальник штаба Дальневосточного фронта комкор Г. М. Штерн: ведь утвержденное им решение бросить 40-ю дивизию в наступление с ходу привело к тому, что в дивизии не успели вернуть все средства связи.

Значения технических средств связи не понимали и работники войсковых штабов. В полковом и батальонном звеньях они, точно так же, как командиры полков и комбаты, предпочитали управлению при помощи телефона или радио «личное общение». Штабы, похоже, не просто «недостаточно» руководили (в лице своих начальников) работой начальников связи (т. е. ставили им недостаточно конкретные задачи. — А. С.), но и вообще игнорировали в своей работе вопросы связи. Ведь сразу после указания на «недостаточное руководство» (и перед указанием на игнорирование штабами «при расчетах на организацию управления» возможностей средств связи) в докладе, анализировавшем организацию и работу связи в хасанских боях, стоит красноречивая фраза: «О связи вспоминают, как правило, только при ее отсутствии»⁶².

Низкий профессионализм штабов, участвовавших в хасанских боях, проявился и в низком качестве *оформления штабной документации*. «Документы зачастую представлялись [...] многословные, нечетко и неряшливо написанные, с исправлениями, на клочках бумаги, без номеров и дат, с самыми немислимыми адресами»⁶³.

Низкий профессионализм пехотных командиров, участников хасанских боев, проявился и в неумении их *обеспечить движение своих подразделений в атаку огнем*. Причину того, что советская пехота на Хасане «обнаружила неумение» «сочетать движение и огонь»⁶⁴, следует видеть прежде всего именно в этом. Комсостав не сумел добиться и *взаимодействия с соседями* («не было увязки между подразделениями»⁶⁵).

«Четкое управление» частями и подразделениями не смогли обеспечить и *танковые командиры и штабы*, по крайней мере,

---

61. Там же.

62. Там же.

63. Там же. С. 228.

64. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). С. 58.

65. Цит. по: Катунцев В., Коц И. Указ. соч. С. 16.

во 2-й мехбригаде⁶⁶. Задачи подчиненным там ставились нечетко, а в ходе атаки 6 августа управление вообще было потеряно.

Однако потеря управления войсками из-за *неумения правильно организовать и использовать связь* в «хасанских» дивизиях была обычным делом еще до чистки РККА.

Штабы 40-й дивизии в июне «дорепрессионного» 1935 г. работали так, что «на учениях управление выпадало из рук», отчасти потому, что «вопросы связи» штабистами были освоены «недостаточно»⁶⁷. Штаб первого же проверенного на отрядном учении батальона 120-го стрелкового полка не справился с управлением (даже не в бою, а на марше!) в июле «благополучного» же 1936 г., и тоже из-за того, что не умел пользоваться техническими видами связи. В августе того же года первые проверенные в 40-й дивизии штабы опять-таки показали, что плохо умеют организовать связь (причем не только телефонную или по радио, но и при посредстве делегатов связи и сигнализации флагами), да и вообще слабо подготовлены к управлению войсками.

Штаб 32-й дивизии («не обеспечивал непрерывности управления»), «недостаточно» контролировал средства связи и «подолгу не имел связи с полками», — словом, демонстрировал чуть ли не полный набор своих хасанских огрехов, опять-таки еще за два года до развертывания массовых репрессий, на сентябрьских маневрах 1935 г. в Приморье⁶⁸. Если командиры и штабисты-дальневосточники и не бросали в 1935 г. свои КП и не устремлялись в войска, то свою обязанность информировать вышестоящий штаб об изменениях обстановки они (как признавал отчет ОКДВА за 1935 год) игнорировали и тогда. А командиры частей и подразделений 32-й дивизии — также и на мартовских маневрах 1936 г. На этих маневрах в 32-й постоянно отмечалось еще одно неизбежное следствие игнорирования КП — потеря управления войсками. Впрочем, штабы стрелковых батальонов в Приморской группе ОКДВА, куда входили и 32-я и 40-я дивизии, в начале 1936 г. теряли управление и при простом переносе КП на новое место.

Согласно предназначавшемуся не для Москвы, а для армейской партконференции отчету об итогах боевой подготовки ОКДВА в декабре 1936 — апреле 1937 г. (от 18 мая 1937 г.), отсутствие у состава «необходимых знаний и практических навыков по использованию различных средств связи», «недостаточное» «использование штабами всех видов средств связи», и вообще «недостаточно полное, грамотное и активное» использование средств связи, для армии В. К. Блюхера было характерно и непосредственно перед началом массовых репрессий⁶⁹. Более того, еще тогда, весной 1937 г., в штабе ОКДВА констатировали, что:

66. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 219.

67. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

68. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 573. Л. 7.

69. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 24 об., 26 об. —27.

- «навыки организации и управления боем в большинстве штабов» вообще «стоят невысоко»,
- «подготовленность войсковых штабов по управлению боем в сложных условиях обстановки и местности» (т. е. в условиях, которые были налицо на Хасане. — А. С.) вообще является одним из «отстающих звеньев боевой подготовки»,
- «в обстановке значительного насыщения войск техническими средствами» (т. е. именно в такой, какая сложилась на Хасане. — А. С.) «штабы со своей задачей» вообще «справляются плохо»,
- в батальонном звене (и командиры и штабисты которого на Хасане не понимали даже, зачем им технические средства связи. — А. С.) управление войсками является прямо «неудовлетворительным» (что штабы батальонов 40-й дивизии «не являлись организующим началом в боевой обстановке, а также органами управления», после учений 39-го стрелкового корпуса в марте 1937 г. подтверждали особицы)⁷⁰.

В августе 1938 г. штабисты-дальневосточники демонстрировали *отсутствие культуры составления штабной документации*, но и в июне 1935 г. оперативные дежурные в штабах 40-й дивизии даже не могли запомнить (не то что изложить на бумаге) какие бы то ни было данные об обстановке и путали их. А в январе 1936 г. начальники штабов всех стрелковых полков 40-й дивизии не знали даже условных знаков, используемых при нанесении обстановки на карту⁷¹.

Обеспечить «сочетание огня и движения» пехотные командиры в 32-й и 40-й дивизиях не умели и в 1936 г., это вскрывалось при каждой проверке, для которой избирался один из батальонов, и в начале 1937 г. (отчет об итогах боевой подготовки ОКДВА от 18 мая 1937 г. констатировал повсеместную «слабую натренированность» командиров пехотных подразделений в управлении огнем⁷²). *Взаимодействие с соседним подразделением (частью)* в 32-й дивизии как минимум четыре из девяти комбатов и один из трех командиров полков не организовывали на мартовских учениях 1936 г. в Приморье. *Общий низкий профессионализм пехотных командиров* в «хасанских» войсках и до чистки РККА доходил до того, что:

- в 40-й дивизии в июне 1935 г. двое из девяти пехотных комбатов демонстрировали откровенную «неграмотность» в управлении батальоном;
- в 32-й дивизии в марте 1936 г. комсостав 94-го стрелкового полка считал возможным подводить свои подразделения на 200-

70. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 620. Л. 3, 26; Д. 614. Л. 86 (второй из двух листов дела с этим номером); Д. 709. Л. 412.

71. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 123; Д. 2. Л. 26.

72. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 28 об. —29.

400 метров к переднему краю обороны противника в колоннах (что столь компактные боевые порядки на такой дистанции быстро растают под огнем, было известно еще со времен расстрела прусской гвардии под Сен-Прива 18 августа 1870 г. и русской — под Горным Дубняком и Телишем 12 (24) октября 1877 г., когда не было еще не только пулеметов, но и магазинных винтовок); — а в 115-м стрелковом полку 39-й дивизии (как констатировал 26 апреля на дивизионной партконференции тогдашний командир 39-й комдив Д. С. Фирсов) весной 1937 г. многие из командиров вообще не знали своих обязанностей в бою⁷³.

Что же до *неумения управлять танковыми частями и подразделениями*, то подразделения 2-й мехбригады не управлялись не только в бою 6 августа 1938 г., но и в 1936 г. Ведь, согласно тогдашним годовым отчетам ОКДВА и ее автобронетанковых войск, штабы танковых батальонов 2-й мехбригады «к управлению самостоятельным боем б [атальо] на и при согласовании действий с другими родами войск» были «подготовлены слабо», а «средний и старший состав» всех дальневосточных танковых частей (т. е. командиры и подразделений — танковых взводов и рот, и самих частей — танковых батальонов. — А. С.) «особенно слабо» умел работать на радиостанции⁷⁴ (без радиосвязи, при помощи сигнальных флажков, в бою реально можно было управлять только танками, находившимися рядом с командирским, т. е. разве что танковым взводом).

В. Артиллерийские

Стрелково-артиллерийская выучка. Из подготовленного осенью 1938 г. дальневосточными штабистами доклада о боевой работе артиллерии в хасанских боях можно заключить, что стрелково-артиллерийская выучка командиров батарей (о составе других звеньев сведений приведено не было) оказалась такой же, что и подготовленность батарей в целом — «посредственной». Из сообщения этого документа о том, что «с огневой работой» комбатыры справлялись «лучше при ведении огня по наблюдаемым целям, хуже при стрельбе по ненаблюдаемым (налеты)», явствует, что стрельба по ненаблюдаемым целям давалась им явно с трудом. И даже такая элементарная задача как возобновление огня по ранее пристрелянным целям выполнялась «с большими трениями по времени и качеству» (из-за того, что документация, содержащая данные, полученные пристрелкой, на огневых позициях в большинстве «велась небрежно»)⁷⁵.

73. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 122; Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 588. Л. 32; Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 52. Л. 12.

74. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 1049. Л. 105; Д. 583. Л. 9.

75. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 198.

Но если в августе 1938 г. *стрелково-артиллерийская выучка командиров батарей* в дальневосточной артиллерии оказалась «посредственной», то накануне чистки РККА, весной 1937 г., она была еще хуже. «Большинство комсостава (в том числе и командиры батарей), — значилось в посвященном итогам зимнего периода обучения 1936/37 учебного года приказе В. К. Блюхера, — в стрелковом отношении подготовлены слабо»⁷⁶. На состязании батарей Приморской группы ОКДВА в начале марта 1937 г. практически все командиры батарей, выставленных артиллерийскими и стрелковыми частями, дравшимися потом на Хасане, решили стрелково-тактические задачи на «неуд» (только комбатр 199-го арtpолка РГК сумел заработать «тройку»), а в глазомерном определении расстояний хотя бы «приближающиеся к удовлетворительным» результаты смог получить комсостав всего лишь двух из двенадцати состязавшихся «хасанских» батарей — батареи арtdивизиона 118-го стрелкового полка 40-й дивизии и батареи все того же 199-го арtpолка РГК⁷⁷. (Да и в них, возможно, более высокую, чем «неуд», оценку обеспечили не комбатыры, а командиры взводов или орудий).

Плохим *умением стрелять по ненаблюдаемым (или плохо наблюдаемым) целям* комсостав дальневосточной артиллерии также отличался еще до чистки РККА. Он не мог хорошо стрелять по этим целям в 1935 г., когда (согласно годовому отчету начальника артиллерии ОКДВА от 14 октября 1935 г.) не обладал необходимыми для этого «достаточной теоретической подготовленностью» и «математической грамотностью»⁷⁸. Он не мог хорошо стрелять по ним в 1936 г., когда, по оценке 2-го отдела штаба ОКДВА, по-прежнему «плохо знал теорию стрельбы» (в том же 40-м арtpолку «хасанской» 40-й дивизии в ноябре 1936 г. лишь половина командиров смогла решить хотя бы две из 12 предложенных им задач)⁷⁹. А то, что командиры-артиллеристы ОКДВА «терялись» при стрельбе по плохо наблюдаемым целям и совсем не отработали стрельбу на поражение по ненаблюдаемым целям весной 1937 г., признавали и «Материалы по боевой подготовке артиллерии», составленные в штабе начарта ОКДВА, и приказ В. К. Блюхера об итогах зимнего периода обучения⁸⁰.

Что же до «трений» с *возобновлением огня по ранее пристрелянным целям*, то, если в 1938 г. дальневосточные командиры-артиллеристы лишь небрежно оформляли данные пристрелки, то в 1935 г. комсостав артиллерии Приморской группы ОКДВА (в которую входили практически все артиллерийские части и под-

---

76. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 614. Л. 87 (второй из двух листов дела с этим номером).

77. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 23. Л. 49–49 об.

78. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 270.

79. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 579. Л. 412; Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 2. Л. 216.

80. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 614. Л. 58, 87–87 об. (второй из двух листов дела с этим номером).

разделения, сражавшиеся потом на Хасане) не мог даже толком провести саму пристрелку — «не умея», по признанию отчета При-мгруппы за 1935 год, «грамотно выбрать цель и метод пристрелки»⁸¹. «Трения» с возобновлением огня по ранее пристрелянным целям блохеровские командиры-артиллеристы должны были испытывать и в 1936 г., когда они (как отмечали в штабе ОЖДВА) обладали «невысокой» техникой стрельбы и плохо (как, кстати, и в 1935 г.) умели вести стрельбу на поражение⁸².

Тактическая выучка. Сведения штабного доклада о боевой работе артиллерии в хасанских боях заставляют признать тактическую выучку участвовавшего в этих боях комсостава артиллерии откровенно слабой (сам доклад говорит лишь о «недостаточности» тактической подготовки артиллерии в целом). Ведь *планирование огня* оказалось «слабым участком» *артиллерийских штабов* (которые и вообще были «не слажены» и настолько «не подготовлены», что не могли даже составить дельное, информативное донесение, не говоря уже о «из рук вон плохом, небрежном, зачастую безграмотном» «оформлении документации»)⁸³. «Недостаточным» (как отмечали особыты) оказалось и *управление артиллерийским огнем*⁸⁴. *Техника взаимодействия артиллерии с пехотой и танками* тоже была «совершенно не отработана» не только пехотными и танковыми, но и артиллерийскими командирами, в чьей среде встречались «случаи абсолютного непонимания этого вопроса»⁸⁵. Из доклада «Основные недостатки в действиях наших частей», составленного после хасанских боев старшим лейтенантом госбезопасности Дохиным, можно заключить, что случаев таких было немало: ведь одним из «основных недостатков» там было названо «отсутствие инициативных командиров батарей» [выделено мной. — А. С.], а что взаимодействие с пехотой артиллерия организовывала не только «недостаточно тактически грамотно», но и «мало интенсивно», отмечали и составители доклада о боевой работе артиллерии⁸⁶. Впрочем, что говорить о взаимодействии с другими родами войск, если артиллерийскими командирами на Хасане «очень туго воспринимался» даже простой *маневр колесами*⁸⁷.

Однако *общий уровень тактической выучки комсостава артиллерии* Блюхера оценивался как слабый еще и до начала массовых репрессий. В «Материалах по боевой подготовке артиллерии»,

---

81. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 29.

82. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 579. Л. 412.

83. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 198, 202.

84. Цит. по: Катунцев В., Коц И. Указ. соч. С. 17.

85. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 198.

86. Цит. по: Катунцев В., Коц И. Указ. соч. С. 17; Нагаева Е. И. Указ. соч. С. 141.

87. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 198.

составленных в штабе начарта ОКДВА весной 1937 г., признавалось, что эту выучку «следует считать неудовлетворительной»⁸⁸.

Хасан показал общую недостаточную *подготовленность дальневосточных артиллерийских штабов* — но ведь они были подготовлены, мягко говоря, недостаточно и в 1935 г., когда, как признавалось даже в годовом отчете начальника артиллерии ОКДВА, штабные командиры-артиллеристы обладали столь «малым тактическим кругозором», что, организуя разведку целей, даже не знали «зачастую», «где и что надо искать» (не представляли, например, как построена система пулеметного огня обороняющегося противника, которую должна подавить артиллерия)⁸⁹.

Артиллерийские штабы на Хасане оказались «не слажены», но в 40-м артполку «хасанской» 40-й дивизии даже наиболее подготовленный из штабов дивизионов не был сколочен и в октябре 1936 г.

Артиллерийские штабы на Хасане оказались «не подготовлены» — но, по свидетельству отчета о боевой подготовке ОКДВА в декабре 1936 — апреле 1937 г. (от 18 мая 1937 г.), накануне чистки РККА все они — и штабы дивизионов, и штабы артполков, и штабы артиллерийских групп, и штабы начальников артиллерии стрелковых дивизий (за исключением 12-й и 34-й), были «неудовлетворительно» подготовлены во всей ОКДВА⁹⁰.

Управление артогнем комсостав дальневосточной артиллерии также «недостаточно» освоил и до репрессий. В 32-м артполку 32-й дивизии, 1-м дивизионе 39-го артполка 39-й дивизии, 187-м артполку РКК (сведения по другим «хасанским» артиллерийским частям не обнаружены) полностью отработать управление огнем хотя бы дивизиона не удалось по состоянию на сентябрь 1936 г. А «неудовлетворительная» подготовленность всех артиллерийских штабов ОКДВА, зафиксированная весной 1937 г., означает, что и *планированием артогня*, и управлением им дальневосточные командиры-артиллеристы «недостаточно» владели и непосредственно перед началом чистки РККА.

Что касается плохого *умения взаимодействовать с другими родами войск, проявлять при этом инициативу и маневрировать колесами*, то, как признал даже соответствующий годовой отчет начальника артиллерии ОКДВА, «должной спайки в совместной работе артиллерии и танков» дальневосточные командиры-артиллеристы не могли обеспечить и в 1935 г.⁹¹ В 1938 г. они «мало интенсивно и недостаточно тактически грамотно» организовывали поддержку пехоты, но точно так же они «взаимодействовали» с ней и до репрессий. Командиры противотанковых орудий, отмечалось в при-

88. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 614. Л. 57.

89. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 272.

90. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 33 об.

91. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 271.

казе по 40-й дивизии от 20 июля 1935 г., «не получили еще должных командирских навыков и сноровок в маневрировании орудием на поле боя, не умеют быстро и правильно реагировать на данные простейшей тактической обстановки, не умеют на основе обстановки принять обоснованного командирского решения [так в документе. — *А. С.*] и в соответствии с этим отдать приказ орудию»; у командиров орудий полковой артиллерии «боевые навыки применения отдельного орудия» тоже «невысокие»⁹². (Судя по точно такой же картине, зафиксированной в мае 1935 г. в 21-й стрелковой дивизии, так обстояли в том году дела во всей Приморской группе ОКДВА, а значит, и в еще одной «хасанской» дивизии — 32-й). То же констатировал и приказ по Приморской группе от 16 февраля 1937 г.: командиры орудий батальонной, полковой и противотанковой артиллерии «не готовятся» «к самостоятельным действиям», у них «слабы знания вопросов боевого применения отдельного орудия в различных видах пехотного боя». «Не удивляюсь, — заключал командующий Примгруппой, — что вопросы взаимодействия до сих пор остаются слабым местом всех отрядных учений»⁹³.

Указывая в своем приказе от 1 июля 1935 г., что артиллеристы «не всегда настойчиво стремятся к взаимодействию» с пехотой⁹⁴, комдив-40 явно имел в виду и дивизионную артиллерию. В 32-м артполку 32-й дивизии и «хасанских» же 1-м дивизионе 39-го артполка 39-й дивизии и 187-м артполку РГК плохое умение командиров батарей самостоятельно принимать тактически грамотные решения (а значит, и «мало интенсивное и недостаточно тактически грамотное» взаимодействие их с пехотой) было налицо и к осени 1936 г. А в 40-м артполку 40-й дивизии даже самый подготовленный из дивизионов слабо взаимодействовал с пехотой в октябре 1936 г.

2. Войска

А. Пехотинцы

Тактическая подготовка. Пехота, констатировалось в приказе наркома обороны № 0040, выказала на Хасане «неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местности, что в данной обстановке, как и вообще в условиях ДВ [Дальнего Востока. — *А. С.*], изобилующего горами и сопками, является азбукой боевой и тактической выучки войск»⁹⁵. В период самых ожесточенных боев, вплоть до ночи на 10 августа 1938 г., она пренебрегала и самоокапыванием, да и потом, хоть и «оценила ценность ло-

92. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 138.

93. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 23. Л. 34–34 об.

94. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

95. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). С. 58.

паты», «не углубляла и не усовершенствовала окопы, надеясь на сапер»⁹⁶, и проявила элементарную неграмотность в вопросах маскировки. Куски дерна, которым кое-как облицевали брустверы окопов, вырезались тут же, перед бруствером, так что окопы все равно оказались демаскированы — участками земли со срезанным дерном.

Однако неумение *маневрировать*, обусловленное не только отсутствием «маневренного» тактического мышления у комсостава, но и слабой сколоченностью подразделений, пехота «хасанских» дивизий выказывала и до чистки РККА. «Маневрирование подразделений в боевых порядках неудовлетворительное», — отмечал после прошедших в марте 1937 г. с участием этих дивизий маневров 39-го и 43-го стрелковых корпусов комдив Б. К. Колчигин⁹⁷. «Маневрирование боевых порядков недостаточно быстрое и несноровистое», — значилось в сводке «Состояние боевой подготовки ОКДВА к 15 июля 1937 г.», основанной на материалах проверок, проводившихся в мае — июне (и еще до 17 мая выявивших, в частности, «слабую подготовку», т. е. несокоченность, а значит, и неспособность к маневру, стрелковых рот 40-й дивизии)⁹⁸.

Мы не говорим уже о том, что в октябре 1936 г. из-за отвлечения большей части бойцов ОКДВА на хозяйственные работы и строительство две трети стрелковых батальонов 39-й и 40-й дивизий вообще были найдены «сырыми в боевом отношении подразделениями»⁹⁹, такая же картина должна была быть и в находившейся в аналогичных условиях 32-й дивизии.

Неумение *сочетать движение и огонь*, обусловленное, как отмечалось выше, плохой подготовленностью комсостава, в «хасанских» дивизиях было явлю осенью 1935 г., когда командующий Приморской группой ОКДВА отмечал, что «вопросы взаимодействия пулеметного огня и движения пехоты в условиях гор [т. е. в условиях, которые были на Хасане. — А. С.] и тайги» в его войсках отработаны даже не «недостаточно», а «особенно недостаточно»¹⁰⁰. Недостаточность подготовки пехотной атаки огнем («слабое насыщение огнем последнего перед атакой периода»), как признавал даже сильно приукрашивавший действительность отчет ОКДВА от 30 сентября 1936 г., для дальневосточной пехоты была характерна и осенью 1936 г.¹⁰¹

Неумением *применяться к местности* пехота 40-й дивизии и одиночные бойцы (которые даже не маскировались, залегая после перебежки), и целые подразделения отличалась в июне 1935 г. А пе-

---

96. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 245.

97. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 29 об.

98. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 614. Л. 81 (второй из двух листов дела с этим номером); Д. 620. Л. 13.

99. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 582. Л. 1, 17.

100. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 4. Л. 203.

101. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 583. Л. 11.

хота 32-й — в марте 1936 г., когда, действуя на маневрах в Приморье, она «слабо использовала» местность «с целью наиболее укрытого подхода к противнику»¹⁰². Из политдонесения начальника политотдела 40-й дивизии от 10 марта 1937 г. явствует, что ни маскироваться, ни применяться к местности ее пехотинцы и тогда не умели.

Что до *самоокапывания*, то если в августе 1938 г. пехотинцы 40-й дивизии лишь пренебрегали им, то в марте 1937 г. они (как признавалось в том же политдонесении) вообще не были обучены этому искусству — ни «правилам трассировки и устройства окопов», ни практической их отрывке¹⁰³. А под огнем противника, как явствует из приказа В. К. Блюхера об итогах зимнего периода обучения 1936/37 учебного года, бойцы неумело окапывались тогда во всей ОКДВА.

Огневая подготовка. Опубликованные источники касаются здесь лишь гранатометания, указывая, что бойцы не могли пользоваться ручными гранатами Ф-1, так как не знали даже того, что перед броском надо выдернуть предохранительную чеку. Причина этого явно крылась в недостаточном отпуске частям боевых гранат для практики. «Мы спрашивали у него [политрука Матвеева. — А. С.], когда же будем боевые гранаты метать, все деревянными да деревянными?», — вспоминал служивший в 1937-1938 гг. в противотанковой батарее 120-го стрелкового полка 40-й дивизии В. С. Шаронов¹⁰⁴.

Точно так же обстояли дела и до чистки РККА. «Гранатометание, — признавались составители отчета ОКДВА от 30 сентября 1936 г., — проводится на учебных гранатах (болванках). Боевое гранатометание проходит только методом показа»¹⁰⁵. В результате во время инцидента у Турьего Рога 26 ноября 1936 г. некоторые из бойцов 2-й стрелковой и 1-й пулеметной рот 63-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии отказались «взять в руки гранату, так как они ее не знают». А 3-я стрелковая рота 310-го стрелкового полка 104-й стрелковой дивизии на 28 января 1937 г. «к изучению гранат и их применению» не приступала в полном составе; «в случае выхода в бой, — докладывали особисты, — бойцы гранатами пользоваться не могут»¹⁰⁶. Та же картина была в 3-м эскадроне 86-го кавалерийского полка 8-й кавалерийской дивизии, а в 4-м эскадроне то же отмечалось в апреле 1937 г. Из-за ничтожного отпуска войскам боевых гранат подавляющее большинство бойцов ОКДВА не имело возможности метнуть хотя бы одну такую гранату в течение всего 1937 учебного года¹⁰⁷.

102. РГВА. Ф. 31 983. Оп. 2. Д. 218. Л. 8.

103. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 379. Л. 67.

104. Цит. по: Катунцев В., Коц И. Указ. соч. С. 14.

105. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 583. Л. 10.

106. РГВА. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 15. Л. 93; Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 709. Л. 46.

107. РГВА. Ф. 33 879. Д. 584. Л. 251-252.

Физическая подготовка. «Пренебрегаем штыковым боем», — констатировал на состоявшемся сразу после хасанских боев один из участников совещания командного и политсостава Посыетского погранотряда (на котором обсуждались действия не столько погранвойск, сколько войск РККА)¹⁰⁸.

Умение пехотинцев-дальневосточников работать штыком оценивалось как «неудовлетворительное» и осенью 1935 г., и не пограничниками, а штабом ОКДВА в отчете за год¹⁰⁹. Первые же два проверенных батальона (из состава 95-го и 120-го стрелковых полков) «хасанских» 32-й и 40-й дивизий «слабую выучку всех подразделений по штыковому бою» показали в мае 1936-го¹¹⁰. Согласно отчету о боевой подготовке ОКДВА от 18 мая 1937 г., «совершенно неудовлетворительным» умением работать штыком дальневосточная пехота отличалась и тогда, при этом в 32-й дивизии, указывалось в отчете, «штыковым боем не занимаются совершенно»¹¹¹.

Б. Танкисты

«Экипажи танков и подразделения, — значилось в составленном осенью 1938 г. дальневосточными штабистами докладе о действиях в хасанских боях 2-й мехбригады, — не отработали действия танков в ближнем бою [...] Танковые экипажи оказались недостаточно подготовленными к вождению в трудных условиях с закрытыми люками» и проявили «недостаточную натренированность» в наблюдении через оптические приборы¹¹².

Но успешно *действовать в ближнем бою* танкисты 2-й мехбригады не смогли бы и в начале 1936 г., когда

- даже на «лучших машинах», выделенных 1 февраля «лучшей» ротой ее лучшего (2-го) танкового батальона для отражения нападения «японо-маньчжур» у заставы Сиянхэ (в районе Гродеково), оказалось «слабо» подготовлено к бою оружие;
- во всей Приморской группе (как выявила инспекция начальника Автобронетанкового управления РККА командарма 2 ранга И. А. Халепского и командующего группой И. Ф. Федько) командиры танков не были приучены не только наблюдать за полем боя и отыскивать цели, но и разворачивать башню в сторону вновь обнаруженной цели, а стреляли только при движении танка по ровной площадке¹¹³.

108. Цит. по: Катунцев В., Коц И. Указ. соч. С. 17.

109. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 573. Л. 18.

110. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 12. Л. 122 об.

111. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 26.

112. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 220.

113. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 187. Л. 78, 82, 85, 193; Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 11. Л. 2 об.

Грамотно действовать в ближнем бою они не смогли бы и весной 1937 г., когда

- по признанию отчета о боевой подготовке ОКДВА в декабре 1936 — апреле 1937 г., во всей армии В. К. Блюхера не были сколочены даже танковые экипажи;
- уровень полевой тактической выучки 2-й мехбригады оценивался командованием ОКДВА лишь на «тройку»;
- проверка дравшегося потом на Хасане 2-го танкового батальона 2-й мехбригады 9 апреля 1937 г. показала, что подготовить пушку и пулемет к ведению огня там не умеют, а командиры танков не только не знают, как вводить поправки при прицеливании, но и плохо умеют переносить огонь с одной цели на другую¹¹⁴.

Что касается *умения вести танк по сложной местности с закрытыми люками*, то, если в августе 1938 г. механики-водители 2-й мехбригады делали это с трудом, то в июне 1935 г. они, по-видимому, вообще не сумели бы повести свои машины через хасанские болота и сопки — ни с закрытыми люками, ни с открытыми. Как выяснила тогда проверка, во всей Приморской группе «мехводители» вообще не умели вести танк в «сложных условиях». Большинство их не умело этого и в начале 1936 г.: ведь с целью экономии моторесурсов на учения танковые части выводились тогда лишь примерно с четвертью штатного количества танков, а «мехводители» остальных машин обучались вождению только «в условиях простейшего, прямолинейного движения». То, что «еще нет у многих водителей» 2-й мехбригады соответствующей «тренировки», начальник штаба ОКДВА комкор С. Н. Богомягков отмечал и в октябре 1936 г.¹¹⁵

«Слабостью навыков в отыскании целей» (т. е. в *наблюдении*, причем, возможно, даже через открытые люки — *А. С.*) танкисты-дальневосточники также отличались и осенью 1935 г. (когда это признали даже составители годового отчета ОКДВА)¹¹⁶ и (как мы уже видели) в начале 1936 г. В отдельном танковом батальоне «хасанской» 40-й стрелковой дивизии командиры танков «оказались неспособными управлять танками при закрытых люках» («теряют управление, теряют связь») и в феврале 1937 г.¹¹⁷

В. Артиллеристы

«Артиллерия работала посредственно», — докладывал 26 ноября 1938 г. Военному совету при наркоме обороны командовавший со-

114. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 23–23 об., 35; Д. 614. Л. 31.

115. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 4. Л. 128; Д. 11. Л. 2 об.; Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 1049. Л. 73.

116. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 574. Л. 105.

117. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 709. Л. 191.

ветскими войсками на Хасане комкор Г. М. Штерн¹¹⁸. Это неудивительно, если учесть степень выучки артиллерийских *подразделений*. «Подготовленность батарей [как. — А. С.] огневой единицы в целом по всей артиллерии посредственная», — заключили составители доклада о боевой работе артиллерии в хасанских боях¹¹⁹. О дивизионах, следовательно, и говорить нечего.

«Посредственной» (средний балл по огневой подготовке 3,5) выучка батарей в ОКДВА была и в октябре 1936 г., да и то лишь в тех подразделениях, где в летний период обучения занимались боевой подготовкой, а не строительством и хозработами¹²⁰. Только на «удовлетворительно» были тогда подготовлены три из четырех учившихся батарей 40-го артполка «хасанской» 40-й дивизии, а из трех таких же батарей 39-го артполка 39-й дивизии «тройку» на стрельбах поставили лишь двум, третья же заработала «неуд» (артиллерию 32-й дивизии тогда не проверяли). Прочие же пять-шесть батарей дивизионной артиллерии «хасанских» дивизий и практически все батареи их стрелковых полков «как подготовленные боевые подразделения» в октябре 1936 г. «фактически не существовали»¹²¹.

В лучшем случае посредственной выучка батарей в «хасанских» соединениях была и весной 1937 г. На мартовских состязаниях в Приморской группе батареи, выставленные всеми двенадцатью артиллерийскими и стрелковыми полками 32-й, 39-й и 40-й дивизий, не справились (за исключением батареи 94-го стрелкового полка 32-й дивизии) ни с одной из стрельб, медленно разворачивались на огневых позициях, медленно же изготавливались к стрельбе и слабо маскировались¹²². Иными словами, «в целом по всей артиллерии» этих дивизий «подготовленность батарей как огневой единицы» оказалась даже не «посредственной», как на Хасане, а неудовлетворительной. Батареи 40-го артполка в мае 1937 г., состязаясь между собой, получили (по пятибалльной системе) лишь от 3 до 3,7 балла¹²³. А в 32-м и 39-м артполках к апрелю 1937 г. были неудовлетворительно или совсем не обучены рядовые бойцы; следовательно, там еще долго не могли быть хорошо подготовленными и батареи.

Точно также посредственно были подготовлены накануне чистки РККА и батареи дравшихся на Хасане артполков РГК, 187-го и 199-го. Две из них, что были выставлены на упомянутые выше состязания, также продемонстрировали плохую маскировку, медленное разворачивание и изготовку к стрельбе.

---

118. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг. Документы и материалы. М., 2006. С. 215.

119. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 198.

120. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 579. Л. 412 об., 413.

121. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 582. Л. 1, 3, 11-12.

122. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 23. Л. 49-49 об.

123. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.

3. Богготовность войск

Хасанские события вскрыли отсутствие в войсках В. К. Блюхера элементарного порядка, приведшее, в свою очередь, к отсутствию должной боеготовности. Войска, констатировал приказ наркома обороны № 0040, «выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными. Неприкосновенный запас оружия и прочего боевого имущества не был заранее расписан и подготовлен для выдачи на руки частям, что вызвало ряд вопиющих безобразий в течение всего периода боевых действий. Начальники управлений фронта и командиры частей не знали, какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются. Во многих случаях целые артбатареи оказались на фронте без снарядов, запасные стволы к пулеметам заранее не были подогнаны, винтовки выдавались непристрелянными, а многие бойцы и даже одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыли на фронт вовсе без винтовок и противогазов. Несмотря на громадные запасы вещевого имущества, многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев было без шинелей. Командирам и штабам не хватало карт района боевых действий»¹²⁴.

В таком же (или даже еще более неприглядном) виде войска В. К. Блюхера выходили по боевой тревоге — в том числе и к границе — и до чистки РККА.

Так, целый ряд учебных тревог, проведенных между 1 и 5 января 1936 г. в частях Приморской группы ОКДВА, показал, что поднятые подразделения собирались идти в бой с фактически неисправными пулеметами. Взяв их из неприкосновенного запаса, с них не сняли защищавшую их при хранении густую смазку, и автоматический огонь пулеметы дать не могли: механизмы утратили подвижность. «У целого ряда пулеметов отсутствовали их неотъемлемые запчасти в виде банок с [охлаждающей. — А. С.] жидкостью и банок со смазкой. [...] Танки, как правило, не заводились, элементы у части телефонных аппаратов замораживались»¹²⁵.

Поднятый между 12 и 17 октября 1936 г. по тревоге один из батальонов 118-го стрелкового полка «хасанской» 40-й дивизии «представился в небоеспособном виде»¹²⁶, а имущество артиллерийского склада 40-го артполка точно так же, как и в августе 1938 г., оказалось не расписанным заранее по подразделениям. То же самое обнаружили тогда проверяющие и на артскладе текущего довольствия 39-го артполка «хасанской» же 39-й дивизии. А в складах ее 116-го стрелкового полка царил полный беспорядок: пулеметы неприкосновенного запаса хранились вперемешку с пулеметами те-

124. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13 (2-1). С. 58.

125. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 12. Л. 64 об.

126. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 582. Л. 6.

кущего довольствия, снаряды вперемешку с упряжью, взрывпакетами и т. п. Случись тревога, и командир полка точно так же, как и в августе 1938-го, не знал бы, «какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются».

«В небоеспособном виде представились» при учебном подъеме их по тревоге между 19 и 23 октября 1936 г. и подразделения 177-го стрелкового полка 59-й стрелковой дивизии. На оружейном складе 176-го полка той же дивизии все оружие было не пристреляно, а казенная часть пулемета, хранившегося «буквально под носом у начальника склада», оказалась «сплошь окутана паутиной». Поскольку «все эти безобразия явились „сюрпризом“ для помощника командира полка, начальника боепитания и командира полка»¹²⁷, командир части и здесь не мог знать, «какое, где и в каком состоянии оружие, боеприпасы и другое боевое снабжение имеются».

«Боеготовность войск до сих пор на низком уровне, — подводил итоги октябрьских проверок приказ В. К. Блюхера № 00 337 от 14 ноября 1936 г. — Сбор войск по тревоге чрезвычайно медленный, готовность к ведению боя неудовлетворительная», а хранение и сбережение вещевого имущества и вооружения «на недопустимо низком уровне»¹²⁸.

Не прошло и двух недель, как справедливость этих оценок подтвердил конфликт у Турьего Рога. 26 ноября 1936 г. до 30% бойцов направленного в район конфликта 1-го батальона 175-го стрелкового полка 59-й стрелковой дивизии выступило в поход в рваной обуви, часть бойцов полковой батареи без перчаток и зимних портянок (хотя все необходимое вещевое имущество в полку имелось), а личный состав 1-го дивизиона 8-го конно-артиллерийского полка 8-й кавалерийской дивизии — без полушубков, валенок и запаса продовольствия.

1 января 1937 г. комсостав поднятого по тревоге 1-го батальона 120-го стрелкового полка «хасанской» 40-й дивизии — точно так же, как и полтора года спустя — явился к месту сбора без компасов и карт, а имевшиеся в батальоне автомобили и танкетки Т-27 выйти вообще не смогли, так как оказались без горючего.

2 января 1937 г. «вопиющие безобразия» хасанских дней оказались предвосхищены при подъеме по боевой тревоге предназначенных для поддержки пограничников подразделений 66-й стрелковой дивизии. В 198-м стрелковом полку часть бойцов вышла не только без подсумков с патронами, но и без винтовок, многие — без теплого белья и в рваных валенках (хотя в полку имелись и белье и исправные валенки), комсостав — без компасов, карт, фонариков. В полку не оказалось осветительных ракет, ручных гранат и положенного боекомплекта станковых и ручных пулеметов, бое-

127. Там же. Л. 25, 27.

128. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 579. Л. 510.

комплект полковых пушек не был подготовлен, а часть пулеметов все из-за той же чрезмерно густой смазки отказала при автоматической стрельбе. То же самое обнаружили в тот день и в подразделениях 197-го стрелкового полка. Отдельный разведывательный батальон 66-й дивизии выступил в поход вообще безоружным, без винтовок и подсумков для кавалеристов и без снарядов для танков, а отдельный танковый батальон — с не подготовленными к бою снарядами и с не могущими дать автоматический огонь пулеметами.

Прямо-таки репетицией «вопиющих безобразий» 1938 года стал и подъем 15 января 1937 г. по боевой тревоге части подразделений 63-го стрелкового полка 21-й стрелковой дивизии, вызванный ожиданием повторного вторжения «японо-маньчжур» в районе Турьего Рога. В составлявшей первый эшелон полка 7-й стрелковой роте «уже при посадке в машины вспомнили про пулеметные диски, оставленные в помещении под нарами. Патронташи оказались не на руках у бойцов, а где-то у старшины, и разыскивали их тоже при посадке»¹²⁹. В третьем эшелоне — 3-м стрелковом батальоне — не оказалось противогазов, годных валенок и полушубков, в роте связи были не заряжены аккумуляторы раций, а агрегат для их зарядки никак не могли завести.

25-28 февраля 1937 г. чисто «хасанскую» картину явили и учебные тревоги, объявленные 62-му стрелковому и 21-му артиллерийскому полкам 21-й дивизии. В первом из них носимый запас патронов не был заранее разложен по подсумкам, ручных гранат на весь батальон нашлось только сорок штук, младшие комвзводы и средние командиры вообще оказались без личного оружия, 7 из 15 ручных пулеметов, проверенных в 7-й и 9-й стрелковых ротах, автоматический огонь дать не смогли, принадлежность к ручным пулеметам не взяли, к станковым она оказалась в неудовлетворительном состоянии, а принадлежности для чистки винтовок у большинства бойцов вообще не оказалось. Комсостав, как и в хасанские дни, вышел без компасов, фонариков, цветных карандашей, линеек, а некоторые и без карт. В 21-м артполку бойцы выбегали из казарм без оружия и снаряжения и потом бежали за ним обратно в казармы, впрочем, кое-кто еще и через 40 минут после объявления тревоги продолжал спать. И все равно большинство красноармейцев оказалось в поле без вещмешков, многие без котелков, большинство командиров без компасов и карт, а многие и без полевых сумок, карандашей, измерителей и целлулоидных кругов. Артиллерийские подразделения никак не могли получить боекомплект, поскольку их командиры, как и в хасанские дни, не знали, где именно на складе хранятся предназначенные для них снаряды.

Отдельный танковый батальон 21-й стрелковой дивизии по боевой тревоге 25 февраля выйти вообще не смог, так как не имел бензина.

---

129. РГВА. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 15. Л. 23.

Поднятый 24 апреля 1937 г. по боевой тревоге «хасанский» 115-й стрелковый полк 39-й дивизии также оказался «не способен отразить врага на границе»: выступая в поход, забыли взять бензин, консервы, белье и даже большое количество бойцов¹³⁰.

26 апреля 1937 г. «вопиющие безобразия», подобные хасанским, явил подъем по боевой тревоге 76-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии. Склады опять не знали, каким подразделениям что выдавать, а в результате, например, танкетный взвод разведроты получил лишь по 3-4 пулеметных магазина на каждую Т-27 вместо положенных 48; впрочем, шесть из десяти танкеток из-за «не устранявшихся с осени» 1936 г. неисправностей выступить в поход вообще не смогли. Подразделения опять выступили «в большинстве небоеспособными», оставив в казармах часть личного состава, не взяв штыки ко вновь выданным на руки из неприкосновенного запаса винтовкам, без суточного запаса продовольствия, с неисправными походными кухнями¹³¹.

Отдельный танковый батальон 35-й стрелковой дивизии, которому учебная боевая тревога была объявлена в ночь на 3 мая 1937 г., не сумел получить положенный боекомплект и должен был выступить без части командиров: из-за того, что оповещение последних о тревоге было организовано плохо, многие не явились совсем, а другие опоздали на два — три часа.

Что касается запасных стволов к пулеметам, то, как показали проверки, в некоторых частях 1-й Тихоокеанской (будущей «хасанской») 39-й) стрелковой дивизии они не были закреплены за конкретными пулеметами (и, следовательно, не подогнаны) и не пристреляны и в апреле 1936 г. В 59-й и 66-й дивизиях запасные стволы были не пригнаны (а в большинстве и не пристреляны) и в августе 1936 г., непристрелянными проверяющие нашли их там и в октябре.

Что до винтовок, то в частях 104-й и 105-й стрелковых дивизий они были непристрелянными в июле 1936 г., в частях «хасанской» 39-й дивизии и на оружейных складах 176-го и 177-го стрелковых полков 59-й дивизии — в октябре 1936 г., в 7-й стрелковой роте 63-го стрелкового полка 21-й дивизии (вновь полученные со склада) — в январе 1937 г.

О том, что в частях армии Блюхера неисправны противогазы, а также нет фляг, заместитель начальника политуправления ОКДВА дивизионный комиссар И. Д. Вайнерос предупреждал в середине мая 1937 г., на 1-й партконференции Приморской группы ОКДВА.

* * *

Как видим, факты не подтверждают мнение о том, что на причины неудач советских войск в хасанских боях повлияла чистка РККА. Да, все командиры частей, сражавшихся на Хасане, «исполня-

130. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.

131. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 709. Л. 606.

ли свои должности менее года, а некоторые буквально несколько недель или дней»¹³². Но их репрессированные предшественники, и вообще все командиры и штабы ОКДВА 1935 — первой половины 1937 гг. совершали *точно такие же* ошибки, демонстрировали *точно такой же* непрофессионализм; *точно такими же*, что и на Хасане, были и изъяны в выучке войск.

Да, к примеру, полковник Н. Э. Берзарин к началу хасанских боев возглавлял 32-ю стрелковую дивизию всего несколько месяцев. Но чего можно было бы ожидать от него, командуй он, как до репрессий, полком? Больше организованности при выступлении в район конфликта? Но при подъеме в декабре 1935 г. по боевой тревоге 77-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии, который Берзарин возглавлял в 1935-1938 гг., значительная часть подразделений, как и в хасанские дни, выступила с небоготовыми пулеметами (там не были пригнаны запасные стволы, а здесь взятые из НЗ, но не очищенные от чрезмерно густой смазки пулеметы вообще не могли дать автоматический огонь). Лучшей организации наступления? Но проверка, устроенная командованием Приморской группы в декабре 1935 г., показала, что старший комсостав 77-го полка (к которому относился и командир части) «Инструкцию по глубокому бою» (да, кстати, и действовавший на тот момент Полевой устав) знает поверхностно. Ничего не изменилось здесь и к началу чистки РККА: как признал 26 апреля 1937 г. на дивизионной партконференции комдив-26 полковник Н. М. Гловацкий, и организация разведки и ведение самого наступления в 26-й дивизии (а значит, и в 77-м полку) были отработаны «слабо»¹³³. Лучшей организации тылового обеспечения? Но на мартовских маневрах 1936 г. в Приморье командир «13-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии» (это наименование носил все тот же 77-й стрелковый) Н. Э. Берзарин совершенно не учитывал, принимая решения, вопросы тылового обеспечения. Лучшей выучки войск? Но в конце марта 1937 г. боевая подготовка 77-го полка была организована так, что давала «исключительно низкие результаты». Первую задачу курса стрельбы бойцы Берзарина выполняли тогда (в зависимости от вида оружия) всего на 1,2-1,5 балла, гранаты метали на 1,3 балла. А штыковому бою в полку учили так, что колка чучел «проводилась в воздухе»¹³⁴.

Да, командовавший на Хасане 119-м стрелковым полком 40-й дивизии капитан Кокшаров всего за два с небольшим года до этого был лишь командиром роты. Но чего можно было бы ожидать от него, командуй он, как и до репрессий, ротой? Отсутствовавших на Хасане инициативы и «адекватного командования»? Однако в марте 1936 г., во время пограничного конфликта у Хунчуна, командир 1-й стрел-

132. Войтковск Я. Указ. соч. С. 119.

133. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 3. Л. 151 об.; Д. 49. Л. 36.

134. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 271. Л. 348-349; Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 49. Л. 35.

ковой роты 118-го стрелкового полка той же 40-й дивизии Кокшаров тоже «недооценил серьезности обстановки», «не проявил необходимой инициативы»¹³⁵ и действовал отнюдь не адекватно. Выдвигаясь 25 марта с ротой в район конфликта, он вместо того, чтобы принять все меры к оказанию скорейшей помощи взводу и эскадрону, ведущим бой, бросил всю роту на вытаскивание застрявшей в грязи батареи — работу, для которой хватило бы и взвода.

В свою очередь, чего можно было бы ожидать, командуя 119-м полком, как и до репрессий, полковник А. М. Смирнов? Лучшей организации управления войсками? Да, капитан Кокшаров нерационально управлял полком, игнорируя радиосвязь и «признавая» «только проволочку, причем без каких бы то ни было намеков» на скрытое управление войсками, предусматривавшее кодирование телефонных и телеграфных сообщений¹³⁶. Но и при Смирнове в июне 1935 г. в 119-м полку точно так же «боялись» пользоваться рациями «и не овладели вопросами скрытого управления»¹³⁷. На ту же «радиобоязнь» указывает и неумение старого командования 119-го полка своевременно установить связь с приданными ему артиллерией и танками, проявившееся на учениях 39-го стрелкового корпуса 9-12 марта 1937 г. Умения принимать грамотные решения? Но, решая в январе 1936 г. тактическую задачу, комполка-119 А. М. Смирнов действовал настолько суебливо, что забыл поставить задачу одному из трех своих батальонов. С хорошей тактической подготовленностью, с высокой командирской квалификацией не может сочетаться и незнание условных обозначений, применяющихся при нанесении обстановки на карту, выказывавшееся Смирновым в марте 1936 г.¹³⁸ Лучшей выучки войск? Но врид начальника 2-го отдела штаба ОКДВА комдив Б. К. Колчигин 18 мая 1937 г. охарактеризовал 119-й полк как «слабый»¹³⁹.

А чего можно было ожидать, если бы 94-й стрелковый полк 32-й стрелковой дивизии на Хасане возглавлял его прежний командир майор Ф. И. Ким, уволенный в июле 1937 г. как «фракционер-корбюровец шанхайской ориентировки»? Мартовские маневры 1936 г., на которых Ким командовал «3-м батальоном 13-го стрелкового полка» (под этим наименованием был скрыт учебный батальон 76-го стрелкового полка 26-й стрелковой дивизии), показали, что этот командир-кореец не в состоянии грамотно управлять даже батальоном, что он вообще не знает азов управления войсками в современном бою. Ведь он не только не умел правильно использовать свой штаб (работая за него сам да при этом еще и неграмотно ставя задачи разведке), не только подменял своих командиров рот

---

135. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.

136. События у озера Хасан в итоговых документах. С. 227.

137. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

138. РГВА. Ф. 34 352. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 26.

139. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 20 об.

(даже не беря их с собой на рекогносцировку), но и — в точности, как и хасанские командиры! — совершенно не заботился о восстановлении отсутствовавшей у него на продолжении большей части маневров связи со штабом полка¹⁴⁰.

Да, командир 2-й мехбригады полковник А. П. Панфилов, командиры его батальонов и вообще 99% его комсостава оказались на своих должностях лишь за два дня до начала хасанских боев. Но можно ли (вслед за М. Б. Барятинским и М. В. Коломийцем) списывать на это обстоятельство тот факт, что «из-за неорганизованного движения колонн и спешки маршрут протяженностью в 45 км бригада прошла за 8-11 часов», а «часть подразделений из-за незнания маршрута довольно долго блуждала» по городу Ворошилов¹⁴¹? Еще до чистки РККА, 1-4 февраля 1936 г., из-за тех же самых «неорганизованного движения» и «спешки» колонна 2-го танкового батальона этой бригады, следуя в район конфликта у Сиянхэ, маршрут протяженностью 150 км прошла за 56 часов. Еще в марте 1936 г. на скорости движения колонн бригады сказывалось то, что командиры батальонов «продолжали оставаться недостаточно требовательными к дисциплине марша»¹⁴². Что же касается блужданий по городу Ворошилов, то умение ориентироваться на местности, и тем более в городе, — являющемся, как в данном случае, *местом постоянной дислокации соединения!* — обязательно и для только что выпущенного из училища лейтенанта.

Можно ли (вслед за И. Желтовым и И. и М. Павловыми), говорить, что «массовые необоснованные репрессии» «отрицательно повлияли на боеготовность войск и работу штабов» 2-й мехбригады на Хасане¹⁴³? «Боеготовность» этой бригады и при старом, «до-репрессионом» комсоставе была такой, что:

- в феврале 1936 г. среди танков, находившихся с марта 1935 г. на консервации (и составлявших 75% всего танкового парка соединения), не оказалось «такой машины, чтобы она не имела дефектов»,
- в марте 1936 г. внимание комсостава к уходу и сбережению матчасти было «настолько ослаблено, что в дальнейшем такое положение» могло «угрожать резкому снижению боееспособности бригады в целом»,
- в начале 1937 г. в бригаде были «неудовлетворительно» поставлены «уход за оружием и его подготовка к стрельбе»,

140. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 588. Л. 211.

141. Барятинский М., Коломиец М. Легкий танк БТ-7 // Бронекolleкция. 1996. № 5. С. 18; Барятинский М. Советские танки в бою. М., 2007. С. 83.

142. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 187. Л. 77; Д. 588. Л. 54.

143. Желтов И., Павлов И., Павлов М. Указ. соч. С. 40.

— а к середине лета 1937 г. (когда репрессии еще только начинались) небоеспособными в бригаде было 40-50% танков (при допустимых 15%)¹⁴⁴.

А что касается работы штабов, то 3 декабря 1937 г. начальник автотанкетных войск ОКДВА комбриг М. Д. Соломатин, который не только был новым и, значит, свободным в своих оценках, но и давно служил на Дальнем Востоке и знал поэтому, что говорит, «предрепрессивный» личный состав танковых штабов ОКДВА охарактеризовал как «отстающее звено в общевойсковой тактике»¹⁴⁵ (напомним, что на Хасане частям 2-й мехбригады пришлось участвовать именно в общевойсковом бою — в таком, в котором требуется организовать взаимодействие различных родов войск).

В целом же сравнение боевой выучки командиров, штабов и войск, дравшихся в 1938 г. на Хасане, с выучкой командиров, штабов и войск «предрепрессивной» ОКДВА подтверждает вывод, сделанный нами в 2000 г. при сравнении действий советских войск на больших маневрах 1935-1936 гг. и в советско-финской войне 1939-1940 гг.: *командиры, репрессированные в 1937-1938 гг., были подготовлены так же плохо, как и те, кто их заменил*¹⁴⁶. (Характерно, что к аналогичному выводу, что «истребленные кадры были так же компетентны, или, точнее сказать, малокомпетентны, как и те, кто остался на свободе», пришли и сравнившие уровень боевой выучки советского подводного флота до и после 1937-1938 гг. М. Э. Морозов и К. Л. Кулагин¹⁴⁷). А следовательно, ошибочен и пресловутый тезис о том, что репрессии 1937-1938 гг. стали одной из причин поражений Красной Армии в 1941 г.

---

144. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 187. Л. 205; Д. 94. Л. 45; Д. 584. Л. 28; Д. 1058. Л. 268.

145. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 1057. Л. 75.

146. Смирнов А. А. Большие маневры // Родина. 2000. № 4. С. 89, 93.

147. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922-1945 гг. О подводных лодках и подводниках. М., 2006. С. 419-420.

В. Н. КАЗИМИРОВ

МИР КАРАБАХУ

НАБРОСКИ К АНАТОМИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

ЧАСТЬ 2¹

Призыв к миру из Бишкека

Работу по прекращению кровопролития в Карабахе в 1991–1994 гг. Россия вела широко, многопланово, не ограничиваясь военной и политико-дипломатической сферой. Надо было срочно содействовать формированию «партий мира» в противовес разгоряченным и весьма активным «партиям войны» в противостоящих лагерях. Поэтому мы и сами инициировали различные встречи (парламентариев, военных, религиозных лидеров, журналистов), побуждали к этому разные общественные организации конфликтующих сторон, и поддерживали возникавшие в этом направлении предложения.

Много усилий прилагалось для прекращения конфликта по парламентской линии, разумеется, при самой активной роли России. В Межпарламентской ассамблее (МПА) СНГ, созданной в 1992 г., была даже сформирована группа содействия урегулированию карабахского конфликта (кажется, в сентябре 1993 г.). Её возглавил тогдашний председатель парламента Киргизии Медитхан Шеримкулович Шеримкулов. Называли её то примирительной миссией, то миротворческой, то посреднической группой МПА СНГ по Карабаху. На той фазе конфликта она была довольно активна и тесно сотрудничала с посреднической миссией России. Мне не раз пришлось участвовать в её поездках и других мероприятиях.

На встрече парламентариев Азербайджана и Армении и представителей Нагорного Карабаха, проведенной на Аландских ост-

---

1. Первую часть см.: Казимиров В. Н. Мир Карабаху (наброски к анатомии урегулирования) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том II. М., 2006.

ровах 21–22 декабря 1993 г. по инициативе МПА СНГ, МИД России и Аландского института мира, ее участникам была предоставлена возможность ознакомиться с опытом разрешения национальных противоречий между шведами и финнами вокруг этих островов. Тогда же в Мариехамне, главном городе Аландских островов М. Ш. Шеримкулов предложил столицу Киргизии для продолжения межпарламентского диалога между сторонами конфликта.

По предложению МПА СНГ, парламента Киргизии, Федерального собрания и МИД России новая встреча парламентариев состоялась в Бишкеке 4–5 мая 1994 г., на этот раз на уровне руководителей парламентов. Главой делегации Армении был председатель Верховного Совета Бабкен Араркцян. Группу представителей Нагорного Карабаха возглавил тогдашний и. о. «спикера» из Степанакерта Карен Бабурян.

Председатель азербайджанского Милли меджлиса Расул Гулиев собирался быть в Бишкеке, но не смог. Президент Г. А. Алиев, вылетев 3 мая на организованную натовцами в Брюсселе встречу «Партнерство ради мира», оставил его старшим лицом в стране. Делегацию Азербайджана возглавил зам. Гулиева — Афияддин Джалилович Джалилов (30 сентября того же года убит неизвестным террористом в подъезде своего дома).

Председатель Совета МПА СНГ и Совета Федерации РФ В. Ф. Шумейко, секретарь Совета МПА СНГ М. И. Кротов участвовали во встрече в Бишкеке от МПА, а по существу представляли также Россию (наряду с автором этих строк, участвовавшим в качестве полномочного представителя Президента Российской Федерации и одновременно — от МИД России). Мало кто знает, что в Бишкеке по приглашению М. Ш. Шеримкулова — в ответ на ранее оказанное гостеприимство — присутствовала в роли наблюдателя и делегация лагтинга (местного парламента) Аландских островов во главе с Рогером Янсоном.

В отличие от первой встречи (на Аландских островах), где никаких документов не принималось, хотелось воспользоваться более высоким уровнем форума в Бишкеке, чтобы попытаться принять согласованный итоговый документ, нацеленный на поддержку принятого 15 апреля Заявления глав государств СНГ с его императивной установкой на прекращение кровопролития в Карабахе.

Разумеется, никаких иллюзий, что это будет легко, у нас и быть не могло. Главным в тот момент было перенастроить общественное мнение на перемирие, прекращение огня. Заранее, ещё в Москве, мной был заготовлен проект документа — Бишкекского протокола. Вокруг этого проекта и развернулись в столице Киргизии 4 и 5 мая упорнейшие дискуссии, в основном между азербайджанцами и карабахцами, длившиеся оба дня по многу часов. Далеко не всегда удавалось свести споры к проекту документа, нередко они выходили далеко за его пределы.

Вскоре стало ясно, что вся подготовленная хозяевами программа рухнет: заманчивую поездку на озеро Иссык-Куль, намеченную было на конец первого дня, и другие мероприятия пришлось отменить. Всё застопорилось. Оба дня прошли в жарких спорах — то в полном составе делегаций, то в узком кругу только их руководителей, когда остальные участники встречи часами томились в кулуарах в ожидании исхода острых дебатов между «спикерами», несмотря на попытки сразу четырех посредников смягчить их.

Само по себе предложение поддержать установку Заявления глав государств СНГ на прекращение огня и военных действий не вызвало дискуссий. Суть проекта нового документа состояла в развитии этой установки путем призыва со стороны руководителей парламентов ко всем сторонам конфликта прекратить огонь. Но надо было выразить это не общим благим пожеланием, а сделать предметной инициативой. Приближалось 9 мая, связанное в памяти народов Советского Союза с Днем Победы, и надо было использовать эту дату. Её включение мной в текст документа ни у кого не вызвало возражений — хотелось показать, что, наконец-то, и в этом конфликте берёт верх, *побеждает* разум. В итоге сердцевиной Бишкекского протокола и стал призыв прекратить огонь с предложением конкретного срока — в полночь с 8 на 9 мая 1994 г.

Но по другим вопросам противоречия между сторонами остались непреодолимыми. К сожалению, и в Бишкеке непомерно большое место заняли процедурные вопросы: является ли Нагорный Карабах стороной в этом конфликте и должен ли быть по статусу участия в этом форуме приравнен к армянам из Степанакерта представитель азербайджанской общины Нагорного Карабаха Низами Бахманов. Джалилов оспаривал правомерность участия карабахских армян в этой встрече (по сути дела сводил их статус «стороны конфликта» к «заинтересованной стороне»). Не в силах добиться этого, поскольку участие карабахцев в бишкекской встрече было заранее принято к сведению и Г. Алиевым, он стремился уравнивать с ними члена своей делегации Н. Бахманова. Но это противоречило бы элементарной логике, поскольку тот не представлял ни парламентскую, ни даже муниципальную структуру, не был её руководителем (когда-то очень недолго был в Шуше главой исполнительной власти, но никак не представительной). Несостоятельность попыток поднять его статус, придать ему какую-то самостоятельную роль, якобы отличную от роли Баку, никак там не усваивается — заинтересованность тут превыше всего, и логика не нужна.

Конечно, никто не признавал «НКР» и её парламент, но всё-таки карабахские армяне имели некую выборную структуру на основе волеизъявления местного населения. Даже в хельсинкском решении Совета министров СБСЕ от 24 марта 1992 г. упоминались именно избранные представители Нагорного Карабаха. Запальчиво отторгая их, азербайджанцы не оценили, просто приняли

за должное то, что Ереван постепенно подходил к признанию своего статуса стороны в этом конфликте. Аракцян и особенно Бабурия, естественно, всячески отстаивали статус Нагорного Карабаха как стороны конфликта и участника встречи в Бишкеке. Не преминули они также укорить азербайджанцев за снижение уровня участия в этом форуме из-за отсутствия Гулиева.

В ходе дискуссий В. Ф. Шумейко однозначно высказался в том плане, что Нагорный Карабах, как и Армения, является стороной в этом конфликте, и подчеркнул, что без понимания этого практически невозможно прийти к его урегулированию. Из этого исходили мы и на московских переговорах, где с участием делегаций трех конфликтующих сторон разрабатывался проект Соглашения о прекращении вооруженного конфликта.

Расхождения доминировали в Бишкеке и по вопросам существования урегулирования. Разумеется, большинство вопросов реально и не могло быть рассмотрено, а тем более решено руководителями парламентов ввиду специфики этого форума, однако инерция споров на периодически проводившихся в Москве переговорах сбродила и в предгорьях Тянь-Шаня. Так Джалилов больше, чем армяне ратовал за скорейшее прекращение огня, но настаивал при этом на его непосредственной увязке с незамедлительным выводом армянских войск со всех оккупированных азербайджанских территорий и возвращением туда беженцев. Однако бросалось в глаза, что он совсем не делает акцента на том, как добиться невозобновления военных действий — явно уходил от идеи размещения нейтральных разъединительных сил, готов был довольствоваться наблюдателями.

Джалилов не проявлял также понимания целесообразности предлагать парламентам стран-участниц СНГ обсудить инициативу В. Ф. Шумейко и М. Ш. Шеримкулова о создании миротворческих сил Содружества (в этом вопросе уже чувствовалось, что азербайджанское руководство заангажировалось перед западниками, которые были резко настроены против размещения в зоне конфликта российских миротворческих сил, а силы СНГ представлялись им лишь ширмой для России).

В конечном счёте, азербайджанская делегация пыталась продвинуть свой собственный проект итогового документа, в котором находила отражение лишь потребность в прекращении огня при немедленном выводе армянских войск из оккупированных районов Азербайджана, но, разумеется, отклонялось участие Нагорного Карабаха и предельно сужалась роль СНГ в урегулировании. Конечно, собственные проекты любой из сторон конфликта на подобных форумах — дело практически бесперспективное, поскольку они явно нацелены на отражение только своих интересов и легко отклоняются оппонентами как односторонние. Но азербайджанцы и до этого, и впоследствии не раз недопонимали этого и выступали со своими проектами вместо доработки проектов, представлен-

ных посредником. Так в их проекте делалась попытка снять в начале текста ссылку на то, что конфликт «существенно затрагивает интересы других стран региона», которая легко была отклонена другими участниками встречи.

Армяне же делали особый акцент на необходимости выработки механизма, который обеспечивал бы соблюдение прекращения огня и военных действий и надёжно гарантировал бы, что они не возобновятся. Только после этого они допускали вывод своих сил с занятых ими территорий Азербайджана. Иначе говоря, добивались сначала окончательного закрепления прекращения огня и военных действий, решения военно-технических вопросов перед тем, как переходить к военно-политическим (т. е. к выводу своих войск).

Как отмечал потом В. Ф. Шумейко, было беспрецедентным, что руководители такого уровня почти двое суток непрерывно работали непосредственно над текстом документа. Хотя, естественно, почти вся «чёрная» работа, поиск альтернативных формулировок, выпуск очередных, обновленных вариантов проекта практически легли на меня.

К концу дня 5 мая, после действительно изматывающих споров, Бишкекский протокол подписали руководители обеих армянских делегаций и все лица, выступавшие в роли посредников, но не стал подписывать глава делегации Азербайджана. Конечно, отказ Джалилова смазывал результаты встречи. Азербайджанцы мотивировали свою позицию тем, что не было дано право подписи Н. Бахманову, делали не слишком внятные ссылки на то, что документ не отвечает их интересам. Но это были лишь внешние предлоги.

Истинная причина позы Джалилова выявилась довольно быстро. Было известно, что президент Азербайджана Г. А. Алиев выступал 4 мая на заседании Совета НАТО в Брюсселе и подписывал там рамочный документ программы «Партнёрство ради мира». В той аудитории он, конечно, ни слова не сказал о миротворческих усилиях России и СНГ, вовсе не говорил о том, ключ к урегулированию карабахского конфликта в руках у Москвы (что не раз заявлял публично — и до этого, и позднее). Достаточно сказать, что в той его речи, помимо НАТО, коему было адресовано немало ди-фирамбов, упоминались только ООН, СБСЕ и его минская группа — ни Россия, ни СНГ не были названы им ни разу. Эта поездка и речь в штаб-квартире НАТО уже были частью геополитической игры «в зигзаги», в которую втягивался лидер Азербайджана с подачи западных держав.

В этом контексте в те дни вряд ли нужно было Алиеву и подписание Бишкекского протокола, которое как раз энергичнее всего продвигалось именно представителями России как важный шаг идейно-политической подготовки к прекращению кровопролития (что ничуть не умаляет важности вклада других участников встречи в Бишкеке).

В своем выступлении 21 мая 1994 г. А. Алиев раскрыл, как заблаговременно заблокировал подписание протокола: перед своим отъездом в Брюссель он не дал Джалилову полномочий подписывать в Бишкеке какой-либо документ без своего согласия. Тот и действовал в Киргизии в духе этих указаний, чтобы не мешать своему президенту в Брюсселе. Конечно, это любопытно, но с других точек зрения: было ли в Баку разделение властей, каковы были там реально политические нравы?

В Бишкеке мы, естественно, не знали об этих указаниях Алиева, и тщетно я добивался телефонной связи оттуда с председателем милли меджлиса Гулиевым в надежде заручиться его согласием на подписание бишкекского призыва. Тем не менее, безусловно правильным было решение, принятое тогда теми, кто подписал документ — оставить руководству Милли меджлиса возможность присоединиться к нему позднее, если оно пожелает.

После стольких усилий бросать дело на полпути было бы слишком расточительно. Надо было продолжить их. Залётев в Москву на один день (для участия в первой встрече А. В. Козырева с новым председателем Минской конференции СВСЕ шведом Яном Элиассоном 6 мая), по договоренности со своим министром и с В. Ф. Шумейко 7 мая я вылетел в Баку для обсуждения Бишкекского протокола с президентом Азербайджана и председателем Милли меджлиса. Надо было выявить окончательную позицию Азербайджана в отношении этого документа, попытаться выйти на его подписание.

Бишкек — Баку, 8 мая

8 мая Гейдар Алиевич Алиев собрал в своем кабинете высшее руководство Азербайджана. На совещании были руководители парламента Р. Б. Гулиев и А. Д. Джалилов, госсоветник по внешней политике В. М. Гулизаде, мининдел Г. А. Гасанов, министр обороны М. И. Мамедов, заммининдел Т. Н. Зульфугаров, посол Азербайджана в России Р. Г. Ризаев и другие.

Открывая встречу, президент выставил очередную порцию укоров российскому посреднику, начав буквально так: «Опять Вы подготавливали документ, который идёт вразрез с интересами Азербайджана»... Пришлось потом сказать, что некоторыми положениями Бишкекского протокола не вполне довольны и армяне, но в нем не найти ни одной фразы, которая шла бы вразрез с интересами армян или азербайджанцев, заинтересованных в прекращении кровопролития.

Естественно, высказывания присутствовавших на совещании шли в поддержку своего президента. Соотношение «голосов» за столом и не могло быть благоприятным для посредника. Вдруг

первым из азербайджанцев более определенно высказался за прекращение огня посол в Москве Рамиз Ризаев. Его поддержал в этом Расул Гулиев. Постепенно стал обозначаться поворот к реализму.

Прозвучали и «компромиссные» идеи подписать документ, но с поправками: кто-то предложил вставить «международные» перед словом «наблюдатели», кто-то вместо «занятые территории» сказать гораздо резче — «захваченные». Первая поправка означала, чтобы наблюдатели были не только из России (кстати говоря, вставлять слово «международные» про наблюдателей было неуместно в том контексте, поскольку речь шла о Протоколе встречи министров обороны в Москве от 18 февраля 1994 г. Реально в тот момент только Россия проявляла готовность быстро выделить миротворческий контингент и наблюдателей, если не считать Турции, что категорически отвергалось армянами). Вторая поправка была преимущественно эмоциональной: ведь в ходе военных действий, за редким исключением, территории захватывают силой или занимают, если противная сторона сама оставляет их. В этом конфликте имело место и то, и другое. Суть-то дела от этих слов мало менялась.

Со своей стороны, как мог, объяснял, что внесение в текст поправок вообще не имеет реального смысла, поскольку все остальные участники встречи в Бишкеке подписали документ в том виде, как есть, и не будут вновь заниматься его рассмотрением — ведь это же не договор, не юридический, а политический документ.

Проявилась и традиционная «болячка» бакинской дипломатии: вновь стали настаивать на подписи Н. Бахманова от имени азербайджанской общины Нагорного Карабаха. Разъяснял, почему Бахманов не может быть приравнен к руководителям парламентских, представительных структур, которые были участниками бишкекской встречи. Однако интерес азербайджанских участников совещания в Баку был горячее и круче любых логических доводов! Подумалось, правда — нет худа без добра: оговорки вроде бы «спасают лицо» азербайджанских властей при присоединении к документу.

В конце совещания Алиев сказал Джалилову: «Ну, подписывай, Афияддин!» Но тот заявил, что не может сделать этого, поскольку связал себя позицией, занятой в Бишкеке.

Возникла деликатная, даже курьёзная ситуация. И не только в смысле слушания Афияддина Джалиловича. После поворота в настрое совещания в пользу прекращения огня его уклонение позволяло вырулить на более высокий и естественный уровень подписания документа — председателем Милли меджлиса Р. Гулиевым! Ведь остальные подписи сторон в конфликте принадлежали первым лицам по парламентской линии. Поэтому пришлось, как ни странно, выразить понимание позиции Джалилова и поддержать его перед Г. Алиевым, подводя дело к тому, чтобы документ был подписан спикером.

Не без укора в адрес своего заместителя Гулиев заметил, что кое-кто озабочен тут своей репутацией — его лично это не беспо-

коит, была бы лишь польза народу. Он готов подписать документ с упомянутыми оговорками и с включением подписи Бахманова. Алиев дал согласие, и Гулиев тут же расписался там, где намечалась подпись Джалилова. А внизу страницы разборчивым почерком по-русски были вписаны две «оговорки». Другие важные, но деликатные положения документа (ссылка на Протокол министров обороны от 18 февраля, роль СНГ, идея создания им своих миротворческих сил) затронуты не были.

Затея с подписью Бахманова кончилась конфузом. Азербайджанцы вписали от руки и его фамилию, но так и не смогли вовремя отыскать его в Баку. Известив Москву о подписании Бишкекского протокола Гулиевым, на другой день я так и увез с собой экземпляр текста с двумя оговорками и приписанной фамилией Бахманова, но без его подписи.

Баку, 9 мая и далее

Утром в понедельник, 9 мая мне пришлось провести в Баку необычно многолюдную пресс-конференцию (были представители 20 СМИ) с изложением в самых общих чертах нашего плана урегулирования. Подробный (более трех часов) разговор с прессой был вызван в основном множеством наскоков министра иностранных дел Г. А. Гасанова на «российский план» в ходе слушаний в Милли меджлисе 18 апреля.

Подтвердил журналистам подписание Р. Гулиевым Бишкекского протокола с двумя поправками, что стало для них сенсацией. О поправках к протоколу вынужден был сказать, что их следует рассматривать как особое мнение азербайджанской стороны, ибо для всех, кто подписал документ ещё в Бишкеке, текст остается таким, как они его подписали.

(Огласить предстоявшее в тот же день, 9 мая подписание министром обороны М. Мамедовым другого документа — о прекращении огня — никак не мог. Уверенности в том, что он будет подписан, как было намечено накануне, не было до самого конца, да к тому же предстояло потом получить ещё подписи в Ереване и Степанакерте. Сказал лишь, что теперь необходимо юридически обязывающее соглашение, которое подписали бы руководители Азербайджана, Армении, России, а также Нагорного Карабаха, и добавил, что находимся сейчас ближе к прорыву в урегулировании карабахского конфликта, чем раньше).

При всех колебаниях и зигзагах азербайджанского руководства подписание им Бишкекского протокола, т. е. согласие Баку на призыв к перемирию было верным, более или менее своевременным и мужественным шагом с его стороны. Это стало одной из важных предпосылок к прекращению кровопролития. «Партия вой-

ны» в Баку развернула бурную кампанию против Бишкека, даже истерию, причём «вслепую» (полный текст протокола был опубликован местной прессой лишь через несколько дней — конечно же, в бакинской редакции). Борьба против этого документа, косвенно подогретая и недавним выступлением Г. Гасанова в парламенте с резкой критикой «российского плана», была ещё одним предлогом для давления оппозиции на команду Г. А. Алиева и стимулом для объединения ранее разрозненных сил. 10 мая 12 политических партий выступили с заявлением, в котором осуждалось подписание протокола. Пугали тем, что подпись Р. Гулиева рядом с подписью К. Бабурына будто бы приведет к международному признанию НКР, обвиняли его в национальном предательстве. Глашатаи оппозиции даже не особенно вникали в то, что это был лишь призыв к скорейшему прекращению огня, в котором на тот момент нуждалась как раз азербайджанская сторона — больше, чем армяне!

Были, конечно, и трезвые голоса в Азербайджане. 6 партий центристского блока в совместном заявлении поддержали подписание Бишкекского протокола. Немало зависело от самого Г. А. Алиева, но он не торопился дать знать, что лично благословил подписание. 13 мая партия Национальной независимости Азербайджана потребовала, чтобы президент проявил свое отношение к документу. Алиев довольно аморфно высказался в том смысле, что подписание протокола было правильным шагом, ведущим к прекращению огня. 14 мая в интервью азербайджанскому телевидению Р. Гулиев был вынужден особо подчеркнуть, что подписал Бишкекский протокол в кабинете Алиева, в его присутствии и с его согласия. Надо отдать Гулиеву должное: он и публично высказался за то, что Нагорный Карабах — сторона в конфликте.

Заседание Милли меджлисса с 10 мая было перенесено сначала на 13 число, а потом на 18 мая (из-за нашего с Элиассоном приезда в Баку и четырехчасовых переговоров в тот день у Г. А. Алиева, где должен был присутствовать и спикер Р. Гулиев).

18 мая в Азербайджане разразился парламентский кризис. Когда оппозиции не удалось две попытки включить вопрос о Бишкекском протоколе в повестку дня Милли меджлиса (голосование принесло «ничью» — 19:19 при двух воздержавшихся), она стала утверждать, что председатель Милли меджлиса превысил полномочия, настаивала на аннулировании подписи Гулиева и его отставке. Особенно активны были бывший мининдел Тофик Гасымов и Этибар Мамедов. В итоге 17 депутатов покинули заседание, сорвав кворум (в Милли меджлисе 50 депутатов, кворум — 34) и больше недели отказываясь продолжать работу. Гулиев вряд ли ожидал столь бурной обструкции оппозиции и столь невнятной позиции руководства Азербайджана.

Утверждают, будто А. Джалилов и в Баку давал понять прессе, что Бишкекский протокол не учитывает интересы Азербайджана.

Верно ли это — не знаю. Любопытную позицию занял Г. Гасанов. В интервью агентству АТА он всячески открещивался от Бишкекского протокола, утверждал, что и не видел его, отказывался комментировать, переадресовывал корреспондента к тем, кто его подписал. Хотя он был среди присутствовавших в кабинете Г. Алиева в тот момент и прямым свидетелем подписания.

Азербайджанские журналисты обращались и ко мне по этому поводу. Не раз звонили и в Москву. Например, спрашивали, надеюсь ли я на ратификацию Милли меджлисом Бишкекского протокола. Выражал им свое недоумение. Отметив важное значение документа для создания политического фона, благоприятствующего прекращению кровопролития, вопрошал затем их самих, о какой ратификации может идти речь, если в нём содержатся лишь призыв к прекращению огня, обращения, предложения и не более того — что же там ратифицировать?

Несмотря на истерику оппозиции, население Азербайджана восприняло Бишкекский протокол сравнительно благожелательно. Согласно опросу, проведенному социологической службой бакинской газеты «Зеркало», 30,7% респондентов отнеслись к нему положительно и 17,8% — скорее положительно, тогда как отрицательно только 17% и скорее отрицательно — 11,5%. Надо сказать, что и другой вопрос дал неблагоприятный для оппозиции результат. Создание на территории республики российских военных баз 27% респондентов сочли просто необходимым, 30,7% — тяжелым, но вынужденным шагом, а отрицательно отнеслись 29,9%. Причем больше других слоев за протокол и за создание баз высказались военные (а за базы и студенческая молодежь) — те, кому продолжение войны угрожало непосредственно. А ведь именно этим оппозиция пугала население, утверждая, что введение российских разведывательных сил приведет к тому, что они останутся тут надолго, будет чуть ли не равнозначно оккупации и созданию здесь военных баз России.

Страсти вокруг Бишкека продолжали бушевать в Азербайджане несколько недель, даже после того, как было достигнуто прекращение огня. Правда, из-за припоздания с подписанием бишкекского документа азербайджанцами и трудных дискуссий в Баку 8 и 9 мая нам не удалось, как намечалось ранее, приурочить перемирие ко Дню Победы. Ещё два дня ушло на работу со сторонами по тексту нового соглашения — прекращение огня вступило в силу лишь в полночь на 12 мая 1994 г.

Вспокоившись из-за того, что кровопролитие остановлено при посредничестве России, западники, прежде всего США лихорадочно усилили нажим и на Баку, и на Ереван, чтобы те не вздумали принять «российский план» (прямых рычагов давления на Степанакерт у них не было). Но об этом стоит рассказать подробно — возможно, даже отдельной главой. Здесь отмечу лишь, насколько трудно поверить, чтобы линия США не имела никакого отношения

к выступлениям оппозиции в Баку против бишкекского документа. Тем более что Бишкек никак не был связан с СБСЕ и его минской группой, а прошёл как бы в рамках СНГ.

Бишкекский протокол стал кульминацией тех политических усилий, которые мы прилагали в целях прекращения огня за пределами непосредственно переговорного процесса и военно-дипломатической работы. Ведь за спиной руководителей парламентов фактически стояло высшее руководство сторон конфликта. Документ имел важное значение в борьбе за общественное мнение. Это была «грунтовка» для первого эскиза картины будущего перемирия.

Средства массовой информации, даже исследователи и политики, мало знакомые с текстами документов, нередко ошибочно пишут, будто в Бишкеке как раз и было подписано прекращение огня в карабахском конфликте. Они не отличают призыв прекратить огонь от документального оформления взятых на сей счёт *обязательств* на основе принятых руководством всех сторон политических решений. Не вникая в «технологию» перемирия, не учитывают они и того, что это была встреча руководителей парламентских структур сторон в конфликте, а не представителей исполнительной власти. Главы этих структур нуждались бы в официальных полномочиях на подписание такого соглашения от высших руководителей исполнительной власти, а их ни у кого не было, да они и не запрашивались. Организаторы встречи в Бишкеке и не ставили такую задачу, хотя, разумеется, стремились реалистически продвинуть дело к тому, чтобы покончить кровопролитие.

Казалось бы, исследователи должны были обратить внимание и на то, как оценили Бишкекский протокол подписавшие его Бабкен Араркцян и Расул Гулиев. Так Б. Араркцян на специальной пресс-конференции 7 мая 1994 г. в Ереване отметил, что это серьёзный политический документ, однако он составлен в парламентском стиле и носит мягкий рекомендательный характер. Выступая 18 мая 1994 г. на открытии заседания Милли меджлиса, Р. Гулиев в ответ на обвинения группы депутатов в превышении полномочий заявил, что это всего лишь протокол о намерениях, не имеющих юридической силы и носящий рекомендательный характер, для его подписания не требовалось согласия парламента, а также особых полномочий, не нуждается он и в ратификации.

Гипертрофия значения Бишкека в карабахском урегулировании возникла с обеих сторон: в Азербайджане вследствие той шумной политической борьбы, которая развернулась вокруг протокола, а среди армян — из-за эйфории насчет того места, которое занял в Бишкеке и в этом документе Нагорный Карабах. Один из участников бишкекской встречи, нынешний «президент НКР» А. Гукасян в те дни в газете «Республика Армения» назвал её исторической, поскольку Нагорный Карабах впервые был представлен

в качестве равноправной стороны, а «и. о. председателя Верховного Совета НКР» К. Бабурян поставил свою подпись рядом с подписями других участников. Многим армянам примерещилось в этом чуть не какое-то признание НКР. Куда умереннее был Б. Аракцян, заявив на той же пресс-конференции, что главным достижением Бишкека явилось признание Нагорного Карабаха де-факто конфликтующей стороной всеми участниками встречи, кроме делегации Азербайджана. Конечно, не так уж точно, что главное было именно в этом, как и то, что Россия признала Степанакерт в данном качестве лишь в Бишкеке, но Б. Аракцян всё же был реалистичнее своих соплеменников-политологов.

Достоин сожаления, что даже многие серьезные исследователи — и не только в Баку, Ереване и Степанакерте, но и в Москве — из-за несоразмерного увлечения Бишкекским протоколом, практически потеряли из виду куда более основательный документ, принятый на более высоком уровне за 20 дней до Бишкека. Некоторые из них называли Бишкек прорывом в карабахском урегулировании, тогда как подлинный прорыв произошёл немного раньше и вылился в достижение бессрочного прекращения огня.

Как отмечалось выше, 15 апреля 1994 г. Совет глав государств СНГ по инициативе России принял в Москве важнейшее Заявление с четкой постановкой вопроса о прекращении огня как неотложной потребности урегулирования в Карабахе. Такой документ был принят СГГ по Карабаху впервые, причём с прямым участием президентов Азербайджана и Армении! В нём говорилось: «Главный приоритет, императив урегулирования — незамедлительное прекращение огня, всех военных действий и вслед за этим его надежное закрепление. Без этого не перейти к ликвидации последствий трагического противоборства». Стоит подчеркнуть, что к тому времени вообще не было ни одного столь определенного документа на этот счёт, тем более на высшем уровне, многостороннего и с участием глав обоих государств-участников конфликта.

Исследователи не заметили даже, что Бишкек лишь по форме был продолжением встречи парламентариев на Аландских островах, а по своей сути был изначально созван как раз в поддержку главами парламентов установки глав государств СНГ на незамедлительное прекращение кровопролития, изложенной в московском документе. А ведь об этом прямо говорится и в самом Бишкекском протоколе: участники встречи в Бишкеке, поддержав Заявление глав государств от 15 апреля, «высказали готовность оказать полную поддержку усилиям глав и представителей исполнительной власти по прекращению вооруженного противоборства и ликвидации его последствий путем скорейшего заключения соответствующего соглашения». Яснее не скажешь...

Так иногда нечто производное, но броское заслоняет основное, базовое, более содержательное и существенное...

Прорыв к перемирию в Карабахе

12 мая 1994 г. стало днём надежд для пострадавших народов Азербайджана и Армении, для всего Закавказья благодаря вступлению в силу в этот день соглашения о прекращении огня в карабахском конфликте, которое держится уже более двенадцати лет. Соглашения действительно жизненно важного по содержанию и беспрецедентного по форме. Наконец-то и нам, посредникам, улыбнулась удача! Но она благосклонна лишь к тем, кто непреклонно добивается её. Именно на прекращение этого кровопролития были нацелены настойчивые посреднические усилия России на протяжении двух с лишним лет (с сентября 1991 г.).

Лучше сказать с самого начала, что ни сами конфликтующие стороны, ни иные посредники не добивались этого столь упорно и последовательно. Это легко подтвердить десятком фактов. В этом — самый убедительный ответ тем, кто годами назойливо приписывает Москве стремление продлить этот конфликт или затянуть его урегулирование.

Конфликтующие стороны нехотя склонялись иногда к прекращению огня, но, как правило, при неблагоприятном для себя обороте дел на фронте и лишь временному. Обычно в поисках передышки, чтобы затем возобновить боевые действия в погоне за успехами. К сожалению, правящие элиты сторон в конфликте долго не расставались с иллюзией достичь своих целей военным путем, проявляли непримиримость и негибкость. А кое-кто из посредников считал тогда неизбежной продолжительность вооруженной борьбы. А иные под видом участия в урегулировании отдавали свою энергию совсем другим приоритетам.

Ситуация на фронте к началу мая 1994 г. стала весьма противоречивой. После того, как зимой выдохлось контрнаступление азербайджанцев, дав довольно скромные результаты, но резко приумножив потери всех сторон, сложилось по большому счёту определенное равновесие сил. Наиболее упорные бои шли в районе Тер-Тера. Попытки армян овладеть этим городом потенциально представляли большую опасность. Если бы им удалось перерезать дороги, ведущие на второй город Азербайджана — Гянджу, или продвинуться по направлению Барда — Евлах — Мингечаур к реке Кура, то северо-западный выступ республики подвергся бы угрозе отсечения от «материка». Мог повториться кошмар, постигший юго-запад Азербайджана осенью 1993 г., когда армяне вышли на пограничную с Ираном реку Аракс.

Поэтому азербайджанское руководство было заинтересовано в прекращении огня. Прежде оно нередко грешило то нежеланием идти на прекращение огня, то срывами таких договоренностей, но на этот раз настойчиво, с явным укором ставило вопрос, неужели Россия не может остановить военные действия. Это высказыва-

лось и мне с самого высокого уровня. Характерно, что на сей раз оно не выдвигало никаких предварительных условий для прекращения огня, не требовало при этом освобождения захваченных армянами территорий. К концу воскресного совещания в Баку 8 мая в кабинете президента АР вскоре после того, как спикер миллимеджлиса Р. Б. Гулиев подписал Бишкекский протокол, Г. А. Алиев в моем присутствии дал указание министру обороны М. И. Мамедову оформить документ о прекращении огня.

Баку – Москва, 9–12 мая

Сразу же начали работу над текстом. Мне как посреднику приходилось из Баку по советской правительственной линии ВЧ созваниваться с Ереваном и Степанакертом для согласования документа. В какой-то мере помогало то обстоятельство, что Степанакерт как раз объявил, будто прекратил огонь в полночь на 9 мая в одностороннем порядке. В Баку тоже поговаривали об одностороннем прекращении огня, но ясности не было. Тем временем поступали сведения, что столкновения на фронте продолжаются.

9 мая в том же кабинете Г. А. Алиева состоялось новое совещание по доводке подготовленного мной документа о прекращении огня. В нем приняли участие Р. Б. Гулиев, В. М. Гулизаде, М. И. Мамедов, посол в Москве Р. Г. Ризаев. Однако радоваться было рано. Азербайджанцы снова (как 4–5 мая в Бишкеке и накануне, 8 мая в Баку) принялись настаивать на том, чтобы и под этим документом стояла также подпись представителя азербайджанской общины Нагорного Карабаха.

Это стало «пунктиком» бакинской дипломатии. Конечно, эта община оставалась «заинтересованной стороной», но не могла считаться стороной в конфликте. Достаточно сказать, что у неё не было никаких собственных подразделений на фронте, которым надлежало бы прекратить огонь (однажды потом мой финский коллега, сопредседатель минской группы ОБСЕ Р. Ниберг напомнил Г. Алиеву в этой связи, как Сталин спросил, сколько дивизий у папы римского?). Элементарная логика не позволила мне включить в этот текст подпись Н. Бахманова. Но тут же возникли новые препятствия.

Первый вариант соглашения о прекращении огня был подготовлен мной на той же основе, что и прежде — между Баку и Степанакертом. Однако азербайджанцы, ровно 10 раз оформлявшие до этого документы об ограничении военных действий со Степанакертом (без какого-либо участия Еревана), соглашались теперь подписать соглашение только с представителем Армении, но без армян Нагорного Карабаха. Ереван, как и прежде, сначала уходил от этого. Не без труда на этот раз удалось, наконец, договориться по ВЧ о том, что Армения также подпишет документ (впервые после гра-

чевского соглашения в Сочи 19 сентября 1992 г. о приостановке военных действий на два месяца).

Но в отличие от того соглашения в Сочи, Ереван не желал ничего подписывать без участия Степанакерта, а азербайджанцы не хотели ставить подпись рядом с карабахцами, тем более в их присутствии. Известны «технологии», позволяющие подписать документ порознь, т. е. без очной встречи представителей сторон за одним столом, но бакинцы не хотели и этого. Самое главное заслонялось явно вторичным. Кроме того, согласовать место подписания и обеспечить съезд туда полномочных представителей заняло бы не один день, а всё было столь зыбко, что могло за это время и разладиться.

Тупик был абсурдным: все стороны конфликта согласны на прекращение огня, но дело упиралось в то, чьи подписи должны стоять под документом. Надо было безотлагательно использовать готовность всех сторон прекратить огонь и как-то обойти их упорное нежелание встречаться, чтобы нормально подписать единый документ.

Времени на согласование формальностей — в обрез! Выбора между продолжением кровопролития и юридическими тонкостями и быть не могло. Требовались нестандартные решения, даже уловки, чтобы не потерять драгоценную суть дела, не подвергать опасности новые сотни, а, может быть, и тысячи жизней только из-за формальных расхождений. Пригодилась прежняя «технология», применявшаяся нами на протяжении 1993 г. при заключении краткосрочных договоренностей о прекращении огня или его продлении — уже наработанный опыт «факсимильной» дипломатии, когда из-за срочности дела и невозможности собрать представителей конфликтующих сторон воедино приходилось договариваться со сторонами по телефону, а потом быстро оформлять договоренности путем обмена по факсу между ними, но через Москву согласованными и подписанными текстами. Но то были «однодневки», а теперь нужно было совсем иное.

Так 9 мая мы приступили к оформлению прекращения огня, несмотря на нежелание одной стороны проводить специальную встречу и подписывать документ вместе с представителем другой конфликтующей стороны, реально противостоящей ей на поле боя, но с конца 1993 г. не признаваемой более в этом качестве. Остальные параметры договоренности согласовать всё же удалось. Условились, что соглашение подпишут высшие военачальники сторон — министры обороны Азербайджана и Армении и «командующий армией Нагорного Карабаха».

Текст, срочно подготовленный в Баку российским посредником, имел, подобно прежним документам, форму абсолютно идентичного обращения каждой из сторон к трем должностным лицам России. Ради отлаживания непростых отношений между МИД и Минобороны РФ

на первое место среди адресатов я ставил не своего непосредственного начальника, а министра обороны П. С. Грачёва, только на второе — мининдел А. В. Козырева, а на третье — полномочного представителя Президента России по урегулированию в Нагорном Карабахе.

Такая последовательность адресов использовалась и ранее. Она была вполне естественной, поскольку подписывают обращения высшие военачальники и по тексту просят Грачёва как можно скорее провести совещание в Москве с их участием для согласования механизма обеспечения прекращения огня. Приходилось учитывать, что могут потребоваться то ли российские военные наблюдатели, то ли разделительные силы, а они есть только у Минобороны. Грачёв именно себя видел в роли миротворца: как только в сентябре 1992 г. подписал он соглашение в Сочи, тут же нашлись у России военные наблюдатели (а когда прекращение огня готовилось силами МИД РФ, в ответ на наши запросы Минобороны не раз присылало формальные отписки). Вот почему надо было первым поставить Грачёва, хотя ни он, ни Минобороны не имели отношения к составлению этого документа.

Из-за двухдневных дискуссий в Баку (8 и 9 мая — сначала из-за «Бишкекского протокола», а потом по соглашению о прекращении огня) так и не удалось приурочить перемирие ко Дню Победы, как предлагалось в Бишкеке. Наметили было начать его в полночь на 11 мая, но из-за сложного порядка подписания соглашения пришлось сдвинуть ещё раз — на 00 часов 01 минуту 12 мая.

В итоге Г. А. Алиев 9 мая благословил министра обороны Азербайджана М. И. Мамедова подписать текст из четырех пунктов на одной странице. Внизу страницы, где поставил свою подпись М. Мамедов, были пропечатаны также должности остальных «подписантов»: министра обороны Армении и командующего армией НК, но подписывать им предстояло не этот лист, а идентичный текст на своих листах в Ереване и Степанакерте (кое-кто сочинил даже потом версию, будто первоначальный документ не предусматривал подпись от Нагорного Карабаха, внесённую туда задним числом российским посредником — гнусность выдумки сразу видна по тексту соглашения, который подписал М. Мамедов).

Из Баку я отправил факсом этот текст на подписание в Ереван и Степанакерт. Вылетая тут же в Москву, попросил прислать оттуда оба подписанных экземпляра прямо в МИД России. Параллельно сразу выслал копию в Москву, в том числе П. С. Грачёву и его заместителю Г. Г. Кондратьеву, пометив, что текст передал на подпись армянам.

Тем временем министр обороны Армении Серж Саркисян внес небольшие поправки (опустил одну из ссылок на московский протокол министров обороны от 18 февраля 1994 г. и снял идею пригласить председателя Минской конференции СВСЕ по Нагорному Карабаху на подписание будущего Соглашения о прекращении во-

оруженного конфликта). Уже из Москвы по телефону досогласовал эти поправки с Баку, но там быстро согласились с ними.

10 мая получил окончательный текст с подписью министра обороны Армении. 11 мая пришёл факс из Степанакерта с такой же «одиноким» подписью «командующего армией Нагорного Карабаха» Самвела Бабабяна. Немедленно известил все стороны о завершении процедуры подписания и перекрёстно разослал факсом каждой стороне листы с подписями двух других сторон — надо срочно отдать приказы войскам!

Эти три листка (с идентичным текстом и одной подписью на каждом), сведенные воедино в руках российского посредника, и стали искомым соглашением о прекращении огня. Совокупно они составили документ, который обычно подписывают полномочные представители сторон за одним столом либо, по меньшей мере, в один день и в одном месте, на одном листе (а иногда и в нескольких экземплярах). Ссылки в тексте на Протокол министров обороны от 18 февраля и на призыв парламентариев из Бишкека вовсе не означали, что документ был производным от них. Это было самостоятельное соглашение, но упоминание о них как бы закрепляло позитивную динамику мирного процесса.

Плюсы и минусы соглашения о прекращении огня

В отличие от всех предыдущих договоренностей о прекращении огня действие данного соглашения изначально оформлялось «по умолчанию» как бессрочное: на этот раз специально не был указан какой-либо срок его действия. С этим крайне важным обстоятельством согласились все стороны (хотя потом вокруг этого возникали непростые ситуации).

Другое отличие от предыдущих соглашений состояло в том, что на сей раз на каждом листе ставились не по две подписи от каждой стороны (от имени политического и военного руководства — как было прежде), а по одной подписи высшего военачальника каждой стороны. Вроде бы это технические мелочи, но они отражали некоторые политико-процедурные подвижки. Во-первых, как ни капризничали в Баку, под соглашением значилось, что его подписывает и Нагорный Карабах. Во-вторых, как бы ни ловчил Ереван, изображая, будто конфликт лишь между Баку и Степанакертом, ему пришлось поставить и свою подпись. Наперекор пропагандистским ухищрениям сторон, всё это гораздо реальнее отражало обстановку в регионе. Бакинцев радовало появление подписи Еревана. Правда, в дальнейшем Баку стал еще больше уклоняться от признания Степанакерта конфликтующей стороной и участником переговоров.

Только ревнителю стерильной юриспруденции могут скептически обозначать слишком своеобразную форму соглашения. Но можно

вспомнить аналог — широко применяемое заключение договоренностей в виде обмена письмами между сторонами. Специфика ситуации состояла в том, что стороны не были готовы обменяться письмами между собой напрямую (к тому же их было трое!). Именно поэтому использовалась форма обращения каждой из сторон к России как посреднику с принятием идентичных обязательств. Дело облегчалось также тем, что в этом конфликте этот приём оформления договоренностей уже был признан сторонами, не вызывал у них отторжения.

Поэтому соглашение о прекращении огня с 12 мая 1994 г. не имеет единого оригинала или нескольких экземпляров, подписанных представителями всех трех сторон. Не было печатей, сургуча, нарядных папок. Нет и формального депозитария соглашения, хотя все три экземпляра обращения были адресованы и направлены в Москву. Но эти формальные «несовершенства» документа, его несоответствие известным стандартам не помешали, однако, осуществить прекращение огня на практике, а ведь это главное. Дело не в неурядицах оформления, а в политической воле сторон, верно отражавшей в тот момент стремление как азербайджанского, так и армянского народов добиться прекращения кровопролития. К тому же критерий истины — практика, в данном случае длительное перемирие...

Существеннее другие слабости соглашения. Оно не содержало таких обычных средств закрепления прекращения огня, как развод сил конфликтующих сторон от линии их соприкосновения, отвод от нее тяжелых вооружений, создание буферной зоны, размещение там нейтральных наблюдателей или разделительных сил, мер контроля, международных гарантий. Исходили из того, что часть этих задач будет решена на встрече министров обороны Азербайджана, Армении и «командующего армией Нагорного Карабаха», которую в этом обращении все трое просили министра обороны России срочно созвать в Москве (предлагалось даже сделать это 12 мая, но Грачёв не мог в те дни).

Встреча министров обороны в Москве

По приглашению П. С. Грачева встреча прошла 16–17 мая 1994 г. Любопытно, что к ней сотрудники Минобороны РФ, привыкшие к прежним срывам прекращения огня, подготовили своему министру проекты документов, в которых вновь предлагали... прекратить огонь с 18 мая. С некоторым недоверием и даже без удовольствия выслушали они мои пояснения, что такое соглашение уже подписано и вот уже несколько дней как в основном установилось прекращение военных действий (инцидентов было немного, а крупных не было вообще). Поверить, что перемирие, наконец-то, состоялось, было нелегко!

На совещании в Минобороны РФ кое у кого не выдержали нервы. Грачев, не раз проводивший подобные встречи азербайджанских и армянских военачальников по Карабаху и явно раздраженный их несговорчивостью и необязательностью, весьма опрометчиво избрал чересчур резкий, почти ультимативный тон, чуть ли не тон диктата. На следующий день пресса не упустила случая расписать это самыми броскими мазками. К совещанию были разработаны и в основном одобрены на нем меры по укреплению режима прекращения огня, исходившие из размещения в зоне конфликта российских миротворцев.

Но нервы подвели не только Грачёва. В тот же день Г. А. Алиев срочно дал указание своему министру Мамедову не подписывать выработанного на этой встрече документа, а немедленно вернуться в Баку будто бы за дополнительными инструкциями. 17 мая вместе с Мамедовым мы вылетели в Баку. 18 мая Г. А. Алиев принял его и дал указание не подписывать московский документ. Как рассказал мне потом министр, президент помахал перед ним ладонью вниз, давая понять, что не следует торопиться.

Принимая в тот же день меня, президент делал финты, предлагая встречу с Л. Тер-Петросяном в Москве в первых числах июня будто бы уже для подписания «большого политического соглашения», как его окрестили СМИ. Гейдар Алиевич объяснял отзыв Мамедова в Баку неподобающе резким тоном Грачёва, но причины явно лежали поглубже.

Когда 19 мая мы с Мамедовым опять же вместе вернулись в Москву, азербайджанский министр на встрече с заместителем министра обороны России Г. Г. Кондратьевым (Грачев не пожелал принимать его) начал накручивать новые условия как раз для того, чтобы не подписывать документ, подготовленный 16 мая. Он попытался увязать развод войск с выводом армянских сил с занятых ими территорий, хотя это уже не столько военно-технический вопрос, сколько военно-политический, который надо было решать в «большом политическом соглашении».

Азербайджан подвергся сильнейшему нажиму западных держав. Если прекращение огня при посредничестве России было для западников немалым огорчением, то перспектива размещения в зоне конфликта её миротворческих структур становилась для них просто невыносимой. Это видно и из необычайной активизации руководства минской группы после 12 мая, из серии поездок и предложений Яна Элиассона, а также из всей динамики западной дипломатии по Карабаху на протяжении всего 1994 г. Все её усилия были нацелены на то, чтобы обозначить хотя бы перспективу направления наблюдателей и миротворческих сил ОБСЕ — лишь бы не допустить размещения сил России и других стран СНГ. Вот этого нажима Алиев и не выдержал, дав команду на очередной зигзаг в своей политике, на сей раз в сторону Запада.

Уход Азербайджана от средств закрепления прекращения огня не дал возможности основательно упрочить соглашение в военнотехническом отношении. В итоге перемирие не получило надлежащего подкрепления ни от России, ни от Запада и объективно осталось сравнительно хрупким. Не было развода сил сторон от линии соприкосновения, отвода тяжелых вооружений на должную дистанцию, не установлена бесполетная зона и т. п.

Иногда стороны не без гордости отмечают, что прекращение огня поддерживается ими самостоятельно, без подключения иностранных наблюдателей или разъединительных сил. Верно — это действительно достижение! Но всё-таки линия соприкосновения сторон осталась весьма взрывоопасной зоной. Вследствие нередких инцидентов каждый год там гибнут люди. Есть оценки, что за 12 лет в этой полосе погибло более 5 тысяч военнослужащих и мирных жителей. Кроме того, это постоянный источник подпитки напряженности в зоне конфликта, «масло» в огонь враждебной пропаганды.

Чувствовалась разница в восприятии прекращения огня сторонами. В Азербайджане вначале преобладало некоторое облегчение. А некоторые армяне, особенно карабахские упрямцы, не раз потом сетовали, что настойчивость России помешала им овладеть городом Тер-Тер и сделать Баку сговорчивее. Публично же они не раз заявляли, что прекращение огня не столько результат посреднических усилий, сколько прямое следствие установившегося военного равновесия сил.

Закрепление перемирия: фантазии и реалии

Два месяца спустя, 20 июля 1994 г. последовала довольно нелепая попытка западников «перехватить» у России майское прекращение огня. Президент Л. Тер-Петросян сообщил мне в Ереване, что из Стокгольма звонил швед Матиас Мосберг и от имени руководства минской группы (шведы были её председателями) предложил продлить прекращение огня на 30 дней. Отвечаю президенту, что часа два назад М. Мосберг позвонил и мне в Ереван, но ни слова не сказал о таком предложении.

Но ещё более странно и гораздо важнее другое — как это продлить прекращение огня, которое специально было установлено как бессрочное? Что означало бы это на практике? Фактически — дать той или иной стороне возможность через 30 дней отказаться от дальнейшего продления и открыть простор для возобновления военных действий. Разумеется, мы не могли пойти на это — поменять бессрочное перемирие на месячное и оказаться затем перед неизвестностью. Курьезная вылазка Мосберга примечательна тем, что ради «перехвата» прекращения огня в руки минской группы, шведы не останавливались даже перед риском его срыва! Трудно

поверить, что весьма грамотные шведские дипломаты не сознавали этого или действовали так по своей собственной инициативе.

Вместо этого тут же предложил Тер-Петросяну альтернативу. Пусть политические и/или военные руководители сторон периодически (совместно или порознь) подтверждают режим прекращения огня, что только укрепляло бы его. Тер-Петросян одобрил идею. Обсудив её с Баку и Степанакертом, мы получили согласие всех сторон. Тут же сделали первый набросок и начали согласование со сторонами небольшого текста из двух абзацев. Вернувшись в Москву, следил, как стороны — уже напрямую — завершали согласование формулировок.

26–27 июля 1994 г. три военных руководителя: министры обороны Азербайджана и Армении и командующий армией Нагорного Карабаха подписали первое такое подтверждение. Опять же по факсу он был направлен в Москву в те же адреса, что и прежде. Правда, в Баку советник президента Азербайджана Вафа Гулизаде предложил мне направить этот текст и Яну Элиассону как председателю Минской конференции. Мы не стали возражать, согласились и армяне. Так впервые стал фигурировать в переписке с Москвой и этот новый адресат.

Не смешно ли, что посему западники заметно поднимают значение этого документа в противовес соглашению от 9–11 мая? Но ещё раньше мы видели, как Постоянный совет СБСЕ 19 мая вообще «не заметил» этого соглашения, потому что достигнуто Россией, и выразил поддержку альтернативному проекту соглашения об укреплении режима прекращения огня, с которым несколько недель «носился» Я. Элиассон, мешая нашей работе со сторонами над «большим политическим соглашением» (он даже добился подписи азербайджанцев, но они тут же, через два дня, отозвали её).

Новинкой документа от 26–27 июля было то, что на сей раз всё оформлялось уже на одном листе (а не раздельно) с указанием должностей и автографами (это было чуть ли не достижением!). Именно в этом тексте впервые появилась широко использовавшаяся потом в разных вариациях формулировка о том, что стороны обязуются соблюдать прекращение огня вплоть до заключения Соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Дословно это было высказано так: «Противоборствующие стороны обязуются в согласованные сроки подтверждать взятые на себя обязательства по прекращению огня вплоть до заключения большого политического Соглашения, которое предусматривает полное прекращение военных действий».

Поиск путей закрепления отказа от кровопролития был предложен нами. С целью укрепления режима прекращения огня (опять же по нашей инициативе, но от имени сопредседателей минской группы — России и Швеции) была оформлена и с 6 февраля 1995 г. вступила в силу договоренность о порядке урегулирования

вооруженных инцидентов, которые возникали порой чаще на армяно-азербайджанской границе, чем вокруг Нагорного Карабаха. Важно было предоставить в распоряжение сторон четкий механизм, который затруднял бы их продолжение или эскалацию. По просьбе одной из сторон нами был разработан даже проект внутренней инструкции по порядку использования данного механизма. И если стороны не использовали в должной мере этот механизм, то это «их проблема» — они сами ответственны за это.

Спустя много лет обнаруживаю некий перл, принадлежащий Вафе Гулизаде. В бакинской газете «Зеркало» (26 декабря 1998 г.) он расписывает, будто в мае 1994 г. я предлагал установить трехмесячный срок действия соглашения о прекращении огня. «Через каждые три месяца Азербайджан и Армения должны были бы при посредничестве России договариваться о продлении прекращения огня, — негодует он. — Так что кланяться в ноги России нам предлагали через каждые три месяца».

Право, логика довольно странная: неужели Москва, положившая столько сил для прекращения кровопролития в Карабахе, могла быть заинтересована вновь и вновь упражняться каждые три месяца в том, чтобы уламывать таких непростых партнеров продлить перемирие, не говоря уже о возможности его срыва? К счастью, сохранился рукописный черновик этого соглашения: изначальный набросок, сделанный мной в кабинете Г. А. Алиева 8 мая 1994 г. Разумеется, в нём нет ни прямых, ни косвенных намеков срока действия — как уже говорилось, соглашение сразу делалось как бессрочное!

Но В. Гулизаде не останавливается на этой выдумке. Он продолжает фантазировать: «Формулировка о прекращении огня — „вплоть до заключения мирного соглашения“ — была достигнута обходным путем, по телефону, минуя Москву, Париж, благодаря конструктивизму и сотрудничеству Жирайра Либаридяна, бывшего советника бывшего президента Армении Левона Тер-Петросяна, с которым я вел прямые переговоры. Эта формулировка, наряду с другими факторами, несомненно, способствовала тому, что прекращение огня приобрело устойчивый характер. Начался мирный процесс, и перестали гибнуть люди».

Не хочу оспаривать слов о Ж. Либаридяне и важности упомянутой формулировки. Но Вафа Мирзоевич не отличился тут ни серьёзностью суждений, ни надёжностью своей памяти. Мирный процесс начался ещё раньше, люди больше перестали гибнуть благодаря перемирию, а не какой-то отдельной формулировке. Прямые переговоры советников двух президентов начались в Амстердаме лишь 19 декабря 1995 г., полтора года спустя. Так что и в этом деле участие Москвы не было лишним, хотя В. Гулизаде — то ли по забывчивости, то ли по умыслу — столь рьяно отрицает, даже отвергает его.

И уж совсем не удержал он в памяти, что предлагалось делать раз в три месяца. В июле 1994 г. в связи с разработкой текста пе-

риодических подтверждений прекращения огня, вначале действительно была идея делать их раз в три месяца, но затем в ходе согласований конкретная периодичность выпала. Но ведь это вовсе не срок действия прекращения огня! Одним словом, не то, не тогда и не там... Тщетна попытка В. Гулизаде вчинить нам сей нелепый укор! Не буду касаться политической сути его строк. Сознает ли он, в каком дефиците у него самое необходимое — сама достоверность изложения?

Так в основных чертах обстояло дело с прекращением огня и военных действий в Карабахе в мае 1994 г. Хотя пресса, политологи и даже некоторые исследователи, нередко не зная документов, впадают в путаницу и вводят в заблуждение своих читателей. Незнание документов по этому конфликту носит пандемический характер. Можно лишь диву даваться при чтении разного рода обозревателей и комментаторов.

Чаще всего приписывают прекращение огня Бишкекскому протоколу, не понимая, что там был лишь призыв руководителей парламентов прекратить огонь в ночь на 9 мая, а не соглашение об этом с 12 мая 1994 г. Отмечая 12-летие перемирия, ряд бакинских СМИ, как по единой команде, утверждали, что в тот день «вступил в силу» Бишкекский протокол. Им и невдомек, что это был политический документ, а не юридический, который может вступать в силу. Готов признать собственную погрешность: конечно, его надо было назвать тогда призывом, а не протоколом.

Другая нередкая ошибка — будто прекращение огня в Карабахе установлено с 18 мая (на упомянутом совещании министров обороны в Москве). В какой-то мере повинны в этом и мы, поскольку не публиковали текст соглашения о прекращении огня (правда, говорят, он давно был размещён на сайте «МИД НКР»).

Кому и перемирие не власть

Остаётся добавить, что прекращение кровопролития не только и не столько порадовало, сколько озаботило наших западных партнеров по минской группе ОБСЕ тем, что достигнуто при содействии России. Это вызвало немалый переполох среди западников и необычайную активизацию шведов как председателей минской группы СБСЕ. О некоторых «контрмерах» уже говорилось. Когда минской группе не удалось перехватить прекращение огня, возобладала линия на то, чтобы, признав скороговоркой вклад России, хотя бы умалить его значение. Это проявлялось в различных формах.

Например, и поныне, много лет спустя, справочники ОБСЕ утверждают, будто соглашение о прекращении огня в Карабахе имело неофициальный характер. Выше уже отмечалось, что в нём нет юридической чистоты и других тонкостей. Но оно под-

писано старшими военачальниками всех трех сторон в конфликте, уполномоченных на то высшими руководителями Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха. Более того, его многократно и публично одобряли и подтверждали первые лица всех сторон в конфликте. Оно не требовало одобрения парламентов, но было однозначно одобрено народами. Годы, прошедшие с тех пор, подтвердили его жизнеспособность. Каковы же основания считать его неофициальным? Кто и по каким критериям уполномочен определять меру официальности этого документа? Вряд ли корректно судить об этом со стороны СБСЕ, которое не имело прямого отношения к его подписанию. Если в этом истолковании и состоит реальный вклад ОБСЕ в карабахское урегулирование в части прекращения огня, то вряд ли он полезен.

Свою лепту в возбуждение сумятицы насчет характера этого соглашения внёс в свое время президент Армении Л. Тер-Петросян. Выступая на 49-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 1994 г., он заявил, что «благодаря прямым и непосредственным контактам сторон конфликта установленное 12 мая прекращение огня получило де-факто 27 июля и 28 августа 1994 г. официальный характер, стороны подтвердили свое стремление соблюдать режим прекращения огня до подписания политического документа». Слова президента Армении явно нацелены на показ плодотворности прямых контактов между сторонами конфликта, хотя абсолютно ничем не возможно подкрепить его суждение о том, будто заявления в конце июля и августа того года имели более официальный характер, чем само соглашение. Тот же уровень подписей, то же благословение высших руководителей. Как прекращение огня могло получить (к тому же де-факто!) официальный характер от июльского и августовского подтверждений — одному богу известно?! Надо сказать, что со стороны Азербайджана и Нагорного Карабаха подобных чудачеств не было.

Важно отметить, что в то время американцы как раз вели работу в пользу так называемой «формализации» прекращения огня (иначе говоря, как бы придания ему более официального характера). Вице-президент А. Гор и госсекретарь У. Кристофер 27 сентября 1994 г. говорили нашей делегации в США об этом как чуть ли не о первоочередной задаче по Карабаху. В переводе с псевдо-юридического на язык политики это, с одной стороны, означало по-прежнему стремление принизить достижение России как посредника, а, с другой — поиск новой формы того же перехвата прекращения огня в руки СБСЕ. Поэтому в ответ им А. В. Козырев подчеркнул тогда, что надо добиваться политического соглашения между сторонами конфликта, ибо в его отсутствие прекращение огня никогда не станет устойчивым, сколько бы мы его не формализовали.

Стоит ли удивляться тому, что затем кое-кто из исследователей стал называть это соглашение «неофициальным», что междуна-

родные чиновники из Секретариата ОБСЕ упорно твердят об этом в своих официальных справочниках? А ведь вопрос этот не носит чисто исторического или абстрактно юридического характера. То, что этим пытаются узавить роль России, не самое главное. Суть в другом: это соглашение остается пока единственным реальным достижением в карабахском урегулировании — его значение ощущают оба народа и весь регион. Тем самым подрывают то небольшое, но существенное, что достигнуто по Карабаху. Более того, опасно потакают тем авантюристам от политики, которые вновь ратуют за силовое решение этого затянувшегося конфликта. Так что, судя по обстановке в регионе, это имеет самое прямое отношение не только ко вчерашним делам, но и к сегодняшним, и, нельзя исключать, что к завтрашним.

О роли России в установлении перемирия

На этот счет есть крайние суждения. Одни усиленно подчеркивают роль России в прекращении кровопролития в Карабахе, так как будто бы всё и зависело только от посредника, от его настойчивости и давления на стороны. Другие низводят эту роль, будто стороны остановили огонь сами по себе. Эта позиция, казалось бы, подтверждается и тем, что прекращение огня удерживается довольно долго без нейтральных наблюдателей или разъединительных сил.

Например, тогдашний «мининдел Нагорно-Карабахской Республики» А. Гукасян, выступая на публичных слушаниях в Комитете по делам СНГ и соотечественников за рубежом Госдумы России 11 апреля 1995 г., заявил, что не посредничество России остановило огонь, а усталость сторон и сложившееся равновесие сил. Мысль об усталости обоих народов от войны в качестве источника перемирия развивает и известный азербайджанский политолог Ариф Юсуфов. Нет сомнения, что оба упомянутых фактора сыграли свою роль в достижении прекращения огня. Но ведь народы региона устали от крови не к 12 мая 1994 г., а гораздо раньше, и уж, безусловно, к концу 1993 г. Да и равновесие сил держалось раньше, несколько месяцев после захвата Кельбаджарского района. Дело всё-таки сложнее, слагаемых несколько больше, чем те два, которые отмечены А. Гукасяном.

Для уяснения этого феномена нельзя игнорировать многое другое.

Во-первых, Баку до последнего времени не терял надежды на военную победу над армянами. Поэтому не раз уходил от прекращения огня и других миротворческих инициатив или шел на это лишь в тактических целях, а затем срывал даже подписанные договоренности.

Во-вторых, Россия и Совет глав государств СНГ последовательно проводили установку на однозначный приоритет, императив прекращения огня в процессе урегулирования. Только Россия и по ее инициативе Совет глав государств СНГ так четко ставили эту задачу как самую первоочередную.

В-третьих, со стороны России это была не просто принципиальная установка, а настойчивая, последовательная практика ее руководства, министерств иностранных дел и обороны РФ. Достаточно упомянуть целую серию краткосрочных прекращений огня, достигнутых в этом конфликте именно при посредничестве России в 1991, 1992 и особенно в 1993 годах. К сожалению, они не так долго продержались, но явились важной политико-психологической основой бессрочного прекращения огня с 12 мая 1994 г., которое держится поныне.

В-четвертых, Россия добивалась этого и в минской группе СБСЕ, но там ее голос за прекращение огня или хотя бы приостановку военных действий довольно долго глушили представители некоторых других стран, которые диктовали тогда курс минской группы и придавали больше значения непрерывности переговорного процесса, чем прекращению огня.

В-пятых, стоило бы припомнить, что другим посредникам ни разу не удалось добиться реального прекращения огня в Карабахе: ни минской группе СБСЕ, ни Тегерану, ни Алма-Ате...

Как рассказывали мне некоторые коллеги по минской группе, посол США Джон Мареска заочно даже слегка трунил и чуть ли ни жалел меня — дескать, немного свихнулся на прекращении огня, продолжение боев пока неизбежно, не тот это путь к урегулированию.

Правда, шведам — руководителям минской группы в начале 1994 г. — очень хотелось добиться прекращения огня — пусть даже вместе с Россией, а лучше в обход, без нее, от имени минской группы СБСЕ.

Если А. Гукасян остаётся при своем прежнем мнении, то пусть бы объяснил, почему руководители Нагорного Карабаха довольно долго высказывали представителям России своего рода укор или претензию за то, что русские в мае 1994 г. помешали им взять Тер-Тер. А это означало бы выход на Барду и Евлах и угрозу отрезать в районе Мингечаура весь северо-запад Азербайджана (подобно тому, как был отрезан в октябре 1993 г. его юго-запад). Стало быть, несмотря на усталость и равновесие сил, карабахские лидеры еще стремились тогда выжать максимум из наступления на Тер-Тер, но вынуждены были под давлением обстоятельств остановить огонь.

Вот так обстоит дело с ролью России в прекращении огня. Не стоит преувеличивать её, но и умалить не удастся.

РЕЦЕНЗИИ

**О. Ю. Солодянкина. Иностранные гувернантки в России.
М., 2007. 511 с.**

Воспитание стало паролем и отзывом, альфой и омегой культуры нового времени, которая открыла для себя человеческую личность. Казалось, что это рычаг, навалившись на который, можно перевернуть весь мир. Консерваторы и революционеры сходились в страстном стремлении к формированию нового человека, который переустроит будущую жизнь на единственно верных началах. Два полюса этой педагогической утопии — общественное воспитание во всевозможных корпусах, институтах и пансионах и домашнее воспитание посредством гувернеров, гувернанток и домашних учителей. В России рычаг имел особенность — переворачивать мир нужно было не абы как, а в строго определенном направлении — в направлении европеизации. Поэтому идеальное русское воспитание в XVIII — первой половине XIX в. — это воспитание европеизирующее. Наряду с обрезанием долгополых кафтанов, бритвём бород и насильственным внедрением кофия и табака, в русские семьи вошли чужеземцы и чужеземки — отнюдь не всегда культурные и образованные, но обладавшие главным качеством — они были европейцами. Эти люди стали главными деятелями самой длительной, самой фундаментальной и одновременно самой незаметной, растворенной в быте петровской реформы. Через их руки прошло несколько поколений русской элиты, это они воспитали людей, которые стали творцами и современниками золотого века русской культуры. А когда новая самобытная русская жизнь встала на ноги и переросла своих старых учителей, они тихо ушли в небытие, и сами их образы в литературе и воспоминаниях приобрели стилизованный колорит, иногда мешающий разглядеть подлинную жизненную драму.

Монография О. Ю. Солодянкиной представляет собой кладезь всевозможных фактических сведений о житье-бытье иностранных бонн и гувернанток в России XVIII — первой половине XIX вв. Остается лишь сожалеть о том, что, посвятив своё исследование ис-

ключительно женщинам, автор без всякого объяснения оставляет за бортом мужчин-гувернеров, а также такие смежные явления как иностранки-компаньонки и домашние учителя обоего пола.

Европейка среди русских, свободная служительница среди крепостных рабов, независимая, трудящаяся женщина, воспитывавшая девочек, чьи законы и обычаи их родной страны ставили в полную зависимость от мужчины, — иностранная гувернантка более ста лет неизменно играла роль бродильного фермента, заброшенного в патриархальные глубины русского дворянства. Одинокая, годами, десятилетиями лишенная общения с соплеменниками, нередко навсегда утратившая связь с родными и со своим отечеством, она превратилась в почти необходимую принадлежность состоятельного дворянского дома. Путь, пройденный ею, был путем становления европейской культуры в России, и за труды, смиренно подъятые на этом долгом пути, она, безусловно, достойна и памяти, и памятника, и, конечно же, исследовательского интереса — куда более глубокого, чем феноменологическое описание О. Ю. Солодянкиной.

Жизнь иностранных гувернанток в России была трудна; не зная русского языка, обычаев и особенностей социальной среды, они переживали шок от столкновения с, увы, чуждой им культурой и по-разному справлялись с этим шоком — кто-то более успешно, кто-то — менее, а кто-то совсем не справлялся. Со своей стороны, они оказывали влияние на своих подопечных — тоже разное, на одних более сильное, на других — менее. Довольно неожиданно эти простые и очевидные выводы работы (впрочем, имеющие косвенное отношение к ее содержанию) излагаются на птичьем языке культурологии. К сожалению, вопреки преизобилию наукообразных терминов в заключении, книга не отвечает на главные вопросы исторического исследования — как описываемый феномен в целом развивался во времени, через какие стадии проходил, что послужило предпосылками его формирования, какие явления в культуре на следовали ему, как он взаимодействовал с современными тенденциями частного и общественного образования в России и в широком европейском контексте и др. Вместо этого отдельные разделы посвящены подробному и содержательному описанию социального и правового положения иностранных бонн и гувернанток, условий их жизни, педагогических практик, взаимодействия с воспитанниками, хозяевами и другими обитателями дома и т. д. — все это «вообще», зачастую без учета трансформации в течение полутора столетий. Благодаря литературным дарованиям цитируемых писателей и мемуаристов, книга читается легко с интересом, но фактически оставляет читателя один на один с материалом, предоставляя ему полный простор для собственных интерпретаций.

Заняться самостоятельным поиском ответов на возникшие вопросы, несомненно, поможет приложение, составляющее поч-

ти четверть объема книги. Именной указатель содержащий краткие справки об упомянутых в книге персонажах, но, к сожалению, не привязанный к конкретным страницам книги, статистическая информация, впрочем, никак не проанализированная в ходе самого исследования, и наконец огромный библиографический список, в который включены сотни наименований источников и научной литературы по теме домашнего образования. За составление последнего О. Ю. Солодянкина заслуживает самой искренней благодарности всех заинтересованных читателей.

А история домашнего воспитания в России всё ещё ждет своего исследователя.

Н. В. Самивер

Clive Emsley. *Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe*. Oxford: Oxford University Press, 1999; *Gendarmerie, État et société au XIXe siècle. Actes du colloque du Centre de recherches en histoire du XIXe siècle*. Paris, 2002.

Правоохранительная система Российской империи — одна из слабо изученных в отечественной историографии проблематик, особенно применительно к дореформенному периоду. В частности, почти полностью обойденной вниманием оказалась отечественная жандармерия XIX в., которая по-прежнему ассоциируется почти исключительно с деятельностью тайной полиции, выступая в качестве вооруженной силы III отделения и Департамента полиции и изучается в основном применительно к политической истории конца XIX — начала XX вв.

С появлением в 1791 г. первой в мире, французской, жандармерии, эта модель охранения общественной безопасности начала стремительное распространение по континенту и к середине XIX в. охватила все европейские державы, кроме Великобритании. В России единый, централизованный Корпус жандармов был создан в 1820—30-е гг., т. е. в те же годы и, естественно, с учетом европейских моделей. Однако изучение сформированной тогда в России правоохранительной системы ведется, как правило, вне общеевропейского контекста. Тогда как именно сравнительный подход в данном случае должен стать залогом выделения тех специфических черт, которые отличали систему охранения безопасности в России как одну из частей общей конструкции государственного механизма империи. Богатый материал для сравнительного анализа дают две работы по истории европейских жандармерий XIX века.

Работа профессора Британского Открытого университета Клайва Эмсли является, пожалуй, первой в новейшей историографии попыткой комплексного подхода к феномену жандармерии. Поставив в центр исследования французскую модель, Эмсли задался целью осветить те базовые принципы, на которых строилась европейская жандармерия в целом, цели ее создания, методы осуще-

ствления обязанностей. Эмсли ставит в своей книге существенный вопрос: почему именно в XIX веке оказалась востребованной такая полувоенная структура для осуществления функций общей полиции, почему большинство правительств европейских государств вслед за Францией признали ее эффективность в деле обеспечения общественного порядка? Для решения поставленных задач Эмсли обратился к французскому материалу, взяв его за модель, по которой затем оценил жандармерию Пруссии, Австрии, ряда немецких государств, Италии, Испании, России, упомянув схожие по структуре институты, появившиеся в XIX в. и в других странах мира. Источниковая база работы очень обширна — привлечены материалы французских, итальянских, немецких, а также английских центральных архивов, в которых автор исследовал наиболее существенную официально-правовую документацию, раскрывающую организационную структуру жандармерий и переписку виднейших деятелей XIX века, обсуждавших вопросы создания и функционирования жандармерий.

Первая и основная часть книги представляет собой новейший обзор истории французской жандармерии, с законодательного оформления ее прямой предшественницы — королевской маршосе (*maréchaussée*) в 1720 г. — до конца XIX в. Такой подход автора представляется вполне оправданным, поскольку Франция стала не только родиной первой в Европе жандармской системы, но именно эта система в течение первой половины XIX в. (а, частично, и впоследствии) была взята на вооружение большинством европейских правительств. Этот факт тем более примечателен, что в таких государствах, как Испания, Голландия, Пьемонт, жандармерия появилась вследствие наполеоновской оккупации, но в отличие от многих других французских новшеств не была затем ликвидирована.

Что же такое жандармерия? По мнению Эмсли, это полиция с военным статусом, подчиняющаяся в первую очередь военному министру, руководствующаяся военным уставом, который определяет порядок действий, дисциплину и иерархическую соподчиненность. Основные функции традиционной европейской жандармерии XIX в. сводились к следующим: охранение порядка в сельской местности и, в меньшей степени, в городе, в т. ч. поимка преступников, бродяг и проверка документов, ежедневное патрулирование местности, составление актов о правонарушениях и, в отдельных случаях, проведение расследований (как правило, функция гражданской полиции), охрана основных транспортных магистралей, обеспечение безопасного проезда особых составов и экипажей, в т. ч. с заключенными, сбор информации об общественных настроениях, с составлением ежегодных или ежемесячных отчетов, в столицах — охрана особо значимых государственных объектов (столичный жандармский корпус обладал обычно особым статусом

и наименованием, но функционировал также как военизированная полиция). Жандармы охраняли безопасность судов и военных трибуналов, непременно присутствовали на ярмарках и других массовых скоплениях людей, при необходимости разгоняли демонстрации и подавляли крестьянские выступления. Кроме того, почти повсеместно на жандармов возлагался контроль за проведением наборов в армию, поиск и поимка дезертиров. Жандармы привлекались к участию в военных кампаниях, где могли играть роль военной полиции, но могли и сражаться на поле боя. Ни в одном из европейских государств жандармерия не служила полной заменой гражданской полиции, подчиненной МВД, а дополняла ее.

В жандармы набирали только грамотных нижних чинов с опытом службы в полевой армии не менее 2–5 лет и не имевших нареканий по службе. Как правило, для них устанавливался и возрастной ценз в 25–30 лет. Жандармы делились на конных и пеших (в основном в зависимости от характера местности), при этом их пропорции сильно варьировались по регионам и странам (во Франции наблюдалось примерное равенство, в Испании конных было в среднем в 10 раз меньше). Жандармов обычно направляли служить в знакомую им местность, но никогда не непосредственно в тот округ, где они родились.

Жандармы действовали в рамках бригад из 4–8 человек, проживали в казарменных помещениях и осуществляли патрулирование парами (образ двух жандармов на лошадях стал характерным для литературы XIX в.). Только в Пруссии и других государствах Германского союза жандармы (или *landjäger*) проживали в отдельных домах и патрулировали местность поодиночке.

Особенность традиционной (французской) жандармской структуры состояла в ее соподчиненности: в организационном плане она составляла часть военного министерства, но должна была подчиняться приказам министра юстиции и министра внутренних дел в сфере отчетности о преступлениях и проведении расследований и министру полиции в сфере сбора политически значимой информации. Такая соподчиненность (со своими особенностями для каждого государства) неизбежно вела к путанице, которая преодолевалась, как правило, за счет приоритетной подчиненности военным структурам (р. 3–5). Такую же систему и те же функции жандармерия сохранила и при переходе европейских армий к всеобщей воинской повинности.

В каких государствах в течение XIX в. возникли жандармские структуры? Вслед за Францией (1791) они появились в подконтрольных Французской империи Голландии, Бельгии, Испании, Пруссии и других государствах Рейнского союза, в большинстве Итальянских государств, в том числе уже с 1816 г. в Папском государстве (к слову, в 1827 г. было 2591 папских карабинеров). В Пьемонте новый устав был принят в 1822 г. после революционных собы-

тий, на его базе возник и общеитальянский устав 1867 г. В Испании в условиях нестабильности политической власти после наполеоновской эпохи новая централизованная жандармерия (*Guardia civil* — Гражданская гвардия) возникла по декрету 1844 г. В Австрии единая жандармерия появляется только в июне 1849 г.: ранее ее созданию противились мощные придворные группировки, отражавшие интересы крупных землевладельцев (р. 224–226). Нечто схожее происходило и в Пруссии: по эдикту Гарденберга 1812 г. жандармерия насчитывала 9000 человек, а в 1820 под давлением юнкеров сокращена до 1300 (р. 182). В 1839 жандармерия появляется в Дании.

Для сравнительного анализа базовыми являются статистические показатели об общей численности жандармерии и численности в отношении к населению, и работа Эмсли дает не полный, но вполне убедительный материал по нескольким хронологическим срезам для крупнейших государств. Не вдаваясь в детали, отметим, что во Франции штат Национальной жандармерии (без учета морских жандармов, жандармов в колониях и заморских территориях) постоянно рос (с периодами кратковременных спадов): 7455 — в 1791 г., 14 000 — в 1842, более 21 000 — в начале XX в., в Италии с середины до конца XIX в. вырос ориентировочно с 18 000 до 22 000, в Испании — с 7 000 до 19 000.

Особый интерес представляют рассуждения Эмсли о причинах столь быстрого распространения жандармерии по территории континентальной Европы. Наполеон прямо писал, что «жандармерия позволяет наиболее эффективно сохранять внутри государства мир и спокойствие» (р. 2). По мнению британского исследователя, до XIX в. в европейской деревне для разрешения внутренних конфликтов почти повсеместно применялось обычное право, но с наполеоновской эпохи оно становится неэффективно из-за усложнения социальной структуры, увеличения мобильности населения. Жандарм выступал в качестве единственно возможного независимого судьи (р. 252–253). С другой стороны, появление жандармов в деревне обозначало проникновение туда агентов государства, стремившихся более тесно контролировать сельское население, жандармы были существенным каналом распространения государственной идеологии, единого законодательства. Жандармерия позволяла постоянно «щупать пульс» общественных настроений и предотвращать восстания. Жандармы решали важнейшие задачи по обеспечению государственного единства — пресекали, и вполне успешно, организованный бандитизм, контролировали циркуляцию оружия. По словам Эмсли, жандарм «принуждал к принятию новых форм общественной дисциплины» (р. 8). Именно этой ролью и объясняется военный статус жандармерии, который легитимизировал ее деятельность, внушал населению доверие за счет открытости действий жандармов, символизировал власть государства. В то же время, эта открытость резко снижала эффективность жандармерии

как полиции, что привело к острым дебатам о ее судьбе в начале XX в., в период роста насилия и преступности в Европе.

Также Эмсли принадлежит классификация полицейских структур Европы XIX в., принятая большинством исследователей¹. Подавляющее число государств переняли французскую модель с ее сочетанием гражданской и военизированной полиций. Другой пример предлагала Великобритания, где в течение столетий формировалась особая система охранения общественной безопасности. В 1829 г. с созданием Столичной полиции Лондона (Metropolitan Police of London) она получила окончательное оформление. Это была гражданская полиция, ориентированная почти исключительно на городское население. Во всех крупных городских центрах на базе местного бюджета создавались схожие структуры со значительной степенью автономии от столичной полиции. В период кризиса жандармерии в конце XIX — начале XX вв. европейские либералы ставили англо-саксонскую систему в пример (схожая структура была и в США, а в Канаде в 1873 создана полиция по образцу жандармерии), требуя упразднения военизированной полиции. Впрочем, сами англичане ввели жандармскую по сути систему в Ирландии, где в 1836 г. появилась военизированная полиция (Constabulary) со штатом в 7700 человек (р. 247). При этом Эмсли признает, что дискуссионным остается вопрос о сравнительной эффективности «французской» и «английской» систем, критикуя положение, согласно которому английская система, перенятая рядом европейских государств в XX в., изначально признается более эффективной и при этом демократической (р. 4–5).

Две страницы Эмсли уделил и Отдельному Корпусу жандармов Российской империи. Историк отмечает, что он был создан по французской модели, обладал схожей структурой, но постепенно оказался в полном подчинении не военного министерства, а политической полиции (III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии). Одной из основных целей его создания явилось стремление столичного правительства контролировать деятельность местных администраций. Однако корпус имел «ничтожно малое число жандармов, учитывая необъятные размеры империи и поставленные перед ним задачи». В итоге его основной ролью, по мнению Эмсли, стало преследование политических противников режима (р. 241).

Второй труд, вышедший в издательстве Сорбонны в 2002 г., явился публикацией наиболее значимых и специально подготовленных для данного издания выступлений участников конференции, прошедшей 10–11 марта 2000 г. в Париже под эгидой Сорбонны и Исторической службы Национальной жандармерии Франции.

---

1. Эта тема развивалась им и в более ранней работе: Emsley C. Policing and its context, 1750–1870. New-York, 1984.

В сборник вошли статьи и заметки 34 авторов — в большинстве своем французских историков, среди которых несколько аспирантов и докторантов, по представителю от Национальных архивов и от Исторической службы жандармерии, а также ряд историков из других стран Европы. Редактором сборника выступил профессор Сорбонны Жан-Ноэль Люк (Jean-Noël Luc), несколько лет посвятивший изучению французской жандармерии. В конференции участвовал и Клайв Эмсли, причем теоретические постулаты его работы были приняты участниками за основу (р. 198).

Книга состоит из пяти частей, каждую из них предваряет отдельная статья за авторством Люка, что придает работе целостный характер. Четыре из пяти глав посвящены проблемным аспектам истории французской жандармерии. Составителям сборника удалось акцентировать внимание на целом ряде нерешенных актуальных проблем истории жандармерии Франции.

В предисловии к книге Люк делает детальный историографический обзор и приходит к выводу, что, несмотря на обилие публикаций по истории французской жандармерии, лишь несколько работ, в первую очередь, монография Эмсли, позволили перейти от описания развития ее организационных форм к постановке существенных вопросов, связанных с ее ролью в жизни французского общества.

Первая глава «Вооруженная рука государства» посвящена истории законодательного оформления структуры, статуса и функций французской жандармерии. Во вступлении редактор описывает важнейшие этапы ее становления с момента создания в 1791 г. до конца XIX в. и характеризует законы 1791 и 1798 гг., королевский ордонанс 1820 г. и декреты 1854 и 1903 гг. — основные законодательные акты, ставшие базой функционирования жандармерии в XIX в — начале XX вв. Люк отмечает, что в XIX в. прочно закрепился военный статус и организация жандармерии, при этом нормой стала соподчиненность ее четырем министрам при главенстве военного министра. Статья Жака Лорнье (Jacques Lorgnier) посвящена истории предшественницы жандармерии — королевской марешосе XVII–XVIII вв., которая действовала на схожих принципах, но на сильно ограниченной территории. Интересны наблюдения статьи Орильен Линьеро (Aurélien Lignereux), посвященной взаимоотношения министра полиции при Наполеоне Ж. Фуше и маршала Б.-А. Монсея, занимавшего существовавшую несколько лет должность генерал-инспектора жандармерии. Фуше стремился максимально распространить свой контроль над жандармерией, утверждая в бюллетене, подготовленном для Наполеона, что «только полиция, будучи в курсе всех обстоятельств, может дать деятельности жандармерии нужное направление» (р. 74). Он составил проект демилитаризации жандармского корпуса и переподчинения его министерству полиции. Однако Наполеон пресек

подобные попытки, установив хрупкий компромисс, который был преодолен с отставкой Фуше. Не менее острая проблема затронута в статье Фабьена Гаво (Fabien Gaveau) «Жандармы и сельские полицейские в 1795–1854 гг.». Удачно выбранный ракурс позволяет наглядно показать, как жандармы постепенно входили в сельскую жизнь, заменяя традиционные институты обычного права. Вся первая половина XIX в. прошла для них в соперничестве с сельскими полицейскими, выбиравшимися на сходах жителей и служивших на договорных началах на средства самих жителей. В 1847 г. во Франции было 35 тыс. сельских полицейских. Центральные власти стремились утвердить легитимность жандармерии, чего в итоге удалось добиться за счет большей эффективности их действий. Ответственность была разграничена благодаря организационному подчинению сельских полицейских мэрам. В последующие годы роль сельских полицейских постепенно падала, хотя эта служба сохранилась в отдельных департаментах Франции и поныне.

Ксавье Борда (Xavier Borda) проанализировал проекты реформ французской жандармерии в годы Третьей республики. Наибольшим нападкам подвергался военизированный статус жандармерии, который чиновникам из министерств юстиции и внутренних дел виделся препоной для успешного осуществления полицейских функций. Предлагалось либо ликвидировать этот статус, превратив жандармов в гражданских полицейских, либо позволить им осуществлять функции в штатском. Однако сильное военное «лобби» успешно противостояло данным проектам. Обсуждение продолжила статья Жан-Марка Берлиера (Jean-Marc Berlière) «Жандармерия под вопросом в начале XX в.», показывающая, что жандармы были не готовы ответить на целый ряд новых угроз начала XX в., но вместо реформы жандармского корпуса последовало значительное усиление и модернизация полицейских структур министерства внутренних дел.

Вторая часть сборника посвящена вопросам номинальной и реальной численности французской жандармерии конца XVIII — начала XX вв., территориального распределения жандармских бригад, участия жандармов в боевых действиях. Во вступлении Люк дает общую информацию по этим вопросам, в том числе упоминает о двух жандармских батальонах, участвовавших в осаде Севастополя в 1854–1855 г. (р. 146). Также в состав главы вошли статьи Андре-Поля Комора (André-Paul Comor) о становлении французской жандармерии в Алжире в 1830–1914 гг., Юбера Эйриэса (Hubert Heyriès) о савойских жандармах в момент присоединения области к Франции в 1860 г. Статья Жан-Поля Журдана (Jean-Paul Jourdan) предлагает вариант конкретно-исторического исследования о распределении жандармских бригад по территории пяти департаментов в течении XIX в. Николь Готтери (Nicole Got-

teré) описывает взаимоотношения имперского министра полиции Савари и командующего жандармерией в Испании в 1810–1813 гг. генерала Буке, показывая недовольство Савари существованием неподконтрольной ему жандармерии и его неудачные попытки расширить свою власть над ней.

Во вступлении к третьей части сборника Люк рассуждает о функциях жандармов, развитии этих функций в исторической перспективе, их возможной классификации. Он останавливается на вопросе постепенной инкорпорации жандармов в сельский мир, указывает на неисследованность проблем изменения образа жандарма в восприятии сельских жителей и обращается к вопросу довольно стойкой общественной «жандармофобии». Здесь же он предлагает оптимальный, по его мнению, вариант подхода к архивным материалам для освещения вопроса о задачах жандармерии, применимый и к отечественному материалу (р. 206–207). Большой интерес представляет статья Пьера Карила-Коэна (Pierre Karila-Cohen) о деятельности жандармов по сбору политической информации и контролю за общественными настроениями в 1815–1848 гг., т. е. в годы становления централизованной жандармерии в России. Вывод автора сводится к тому, что данные функции были второстепенными в общем объеме деятельности французских жандармов, однако только жандармы имели возможность регулярно собирать информацию о политических настроениях сельских жителей. Статья Кристиана Эстева (Christian Estève) освещает проблему борьбы жандармов с незаконной охотой (важный вопрос, связанный с ущемлением прерогатив аристократии). Мариэль Питон-Бернико (Marielle Python-Bernicot) рассмотрела отношения парижских жандармов с пожарными — элитной и так же военизированной частью. Две статьи освещают конкретную деятельность жандармов двух французских департаментов по борьбе с правонарушениями и преступлениями.

Четвертая часть сборника обращается непосредственно к образу жандарма XIX в. Ж.-Н. Люк ставит те вопросы, которые ждут своего разрешения: каковы социальное происхождение, уровень профессиональной подготовки и образования французских жандармов, какова возрастная структура жандармского корпуса, что мотивировало их переход в «военную полицию» из армии, каков был уровень их материального обеспечения. По словам Люка, жандарм в общественном сознании традиционно ассоциируется с «уко-ренившимся» солдатом, который имеет возможность вести собственное хозяйство и обзавестись семьей; но насколько применим такой взгляд по отношению к жандарму XIX в.? Ряд статей призван показать возможные пути решения поставленных проблем. Сирил Картайрад (Cyril Cartayrade) и Жан-Луи Леноф (Jean-Louis Lenhof), авторы двух статей, предлагают популярный путь микроисследования: взяв в качестве объекта анализа две жандармские

бригады (4–5 человек) на небольшом хронологическом срезе, они показывают процесс инкорпорации жандармов в сельскую жизнь, налаживания взаимовыгодных отношений с населением. Арно-Доминик Ут (Arnaud-Dominique Houte) изучил формулярные списки нескольких десятков жандармских офицеров и нижних чинов с целью проследить основные ступени их карьерного роста и пришел к выводу, что жандармерия не давала больших перспектив служебного роста, но предлагала возможность спокойной службы с гарантированным продвижением и возможностью повышения своего социального статуса.

Наконец, заключительная часть сборника призвана расширить рамки исследования за счет материала тех европейских государств, куда была импортирована французская модель жандармерии. Она включает по две статьи об испанской Гражданской гвардии и итальянских карабинерах, статьи о нидерландской и бельгийской жандармериях XIX в. По мнению Люка, Отдельный Корпус жандармов в России отличала большая выраженность репрессивных и охранительных функций (р. 397).

Завершает сборник заключение, составленное из небольших заметок организаторов конференции. В частности, профессор Сорбонны Ален Корбен (Alain Corbin), известный специалист по истории XIX в., справедливо отметил, что данный сборник поставил все основные вопросы, связанные с историей французской жандармерии до начала XX в., и предложил убедительные варианты их решения на конкретном материале.

Явным недостатком сборника является отсутствие библиографии. Этот пробел может восполнить книга «История марешосе и жандармерии: справочник для исследования», опубликованная в 2005 г.²

Подводя итог рассмотрению двух работ по истории европейской жандармерии, следует отметить, что монография Клайва Эмсли предлагает последние достижения англо-саксонской исторической школы по теоретическому исследованию феномена правоохранительной системы в Новое время, а сборник статей под редакцией Жана-Ноэля Люка — пример удачного применения этих достижений на конкретно-историческом материале, который может быть успешно взят на вооружение исследователями отечественной жандармерии.

Жандармерия — один из множества институтов западного общества, который оказался востребованным на определенном этапе отечественной политической и правоохранительной системами. Как и многие другие заимствования из Европы, жандармерия в России приобрела свои специфические черты, другую органи-

---

2. Histoire de la maréchaussée et de la gendarmerie: Guide de recherche / Sous la direction de Jean-Noël Luc. Paris, 2005.

зационную структуру. Создание Отдельного Корпуса жандармов Российской империи, безусловно, способствовало укреплению централизации власти, жандармские офицеры в первой половине XIX в. выступали в роли представителей центрального правительства в губерниях, контролировали губернаторов и губернское чиновничество. Однако в какой мере они выполняли функции по распространению на население империи общих правовых норм? Обеспечивал ли жандарм, как во Франции, постоянный контроль над жизнью крестьян, выступал ли в деревне основным представителем центральной власти и ее агентом по сбору политически значимой информации? Как изменилось его положение в результате реформ Александра II? Подход, предполагающий осветить эти проблемы, позволит, в том числе, рассмотреть Положение о Корпусе жандармов 1867 г. не только с точки зрения эволюции организационных форм этого института, но и проанализировать взгляды в правительственной среде на роль жандармов в жизни меняющегося российского общества. Нельзя ограничиваться исследованием внешних организационных форм правоохранительной системы дореволюционной России, нужны новые подходы, показывающие полицейские органы как неотъемлемую часть общественной жизни и действительно расширяющие наши представления о дореволюционном российском обществе. И работы европейских коллег дают прекрасные образцы такого исследования.

Г. Н. Бибиков

**Гертрауде Бахманн. Герцогиня Мария Саксен-Кобургская
и Готская, урожденная герцогиня Вюртембергская.
1799–1860: Жизнь между Россией и Германией. СПб., 2004.**

Публикацию на русском языке работ немецких исследователей о живших в России немецких принцессах, — следует горячо приветствовать. В отечественной историографии это очевидный, досадный пробел, причем восполнить его нелегко в силу труднодоступности для русского историка немецких архивов. Русскими императрицами становились немецкие принцессы; русские великие княжны выходили замуж за германских принцев. Многообразные семейные связи поддерживались регулярной перепиской, значительная часть которой хранится в архивах Германии. Сближение усилий исследователей двух стран, возвращение жизни русского императорского двора её европейского контекста — очень перспективное направление изучения истории России XIX столетия.

Конечно, особенно желанными и лакомыми были бы работы о германских семейных контактах русских императриц и публикация их переписки. Но книга, посвященная Марии Саксен-Кобургской, урожденной герцогине Вюртембергской, также во многих отношениях весьма полезна, несмотря на то, что сама Мария в русской истории никакой решительной роли не сыграла. Но она волей судеб оказалась в перекрестье разнообразных династических родственных связей; её переписка сообщает кое-какие подробности о привычках русского двора, интригах, расстановке фигур и распределении влияния; наконец, о том, каково было реальное положение немецких родственников при императорском дворе.

Герцогиня Мария была дочерью герцога Александра Вюртембергского (1771–1833), брата императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I. Вюртембергский королевский престол унаследовал старший брат Фридрих, а младший отпрыск еще в царствование Екатерины II поступил на русскую службу, имел чин генерала от кавалерии, перед Отечественной войной занимал должности Белорусского военного губернатора, а также Витебского и Могилевского губернатора; участвовал в войне, с 1822 г. возглавлял

Главное управление путей сообщения, в 1826 г. стал членом Государственного Совета и Комитета Министров. В России служил и племянник Марии Федоровны и герцога Александра принц Евгений Вюртембергский, также полный генерал и видный участник войны 1812 года. Эти обстоятельства русским историкам хорошо известны, хотя специально посвященных обоим Вюртембергским работ немного, причем касаются они главным образом службы, а не частной жизни и отношений их в России. Из переписки Марии, публикуемой в книге Г. Бахманн, обстоятельства этой жизни видны достаточно выпукло. В финансовом отношении Александр Вюртембергский вполне зависел от щедрости русского императора. Он получил солидные имения, аренды и доходы, но под залог службы и жизни в России. Два его сына начали военную карьеру в России, после смерти отца оба вернулись в Германию, службу бросили, но рассчитывали на продолжение финансовой поддержки от императора, о чем хлопотала герцогиня Мария и в чем Николай I резонно отказал.

Мария считалась подругой императрицы Александры Федоровны, урожденной принцессы Шарлотты Прусской, и дружбой этой практично дорожила. Её письма к подруге из европейского вояжа 1819–1820 гг. полны живых и чрезвычайно подробных описаний бабов, лучших красавиц, их туалетов и кто как танцевал. Мария засиделась в невестах, играла, судя по всему, незначительную роль при дворе и в 1832 г. вышла замуж за своего дядю по матери герцога Эрнста I Саксен-Кобургского и Готского. О браке этом очень хлопотала её бабка герцогиня Августа, она же мать Эрнста, который перед тем развелся с первой женой. Помещенная в книге предсвадебная переписка очаровательна: в ней нет хотя бы видимости романтических чувств, зато Мария очень обстоятельно обсуждает детали брачного контракта. Попутно из её писем выясняется, что Александр Вюртембергский находился в прохладных отношениях с сестрой Марией Федоровной и считал, что против него интригует племянник принц Евгений, любимец вдовствующей императрицы. Саксен-Кобургский брак привнес новые переплетения в паутину многостороннего родства царственных домов. Родной брат герцога Эрнста I стал первым королем Бельгии; в то же время, их сестра Юлиана являлась разведенной женой цесаревича Константина Павловича, в России звавшейся Анной Федоровной. Сын Эрнста I от первого брака Альберт, кузен и пасынок герцогини Марии, сделался мужем британской королевы Виктории. Таким образом, с началом Крымской войны престарелая герцогиня Мария оказалась в двойственном положении: она до конца дней сохранила восхищение и пиетет перед русским двором и Николаем I, и в то же время получала воинственные антирусские письма от почтительного сына Альберта.

Книгу Г. Бахманн не назовешь историографическим шедевром, местами она грешит смешной в наш век монархической востор-

женностью, слишком уклоняется в кобургское краеведение. Впрочем, последнее имеет свои достоинства: дотошный перечень мелких бытовых обстоятельств жизни герцогини Саксен-Кобургской позволяет понять, что имели в виду современники, когда рассуждали о разительной перемене в положении немецкой принцессы, вышедшей замуж в Россию (пусть и не за наследника престола), или же строгости воспитания русских великих княжон, которых старались не баловать, готовя к скромному немецкому браку. Книга насыщена перепиской герцогини Марии, для русского читателя, несомненно, полезной. Стоит отметить отдельную главу, посвященную характеристике библиотеки герцогини (привезенной из России) и ее круга чтения: Мария не была выдающейся интеллектуалкой, и ее круг чтения можно считать типичным.

В общем, все было бы замечательно и предприятие выпустившего книгу в свет издательства «Алетейя» можно было бы только приветствовать. Если бы не тот факт, что книга погублена корявым, безграмотным переводом. Постыдным тем более, что переводчик указан не в обычном месте (на обороте титула), а непосредственно на титульном листе, да еще в сопровождении горделивых регалий: «Автор русского перевода профессор д. ф. н. Геннадий Каган (С.-Петербург, Вена)».

Стараниями г-на Кагана Александр Вюртембергский из главноуправляющего путями сообщения стал «начальником департамента внутренних связей Российской империи». В этой должности «он сознавал, что в России нужно обновлять и расширять транспортную систему и что делать это нужно путем улучшения и расширения естественных и искусственных судоходных путей по внутренним водам. Под его руководством в стране осуществлялось надземное строительство» (С. 23). Причем *надземным* строительством герцог занимался «в качестве начальника высшего уровня» (Там же).

Короли и принцессы вынуждены изъясняться у г-на Кагана престраннейшим образом. Герцогиня Мария, говоря о венском обществе, сообщает, что «мужчины постарше здесь сверхлюбезны» (С. 43), а покупая безделушки для Александры Федоровны, переживает: «Я сделала все возможное, чтобы удовлетворить тебя, дорогая, и донести до тебя самые удачные идеи, порожденные моим вкусом» (С. 45) и тут же добавляет, что «везде можно увидеть такие красивые изделия из венского камня (булыжника?)» (Там же). Догадка насчет булыжника в скобках никак не пояснена и, вероятно, принадлежит самому г-ну Кагану. В письме бабушке герцогине Августе Мария сетует: «Вопрос о том, что будет с нашим летом, я игнорирую полностью, раз наша новая царская чета будет короноваться в Москве, меня даже трясет от страха перед затратами на туалеты» (С. 75). Перевод извращает смысл фразы: у герцогини Марии и в мыслях не было пренебречь коронацией, она

просто *не знала*, как устроится поездка. В другой раз, если верить г-ну Кагану, Мария намекнула герцогине Августе, что «знает, кем становятся придворные дамочки...» (С. 77). А после смерти бабушки Августы наша принцесса пишет дяде и будущему супругу, что «если бы это не было решено там, наверху, то я, должно быть, пришла бы в полное отчаяние!» (С. 115). Невестка Марии рассказывает ей, как «слонялись» в маскарade (С. 194), а бельгийский король Леопольд извиняется: «Ты получишь довольно-таки придурковатое письмо... Прошу прощения за мое глупое письмишко» (С. 215). Одна из близкородственных принцесс «начала проходить курс лечения в Италии, который привел к тому, что она уже не смогла вставать с постели и скончалась» (С. 217). Наконец, трудно сказать, кому — автору или переводчику — мы обязаны глубокомысленным идиотизмом заявления: «В силу своей гениальности и демонизма Наполеон был и есть в центре внимания историков» (С. 237).

Привычного для отечественной литературы принца Евгения Вюртембергского г-н Каган превратил в неизвестного «Ойгена фон Вюртемберга», что не оправдано даже фонетически, ибо франкоговорящая русская аристократия немецкие имена произносила на французский манер, и принца с равным успехом можно бы именовать Эженом.

Свои примечания к публикуемым письмам г-н Каган помещает безо всяких оговорок в скобках прямо в текст письма; временами в скобках же появляются загадочные вопросительные знаки, отмечающие, видимо, не понятые переводчиком места. На последней странице книги, посреди списков «первичной литературы» (!) и «использованной литературы» внезапно обнаруживается примечание: «Если при указании источника из России через косую черту приведены разные даты, это сделано, чтобы отразить отличие прежнего русского календаря от принятого в других европейских странах (а также иногда может стоять и н. ст., что означает „наш стиль“, стало быть, русский календарь)» (С. 378). Вынуждена заметить, что общепринятое «н. ст.» — это *новый* стиль, то есть как раз наоборот — европейский календарь. Отсюда читатель должен заключить, что даты в книге перепутаны.

Слабое знание русского языка и катастрофическое отношение к стилистике речи г-н Каган дополняет не поддающимся объяснению невежеством. Наиболее важный для русского читателя документ во всей книге Г. Бахманн — это письмо герцогини Марии бабушке Августе от 16/28 декабря 1825 года с описанием восстания декабристов, которое Мария наблюдала из окон Зимнего дворца. В переводе «профессора д. ф. н.» события выглядят так: «Между бунтовщиками и здравомыслящими солдатами завязался самый настоящий бой, с плохим исходом. Одной из первых жертв этого печального дня стал бедный граф Милорадович, генерал-губернатор Петербурга, он был смертельно ранен и вскоре умер. Гене-

рал Фридрикс, шеф московской гвардии, который хотел успокоить мятежников, был ранен тоже... Особенно пострадала гвардия шевалье кавалергарда... Подумайте только, уважаемая бабушка, кто был главным зачинщиком: господин фон Бистрасев, папин адъютант, чудесный человек, к этой истории причастны и его братья» (С. 70–71). Поясняю специально для «профессора д. ф. н.»: никакой «московской гвардии» в Петербурге не существовало, а существовал лейб-гвардии Московский полк, командира его звали Фридрикс, «гвардия шевалье кавалергарда» является не понятыми г-ном Каганом и слепленными воедино названиями двух лучших гвардейских полков — Кавалергардского и Конной гвардии, а загадочный «господин фон Бистрасев» — Александр Бестужев, действительно состоявший в должности адъютанта герцога Александра Вюртембергского. Все эти сведения без труда можно почерпнуть в любой книге о восстании 14 декабря, энциклопедической статье или учебнике для средней школы, а не знать фамилии «Бестужев» — стыдно. Но, видимо, звание «профессор д. ф. н.» избавляет от первичных признаков грамотности.

Сказанное в равной мере относится к редакторам издательства «Алетейя», которым следовало бы хотя бы прочитывать то, что они кладут в печатный станок. Не хочется предполагать, что они разделяют образовательный уровень г-на Кагана.

Ольга Эдельман

~

В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. 550 с.

Предлагаемая вниманию читателей работа является сборником статей известного специалиста в области истории экономики России и, безусловно, заслуживает внимание исследователей последнего десятилетия Российской империи и специалистов по истории последнего двадцатилетия советской науки. Складывается впечатление, что прежде всего сборник обращен именно к последней категории исследователей.

Открывается он разделом с простым и скромным названием «Цусима советской историографии», занимающим по объему примерно треть всего сборника (С. 11–155). Он состоит из статей и публикаций документов, относящихся к борьбе «старого» и «нового» направления советских историков за право на монопольное владение истиной, иначе говоря, о борьбе за чистоту марксистско-ленинской исторической науки, которую вели друг с другом «шестидесятники» с «пятидесятниками». Последние победили в 1970-х гг. Первые — в начале 1990-х, и причем не только в одной, отдельно взятой стране, но еще и в тех государствах, которые внезапно для многих выросли на развалинах Советского Союза. Триумф был недолгим, но, судя по всему, упоительным, и поэтому воспоминания о нем теплы и приятны.

Читатель найдет яркую картину противостояния несгибаемых борцов с «псевдопатриотическим приукрашиванием монархически-имперского дореволюционного государства» (С. 11), которые призывали мыслить по революционной старине, оформленной цитатами из Полного собрания сочинений В. И. Ленина, то есть были стойкими ленинцами, и противостояли сталинистам с их представлениями, заимствованными из «Краткого курса истории ВКП(б)», искажившего эту самую старину. После известных событий конца 1980-х — начала 1990-х гг. большинство ленинцев-шестидесятников превратилось в поклонников либеральных идей. Некоторые даже успели пройти эту трансформацию до судьбоносного переворота в августе 1991 г. Но почти все унаследовали всю ту же «большевицкую» несгибаемость в отношении «псевдопатриотического

приукрашивания» дореволюционной царистско-самодержавной действительности. Читая подобного рода воспоминания-исследования, никак не могу понять, кем и с какой стороны рассматривается «Цусима» советской историографии? «Адмиралом Того» советской исторической науки? Или (раз ученые «старой» школы, как Рожественский, привели историю дореволюционного периода к разгрому, то может быть) — Небогатовым, сдавшимся после поражения главных сил? Ведь после крушения сталинистов верные ленинцы в массе своей удивительно быстро оставили защищаемые ими так долго идеологические позиции.

Автор дает прекрасный разбор споров по вопросам о многоукладности экономики, о причинах Октябрьской революции, но более всего уделяет внимания противникам «новой» школы — В. И. Бовыкину и И. Д. Ковальченко. Не хочется комментировать ряд пассажей, правота которых подтверждена даже (!) мнением ныне покойного американского исследователя Дениэла Филда: «За рубежом историк не может мечтать о власти такого масштаба над судьбою учреждений, исследовательских направлений и отдельных историков» (С. 33). Ах, как приятно пахло от этих слов ветерком навивных споров образца 1985–1991 гг.! Тогда, безусловно, архаичная уже вера советского интеллигента в то, что где-то возможна свобода учреждений, исследовательских направлений и отдельных историков, разделялась многими. А многие даже верили в то, что есть такие страны! Помнится, уже после указанных хронологических рамок, в 1996 г., находясь на одной конференции за пределами России, я попытался поднять в частной беседе, произошедшей в перерыве между докладами, проблему очевидных искажений в трактовке истории Балкан. Речь, разумеется, шла о Сербии. Не буду говорить подробно о реакции коллег (Филд, кстати, там тоже был), но в целом она была единодушной: «больше ни слова об этом!»

Хочу особо отметить, что академика И. Д. Ковальченко я не имел удовольствия знать лично, но вынужден был в качестве студента 3 или 4 курса истфака МГУ изучать его работу по марксистско-ленинской методологии исторической науки, которую кто-то попытался ввести в курс источниковедения с решимостью насаждения культуры картофеля в России в XVIII веке. Нам крупно повезло — мы сдавали по этой монографии коллоквиум. И даже несмотря на это, полученное мною тогда, удовольствие, никак не могу принять название исторического факультета того времени «вотчиной Ковальченко» (С. 33). Может быть, потому, что он попросту не был его вотчиной, а может быть, из-за того, что наше поколение историков училось в то время, когда и «старое», и «молодое» боролись друг с другом, но одно уже, а другое еще — не могли мешать работать и думать самостоятельно.

Не хочу разбирать и ценность опубликованных рецензий и докладных записок в ЦК КПСС, которые писали на сторонников «но-

вого направления» их противники. Право слово, этот раздел трудно поддается рецензированию. Я не большой поклонник 1990-х гг., но тотальная деполитизация исторической науки, давшая право на существование источнику и факту в целом ряде направлений и открывшая закрытые ранее темы, не может не радовать. Думается, что произошла она всего лишь по причине банального наплеваательства на отечественную науку властей предрержащих, которые поняли, что для контроля над умами и мыслями абсолютного большинства телевизор куда как важнее научного журнала.

Помню, какими дерзкими мне показались слова о «смерти интеллигенции», написанные в 1992 г. М. А. Колеровым: «То, что с середины XIX века казалось неременной чертой нашего общества, чему приносили дань многие поколения русской демократической литературы, знаменитая русская интеллигенция, наконец, завершила свой исторический путь и уже не возродится никогда»¹. Конец приходит всему, состоялся он и в этом случае, правда, наверное, все же не так, как хотелось моему однокурснику, считавшему, что «закончившееся противостояние интеллигенции миру должно воплотиться в лично ответственное строительство мира. От несвободы — к свободе. От интеллигенции — к каждому человеку»². Увы, ныне даже слепому видно, что в обществе с руинированными системами образования и ценностей прочно укоренилась одна форма ответственности — перед самим собой, и одна идеология — потребления. Но, слава Богу, бои, которые на уничтожение друг друга вели «старая» и «новая» школы, ушли в прошлое, и этот сборник да ляжет в руки тех, кто захочет оные баталии исследовать.

Гораздо более интересны вторая и третья части сборника — «Государственные интересы и казенное хозяйство» и «Власть — промышленность — рабочие: без общего языка». Составлены они в основном из новых статей, не столь далеких от заявленной темы издания, как первая часть сборника. Значительную массу публикаций отличает высокий исследовательский уровень, использование архивных материалов и... какая-то непонятная однобокость. В статье «Государственные интересы и казенное хозяйство» дается замечательный анализ проблемы воссоздания военно-морского флота России накануне I Мировой войны. Однако по непонятной причине в нём практически полностью отсутствуют оценки той роли, которую сыграла в срыве реализации морской программы Государственная Дума. Конечно, главная ответственность в самодержавном государстве лежала на императоре, но требование ответственности в конституционной монархии, видевшейся идеалом либерального лагеря, должно было распространяться и на её подданных. Дума-

---

1. Колеров М. [А.] Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание-сила. 1992. № 2. С. 103.

2. Там же. С. 111.

ется, например, что запоздалый ввод в строй дредноутов, заложенных на Балтике в 1909 г., а на Черном море — в 1911 г., был результатом неспособности всей политической элиты Империи в опаснейший период подняться на уровень задач своего времени.

Может быть, всё это не важно, и историку нет смысла учитывать подобного рода факторы, если, как утверждает автор сборника, «решающий критерий оценки предвоенного политического курса правительства Николая II выдвинут С. Фуллером: „Ретроспективно рассуждая“, ясно, что „любая цена, какую бы ни пришлось России уплатить за мир летом 1914 г., не была бы чрезмерной“» (С. 290). Позволю себе высказать решительное сомнение в ценности подобных трюизмов, так как ничто не доказывает:

1. что крупномасштабная капитуляция в условиях лета 1914 г. была бы лучшим средством от революции, чем «маленькая победоносная война»;
2. вряд ли можно найти в истории пример государства, решившегося спастись путем собственного уничтожения;
3. не изобретён пока еще способ для политиков одного государства избежать войны, когда её объявляет соседняя страна;
4. мне неясен смысл «решающего критерия» универсальных ретроспекций, которые можно продолжить, например, следующим образом: а) ретроспективно рассуждая, какую бы цену ни заплатила Германия (Австро-Венгрия), чтобы не организовать провокаций, приведших к нарушению мира летом 1914 г., она не была бы чрезмерной; б) ретроспективно рассуждая, какую бы цену ни заплатила Османская империя, чтобы не вступить в войну осенью 1914 г., она не была бы чрезмерной; в) ретроспективно рассуждая, какую бы цену ни заплатила Франция (Британская империя), чтобы сохранить мир летом 1914 г., она не была бы чрезмерной; г) наконец, ретроспективно рассуждая, какую бы цену ни заплатила Европа, чтобы избежать самоубийства путем двух Мировых войн, она не была бы чрезмерной и т. д., и т. п.

Объем рецензии не позволяет остановиться на каждой из представленных в сборнике работ, но мимо одной из них — «Путиловский завод в 1915–1917 годах» мне пройти сложно. В центре внимания этой статьи, естественно, находится «дело» Путиловского завода, или его секвестр. По мнению автора, все начиналось следующим образом: «Обставлено оно было даже „демократически“: формально начало ему положил донос черносотенцев (составленный как бы от имени рабочих-путиловцев) на администрацию завода. По распоряжению Николая Николаевича Янушкевича переслал копии доноса председателю Государственного совета (он же председатель Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне, контролировавшей военную промышленность) А. Н. Куломзину и Родзян-

ко. Правые в Думе и через печать вели подготовку „общественного мнения“» (С. 426).

В 1908 г. я затронул эту тему в монографии «Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907-1917)». Не исключено, что за факты, которые я сейчас вновь приведу, я буду подвергнут критике как черносотенец и сторонник «псевдопатриотического приукрашивания монархически-имперского дореволюционного государства», но все же...

13 (26) августа 1915 г. Обществу Путиловских заводов был дан огромный заказ на производство 6-дюймовых бомб к гаубицам. Общая его сумма составила 18 200 000 рублей. Заводы должен был изготовить 260 000 снарядов по цене 70 руб. за штуку.³ Это была очень высокая цена. Казенные заводы изготавливали эти снаряды по цене 48 рублей за штуку.⁴ Но и частные заводы не всегда могли надеяться на такие выгодные условия. Для сравнения приведу следующий факт: 13 (26) мая 1916 года, то есть через девять военных месяцев (!) «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» (завод в Юзово Екатеринославской губернии) предлагало 6-дюймовые снаряды по цене 62,5 руб. за штуку.⁵ С середины 1913 по начало 1915 года Путиловский завод уже заключил 19 контрактов с Военным и 4 с Морским министерствами на 1500 скорострельных, 320 3-дюймовых конных и около 500 горных пушек, 420 48-линейных гаубиц, 154 крепостные пушки разного калибра и 3 млн. снарядов. Тем не менее, правление продолжало вести борьбу за новые заказы, более выгодные по ценам и объемам, стараясь под различными предлогами отложить выполнение старых.⁶

Уже на следующий день после получения заказа на шестидюймовые снаряды Правление Путиловских заводов подало в ГАУ заявление, в котором говорилось о том, что предыдущие его заявления (на основе которых и был предложен контракт) делались из предположения, что Морское министерство приостановит исполнение своего заказа на производство 130-мм снарядов на время с 1 января 1916 до 1 января 1917 года. Это означало, что русские линейные корабли черноморского флота («Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая»), вступившие в строй в августе и октябре 1915, должны были весьма и весьма осторожно использовать свою противоминную артиллерию. Каждый из черноморских дредноутов по проекту имел по 20 орудий 130-мм калибра для борьбы с эсминцами и подводными лодками противника. Не удивительно,

---

3. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — АВИМАИВиВС). Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 75. Л. 2.

4. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой Мировой войны. М., 1973. С. 120.

5. АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 32. Л. 26.

6. Сидоров А. Л. Экономическое положение. С. 126.

что начальник ГАУ И. К. Григорович отказался предоставить данную льготу, а правление общества заявило, что оно не в состоянии выполнить своевременную поставку. Для того чтобы избежать срывов, оно предлагало: 1) сократить поставку с 260 000 до 135 000 снарядов, с включением в последнее число полученного в мае 1915 г. заказа на 90 000 таких 6-дюймовых бомб. Этого было мало — правление требовало отмены заказа на 55 000 42-линейных шрапнельных снарядов, данного еще в июле и октябре 1914 года, изменения сроков поставки, увеличения кредитов и предоставления финансовых льгот, в том числе для покупки валюты. Последнее условие было важным, так как с началом войны прекратились нормальные финансовые связи русских банков с границей. Не способствовало им и временное приостановление размена кредитных билетов на золото, последовавшее 23 июля (5 августа) 1914 г. За эти льготы правление соглашалось понизить цену 6-дюймового снаряда до 68 руб. за штуку.⁷

Новый начальник ГАУ генерал А. А. Маниковский предложил пойти на уступки. Выбора у него не было, но причины для мягкого решения наличествовали. Перед войной Путилов заключил договор с фирмой Шнейдера о финансировании завода на сумму в 28 млн. руб., который так и не был реализован. Однако кризиса удалось избежать благодаря льготным военным заказам.⁸ Война застала завод на этапе реконструкции, оружейное производство зависело от поставок станков из Великобритании и США. В феврале 1915 г. здесь была принята программа кратчайшего перехода на военные рельсы, предусматривавшая увеличение производства шрапнелей в 10 раз, а орудий различных систем — в 3,5 раза (до 200–250 в месяц). Кроме того, завод занимался и ремонтом поврежденных орудий. Для помощи в организации производства сюда была назначена военная администрация, и ГАУ было готово рассматривать завод как казенный. В результате было принято решение пойти навстречу Обществу Путиловских заводов — сократить заказ до 135 000 снарядов, при условии снижения цены до 68 рублей, при этом устанавливался четкий график поставок. В октябре–ноябре 1915 г. завод должен был поставить по 2500 снарядов, в декабре 1915 и январе 1916 — по 10 000, в феврале–марте 1916 — по 25 000, и в апреле–мае 1916 г. — по 30 000 снарядов. Программа была провалена: *вплоть до января 1916 г. не было сдано ни одного 6-дюймового снаряда (!!!)*. Не в лучшем состоянии находилась и программа милитаризации производства. С одной стороны, в декабре 1915 г.

---

7. АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 75. Лл. 2–20б.; Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой Мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 107–108.

8. Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульяновский А. [Г.] История Путиловского завода 1801–1917. М., 1961. С. 485.

на Путиловском заводе было произведено 219 орудий вместо планируемых 180 (при норме производства — 30 орудий в месяц в начале войны). Однако это были преимущественно трехдюймовые полевые (157) и горные (32) орудия и только 30 48-линейных гаубиц. Из заказанных 4 шестидюймовых осадных орудий не было сдано ни одного. Еще хуже дело обстояло со снарядами. Завод увеличил лишь производство 3-дюймовых шрапнелей (со 150 000 до 175 000 штук). Зато план по производству гранат того же калибра был невыполнен (75 000 вместо 76 000), а поставки крупных калибров: 48-линейных шрапнелей (3536), 6-дюймовых фугасных бомб (10 000) и 130-мм снарядов для моряков (1531) — были сорваны.⁹

Упомянутая статья впервые была опубликована В. В. Поликарповым в 1983 г., но почему бы в 2008 году не учесть приведенные мной в 1998 г. данные? Вообще, секвестр Путиловского завода неоднократно упоминается в статьях сборника. Но, что крайне интересно, автор никогда не упоминает фактов, ему предшествовавших, кроме упомянутого доноса. Сомнение вызывает и утверждение В. В. Поликарпова о том, что правые вели подготовку общественного мнения в пользу секвестра завода.

А. И. Гучков, например, в качестве руководителя ЦВПК вел в этом вопросе весьма тонкую и довольно двусмысленную игру. 25 октября (7 ноября) 1915 г. на заседании ОСО по обороне государства он представил доклад о состоянии дел на заводе. Из него следовало, что правление взяло у казны авансом 40 млн. рублей, у Государственного Банка — 11 млн. рублей, задолжав при этом Русско-Азиатскому банку, владельцем которого был, кстати, А. И. Путилов, значительные суммы. Проценты банка были грабительскими — от 10 до 16% годовых. Принимая одной рукой значительные авансы в качестве заводчика, Путилов присваивал их другой рукой в качестве банкира. Такое экстравагантное поведение может быть объяснено только уверенностью в безнаказанности. Ведь при этом сумма невыполненных заказов равнялась приблизительно 180 млн. рублям. Тогда то и возникло предложение о секвестре. Однако Путилову удалось добиться отсрочки и 7 (20) ноября 1915 г. он представил собственный доклад, в котором была указана цифра невыполненных заказов, в 6 раз меньшая, чем у Гучкова. На голосовании в ОСО в этот день голоса разделились — 16 против 16, причем все (!) представители негосударственного сектора экономики (кстати, во главе с М. В. Родзянко) проголосовали против секвестра. В результате была принята полумера. На заводе появились военные инспекторы.¹⁰

---

9. АВИМАИВи ВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 75. Лл. 3, 29, 35, 41, 49, 78, 83; Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. С. 486.

10. Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. С. 488–489.; Сидоров А. Л. Экономическое положение. С. 130.

Поликарпов дает другое объяснение случившемуся: «Первая попытка секвестрировать Путиловский завод окончилась безрезультатно не только из-за отсутствия лиц, готовых взяться за управление гигантским предприятием, но и в связи с недопустимостью даже непродолжительного снижения выпуска военной продукции, неизбежного при передаче завода в другие руки» (С. 429).

Действительно, Путилов категорически возражал против появления военных инспекторов, предупреждая, что их приход нарушит работу завода, вызовет падение производительности труда и т. п.¹¹ К его словам, кстати, не прислушались. Работу инспекторов возглавил флота генерал-лейтенант А. Н. Крылов, ведущий специалист России по кораблестроению, прекрасный организатор и знаток военной промышленности¹². Целью военной инспекции, прежде всего, было заставить завод производить 6-дюймовые снаряды. Действовала она жестко, руководствуясь словами Маниковского: «Неплохой завод, но, к сожалению, находится в цепких руках банкиров. Банкиры думают о прибылях, а не о защите Родины. Они слишком много торгуются. У них — баланс, актив-пассив, различные соображения, а мы — военные люди, нам сейчас не до этого»¹³. На самом деле и активами, и пассивами военным пришлось заниматься, так как сразу же пришлось обращаться в Министерство финансов за кредитом в 10 млн. руб., ибо неотложные платежи составляли несколько миллионов, а на текущем счету правления — было только 135 руб. В кассе правления находился только 1 руб. 15 коп.¹⁴

В начале 1916 года обстановка вокруг завода вновь обострилась. Возглавляя, по сути дела, обанкротившийся орган, Гучков ревностно критиковал плохо работавшее детище Путилова. Использовались самые различные приемы давления на общественность и государственные органы, не была обойдена вниманием и Ставка. 14 (27) февраля 1916 г. Гучков отправил М. В. Алексееву телеграмму, извещая Начальника Штаба Главковерха о срочной необходимости сделать доклад о деятельности ЦВПК и получить «важные для комитета Ваши указания». Сам Гучков приехать не смог, он болел: распространялись слухи о том, что глава ЦВПК умирает, «отравленный распутинской бандой». Поэтому он предложил принять вместо себя своего заместителя А. И. Коновалова.¹⁵ В сложившейся ситуации сам факт контакта с генералом, пользовавшимся тогда огромным авторитетом в армии, неизбежно придавал вес и ЦВПК. 20 февраля (4 марта) 1916 г. в Петрограде был открыт I Съезд пред-

11. Сидоров А. Л. Экономическое положение. С. 127.

12. АВИМАИВИС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 75. Л. 110.

13. Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. С. 489.

14. Сидоров А. Л. Экономическое положение. С. 131.

15. Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. Пг., 1920. С. 545.

ставителей металлообрабатывающей промышленности. Его председателем был единогласно избран А. Д. Протопопов, тот самый, которого осенью того же года либеральная общественность дружно обвинит в непрофессионализме и безумии. Съезд рекомендовал включить не менее двух членов избранного Совета съезда в Особые Совещания по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию, обеспечению армии предметами боевого и материального снаряжения и другие комиссии, которые еще будут созданы правительством¹⁶. Кроме того, съезд выступил категорически против секвестра Путиловского завода, «всегда стоявшего во главе инициативы и производства вооружения нашей армии»¹⁷. На заводе шла забастовка, в разжигании которой его владелец на съезде обвинил Рабочую Группу ВПК. Её представитель Кузьма Гвоздев вслед за этим публично возразил против обвинений под аплодисменты промышленников¹⁸.

22 февраля (6 марта) 1916 года, после 4-дневной «итальянской забастовки», началась стачка на Путиловском заводе. Рабочие, получавшие от 1,35 до 3,75 руб. в день, требовали повышения зарплаты. Правление согласилось поднять расценки, причем повышение составляло от 30% до 3%, постепенно понижаясь от менее оплачиваемого труда к более высокому. При начале забастовки часть мастеров и рабочих, не желавших поддержать стачку, подверглась избиению, после чего они были вывезены на тачках за пределы заводской территории¹⁹. В дело опять вмешались Рабочая Группа и ЦВПК, а позже — Дума, рассмотревшая вопрос 7 (20) марта 1916 года в закрытом заседании. Тем не менее 23 февраля (7 марта) был объявлен локаут. 2 (15) марта была объявлена новая запись на предприятие. Работа важнейшего завода две недели была парализована. «Одновременно с объявлением о закрытии завода и об общем расчете рабочих, — отчитывался в Думе Поливанов, — в соответствии с обязательным постановлением военной на театре военных действий власти, все рабочие, которые числятся военнообязанными и получили отсрочку явки к исполнению воинской повинности, собственно для выполнения срочных заказов военного и морского ведомств, коль скоро они этой обязанности не выполняют, то они привлекаются к исполнению общей воинской обязанности, т. е. в запасные батальоны для воинского обучения. Из бастовавших на Путиловском заводе рабочих, военнообязанных, призваны только два младших возраста военнообязанных, а именно: ратники первого и второго разряда и новобранцы 1915 и 1916 гг., рабочего элемен-

16. АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 2. Лл. 57–57об.

17. Там же. Л. 58.

18. Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. С. 532.

19. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916. Сессия четвертая. Пг., 1916. С. 2838–2839.

та, наименее привычного к работе, наименее подходящего к званию квалифицированных рабочих. Для суждения над учинившими насилие и побой военной властью учрежден военно-полевой суд»²⁰.

Против забастовки были приняты весьма жесткие меры, около 150 человек уже в первый день локаута были арестованы, свыше 2 тыс. рабочих, в основном молодых, были призваны в армию. Часть активных забастовщиков были сразу же направлены в дисциплинарный батальон. Но на этот раз дело не ограничилось репрессиями. Несмотря ни на что 29 февраля (13 марта) 1916 г. завод был секвестрирован. Состав нового правления был преимущественно военным и профессиональным. Председателем стал флота генерал-лейтенант А. Н. Крылов, директорами — флота генерал-лейтенант Н. И. Оглобинский, генерал-майоры Н. Ф. Дроздов и Г. Г. Кривошеин, действительный статский советник В. А. Жандр, полковник князь А. Г. Гагарин²¹. В результате генералу Крылову, наводившему порядок на Путиловских заводах, не удалось избежать падения производства. Полную производительность они дали только (или уже) к 15 (28) марта 1916 г.²²

Откровенно говоря, не могу понять, почему в статье «О так называемой „программе Маниковского“ 1916 года» автор рецензируемого сборника оценивает эти действия как расправу над передовым отрядом пролетариата, т. е. прежде всего с точки зрения интересов революции (С. 308–310)? Конечно, приведенное автором мнение Петербургского комитета большевиков в качестве оценки действий правительства звучит очень убедительно: «царизм хочет „отнять у пролетариата всякую возможность сопротивления, прикрепить его к станкам... под угрозой смертной казни, будь то прямо расстрел или отправка на фронт“» (С. 309).

Но разве у правительства воюющей страны не было прав на другой взгляд на эту проблему? Можно понять, что в 1983 г., когда была опубликована эта статья, защита самодержавно-царистского Отечества была явным признаком «патриотизма» или «черносоптенства», но сейчас, в подобного рода вопросе, неужели не уместен трюизм в стиле Фуллера? Рискну предложить его: ретроспективно рассуждая, ясно, что любая цена, какую бы ни пришлось России уплатить за предотвращение революции в 1916 и начале 1917 г., не была бы чрезмерной. Трудно удержаться от еще одной ретроспекции. Безусловно, жесточайшее трудовое законодательство периода Великой Отечественной войны было разумным и осмысленным, и, несмотря на все негативные эмоции, которые оно может

---

20. Там же. С. 2858.

21. АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 4506.; Государственная Дума. Четвертый созыв. С. 2841.; Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. С. 528, 530.

22. АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/2. Д. 75. Л. 110.

сейчас вызывать, это была сравнительно небольшая цена за реализацию лозунга «Всё — для фронта, всё — для Победы».

Попытаемся оценить действия военного управления на Путиловском заводе по тому, что оно дало для фронта: новое управление вложило в завод еще около 20 млн. рублей, с 25 до 30 тыс. человек увеличилось число рабочих. Увеличился и объем производства — завод в 1916 г. дал 2828 орудий (против в 1566 в 1915 г.), в 2 раза увеличился их ассортимент, начался выпуск новой продукции — 76-мм зенитных орудий, и, наконец, был освоен выпуск 6-дюймовых снарядов. В 1916 году завод давал около половины всех снарядов этого калибра, производимых в России²³. Как представляется, в итоге складывается картина, которая может существенно уточнить богатый фактический материал, собранный по «Путиловской истории» В. В. Поликарповым.

И, наконец, последняя, четвертая часть сборника — «Февраль: страшная масонская тайна». К основным её методологическим положениям у меня практически нет претензий. Могу лишь заметить, что отсутствие документальных доказательств должно быть свидетельством не только против масонской, или, как принято сейчас говорить, конспирологической версии Февраля, но и против версии о взяточничестве Военного и Морского министров (см. статью рецензируемого сборника «Царизм и пушечные короли Антанты: опыт сотрудничества»). Комментировать или рецензировать роль КГБ, а также национальные фобии или мании участников споров о роли масонов в русской революции я категорически отказываюсь по причине отсутствия интереса к подобного рода темам, развитие которых, по моему мнению, ничего не даст в понимании процессов в России в 1905–1917 гг., от Цусимы до Февраля.

О. Р. Айранетов

---

23. Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. С. 532.

А. И. Солженицын. Размышления над Февральской революцией. М., 2007

«**Р**азмышления» А. И. Солженицына, написанные в начале 1980-х гг. при работе над «Красным колесом» и опубликованные только сейчас — к девяностолетнему «юбилею» революции, пришлись невероятно кстати. Кажется, именно сейчас российское общество и российское государство обретают способность оценить произошедшие без малого век назад события по существу — без надрыва или сентиментальности. Сильно полиняли сталинский тезис о «Великой Октябрьской социалистической», которая противопоставлялась «Февральской буржуазно-демократической», эмигрантские клятвы верности «заветам Февраля», даже российские дискуссии прошедшего десятилетия о «неиспользованных возможностях» Временного правительства. Нельзя сказать, что статья Солженицына свободна от политизации — и время написания, и сам автор, конечно, не дают для этого повода — однако она дает возможность вынести дискуссию о Феврале на иной уровень осмысления.

Есть в статье такие положения, которые в современной историографии, как ни странно, до сих пор не считаются очевидными. Отношение к ним самого автора, видимо, настолько устоялось, что они даже не выносятся на первый план и как бы тонут в водопаде кипучего солженицынского языка. Тезис первый: в 1917 г. в России не было сразу двух революций. Обратное утверждение — образец очень грубой идеологической казуистики, лишь чудом, как реликт, сохранившееся в современных учебниках по российской истории (к сожалению, далеко не единственное). Даже в массовом сознании оно постепенно сходит на нет, что не удивительно: советскому человеку сталинского и послесталинского времени, привыкшему к запланированным партией и правительством частым «революциям» во всех сферах жизни, еще можно было представить, что в течение восьми месяцев в стране может произойти последовательная смена сразу двух политических режимов, опирающихся на разные социальные силы; в обычном человеческом сознании это

как-то плохо укладывается. Во всяком случае, другие случаи исторической науке не известны.

Тезис второй «Размышлений»: революция была для России катастрофой. Характер событий 1917 г. изначально имел сугубо разрушительный характер. Разрушители-большевики не сменяли у власти благодушных либералов и демократов. Либеральные ценности в это время в России разделяло крайне небольшое число людей, либеральный политический режим, способный обеспечить свободные парламентские выборы, неприкосновенность жилища и частной собственности, не существовал в России 1917 г. ни одного дня. Могло ли большинство населения свободно выразить свою политическую волю и надеяться на ее реализацию посредством демократических институтов? И более важный вопрос: хотело ли? Или на повестке изначально стояли более «насуточные» вопросы — о виновных лавках, чужой собственности, мире любой ценой — которые сразу обнажились, как только отпала воображаемая угроза контрреволюции? Могло ли неграмотное или малограмотное в подавляющем большинстве своем население действительно бороться с самодержавием за «демократию»? Или целью был «социализм» в его первобытном понимании (то есть «взять и все поделить»)? «Высокие задачи революции» иногда могут быть частью ее реального содержания (например, революции 1789 г.), а иногда выступают лишь миражом для ее горе-сценаристов и ширмой для реальных исполнителей. В России в феврале 1917 г. такими обманувшимися сценаристами в основном были либералы, а исполнителями — массы только что мобилизованных солдат, рабочих и обывателей. Далее в погром неизбежно втягивалась уже вся страна. Соответственно революционная риторика на протяжении нескольких месяцев и недель стремительно девальвировалась и огрубилась. Подлинной целью основной массы революционеров была Экспроприация. А она никогда не проходит бесследно для ее инициаторов; расплатой за Февраль стала та самая гражданская война, от которой хотели застраховать Россию политики и генералы, организовавшие отречение 2 марта.

Тезис третий: события Февральской революции в значительной степени определили мировое развитие в XX веке. Русская революция, начавшаяся на петроградских мостовых в феврале 1917 г., условно, не уложилась в рамки одного года, а продолжалась далее, перетекая в фазу гражданской войны и закончившись лишь с созданием СССР. В результате этой революции пали традиционные российские государственность и социальный строй, так или иначе являвшиеся гарантом ее органического культурного развития. Россия вышла из Первой мировой войны, предоставив Германии надежду на ее победоносное окончание. Завершившаяся столь неопределенно в 1918 г. война по сути имела «открытый финал», стимулировавший реваншистские настроения среди полу-побежденных. Большевицкая угроза стала наряду с этим еще одним фак-

тором победы нацистов в 1933 г. Далее обреченная на тотальное противостояние Европа на всех парах понеслась к его решающей фазе в 1939–1945 гг. и Холодной войне. Внутренние последствия революции были не менее трагическими. Революционное по своей идеологии и природе государство могло существовать только от одного революционного скачка к другому — и так до самого своего конца. Сперва это воспринималось лидерами государства как свидетельство его силы, потом как неудобноносимая обуза — но это уже другой вопрос. В конечном счете, возможности эволюционного развития, предполагающие стабильное воспроизводство политической и культурной элиты, духовных и материальных ценностей, обеспечены не были. Всестороннее обнищание стало неизбежным следствием. В этом смысле революция составляет суть всего нашего исторического развития вот уже целое столетие.

Конечно, все выше сказанное — общее место. Правда в историографии оно до сих пор обозначено как-то слабо и стыдливо относится к сфере «публицистики». До сих пор историческая наука в подобных «азбучных истинах» не признается, и из них нужно делать такие политические манифесты, каковым и стала нынешняя статья Солженицына. Подобные истины можно было бы лишь еще более четко обозначить. Спорить тут не с чем. Иное дело — детали солженицынской концепции Февральской революции.

Солженицын справедливо утверждает, что так называемые видимые причины революции — отсутствие императора и кадровых воинских частей в столице, перебои со снабжением, левая агитация и т. д. — не могут выставляться как первостепенные и являются лишь печальными обстоятельствами февральских событий или такими, как деятельность большевиков или близких им сил, историографическими фантомами. Гораздо более важным фактором была политика государственной власти. Александр Исаевич выставляет государственной власти и лично императору счет за отсутствие сопротивления разрушительным силам. «Трон подался не материально, материального боя он даже не начинал. Физическая мощь, какая была в руках царя, не была испробована против революции». Но существовала ли эта мощь, когда по запросу самого Николая II, все командующие фронтами высказались за его отречение? Что такое царь и его власть в начале XX века — без армии и бюрократии? Что такое сакральный статус этой власти, если в него, как оказывается в критическую минуту, никто не верит? Конечно, почти все генералы и кое-кто из столичных оппозиционеров думали только о смене персон на троне и формировании «ответственного перед парламентом министерства», но в России с ее традицией четкой персонализации власти это само по себе уже означало «колебание устоев». Можно долго обсуждать вопрос о политических талантах последнего российского самодержца, но это вопрос в данном случае не принципиальный и малоинтересный. 2 марта 1917 г.

вовсе не Николай II, а вся страна отвечала на два важнейших вопроса: может ли она объединиться вокруг своей верховной власти, какая бы она ни была, против общего врага и, если она склонна сменить эту верховную власть, сможет ли она в подобной ситуации не воспользоваться неизбежной слабостью новой верховной власти, оказать ей всемерную поддержку и сообща решать национальные задачи? Второй путь сейчас, может быть, покажется нам несколько утопичным, но именно он был избран российской политической элитой — для того, чтобы сразу полететь с него под откос.

Может быть, не царь, а его правительство должно было оказать сопротивление революции? «Вся царская администрация и весь высший слой аристократии в февральские дни сдавались как кролики — и этим-то и была вздута ложная картина единого революционного восторга России». Механизм сопротивления неясен: Совет министров не имел ни политических, ни полицейско-административных возможностей его осуществлять. Полиция была ослаблена военным призывом, а функция охраны порядка в столице была передана только что мобилизованным солдатам — главным инициаторам восстания. Да, правительство по преимуществу состояло из людей только что занявших министерские посты, но тут прямую вину верховной власти вряд ли можно усмотреть. Частые назначения на правительственные посты были вызваны либо техническими (в тяжелейшей военной ситуации редко какой министр не считал за должное постоянно проситься в отставку), либо политическими причинами (назначения происходили и под давлением Думы). Реальный контроль парламента за правительственной деятельностью накануне революции вырос очень значительно, а это неизбежно провоцировало частые перестановки. Самая яркая фигура в данном случае — А. Д. Протопопов, перепрыгнувший из кресла товарища председателя Думы на пост министра внутренних дел и тут же полностью потерявший как свои прежние убеждения, так и парламентскую поддержку. Занятое решением множества текущих вопросов правительство, как и находившийся в Ставке император, слишком надеялись на «внутренний мир», чтобы готовиться к силовому варианту его поддержания. Что же говорить о местных властях, всегда ориентировавшихся на высшие сферы? Тем более что революция сразу приобрела всероссийский размах.

«Очевидно, у власти было два пути, совершенно исключавших революцию. Или — подавление... Или — деятельное, неумолимое реформирование всего устаревшего и не соответственного. На это власть тоже была не способна — по дремоте, по неосознанию, по боязни... Нужны были энергичные реформы, продолжающие Столыпина, — их не предприняли». Дискуссия о соотношении революции и реформ давно уже стала традиционной как для современной российской историографии, так и для общественности в целом. Не отрицая того очевидного факта, что Россия начала XX века

нуждалась в реформах, стоит сделать несколько вытекающих отсюда соображений. Во-первых, представляется сомнительным противопоставление «двух путей» — подавления и реформирования. По крайней мере, упомянутый П. А. Столыпин этого не делал. Затем, говорить о «замедлении» реформ после смерти Столыпина можно лишь с большой долей условности. Аграрная реформа, проводимая А. В. Кривошеиным, набрала темпы именно накануне войны. Только после нее можно было ставить вопросы о волостном земстве или об уравнивании крестьян в правах с иными сословиями, о чем так горячо пишет в своей статье Солженицын, с некоторым даже оттенком наивной крестьянской утопии: «Если бы крестьянство к этой войне уже было бы общественно-равноправно, экономически устроено и не таило бы сословных унижений и обид — петроградский бунт мог бы ограничиться столичными эпизодами...» Законы о рабочем страховании и о местном суде также были приняты и стали воплощаться в жизнь в 1912 г., тогда же шло усиленное реформирование и перевооружение армии. И, наконец, уже с началом войны какие-либо «энергичные реформы» были по сути невозможны — как по организационным, так и по материальным причинам. Их проведение, наоборот, могло только дезориентировать и расстроить государственный аппарат и спровоцировать революцию. Это и происходило, скажем, в сфере снабжения фронта, где Земгор и военно-промышленные комитеты сыграли скорее негативную роль, не выполнив возложенных на них задач, зато выставив правительству непомерные политические требования и усугубив внутренний кризис.

Отсюда неизбежен вопрос о войне. «Вся эта война была ошибкой трагической для всей тогдашней Европы, а для России и трудно исправимой. Россия была брошена в ту войну без всякого понимания международного хода событий, при сторонности её главному европейскому конфликту, при несогласии её авторитарного строя с внешним демократическим союзом». В том-то и дело, что Россия в Первую мировую войну оказалась именно «брошена». Заинтересованности в войне власть не испытывала, подготовка к войне закончена не была. Правда, встает вопрос: когда Россия вообще была готова к войнам? Или так: когда она была готова лучше, чем в 1914 г.? После вступления Турции в войну на стороне Германии Россия оказалась блокирована на двух наиболее важных для ее экономики направлениях — черноморском и балтийском. Основные торговые партнеры стали либо ее врагами, либо были от нее отсечены. Воевать в который раз приходилось фактически в одиночку. Однако вина самой России тут была минимальна. Любой ценой не быть втянутым в общеевропейский конфликт для нашей страны, как показал опыт XX века — напрасная, а иногда и чрезвычайно опасная (как, например, в 1941 году) иллюзия.

Вопрос об отсутствии контрреволюционных тенденций в стране также затронут Солженицыным. Государство к февралю 1917 г. оказалось без социальной опоры, и писатель упрекает в этом дворянство: «Правящий класс потерял чувство долга, не тяготился своими незаслуженными наследственными привилегиями, перебором прав, сохранённых при раскрепощении крестьян, своим всё ещё, и в разорении, возвышенным состоянием. Как ни странно, но государственное сознание наиболее покинуло его». Но никакого «правлящего класса» в лице дворянства в России к 1917 г. уже не было. То, что было краеугольным камнем государственной идеологии, перестало существовать в действительности уже тогда, когда дворянское по преимуществу земство к началу Первой русской революции стало одним из главных ее инициаторов. Дворяне — в том числе титулованные — были костяком радикально-либеральной оппозиции, мечтавшей о всеобщем избирательном праве, а некоторые дворяне ставили вопрос и о массовом терроре.

Еще одна «опора власти» не смогла ей помочь: «На краю пропасти ещё могла бы удержать страну сильная авторитетная Церковь. Церковь-то и должна была создать противоположное духовное Поле, укрепить в народе и обществе сопротивление разложению. Но... не создала такого. В дни величайшей национальной катастрофы России Церковь — и не попыталась спасти, образумить страну. Духовенство синодальной церкви, уже два столетия как подавшаеся властной императорской длани, — утеряло высшую ответственность и упустило духовное руководство народом». К началу XX века русское духовенство (именно оно и отождествляется с Церковью, что несколько расходится с обычным православным ее пониманием), как и все традиционные социальные группы, находилось в ситуации активной трансформации. Политического единства в среде духовенства не было: среди священников было немало и социалистов. Конечно, это отчасти было проявлением «кризиса духовности», но Русская церковь на протяжении всей ее истории никогда не была самостоятельной (или скорее — отдельной) от народа и государства политической силой. Что же касается духовного кризиса, то русская история XX века может дать как веские подтверждения, так и не менее яркие опровержения этого тезиса. Представляется, что практически каждая эпоха даст нам то же, лишь внешне противоречивое сочетание.

Конфликт власти и общественности — гораздо более важная причина февральской трагедии. Солженицын совершенно прав, когда говорит: «Все избывающие здоровьем крупные силы крепкой нации были брошены не в ту сторону, создалось неестественное распределение человеческих масс и энергий, заметно перегрузилась и смешалась администрация и организация, ослаб государственный организм. И даже *всё это было бы ещё ничего, если б не* (под-

черкнуто мною — Ф. Г.) традиционная накалённая враждебность между обществом и властью. В поле этой враждебности образованный класс то и дело сбивался на истерию, правящая прослойка — на трусость». Политика и поведение бюрократии в совершенно неожиданной для нее ситуации, многократно увеличивавшей трудности государственного управления и ответственность власти, была, безусловно, небезупречна, но кое-что в оправдание ей все же можно сказать: Россия, имея самый протяженный в мировой истории сухопутный фронт, выдерживала колоссальное напряжение в течение двух с половиной лет во многом благодаря ее бюрократическому аппарату; именно казенные железные дороги в 1914 г. обеспечили блестяще проведенную мобилизацию; именно казенные заводы внесли основной вклад в дело войны; государственные финансы даже с учетом только что введенного «сухого закона» вплоть до революции не рухнули в пропасть гиперинфляции. Однако политические ресурсы власти иссякли гораздо быстрее, нежели административные. Власть, безусловно, расплачивалась за давнее пренебрежение к личности, за длительное и, по сути, бесперспективное сковывание общественной инициативы. Десятилетиями копившаяся вражда дала себя знать в период войны, но показала и еще одно важное обстоятельство: русская общественность, упрекавшая традиционную власть в просчетах и даже измене, оказалась неспособна принять на себя ответственность за судьбу страны. В сущности незрелое, «подростковое» поведение русской интеллигенции в период Временного правительства — непонимание катастрофичности революционных событий в период тяжелейшей войны, безудержная вера в некий «народ», сугубо формальное закрепление верховной власти за правительством, отказ от политического администрирования и применения санкционированного насилия — все это хотя бы частично объясняет правительственный патернализм в отношении общественности в дореволюционный период. С наступлением войны бюрократия попросту захлебнулась в море проблем, в том числе и созданных ее «подопечными», которые, в свою очередь, с наивно-злорадным удовольствием помогли ей в этом деле. Их собственная судьба после этого была предопределена. Эти очевидные истины, публицистически сформулированные А. И. Солженицыным, давно нуждаются в историографическом признании.

Ф. А. Гайда

М. Волхонский, В. Муханов. По следам Азербайджанской демократической республики. М., 2006.

Еще великий Карамзин писал, что «история есть священная книга народов». В начале XIX века такой взгляд был приемлемым и понятным. Последующая историография простила «последнему летописцу и первому историку» этот несколько упрощенный взгляд, признавая за ним безупречную научную добросовестность. Но наше время показывает, что такой почти религиозный взгляд на собственное прошлое характерен для большинства национальных исторических школ в начале их пути. При этом далеко не всегда можно видеть по-карамзински трепетное отношение к первоисточникам и историческим фактам.

Распад СССР породил и распад единой исторической науки. Вместо нее возникло полтора десятка, или даже более, национальных исторических школ. Юридическая легитимность постсоветских государств была признана сразу, но для полноценного самоутверждения им нужна была еще и «историческая» легитимность — ссылка на собственное государственное прошлое, прерванное российским или советским завоеванием. Каждому новообразованному государству требовалось написать свою «священную книгу», которая бы содержала непререкаемые обоснования его права на историческое бытие и могла бы быть положена в основу национального сознания. И, прежде всего, новым государствам требовался исторический прецедент собственного существования.

Невероятно широкие возможности для поиска таких прецедентов дает период между 1917 и 1921 годами, когда падение самодержавия — под воздействием внутренних и внешних сил в условиях войны — привело сначала к резкому ослаблению, а потом и к фактическому распаду державы, занимавшей 1/6 часть обитаемой суши. Уже через несколько лет единое государство на этом пространстве было восстановлено (правда, под другим названием и с другой идеологией), но за краткий период «полураспада» на его огромной территории успели возникнуть и исчезнуть десятки местных, национальных и региональных властей, правительств

и государств. Одни из них канули в Лету совсем бесследно, другие в силу исторических обстоятельств послужили основой для «советских социалистических республик», из которых спустя семь десятилетий в результате нового распада образовались независимые государства постсоветского пространства. К числу последних относятся и республики Закавказья. Поэтому не удивительно, что короткий период между «уходом» России и её возвращением под новыми знаменами привлекает столь пристальное внимание национальных историографов. История скоротечной «независимости» в начале XX века становится одной из важнейших глав «священной книги», которую они пишут для своих народов.

На протяжении долгого советского периода изучение событий 1917–1921 годов за Большим Кавказским хребтом возможно было только в русле «борьбы за советскую власть» и «краха контрреволюции». За относительно небольшой период после 1991 года успело появиться множество работ закавказских историков, написанных с диаметрально противоположных позиций. Но, как известно, в истории простая «смена знака» не приводит к установлению истины. Между тем, актуальность этой темы более чем очевидна. Драматические события на современном Кавказе имеют и объективную, и субъективную связь с событиями начала XX века. Поэтому для взвешенной оценки современности необходимо адекватное представление о прошлом, не ограниченное прокрустовым ложем какой-либо идеологии, будь то советской классовой, или новейшей националистической. Приходится признать, что в современной историографии такого рода исследования — пока большая редкость.

Рецензируемое издание представляет собой попытку именно с таких, максимально непредвзятых позиций изложить и оценить историю одного из «независимых» государств Закавказья того времени — Азербайджанской демократической республики (АДР). Из трех закавказских государств ему была суждена самая короткая жизнь. Возникнув одновременно с соседями в мае 1918 года в результате распада Закавказского Сейма, оно уже в апреле 1920 года было «советизировано» и включено в «единое пространство» с Советской Россией. Любая попытка оценить столь скоротечный исторический опыт неизбежно укладывается в парадигму «успехов и неудач». По сути, главный вопрос, на который ищут ответа историки, заключается в том, насколько «полноценным», самостоятельным и жизнеспособным было это государство. Если перечислить основные факты его «биографии», то впечатление складывается вполне солидное: провозглашена независимость, подписаны договоры с великими державами, установлен суверенитет над большей частью территории, создан парламент, действовало правительство, сформированы вооруженные силы и даже основан национальный университет. Именно эти «анкетные данные» служат «краугольными камнями» национальной историографии современного

Азербайджана и дают ей основания перечислять успехи «государственного строительства» АДР. Но биография человека состоит не из одних анкетных данных. Биография государства тоже.

Авторы рецензируемого исследования на основе многочисленных источников стараются заглянуть глубже в историю республики, понять: что же скрывалось за лаконичными «анкетными данными» и оценить каждый факт в его историческом контексте. Они не только фиксируют тот или иной из актов «государственного строительства», но и показывают на основе фактов и документов, как на деле функционировал тот или иной институт, насколько его реальная деятельность соответствовала заявленным целям. Кроме того, история АДР преподносится не «сама по себе», а в русле тех процессов, которые проходили как в целом на территории бывшей Российской империи, так и в большой мировой политике.

Истоки возникновения АДР рассматриваются авторами в русле процессов «национального пробуждения», охвативших многие страны и народы в XIX — начале XX века. Народы Закавказья не были исключением, однако азербайджанцы здесь значительно отстали от своих ближайших соседей. Пользуясь терминами, предложенными чешским историком М. Крохом, авторы констатируют, что лидерам азербайджанского национального движения (в основном — местной интеллигенции) «в период двух русских революций пришлось действовать в ускоренном режиме: одновременно решать задачи по формированию национальной идеи, проведению агитации и политической мобилизации широких слоев населения» (С. 12).

Этническую основу будущего Азербайджана составили тюрки-мусульмане восточного Закавказья. На рубеже XIX и XX веков это население еще не обладало сколько-нибудь выраженным национальным самосознанием. В официальных документах того времени оно именовалось «татарами», что смешивало его с другими тюркоязычными народами России от Крыма до Алтая, причем сами азербайджанские «татары» и не думали протестовать против такого словоупотребления. Такому положению отчасти способствовало и замедленное развитие среди закавказских мусульман главных городских классов современного общества — промышленных рабочих и буржуазии. Оба эти класса возникли с началом промышленной добычи нефти на бакинских промыслах, и оба они отставали в своем развитии от соответствующих классов соседних немусульманских народов. Мусульманские рабочие были заняты в основном на низкоквалифицированной работе, а мусульманская буржуазия чувствовала себя неуютно рядом с крупным и гораздо более организованным армянским капиталом. Мусульмане-рабочие были почти не восприимчивы к социалистическим идеям и не участвовали в деятельности социалистических партий. Мусульманская буржуазия была оттеснена от участия в органах управления (город-

ских думах) из-за дискриминационных квот. «Бросающееся в глаза несоответствие между численным преобладанием мусульман и ничтожностью их влияния в органах местного самоуправления усугубляло у татарской элиты чувство изолированности и враждебности к армянской общине» (С. 12). Аналогичной была ситуация в рабочей среде: «когда русским, армянам и мусульманам приходилось контактировать друг с другом во время производственного процесса, возникали конфликты» (С. 12).

Задачу «национального пробуждения» взяла на себя мусульманская интеллигенция, тесно связанная и переплетавшаяся с местной буржуазией. Но уже сам поиск национальной идентичности представлял большую проблему. Здесь столкнулись несколько течений — панисламизм, делавший акцент на конфессиональной составляющей; пантюркизм, выдвигавший на первый план языковой фактор, и местный азербайджанский национализм, который, однако, был наиболее слабым течением и, в отличие от двух первых, не имел внешней поддержки. В ходе революции 1905–1907 годов возникли первые политические партии закавказских мусульман, которым удалось политически мобилизовать часть мусульманского населения, главным образом в ходе столкновений с армянами (С. 18). Однако после завершения революции «широкие слои мусульманского населения ... снова пришли в инертное состояние и не проявляли никакой политической активности» (С. 20).

В период от февраля к октябрю 1917 года общественная жизнь среди мусульман Закавказья вновь пробудилась, однако местные политические деятели не проявляли никаких сепаратистских устремлений. Будущее Азербайджана и всего Закавказья они видели в составе России как демократической федеративной республики. В этом русле следовали решения первого общекавказского съезда мусульман в Баку (апрель 1918), а также Всероссийского мусульманского съезда в Москве (май 1918) (С. 25–27). На развитие национального движения оказывал большое влияние «национальный вопрос» в рамках всей России, в частности, конфликт Временного правительства с украинской Центральной Радой. Тем не менее, в Азербайджане требования оставались умеренными. Наиболее радикальным из них было создание национальных мусульманских частей на фронте, по образцу созданных ранее грузинских и армянских отрядов (Временное правительство затягивало этот вопрос). Возобновление межнациональных столкновений, ухудшение экономической ситуации, рост активности социалистических партий (где мусульман почти не было) не изменили принципиальной установки мусульманских лидеров: «национально-территориальная автономия являлась той предельной моделью, которую азербайджанская элита могла с успехом реализовать в тот момент» (С. 50).

Октябрьский переворот не был признан местными властями в Закавказье. Образованный в ноябре 1917 года в Тифлисе Закав-

казский Комиссариат поначалу позиционировал себя как временный орган исполнительной власти в преддверии созыва Учредительного собрания. После разгона Собрания большевиками его закавказские депутаты сформировали Закавказский сейм, который стал как бы общим парламентом региона, еще не отделившегося от России. Он, наконец, сформировал мусульманские военные части, которые, правда, их собственный командир назвал не иначе как «сбродом». Реализация этого решения вызвала серьезные межнациональные столкновения (С. 60–46). Одновременно другой центр власти возник в Баку. Местный Совет, контролируемый большевиками, заявлял о своем прямом подчинении Москве. На дальнейшие события в Закавказье решающее воздействие оказал ход военных действий на фронте. Турецкие войска, вернув потерянные в прошлые годы территории, оказались у ворот Закавказья, причем среди местных мусульман турки вели прямую агитацию в пантюркистском духе. Именно действия Турции, выдвигавшей все более жесткие условия, привели сначала к формальному отделению Закавказья от России, а потом к распаду Сейма и образованию трех республик — Грузии, Азербайджана и Армении (С. 79–82).

Одной из первых задач новой АДР было установление контроля над Баку. В начавшихся военных столкновениях главными противниками большевиков стали не национальные азербайджанские отряды, а регулярные турецкие части. Турецкий генерал Нури-паша был фактическим хозяином положения в стране, с «независимостью» которой он нисколько не считался и беззастенчиво грабил ее ресурсы. Договор АДР с Турцией от 4 июня 1918 был во все не «признанием международного авторитета Азербайджанской республики», а легитимизацией турецкого самоуправления (С. 85). Взятие Баку 15 сентября 1918 сопровождалось «грабежом и резнёй мирного немусульманского населения» в течение трех дней, которые были в какой-то степени мстью за аналогичные погромы против мусульман в марте того же года. Глава азербайджанского правительства Ф. Хойский практически оправдал эти события и 17 сентября, прибыв в Баку, «получил в подарок от своих союзников полусожженный город» (С. 92–93). При этом Турция даже не признала АДР в качестве суверенного государства, в отличие от соседних Армении и Грузии. Авторы справедливо отмечают, что в это время «нельзя говорить о какой-то самостоятельной политике Азербайджанской демократической республики». Соглашение с Турцией было, в лучшем случае, «тактической победой», но в то же самое время «республика накинула на себя удавку», отдав свою территорию в распоряжение турецких комендантов и офицеров (С. 94–95).

«Турецкий» период в истории АДР закончился с поражением самой Турции в Первой мировой войне. Но для АДР, как, впрочем,

и для всего Закавказья, это означало лишь «смену куратора». Место турок заняли англичане. Как и турок, их интересовала, прежде всего, бакинская нефть. Как и турки, они вывозили её в огромных количествах совершенно безвозмездно. Делая основную ставку на А. И. Деникина, англичане не признавали АДР самостоятельным государством и оправдывали свой грабёж русскими долгами перед союзниками. Азербайджанская делегация с трудом пробилась на Парижскую конференцию через контролировавшиеся англичанами Проливы и вынуждена была там без особого толка обивать пороги руководителей стран Антанты и прочих влиятельных лиц. Ни одна из «независимых» республик, возникших на западных и южных рубежах России, за исключением Финляндии и Польши, не добилась в 1919 году признания от Антанты. Положение изменилось только к началу 1920 года, когда после разгрома основных сил белых армий эти республики превратились в передний край борьбы с большевизмом. Правительства АДР и Грузии были признаны де-факто (но не де-юре) только 11 января 1920 года (С. 114). Немалую роль в принятии этого решения сыграли опасения союза между большевистской Россией и кемалистской Турцией. Его никак нельзя рассматривать в качестве «успеха азербайджанской дипломатии», тем более что признание не было подкреплено никакой материальной помощью (С. 117). Отношения АДР с закавказскими соседями осложнялись территориальными спорами, которые убивали всякую идею региональной конфедерации. Действительным успехом азербайджанской дипломатии можно считать то, что она в конце 1919 г. не дала втянуть свою страну в войну против Деникина на стороне Советской России, к чему АДР усиленно склоняла Москва, не обещая взамен даже признания (С. 121–122). Де-юре АДР была признана только одной страной — Ираном, который из-за внутреннего кризиса вынужден был отказаться от первоначальных планов присоединения АДР (С. 128).

Авторы достаточно много внимания уделяют внутренней политике АДР. Её вооруженные силы к 1920 году насчитывали около 25 000 человек. На военные нужды уходило более четверти бюджетных расходов. Большая их часть была задействована в военных операциях против Армении. Созданы они были в основном благодаря привлечению офицеров русской службы азербайджанского происхождения. Министром обороны был генерал от артиллерии Мехмандаров. Структура управления армии копировала российскую, но ей не хватало обученных кадров, оружия, обмундирования, боеприпасов. Было широко распространено дезертирство. Всеми относительными успехами в строительстве армии АДР была обязана как наследию России, так и (на первых порах) помощи Турции.

Парламент республики был сформирован путем кооптации представителей от разных политических партий, общественных орга-

низаций и национальных обществ. К чести АДР следует отметить, что в парламенте изначально резервировались места для немусульман — в первую очередь, армян и русских. Однако эффективным органом государственной власти парламент так и не стал — во многом потому, что не располагал достаточными средствами для исполнения своих решений. Для АДР была характерна частая смена правительств. Кроме того, несмотря на провозглашенную цель «национализации» государственного аппарата, вся повседневная работа, во многом, лежала на русских чиновниках. Неспособность национальной власти решать насущные социальные проблемы проявилась очень быстро, коррупция процветала. Правительство теряло авторитет. В сочетании с постоянным иностранным вмешательством всё это «придавало стране черты эфемерного квазигосударственного образования» (С. 159–160).

В плачевном положении находилась экономика страны. В то время как большая часть бывшей империи страдала от нехватки топлива, главной проблемой Азербайджана стал его избыток, то есть отсутствие рынков сбыта. Традиционный рынок в России был перекрыт, англичане предпочитали получать нефть бесплатно, а другие потребители (например, Италия или США) не могли предъявить достаточного спроса. Торговля нефтью через Батум осуществлялась по бартерным схемам и встречала различные препятствия со стороны англичан. Экономическая изоляция и кризис перепроизводства топлива вызывали высокую инфляцию, которая, впрочем, была «бичом» всех постимперских правительств того времени (С. 174–175). Невелики были и успехи в социальной сфере. Для рабочих был введен коллективный договор, однако уровень их жизни постоянно падал вследствие инфляции (С. 177–178). Ничего не было сделано для решения аграрного вопроса, так как власть боялась утратить поддержку богатых мусульманских землевладельцев (С. 182–184). Разрастались волнения, срывался военный призыв. «За весну и лето 1919 года правительство почти полностью потеряло поддержку со стороны основной массы крестьянства» (С. 185)

Наиболее продуманной оказалась политика правительства в области образования. Главное её направление заключалось в «тюркизации» — переводе обучения на турецкий язык. Сразу же сказались нехватка подготовленных учителей и отсутствие учебных программ. Наивысшим достижением стало решение об открытии в Баку первого университета. Как надеялись его основатели, неизбежно русский поначалу университет со временем должен был стать кузницей национальных кадров (С. 187.). Впрочем, университет так и не успел полностью развернуть свою деятельность до «советизации» Азербайджана.

Включение Закавказья в орбиту советского влияния стало вопросом времени уже в начале 1920 года. Ведя борьбу с Антантой,

советское правительство не могло терпеть существования её сателлитов на территории бывшей империи. В отношении АДР действовал и дополнительный мотив — Советская Россия остро нуждалась в бакинской нефти. И все же не стоит приписывать «советизацию» Азербайджана исключительно агрессивным планам Москвы. Для такого исхода было достаточно и внутренних причин, прежде всего — отсутствие авторитета национальной власти в глазах населения, хаос в управлении, коррупция, слабость вооруженных сил. Характерно, что 11-я Красная армия, перешедшая в апреле 1920 г. азербайджанскую границу, не встретила серьезного сопротивления. Падение независимого правительства не вызвало возмущения у населения страны. Волнения произошли позже, когда оно познакомилось с большевистскими методами управления (С. 206–207).

Рецензируемая работа позволяет адекватно оценить опыт создания азербайджанской государственности в начале XX века. История АДР дает мало положительных материалов для «священной книги» азербайджанского народа. Скорее, можно говорить о горьких уроках. Независимым назвать это государство крайне сложно. Сначала оно целиком и полностью находилось в распоряжении турецких генералов, потом их место заняли англичане. Независимость страны так никем и не была полноценно признана, кроме соседнего Ирана. Все успехи страны, которые укладываются в стандартные «анкетные данные», были чисто бумажными — подписанные соглашения, принятые законы. В реальности АДР была, пользуясь современной терминологией, если не совсем «неудавшимся», то, во всяком случае, «слабым» государством. Она жила в значительной степени за счет использования потенциала, созданного еще в довоенной России — нефтяной промышленности, административного аппарата, офицерского корпуса. Само население не испытывало глубокой привязанности к новому государству и его правительству, что доказывается легкостью «советизации» Азербайджана. Потребовалось еще семь десятилетий существования в качестве «советской социалистической республики», чтобы смогли развиться материальная база для нового обретения независимости и национальное самосознание азербайджанского народа.

А. М. Фомин

В. С. Мильбах. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007.

Рецензируемая работа вполне может быть названа зеркалом отечественной (да и зарубежной) историографии репрессий 1937–1938 гг. в Красной Армии, ибо итоги исследования вновь можно свести к:

- а) успехам в изучении собственно процесса репрессий и
- б) полной несостоятельности попытки выяснить степень их влияния на боеспособность армии.

Больше того, в работе В. С. Мильбаха и успехи в решении первой задачи и несостоятельность в решении второй заметнее, чем в предшествующих исследованиях по истории чистки РККА. Несомненным достижением автора является его уход от привычной схемы, в которой друг другу противостоят НКВД, с одной стороны, и армия как некое целое — с другой — и показ того факта, что «невольными (а нередко и совершенно сознательными) помощниками» чекистов в чистке Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА, в июне 1938 г. преобразованной в КДФ — Краснознаменный Дальневосточный фронт) было «подавляющее большинство» политработников ОКДВА/КДФ (С. 102) и что постоянное «содействие органам НКВД» (С. 111) — прежде, чем стать одной из последних их жертв — оказывал сам командующий ОКДВА/КДФ Маршал Советского Союза В. К. Блюхер. Выявленные В. С. Мильбахом документы наглядно свидетельствуют, что «легендарный полководец» — до сих пор наделяемый чертами чуть ли не святого — не только практически безотказно санкционировал аресты своих подчиненных, но и постоянно выступал в роли инициатора проверки «политического лица» тех или иных командиров, снятия их с должностей и увольнения из РККА, причем преследовал не только самих заподозренных, но и тех, кто считал бдительность маршала чрезмерной. Документы эти даже дали автору основа-

ние заключить, что «увеличивающиеся масштабы политических репрессий в ОКДВА явились результатом совместной деятельности командования [т. е. В. К. Блюхера. — А. С.] и особого отдела НКВД Дальневосточной армии (фронта)» (С. 118). Большую информационную ценность представляют также помещенные в приложениях 4 и 5 впервые составленные именные списки репрессированных в 1937–1938 гг. лиц командного и начальствующего состава ОКДВА/КДФ (С. 231–304) и именные списки тех из этих лиц, кто был расстрелян либо умер в заключении (С. 305–325).

Что же до попытки В. С. Мильбаха показать отрицательное влияние репрессий на боеспособность ОКДВА/КДФ, то здесь мы имеем дело не просто с несостоятельностью такой попытки, а с *полным крахом* целого направления в нашей (да и зарубежной) историографии — направления, в течение долгих лет отстаивающего (а лучше сказать — пропагандирующего) тезис об ухудшении боевой выучки Красной Армии в результате репрессий 1937–1938 гг. В самом деле, что необходимо сделать для того, чтобы выяснить, ухудшила чистка ОКДВА/КДФ боеспособность этого объединения или не ухудшила? Здесь не требуется каких-то методологических изысков, для этого нужно всего лишь:

- а) выяснить уровень боевой выучки ОКДВА накануне репрессий;
- б) выяснить уровень боевой выучки КДФ по окончании репрессий (или незадолго до их окончания, в июле — августе 1938 г., когда части сил фронта пришлось вести бои у озера Хасан) и в) сравнить оба уровня.

Но В. С. Мильбах этого не делает! Уровень боевой выучки командиров, штабов и войск ОКДВА накануне репрессий им *не исследуется* — и потому все его утверждения об ухудшении боеспособности ОКДВА/КДФ в результате репрессий повисают в воздухе, *остаются бездоказательными*. Правда, на с. 22–24 и 25–26 нечто похожее на попытку охарактеризовать «предрепрессионный» уровень мы находим — но это именно «нечто похожее на попытку охарактеризовать»; исследованием (и даже попыткой исследования) это назвать невозможно. Не говоря уже о том, что сведения о боевой подготовке ОКДВА в «предрепрессионном» 1936 г. уделено в общей сложности всего две с половиной из двухсот пятидесяти (не считая приложений) страниц текста книги, это именно отдельные, надерганные по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька» сведения, *отдельные факты* — из которых к тому же делаются абсолютно *нелогичные выводы*. Вначале автор сообщает о решении командования ОКДВА и ее Приморской группы все-таки провести — невзирая на занятость войск строительными работами — осенние маневры 1936 года — и усматривает в этом решении свидетельство того, что «в 1936 г. в армии в основном положительно решались задачи по совершенствованию боевой выучки частей

и соединений, несмотря на колоссальный груз задач по строительству, расквартированию и обеспечению войск». Неужели же нужно разъяснять, что решение провести маневры отнюдь не равнозначно успешному выполнению «задач по совершенствованию боевой выучки» и что лучше было бы сообщить хотя бы об итогах этих, действительно состоявшихся, учений?.. Затем В. С. Мильбах упоминает о штабных и войсковых учениях, проведенных в марте 1936, их целях и составе участвовавших в них войск — и делает вывод о том, что командование ОКДВА «уделяло внимание новым формам и методам подготовки войск и штабов». Да, уделяло, но ведь методы боевой подготовки — это не самоцель, а лишь средство достижения цели — обеспечения высокой боевой выучки войск! А об итогах учений опять практически ничего не сообщается (единственный же упомянутый факт — неудача попытки приданных 94-му стрелковому полку танков и батареи пройти с полком через горы и тайгу — на тезис В. С. Мильбаха о хорошей выучке дальневосточников накануне репрессий отнюдь не работает...) Далее цитируется сообщение начальника штаба ОКДВА об успешном проведении конкретного штабного учения — на основании которого заключается, что начштаба «положительно оценил» «проведенные летние учения». Каким образом одно штабное учение превратилось в несколько штабных и войсковых — нам решительно непонятно... И, наконец, следуют иллюстрируемые выдержками из трех документов сообщения о трех ЧП, имевших место в ходе боевой учебы в 1936 г., о росте в этом году числа авиакатастроф и о наличии в тогдашней ОКДВА «фактов неорганизованности и нарушения дисциплины» (один из которых приведен). Но и эти четыре факта и два заключения (второе из которых хоть и верно, но выглядит у автора практически бездоказательным) сами по себе еще ни о чем сказать не могут — и уж однозначно не свидетельствуют в пользу тезиса о высокой боеспособности «предрепрессионной» ОКДВА.

И все! Вместо последовательного рассмотрения степени подготовленности (по каждому звену в отдельности) командиров и штабов — степени их умения принимать отвечающие обстановке решения, организовать бой, управлять войсками и др., — степени выучки (отдельно по разным родам войск, видам подготовки и видам боя) одиночного бойца и подразделений и, наконец, уровня боевой готовности частей и соединений — менее десятка беспомощно надерганных фактов из жизни ОКДВА и почти столько же бездоказательных выводов... Складывается впечатление, что эти две с половиной страницы писал не профессионал-историк, а занявшийся «историей» инженер, экономист, медик и т. п. — для которого величайшим откровением и самодовлеющей ценностью является любой извлеченный им «из архива» и приобщающий его к историческим исследованиям» факт и который не обладает не только научным мышлением, но часто и элементарной логикой. И уж во всяком

случае, это должно быть человек, мало что понимающий в вопросах, неразрывно связанных с объектом его штудий — в военном деле.

Между тем при чтении книги В. С. Мильбаха чувствуется, что автор вполне компетентен в военных вопросах, хорошо представляет себе задачи органов управления войсками 30-х годов XX в. и — судя по его анализу хасанских боев — методику оценки уровня подготовленности этих органов. Мыслимо ли также, чтобы он, работавший с материалами РГВА профессионал, не брал в руки хотя бы путеводитель по этому архиву и описи фондов управления ОКДВА и управления Приморской группы ОКДВА и не знал, что в одних только этих фондах на открытом хранении находятся десятки дел объемом в тысячи листов, освещающие уровень выучки «предрепрессивной» ОКДВА? Что можно было поискать информацию и в фондах соединений ОКДВА и в фонде управления делами Наркомата обороны — в приказах наркома, посвященных итогам проверок тех или иных округов, соединений и т. п.? И что, соответственно, просто несерьезно опираться при написании вышеупомянутых двух с половиной страниц на материалы одного-единственного архивного дела?

Подобное представляется нам настолько невероятным, что мы готовы допустить возможность другого варианта: знал, но сделал вид, что не знает — иначе его тезис о том, что в 1936 г. в ОКДВА «в основном положительно решались задачи по совершенствованию боевой выучки частей и соединений, несмотря на колоссальный груз задач по строительству, расквартированию и обеспечению войск», немедленно рухнул бы. Трудно сказать, какие «документы служебной переписки командования ОКДВА» свидетельствуют, по утверждению В. С. Мильбаха, об успешном решении задач и боевой учебы и строительства, но в приказе В. К. Блюхера № 00 337 от 14 ноября 1936 г. значится, что «ОКДВА к концу 1936 года неудовлетворительно решила обе задачи: и боевую подготовку и строительство», что инспектировавшая Особую Дальневосточную с 20 сентября по 2 ноября комиссия заместителя наркома обороны Я. Б. Гамарника констатировала «совершенно недостаточные успехи боевой подготовки войск армии в 1936 году и понижение боеготовности войсковых частей и соединений армии в результате огромного выделения личного состава на строительство»¹... В самом деле, в летний период 1936 учебного года в пехоте и артиллерии ОКДВА «учились (и то не во всех частях) только учебные подразделения [т. е. по одному из трех батальонов или дивизионов в каждом полку. — А. С.] Линейные подразделения пехоты, частично и артиллерии боевой подготовкой почти не занимались»². Что получилось в результате, хорошо видно на примере дравшейся спустя два года на Хасане 40-й стрелковой дивизии. По два

1. Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 836. Л. 204, 207.

2. Там же. Д. 583. Л. 3.

батальона в каждом стрелковом полку, докладывал проверивший ее 12–17 октября 1936 г. комбриг К. Д. Голубев из Управления боевой подготовки РККА, два дивизиона в арtpолку, «почти вся полковая артиллерия и спецподразделения» «являются сырыми в боевом отношении подразделениями»³. Кстати, критическое положение в 35-й стрелковой дивизии, о котором докладывал 11 октября 1936 г. майор П. А. Ротмистров, было обусловлено не «неорганизованностью и нарушениями дисциплины», как полагает В. С. Мильбах (хотя это тоже имело место), а крайне низким уровнем боевой выучки. Как показала к 16 октября проверка, которую возглавил лично В. К. Блюхер, командование 35-й все еще плохо знало специфику действий войск в условиях Приморья; войсковые штабы были не сколочены и не могли организовать ни разведку, ни связь, ни взаимодействие родов войск; полки «потеряли лицо строевой части», связи и танковый батальон были подготовлены неудовлетворительно⁴...

Соответственно, «распыление красноармейцев на всякого рода строительные и хозяйственные работы» и «некомплект личного состава в частях и соединениях ОКДВА стали восприниматься командным составом как нормальные явления» отнюдь не «в период репрессий» (как утверждает на с. 175 В. С. Мильбах), а еще до таких. На 1 июля 1936 г. только на строительстве и других хозработах, организованных по указанию штаба армии, находилось около 30% списочного состава частей ОКДВА (кроме танковых и авиационных, которые штаб армии к работам не привлекал), в том числе около 40% списочного состава стрелковых дивизий. В пяти стрелковых дивизиях из четырнадцати — 34-й, 35-й, 59-й, 66-й и 69-й — между 15 июня и 15 июля 1936 г. от боевой подготовки было оторвано от 66 до 70 процентов списочного состава; в полках 21-й стрелковой дивизии в течение лета и сентября этот процент доходил и до 75, а в 34-й и 69-й — до 100! В. С. Мильбах подчеркивает значимость того факта, что в полках 32-й стрелковой дивизии в дни хасанских боев отсутствовало от 30 до 50 процентов штатного состава (С. 175) — но такая же картина была в этих полках и между 15 июня и 15 июля «до-репрессийного» 1936, когда на хозработы и строительство было откомандировано 47,4% списочного состава 32-й дивизии (а в другой «хасанской» дивизии — 40-й стрелковой — 54%)⁵...

Всего этого В. С. Мильбах выяснять не хочет, зато многозначительно сообщает о награждении орденами ряда командиров ОКДВА за успехи в боевой подготовке их соединений, частей и подразделений. Помилуйте, неужели ему не известно, что ордена в СССР зачастую давали отнюдь не по заслугам, а по разнарядке, в зависимости от личных пристрастий и т. д.? В конце того же 1936 г. в Белорусском

3. Там же. Д. 582. Л. 1.

4. Там же. Д. 146с. Л. 230–230 об.

5. Подсчитано по: Там же. Д. 583. Л. 27–28.

военном округе «за успешную работу по боевой подготовке своих частей» были награждены и командир 4-го стрелкового полка полковник И. У. Сорокош — чьи подразделения на Белорусских маневрах 1936 года атаковали «толпами», не применяясь к местности, не подготавливая и не поддерживая атаку пулеметным огнем — и командир 13-го стрелкового полка майор И. Ф. Погоняйло — у которого на тактических учениях 2–4 октября 1936 г. не организовывали разведку, не охраняли фланги, в открытую ломались на доты Полоцкого укрепленного района и у которого один из командиров рот приказал атаковать бетонный дот в штыки... А насколько «успешно» подготовил свой 62-й стрелковый полк упомянутый В. С. Мильбахом среди награжденных в январе 1937 г. дальневосточников полковник И. В. Заикин, можно видеть из признаний, сделанных на партсобрании 9 мая 1937 г. самим Заикиным: в полку еще не добились «того, чтоб командир был инициативен и умел правильно решать [тактические. — А. С.] задачи», командиры «еще недостаточно научились управлять подразделениями», «огневая подготовка очень недостаточная, т. е. совершенно неудовлетворительная», «причем метод огневой подготовки не позволяет добиться лучших результатов», «огневая подготовка артиллерии тоже неудовлетворительная», «оружие быстро портится, и масса оружия постоянно ремонтируется, т. е. сбережение недостаточное», обучение гранатометанию «организовано очень плохо», физподготовка поставлена слабо, «не умеем даже маскироваться, не только боец, но и не маскируются целые подразделения»⁶...

Итак, уровень боевой выучки ОКДВА накануне чистки РККА В. С. Мильбахом не исследован. Уже поэтому все его утверждения об ухудшении тех или иных сторон этой выучки в результате репрессий — содержащиеся в главе 8 его труда — являются, повторяем, не научными выводами, а простым сотрясанием воздуха. Логические построения вроде того, что, «учитывая значительные потери в среде тех, кто должен был организовывать разведку [...] и непосредственно в среде разведчиков», «можно утверждать, что уровень организации разведки и проведения разведывательных мероприятий к осени 1938 г. значительно снизился» (С. 189–190), или что возросший из-за репрессий некомплект комнатно-хозяйственного состава, «естественно», «отрицательно сказался» на боеспособности войск (С. 175) — на роль аргументов не тянут. *Теоретически* все это «естественно», но при изучении истории довоенного СССР и его Красной Армии теория помогает далеко не всегда: нельзя забывать, что и это государство и эта армия были «экспериментальными», плодами *эксперимента* по построению общества, какого еще не знала история. Теоретически офицером инженерных войск или артиллерии в XX в. не может стать человек, не окончивший ни одного класса общеобразовательной школы — а среди принятых в 1929 г. в инженерные и ар-

---

6. РГВА. Ф. 1293. Оп. 3. Д. 8а. Л. 32 об., 33, 37 об.

тиллерийские военные школы РККА таких было соответственно 16,5% и 8,3% (ведь «в классовом отношении (рабочие, батраки, бедняки)» «эта группа курсантов» для «рабоче-крестьянской» армии «являлась ценной») ⁷... А главное, зачем вообще прибегать к косвенным аргументам, если (как мы уже отмечали) состояние источников по данной проблеме позволяет попытаться найти прямые? Почему нельзя просто *сравнить* «уровень организации разведки», боеготовности войск и т. д. *до и после* репрессий?

И снова этот вопрос порождает другой: не потому ли автор упорно не желает применять эту *единственно эффективную в данном случае методику исследования*, что знает: сравнение приведет его к совсем другим выводам? Ведь, как показано нами в статье, помещенной в этом выпуске «Русского сборника», «предрепресссионная» ОКДВА была подготовлена ничуть не лучше, чем КДФ в июле–августе 1938 г. Почти все частные тезисы В. С. Мильбаха (об ответственности репрессий за неумение штабов организовать бой, за неумение бойцов метать гранаты — и т. д.) опровергаются нами в этой статье; ниже мы разберем и остальные — относящиеся к тем аспектам, которые остались за рамками статьи.

В. С. Мильбах пишет об ухудшении из-за репрессий выучки ВВС ОКДВА/КДФ — и указывает в этой связи на проявившийся на Хасане невысокий уровень управления действиями авиации со стороны командиров авиасоединений и авиачастей и их штабов (С. 182–183), на неумение их обеспечить должную боеготовность авиачастей (С. 188), организовать разведку целей перед нанесением авиаударов (С. 190), аэродромную службу, управление полетами и подготовку самолетов к вылету (С. 191). Однако то, что авиационные штабы в ОКДВА были не сколочены и не подготовлены (а значит, и не могли эффективно *управлять частями и соединениями*. — А. С.) выявила еще инспекторская проверка боевой подготовки и состояния ВВС ОКДВА, проведенная 2 августа — 5 сентября 1936 г. ⁸ (Проверенные 8–12 августа начальники штабов отдельных авиаотрядов, авиаэскадрилий и начальники 1-х (оперативных) отделений штабов авиабригад, признавалось в приказе по ВВС Приморской группы ОКДВА № 028 от 5 сентября 1936 г., «имеют слабые навыки и знания по составлению штабной оперативной документации (боевой приказ, сводки [...], боевое донесение) и ведению оперативной рабочей карты» ⁹).

Что до обеспечения *боеготовности авиачастей*, то, если в 25-й авиабригаде 6 августа 1938 г. не хватало только карт, то по боевой тревоге, объявленной незадолго до начала чистки РККА 9 февраля 1937 г., в 31-й штурмовой авиаэскадрилье 48-й авиабригады на самолетные стоянки опоздали водомаслогрейки (без которых

7. РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 3. Л. 30 об., 31.

8. РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 8. Л. 135.

9. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 65. Л. 76.

зимой нельзя было запустить двигатели), совсем не прибыли бензоцистерна, тягач и часть самих авиаторов — а комсостав собирался два с половиной часа. Карты, возможно, и нашлись, но толку от этого не было, так как обстановку до экипажей все равно не довели. Штаб работал неорганизованно, подытоживали осведомителя особиста, собравшего все эти сведения...

Летно-тактические учения, констатировалось в посвященном итогам августовско-сентябрьской поверки приказе наркома обороны № 0048 от 8 ноября 1936 г., проводятся в ОКДВА без учета тактической обстановки — как воздушной, так и наземной — и только на знакомых полигонах. В таких условиях не возникало никакой необходимости в организации *разведки целей* — а значит, авиационные штабы не тренировались в этом и до репрессий. Еще тогда была слабо организована и *подготовка самолетов к вылетам*: ведь августовско-сентябрьская поверка 1936 г. установила, что матчасть ВВС ОКДВА хранится «преступно небрежно», находится в неудовлетворительном состоянии и что в 51-й авиабригаде три легких бомбардировщика Р-5 выпускались в воздух с... полуманнскими лонжеронами (т. е. с полуразрушенным силовым набором крыла!). Из-за недосмотра техников в ВВС ОКДВА в «дорепрессионном» 1936-м (с 1 января до 26 декабря) разбились 13 самолетов, а из-за плохой *организации аэродромной службы и руководства полетами* — еще до шести¹⁰.

«Имеется опасение, — заключалось в „дорепрессионном“ приказе № 0048, — что при таком руководстве летный состав потеряет квалификацию и имеющиеся у него практические навыки и теоретические знания»¹¹. Далее будущим жертвам репрессий — помощнику командующего ОКДВА по ВВС комкору А. Я. Лапину и командирам 48-й и 51-й авиабригад комбригу М. М. Рыженкову и полковнику С. И. Глазунову — объявлялись выговоры, а начальнику ВВС Приморской группы комдиву И. Д. Флоровскому — строгий выговор с предупреждением.

В дни хасанских боев, пишет В. С. Мильбах, произошло 28 случаев прострела винтов самолетов из-за плохой регулировки пулеметных синхронизаторов (С. 191); вне всякого сомнения, речь идет об истребителях И-15, которые в основном и обстреливали тогда японцев с воздуха и вооружение которых состояло из синхронных (стрелявших через диск винта) пулеметов. Но упомянутая выше поверка показала, что в 31-й отдельной истребительной авиаэскадрилье — одной из двух дальневосточных авиачастей, оснащенных И-15 — подготовка матчасти к полетам была неудовлетворительной еще и в «дорепрессионном» 1936 г. Как отмечалось 13 мая 1937 г. на 1-й партконференции Приморской группы, случаи выпуска в воздух неисправной

10. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 836. Л. 212.

11. РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 8. Л. 137.

матчасти в «предрепрессионный» период имели место и во второй эскадрилье, летавшей на И-15-7-й отдельной истребительной.

Отметив возрастание в 1937–1938 гг. в ОКДВА/КДФ числа тяжких дисциплинарных проступков, В. С. Мильбах заключает, что репрессии «подорвали» в армии «дисциплину» (С. 202). В таком случае она была подорвана еще в 1932–1935 гг.: ведь число дисциплинарных проступков в ОКДВА устойчиво возрастало и тогда: в 1932 г. на каждые 100 человек там пришлось 66,3 проступка, в 1933 г. — 74,1, в 1934 г. — 81,6, а в 1935 г. — 86,2. У коммунистов и комсомольцев указанные цифры с 1933 по 1934 г. увеличились аж в полтора раза — соответственно с 53,4 до 75,1 и с 45,8 до 71,7¹². Нарушения караульной службы в 1937 г. составили, по данным В. С. Мильбаха (С. 197) 5,9% от всех проступков, а в январе — апреле 1938 г. — 6,1%; не говоря уже о том, что, сравнив лишь два временных отрезка, нельзя говорить об «устойчивом» росте этих нарушений, обе цифры бледнеют перед той, что была в ОКДВА в «дорепрессионном» 1934 г. — 8,3% от всех проступков¹³. Другое дело, что по официальным цифрам проступков (и дисциплинарных взысканий) о состоянии дисциплины в Красной Армии вообще судить опасно — ибо цифры эти зачастую не отражали реальное положение дел. Объявляли кампанию по борьбе «за часть без дисциплинарных взысканий» — и состав «не замечал» львиную долю нарушений дисциплины; началась кампания по борьбе за дисциплину — и цифры проступков мгновенно взлетали вверх, и т. д. О многих проступках не докладывали, не желая выносить сор из избы. Но в любом случае о «подрыве» репрессиями «дисциплины» в ОКДВА приведенные В. С. Мильбахом цифры отнюдь не свидетельствуют.

Снятие с себя некоторыми командирами — участниками хасанских боев знаков различия В. С. Мильбах относит на счет вызванной репрессиями деморализации комначсостава (С. 205–206). Но подобное бывало и в тех немногих боях с японцами, которые довелось вести войскам «дорепрессионной» ОКДВА. Так, в бою 1 февраля 1936 г. у заставы Сиянхэ снял с петлиц свои треугольники отделенный командир 5-й стрелковой роты 78-го стрелкового полка Якушев, а 27 ноября 1936 г., в ходе инцидента у Турьего Рога, — отделенный командир 2-й стрелковой роты 63-го стрелкового полка Затулин. Правда, эти лица не принадлежали к комначсоставу, они были лишь младшими командирами срочной службы — но ведь и выборка была слишком мала. Статистическая вероятность позволяет заключить, что, участвуя в каждом из указанных боев не две роты, а, как на Хасане, две с лишним дивизии, нашлись бы и струсившие командиры.

«Иногда командиры, — пишет о хасанских боях В. С. Мильбах, — вынуждены были вместо того, чтобы руководить боем, выполнять

12. РГВА. Ф. 7. Оп. 14. Д. 6. Л. 20, 23; Д. 13. Л. 14.

13. Подсчитано по: Там же. Д. 6. Л. 22.

обязанности пулеметчика, поскольку подготовленных пулеметчиков рядом не было» (С. 209). Но так же было и в тех боях с японцами, которые вела «дорепрессионная» ОКДВА. В бою 26 ноября 1936 г. за Павлову сопку близ Турьего Рога пулеметчиков подменяли оба участвовавших в этом столкновении средних командира — старший лейтенант П. Г. Кочетков и лейтенант П. М. Пресняков; в бою 5 июля 1937 г. у Винокурки так действовал даже командир штурмовавшей эту высоту роты лейтенант Кузин. Что же касается нехватки «подготовленных пулеметчиков», то еще и в «дорепрессионном» мае 1936 г. в обоих выбранных для проверки в будущих «хасанских» дивизиях (32-й и 40-й) учебных батальонах расчеты станковых пулеметов не умели даже правильно установить «максим» перед стрельбой; в 40-й дивизии (по 32-й сведений нет) они не могли толком подготовить оружие к стрельбе еще и в феврале — марте 1937 г. — неумело готовили площадку для установки пулемета, неумело набивали ленту патронами и т. п. Из проверенных 5 февраля 1937 г. в 118-м и 119-м стрелковых полках 40-й дивизии ручных пулеметчиков огневую задачу не смогли выполнить соответственно 100% и 50%¹⁴. И неудивительно: они плохо знали баллистические данные своего оружия и закон рассеивания, не делали, прицеливаясь, поправку на ветер, не привыкли искать цели на поле боя и определять на глаз расстояние до них, плохо знали матчасть оружия и не умели устранять мелкие неисправности.

К еще более несерьезным доводам прибегает В. С. Мильбах в своих попытках доказать «высокий профессионализм» ряда конкретных лиц — жертв репрессий 1937–1938 гг. в ОКДВА/КДФ. Его утверждение о том, что присвоение этим лицам (освобожденным из заключения в конце 1938–1940 гг.) в ходе Великой Отечественной войны генеральских званий свидетельствует об их «высоком профессионализме» и «высоких моральных качествах» (С. 160), достойно не монографии профессионального историка начала XXI в., а «юбилейной» передовицы в «Правде» или «Красной звезде». Источники и факты, вводимые в научный оборот в последние двадцать лет, давно уже убеждают в том, что «деловые качества и опыт управления частями», требовавшиеся, по мнению В. С. Мильбаха, для того, чтобы стать в 1941–1945 гг. советским генералом (С. 159), — заключались главным образом в «умении стучать кулаком по столу, орать на подчиненных и передавать в Москву сводки» «с минимальным враньем»¹⁵, в способности выполнять поставленные задачи — а какой ценой, умением ли, числом ли — с какой, иначе говоря, *эффективностью* — неважно... Прежде, чем бросаться привычными с советских времен пропагандистскими фразами о присущих перечисляемым им генералам «лучших качествах военных руководителей» (С. 159), «высоких

14. Подсчитано по: РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 379. Л. 66.

15. Солонин М. На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года. М., 2006. С. 352–353.

профессионализме и моральных качествах», В. С. Мильбаху следовало бы, по крайней мере, вспомнить (или выяснить):

- что главным итогом недолгого участия в Великой Отечественной войне одного из этих генералов — Н. М. Гловацкого — стал срыв им 8 июля 1941 г. организации отхода своей 118-й стрелковой дивизии на восточный берег реки Великой и обороны стратегически важного моста через нее во Пскове и ускорение тем разгрома всей псковской группировки советского Северо-Западного фронта;
- что историки до сих пор не в состоянии «объяснить пассивные действия» другого репрессированного в прошлом на Дальнем Востоке генерала — В. Г. Буркова, который, командуя в первые дни Курской битвы 10-м танковым корпусом, не выполнил приказ командующего Воронежским фронтом о нанесении 8 июля 1943 г. контрудара по теснившему войска фронта противнику¹⁶ и, проявив таким образом «лучшие качества военного руководителя», способствовал неудаче контрудара соседнего 2-го танкового корпуса, а в конечном счете и всего фронтового контрудара 8 июля;
- что еще один названный В. С. Мильбахом генерал — А. И. Зыгин — обладал настолько «высокими моральными качествами», что весной 1943 г., когда войска возглавляемой им 39-й армии Калининского фронта из-за плохой работы тылов просто голодали, «страшно растранижил продовольствие», «перебрал одной водки 310 литров», «а таких продуктов, как колбаса, масло, сыр, сахар и другие, брал без счета»; и что «профессионализм» его был настолько «высок», что он «редко бывал в войсках, многих вопросов не знал», проявлял «низкую требовательность», «не вникал в организацию артиллерийского огня»¹⁷.

Пора также перестать причитать об «истреблении» «лучших» «представителей советского народа» (С. 161), о невостребованных «знаниях и опыте» репрессированных высших командиров (С. 216), и либо доказать фактами из их служебных биографий, что этих людей действительно можно отнести к лучшим в стране, что они действительно обладали солидными знаниями и опытом, либо оставить кликушество писателям и журналистам. Пока что о многих из уничтоженных в 1937–1938 гг. командирах-дальневосточниках (данные по которым помещены на с. 305–325 рецензируемого нами труда) можно сказать лишь противоположное тому, о чем пишет В. С. Мильбах. О комдиве И. Д. Флоровском (С. 306), комбриге М. М. Рыженкове (С. 308) и полковнике С. И. Глазунове (С. 309) мы уже писали выше; ответственность за безобразное состояние ВВС ОКДВА к концу 1936 г. должен нести и командующий ими комкор Ф. А. Ингаунис (С. 305). Полков-

16. Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретности. М., 2005. С. 127–128.

17. Год 1943-й: «Удивительная бездарность фашистского командования». Из дневника Маршала Советского Союза А. И. Еременко // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 12, 13.

ник П. Я. Гаврилов (С. 309), будучи командиром 1-го Тихоокеанского арtpолка 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизии, был подготовлен сам и учил свой комсостав так, что на учении 19–23 июня 1936 г. командиры-гавриловцы «слабо» ориентировались по карте в лесистой местности, допускали «большие ошибки при подготовке исходных данных для стрельбы», не организовывали топографическую разведку, а полк даже за четыре часа не смог изготовиться к проведению артподготовки¹⁸. Комбриги Л. М. Гавро и Ф. К. Доттоль (С. 307) подготовили свои 92-ю и 105-ю стрелковые дивизии так, что первую весной 1937 г. штаб ОКДВА признал «слабой», а во второй два стрелковых полка из трех получили тогда при инспекторской проверке «неуд» («Штыковой бой забыт, — признавал на апрельской дивизионной партконференции сам Доттоль, — [пулеметные. — А. С.] стволы при стрельбе меняли по 20 минут, маскироваться не умеют, техника овладения оружием никудашная, а уже прошел 1-й период обучения»). По оценке штаба ОКДВА, «очень слаб» был тогда и отдельный танковый батальон 39-й стрелковой дивизии¹⁹, начштаба и помначштаба которого старший лейтенант В. Н. Леонтьев и лейтенант А. В. Шатилов, арестованные соответственно в июле и сентябре 1937 г., значатся в списке уничтоженных на с. 319 и 321. А что сегодня можно сказать об арестованных в 1937 г. и потом расстрелянных начальниках штабов арtpолков и арtdивизионов майоре Каталынове (С. 312), капитане С. Ф. Никитине (С. 315) и старших лейтенантах М. И. Ковале и В. И. Коробкове (С. 318)? Только то же самое: пользы от их пребывания на их должностях не было. Ведь, согласно отчету штаба ОКДВА от 18 мая 1937 г., штабы арtpолков и арtdивизионов в армии В. К. Блюхера к началу ее чистки были подготовлены неудовлетворительно. Комментарии подобного рода к списку уничтоженных дальневосточников можно продолжить.

В общем, гора родила мышь. Пытаясь обосновать тезис об ухудшении боевой выучки ОКДВА/КДФ в результате массовых репрессий 1937–1938 гг., В. С. Мильбах вместо научных аргументов смог предложить лишь:

- некомпетентный и страдающий отсутствием элементарной логики квази-анализ нескольких ни к селу ни к городу приведенных фактов,
- абстрактно-логические построения,
- пропагандистские штампы,
- массу других бездоказательных утверждений и — энное количество ничего в данном случае не объясняющей информации.

Работа В. С. Мильбаха наглядно показывает, что обосновать указанный выше тезис *невозможно* — и невозможно по той простой при-

18. РГВА. Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 12. Л. 222 об.

19. РГВА. Ф. 33 879. Оп. 1. Д. 584. Л. 20 об.; Ф. 36 393. Оп. 1. Д. 58. Л. 19.

чине, что он не подтверждается источниками, что источники свидетельствуют в пользу тезиса прямо противоположного: о том, что массовые репрессии боевую выучку ОКДВА/КДФ отнюдь не ухудшили. Фактически к этому противоположному выводу неосознанно начал приближаться и сам В. С. Мильбах! В том единственном случае, когда он все же решился всмотреться в документы, *подробно и конкретно* освещающие уровень боевой выучки «предрепрессионной» ОКДВА — в три относящиеся к весне 1937 г. доклада особистов — он не смог не признать, что обрисованные в этих «предрепрессионных» источниках «недостатки в боевой подготовке» были именно теми, которые «проявились» после пика массовых репрессий, в боях на Хасане (С. 206. Правда, на Хасане, — уточняет автор, — они проявились «в более выраженной форме», но это уже дань его предвзятому мнению о роли репрессий; простое сравнение источников дает картину, абсолютно идентичную).

Это и есть *полный крах* того направления в историографии, которое вот уже почти полвека (с начала 1960-х гг.) отстаивает тезис об ухудшении боеспособности Красной Армии в результате репрессий 1937–1938 гг. Еще можно было понять, когда голословными утверждениями о том, что «чистка разрушила систему обучения солдат и офицеров и командования частями ОКДВА» и способствовала «понижению» «боеготовности и боеспособности» войск ограничивался предшественник В. С. Мильбаха в изучении проблемы «Репрессии и ОКДВА/КДФ» польский исследователь Я. Войтковяк²⁰. Ведь он все-таки ограничивал свою задачу изучением собственно процесса чистки дальневосточного командного состава. Но когда никаких серьезных научных аргументов спустя семь лет не может привести и историк, прямо поставивший своей целью выяснить степень влияния репрессий в ОКДВА/КДФ на ее боеспособность; когда, пытаясь доказать свою точку зрения, он доказывает лишь свое незнакомство с азами методики исторического исследования и элементарной логикой — это тупик и крах.

Однако В. С. Мильбах, без сомнения, профессионал, и выставлять себя непрофессионалом наверняка специально не собирался. Почему же он это все-таки сделал? Причина не нова; это — политизация исторической науки, смешение ее с морализаторством. Они подчас настолько укрепляют историков в некоем *предвзятом мнении*, что те не только откровенно деградируют как профессионалы (призванные выводить истину из фактов, а не подгонять факты под заранее известную «единственно верную» истину), но и искренне не замечают своей деградации (в свое время об этом хорошо напи-

---

20. Войтковяк Я. Чистка среди командно-начальствующего и политического состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и Дальневосточного Краснознаменного фронта. 1937–38 гг. // Военно-исторический архив. Вып. 15. М., 2000. С. 108, 111.

сал М. И. Мельтюхов²¹). Еще только обозначая цели своего исследования, В. С. Мильбах уже знает, к каким выводам он должен прийти. «Изучения влияния политических репрессий на составляющие боевой способности войск, — пишет он на первой же странице своего труда, — позволит лучше понять причины высоких потерь РККА в военных конфликтах 1938–1940 гг.» (С. 3–4). Иными словами, автор *заранее* знает, что репрессии оказали влияние на боеспособность РККА и что влияние это было отрицательным, и ставит своей задачей лишь проиллюстрировать это априори объявляемое верным утверждение. О том же говорит и пассаж на с. 171: «Необходимо провести всестороннюю оценку состояния боевой способности войск Дальневосточной армии (фронта) после проведения политической чистки 1937–1938 гг. путем детального анализа влияния политических репрессий на составляющие боевой способности войск ОКДВА (КДФ)». Не логичнее ли поступить наоборот — оценить влияние репрессий на боеспособность путем анализа состояния боеспособности ОКДВА (КДФ) после чистки 1937–1938 гг.? Может быть, этот анализ покажет, что никакого влияния репрессии тут вообще не оказали?

Другое дело, что случай исключительно тяжелый. В. С. Мильбах настолько политизирован и настолько ослеплен своим предвзятым мнением о гибельности репрессий для состояния РККА, что, уже не зная, видимо, что бы еще свалить на них, пишет, что в результате репрессий были... «окончательно попораны славные традиции русской армии и русского офицерского корпуса» (С. 217)! Трудно предположить, что автор настолько некомпетентен в отечественной истории, чтобы не знать, что «окончательно попораны» эти традиции были еще в «дорепрессионный» период истории Красной Армии, и что после 1937–1938 гг. начался как раз процесс возрождения отдельных из них. Трудно предположить, что автор не знает о прямо-таки тотальной борьбе властей в 1920-е — начале 1930-х гг. со всем традиционным, привычным, национальным во всех сферах жизни — борьбе, побудившей русских офицеров из Русского общевойскового союза (РОВС) заявить в 1930 г., что СССР — это не Россия, а русская территория, оккупированная III Интернационалом. Не в том ли дело, что о традициях русского офицерства и русской армии сейчас не говорит только ленивый, что это сейчас модно и поощряется сверху — и что, значит, можно и нужно «отметиться» и здесь?

Вообще, складывается впечатление, что авторы подобных работ просто не считают нужным заботиться о хоть сколько-нибудь приемлемой доказательности своих утверждений, а рецензенты и организации, рекомендующие их работы к печати (в нашем случае это редакционно-издательский совет Санкт-Петербургского государственного университета) — вникать в суть написанного. Создается

---

21. См.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 13–15.

впечатление, что и те и другие следуют некоему давным-давно заведенному правилу, согласно которому книга, в которой говорится об ухудшении боеспособности Красной Армии в результате «сталинских репрессий», не может не быть достойным исследованием, — и полагают, что для нее достаточно наличия этого «правильного» тезиса, а в остальном может быть написано все, что угодно.

В заключение еще раз отметим информационную ценность той части рецензируемой книги, где исследуется собственно процесс репрессий в ОКДВА/КДФ. Отнюдь не с целью уязвить автора (полностью избежать ошибок в фактах в исследовании такого объема практически невозможно), а единственно в интересах истины укажем на ряд допущенных в этой части фактических ошибок, неточностей и/или опечаток.

Отдельный колхозный корпус представлял собой не объединение, а соединение и не был в июле 1936 г. «реорганизован» (как значится на с. 8) в 20-й стрелковый корпус. В апреле 1936 г. Особый колхозный был переименован в Особый стрелковый, а в июле — расформирован; управление же его стало управлением вновь созданного 20-го стрелкового корпуса, в состав которого вошли совершенно иные дивизии.

Командовавший Особым колхозным/Особым стрелковым, а затем 20-м стрелковым корпусами М. В. Калмыков не только не был (как указано на с. 47) «одним из организаторов штурма Перекопа», но и не мог им быть, так как 42-я стрелковая дивизия Красной Армии, в которой он, по мнению В. С. Мильбаха, тогда служил, в Перекопско-Чонгарской операции не участвовала. Командиром этой дивизии Калмыков стал только 27 декабря 1920 г., т. е. через полтора с лишним месяца после штурма Перекопа — а военным комиссаром ее и вовсе никогда не был²².

Пограничный инцидент у высоты Винокурка, о котором в двух словах повествуется на с. 18–19, начался не 5 июня, а 5 июля 1937 г. Беспрепятственным возвращением японского отряда на маньчжурскую территорию он закончился отнюдь не по вине командира 63-го стрелкового полка полковника И. Р. Добыша, а из-за тактической неграмотности руководивших боем 5 июля командиров-пограничников и командира 9-й стрелковой роты 63-го полка лейтенанта Кузина.

По вине операторов компьютерного набора 61-й стрелковый полк на с. 27 превратился в «861-й», а на с. 249 — в «261-й». По той же причине на с. 260 из наименования 20-го корпусного артиллерийского полка выпало слово «корпусной» (из-за чего может возникнуть путаница с 20-м арtpолком 20-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа), а на с. 255 из подзаголовка «Соединения ОКДВА (КДФ)» — слово «другие» (долженствующее означать,

---

22. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 556.

что эти соединения не входили, в отличие от перечисленных перед ними, в состав Приморской группы войск ОКДВА/1-й Краснознаменной армии КДФ/1-й отдельной Краснознаменной армии). Отметим и еще две существенные опечатки. Комбриг И. Ф. Бучин был начальником штаба и врид командира не 3-го (как значится на с. 307), а 39-го стрелкового корпуса, а капитан И. К. Веремей — начальником продфуражного снабжения не 76-го (как напечатано на с. 315), а 176-го стрелкового полка.

На с. 253 вкралась опечатка в фамилию майора М. Т. Карначева.

На с. 260 следовало привести полные наименования «2-го, 4-го и 6-го стрелковых» полков (2-й Нерчинский, 4-й Волочаевский и 6-й Хабаровский стрелковые), иначе может возникнуть путаница. Ведь до 1 июля 1936 г. в Красной Армии было четыре стрелковых полка с номером «2» — в составе Московской Пролетарской стрелковой дивизии Московского военного округа, 1-й стрелковой Казанской дивизии Приволжского военного округа и (2-й Нерчинский) 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизии ОКДВА (1 июля 1936 г. указанные дивизии стали соответственно 1-й, 86-й и 39-й стрелковыми, а их 2-е полки — соответственно 2-м, 257-м и 116-м стрелковыми) и 2-й отдельный стрелковый полк Уральского военного округа (который 1 октября 1936 г. начали переформировать в 7-ю мотоброневую бригаду). А стрелковых полков с номерами «4» и «6» на протяжении всего периода 1936–1938 гг. существовало по два — три: кроме дислоцированных в Приамурье отдельных 4-го Волочаевского и 6-го Хабаровского, были еще 4-й и 6-й стрелковые полки 2-й стрелковой дивизии Белорусского военного округа и 4-й отдельный стрелковый полк Уральского военного округа..

Я. Я. Штраля следует все-таки именовать командиром мехбригады, а не «мотомехбригады», как значится на с. 310. Несмотря на широкое распространение полуофициального термина «мотомехбригада», официально эти соединения всегда именовались «механизированными бригадами».

Упомянутый в списке репрессированных (С. 272) А. М. Плотников на момент своего увольнения из РККА был уже не начальником политотдела, а военным комиссаром Усурийского укрепрайона и имел звание полкового комиссара²³.

Майор Д. А. Аксенов в списке жертв репрессий почему-то учтен дважды — на с. 247 и на с. 248.

Старший лейтенант А. Д. Дроботов, наоборот, учтен в списке уничтоженных (С. 318), но не значится в общем списке репрессированных. Кроме того, он не мог служить в «3-м» стрелковом полку 105-й стрелковой дивизии: такого в ней не было, а были 313-й, 314-й и 315-й.

А. А. Смирнов

---

23. Войтковяк Я. Указ. соч. С. 108.

«ИГРАТЬ В БЕЛАРУСЬ...»

Владимир Мацкевич. Вопреки очевидности. СПб, 2006

Республика Беларусь по целому ряду параметров стоит особняком среди других постсоветских государств. В отличие от Прибалтики, Украины, стран постсоветской Центральной Азии и Закавказья, индустрия примитивного этноцентризма и сведение исторических счетов с «империей» так и не стали главным системообразующим и легитимизирующим фактором белорусской независимости. Строительство собственной государственности в соответствии с исторически сложившейся на Западе формулой «нация-государство», ударными темпами развернувшееся на всем постсоветском пространстве от Эстонии до Таджикистана, проходит в Беларуси на несколько ином фундаменте, не достигая той степени идеологического остревенения и ксенофобии, которые характерны для белорусских соседей в лице Прибалтики или Украины. Существенное отличие Беларуси от своих постсоветских братьев проявилось и в том, что волна «оранжевых» революций в СНГ, победоносно шествовавшая по Грузии, Украине и Киргизии, споткнулась именно о Беларусь, окончательно выдохнувшись на центральной площади Минска в марте 2006. Впрочем, серьезные аналитические исследования, посвященные постсоветской Беларуси, до сих пор в дефиците и основным источником знаний российской аудитории о ближайшей западной соседке России остаются отрывочные и крайне поверхностные сообщения СМИ, представляющие белорусские реалии в основном в негативных тонах.

На этом скудном фоне любые работы, посвященные Беларуси и претендующие хоть на какую-то аналитическую глубину, привлекают особое внимание. Одна из таких работ — «Вопреки очевидности» Владимира Мацкевича, включающая тексты этого автора, написанные в 1990-е годы. «В написанном парадоксально связывается непосредственность и наивность взгляда с глубокой историчностью и остротой гуманитарного знания», — сказано в предисловии издателя, который представляет В. Мацкевича как «белорусского методо-

лога и философа» (С. 2–3). Однако знакомство с трудами В. Мацкевича показывает, что если «непосредственность и наивность взгляда» действительно присутствуют в них с избытком, то с «глубокой историчностью и остротой гуманитарного знания» дело обстоит значительно хуже.

Категорически отрицая реальную Беларусь и белорусов, которые не нравятся В. Мацкевичу решительно всем, автор, референтной группой и идеалом для которого служат Польша и страны Прибалтики, настойчиво призывает белорусское интеллектуальное сообщество «думать» принципиально иную, «новую Беларусь». Пытаясь задать вектор этого мыслительного процесса определенным подбором исторических фактов и их собственной весьма вольной интерпретацией, автор нередко допускает при этом фактологическую неряшливость и небрежность, а также многочисленные и вряд ли прощательные для образованного человека ляпы.

Так, «беларуский методолог и философ» быстро и запросто решает вопрос взаимоотношений Сталина и белорусов. «Зачем ему нужны были беларусы и их государственность? Ответ прост — нужно было вытравить из истории память о Великом княжестве Литовском..., — полагает В. Мацкевич. — Идея его восстановления, которая доставляла Российской империи много неприятностей в XIX веке, дискредитируется через акцентирование его противостояния православию и России..., через создание мифа о постоянном стремлении православных беларусов к воссоединению с Россией...» (С. 26). При этом автор не затрудняет себя ни малейшим усилием подкрепить свой категоричный тезис о том, что стремление православных белорусов к воссоединению с Россией было «мифом», какими-либо историческими доказательствами, предлагая принять свое более чем спорное утверждение как аксиому.

«Чтобы земли бывшего княжества не были заражены оппозиционностью к имперской политике СССР, нужно: объявить Великое княжество Литовское орудием ополячивания православных; самих православных отождествить с этносом, а не с конфессией; ... городское население, интеллигенцию и аристократию ВКЛ оторвать от крестьянского этноса и объявить поляками и литовцами. Все это с успехом удалось реализовать» (С. 27), — сожалеет автор. Добавим к этому, что если бы «методолог и философ» владел историческим материалом хотя бы в объеме средней школы, ему было бы известно, что «отрывать городское население, интеллигенцию и аристократию ВКЛ» от крестьянского этноса и объявлять их «поляками и литовцами» не было никакой необходимости по той простой причине, что этот отрыв произошел гораздо раньше появления «имперского СССР» в силу сплошной полонизации высших сословий ВКЛ. Объявлять Великое княжество Литовское «орудием ополячивания православных» тоже не было никакой нужды, поскольку, пройдя сложную историческую эволюцию, оно действительно сыграло роль орудия полониза-

ции, особенно на позднем этапе своего существования, причем делало это «весомо, грубо, зримо».

Некритическим обожателям ВКЛ и строгим судьям «империалистической России», включая автора рецензируемой книги, было бы полезно узнать о том, что польская аристократия, пользуясь довольно распространенными полонофильскими настроениями среди российской элиты, включая императора Александра I, успешно продолжала политику колонизации и конфессионального угнетения православного белорусского (и украинского) населения даже после разделов Речи Посполитой и вхождения белорусских земель в состав Российской империи. По меткому замечанию белорусского историка А. Ю. Бендина, который, в отличие от философа Мацкевича, прекрасно владеет историческим материалом, Северо-Западный край был по сути «внутрироссийской польской колонией», где польская католическая элита подвела белорусское православное население колониальной эксплуатации, стремясь аннексировать этот регион у России и интегрировать его в Царство Польское¹. Реальные меры, направленные на обуздание колонизации и католической экспансии на белорусских землях в составе России, стали приниматься лишь М. Н. Муравьевым после подавления польского восстания 1863 г., жертвой которого стали сотни представителей белорусского мирного населения, не пожелавших поддержать польских мятежников.

«Джордж Оруэлл прав. История переписывается, язык переделывается, а вместе с ним переделывается сознание, самосознание, менталитет» (С. 27), — такой банальной мыслью В. Мацкевич завершает свой грустный некролог Великому княжеству Литовскому, погибшему от рук злобных и коварных врагов. При всем уважении к автору знаменитого романа «1984» нельзя не заметить, что в обсуждаемой области есть куда более авторитетные и квалифицированные специалисты, чем упомянутый британский писатель, но В. Мацкевичу, постоянно позиционирующему себя как утонченного интеллектуала, они, судя по всему, неведомы...

Примеров неуклюжих, однобоких и чрезмерно категоричных экскурсов в историю автор вообще дает более чем достаточно. «Шесть поколений назад моих предков заставили быть православными, ликвидировав униатство в Беларуси» (С. 57), — вышибает слезу у читателя автор, старательно умалчивая о том, что еще раньше, двенадцать поколений назад, предков его предков заставили быть униатами. Любопытно, слышал ли что-нибудь «методист и философ» о Брестской церковной унии 1596 г. и ее последствиях? Известно ли В. Мацкевичу о полоцком архиепископе И. Кунцевиче, который, насаждая униатство, по коему сейчас ностальгирует автор, зверски преследовал православных, закрывал

---

1. См. Бендин А. Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX — начала XX в. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси. Минск, 2006. С. 24.

и разрушал православные храмы, запрещал хоронить на православных кладбищах и в 1623 г. сжег православный монастырь Св. Духа со всей братией и паломниками? «Кампании Костюшко и Калиновского с Врублевским потерпели поражение не потому, что их не поддержали крестьяне, а потому, что они не были обеспечены творческим интеллектом...» (С. 29), — сокрушается В. Мацкевич, пытаясь взять запоздалый интеллектуальный реванш за поражение своих исторических любимцев. После подобных пассажей остается лишь пожелать автору поскорее изобрести машину времени и немедленно отправиться в конец XVIII–XIX век на помощь Костюшко и Калиновскому, которые смогли бы опереться на могучий философский потенциал В. Мацкевича...

Автор рецензируемой работы не только неряшлив в своем обхождении с конкретно-историческим материалом, но и по-шляхетски щедр в раздаче увесистых тумачков Сталину, России и СССР. «Сталин был корифеем многих наук, но особенно он преуспел в языкознании и в национальных вопросах. Способ его мышления прост и фундаментален, как всякое знание на уровне 3 класса начальной школы» (С. 26), — так размашисто и с чувством собственного интеллектуального превосходства автор сводит свои счеты с усатым кремлевским диктатором, явно любясь собой в роли бесстрастного арбитра. Печальный диагноз автор походя ставит и России, которая, по его мнению, «навсегда останется в Азии, будет восточной страной, т. е. страной без мышления...» (С. 35). Почему восточные страны, которые в лице Японии и в последнее время Китая и Индии все увереннее занимают лидирующие позиции в экономическом и инновационном развитии, отнесены автором к странам «без мышления», остается только гадать. Видимо, причина этих, по меньшей мере, странных обобщений лежит в столь распространенном на уровне обыденного сознания примитивном европоцентризме. В данном случае «знание на уровне 3 класса начальной школы» обнаруживает скорее В. Мацкевич, чем критикуемый им Сталин.

Несмотря на регулярные панегирики знанию и творческому интеллекту, тексты В. Мацкевича полны маловразумительных пассажей, больше напоминающих шаманские заклинания, нежели категории столь любимой автором науки. «Беларусь мыслима только как европейская страна и немыслима как улус Орды... Беларусь свободна стать европейской страной и несвободна пребывать в азиатчине...» (С. 29), — заклинает читателя автор.

К сожалению, говоря о современных ему политических реалиях, В. Мацкевич частенько грешит теми же несуразностями, что и в отношении к историческому материалу. Так, по мнению автора, Беларусь может быть либо «суверенным и процветающим государством», либо «сиротствующей, обделенной ресурсами провинцией империи». Если иметь в виду страны СНГ, то все обстоит как раз наоборот — именно с суверенитетом пришло резкое падение уровня жизни и недостаток ресурсов; страны СНГ не были обделены ресурсами только тогда, когда они были в составе СССР в качестве республик.

В позиции В. Мацкевича многое объясняет его ценное признание об уважительном отношении к отцу-основателю и тогдашнему лидеру Белорусского Народного Фронта (БНФ) З. Позняку, поскольку, по словам Мацкевича, «он единственный в этой стране пытается играть самостоятельно и играть в Беларусь» (С. 53).

Менторское отношение Позняка к белорусам как к «неправильному» и «большому» народу, который нужно «лечить» по прибалтийскому рецепту, незримо присутствует во всех писаниях В. Мацкевича, тексты которого, совершенно беспомощные с точки зрения серьезной науки, представляют интерес лишь в качестве источника для изучения той маргинальной части белорусского общества, которая близка БНФ. Труды Мацкевича — зеркало, отражающее менталитет тех маргиналов-новобелорусов, которые, в отличие от подавляющего большинства обычных белорусов, вместо Дня Победы 9 мая отмечают годовщины побед Великого княжества Литовского над Москвией и вообще обитают в ином культурно-историческом измерении, осознавая свою маргинальность и ненависть за это окружающий мир. В этом смысле название книги Мацкевича — «Вопреки очевидности» — является, пожалуй, наиболее удачной творческой находкой автора.

Политическое банкротство белорусских оппозиционных сил приводит автора к выводу о «лени, полуграмотности и нарциссизме белорусских интеллектуальной, предпринимательской и политической элит» (С. 94). Несмотря на симпатии к лидеру БНФ Позняку, автор не может простить ему полного политического фиаско. Размышляя о причинах этого, В. Мацкевич высказывает некоторые заслуживающие внимания мысли. Так, по его мнению, Позняк «при своей харизматичности, создал партию крайне халтурно, поэтому не может реализовать ни своих целей, ни целей партии. В этом отношении Пазняк — политик вполне европейский, но упустивший свой шанс..., поэтому обреченный занимать ту же нишу в политике, что и Жан Мари Ле Пен во Франции...» (С. 122). В последнем предположении Мацкевич ошибся — З. Позняк, оскорбленный непониманием «недорослей» до него Беларуси, предпочел гордо удалиться в эмиграцию. Не лишена остроумия и оригинальности мысль автора о том, что «шляхетские безобразия, погубившие Великое княжество Литовское, на удивление подходящая модель для понимания игр, разворачивающихся в демократическом движении Беларуси» (С. 132). Однако свежие и оригинальные мысли, увы, заметно уступают место шаблонам, банальностям и передергиваниям.

Однако события последних лет дают некоторые шансы Мацкевичу и его сторонникам преодолеть свою беспросветную маргинальность. Многолетняя антибелорусская информационная кампания в российских СМИ и последние нефтегазовые войны России с Беларусью создали благодатную почву для реанимации идей БНФ и транслируемого им образа России как чуждого белорусам, агрессивного и непредсказуемого государства. Политика России в отношении Беларуси в последние годы привела к парадоксальному результату — тон официальной белорусской

пропаганды в отношении России впервые за время существования независимой Беларуси стал жестко критическим, временами приближаясь к традиционно антироссийскому тону белорусских оппозиционных изданий. Пророссийски настроенный среднестатистический белорус, являясь частью общерусского культурного пространства, начинает сочувственно внимать этому тону, искренне не понимая, почему Беларусь, будучи в политическом и экономическом союзе с Россией, должна платить за российское сырье столько же, сколько и Польша, состоящая в НАТО и ЕС и готовая принять на своей территории американскую базу ПРО. Еще менее понятны обычному белорусу причины, по которым Россия, великодушно простив долг в 11 миллиардов долларов Афганистану, ожесточенно выбивает в несколько раз меньшую сумму из Белоруссии, сопровождая это очередной антибелорусской кампанией в СМИ. Информационная и экономическая политика Москвы, а также безрадостные российские реалии с бюрократическим и милицейским произволом, от которого белорусы страдают так же, как и другие жители СНГ, объективно способствует трансформации белорусского самосознания по сценариям БНФ, что не может не радовать Мацкевича и его единомышленников, политический вес которых в этих условиях возрастает.

Помимо названия, другой несомненный плюс книги Мацкевича — подробная биография автора, почему-то украшенная сразу двумя его портретами. Из биографии В. Мацкевича мы узнаем, что, помимо «методолога и философа», он является еще и маститым психологом, будучи с 1982 г. членом Всесоюзного общества психологов. Перечень разнообразных проектов с участием В. Мацкевича также выглядит впечатляюще. В 1991–1992 гг. Мацкевича даже угораздило потрудиться советником в Департаменте по национальным вопросам первого правительства независимой Латвии. Судя по состоянию межнациональных отношений в этой стране, остается порадоваться, что Мацкевичу не предложили аналогичную должность в правительстве Беларуси. Радует и то, что, согласно биографии, в середине 1990-х гг. В. Мацкевич являлся автором не официальной, а, к счастью, только альтернативной концепции реформы образования в Беларуси.

Впрочем, если политика России в СНГ и дальше будет следовать исключительно хватательным инстинктам, оставаясь лишь бессильной производной от экономических и корпоративных интересов «Газпрома», то мацкевичи имеют неплохие шансы возглавить в перспективе процесс строительства белорусской «нации-государства». Если это произойдет, то изумленная Москва, высокомерно убежденная в том, что «белорусы никуда не денутся», обнаружит сразу за Смоленском либо вторую Украину, либо, что более вероятно, вторую Литву. Кстати, кумир В. Мацкевича и бывший лидер БНФ З. Позняк в своих выступлениях в 1990-е годы выдвигал территориальные претензии на Смоленск и южную часть Псковской области, считая эти территории исконно белорусскими землями...

К. В. Шевченко

Фундамент Великой Молдовы. Как рождается новая национальная идеология. Кишинёв; Одесса, 2008.

«**Ф**ундамент Великой Молдовы» является сборником программных статей, очерков и заметок, ранее опубликованных на сайте интернет-журнала www.moldovatoday.net (2006–2007), позиционировавшегося в качестве площадки для популяризации и обсуждения идей молдавского национализма («молдовенизма»). Все материалы, размещённые на сайте, могут быть условно разделены на две группы: статьи, связанные с анализом конкретных политических событий, и публикации, посвященные теме молдавского национального проекта. Именно последние и составили содержание данного сборника и классифицированы по разделам «Национальная идея», «Национальная церковь» и «Национальное лицо».

Начать следует с того, что национализм в современной Молдавии обладает рядом черт, которые делают его кардинально отличным от схожих доктрин, действующих в других постсоветских странах. В процессе распада СССР большинство бывших союзных республик, в том числе и Молдавская ССР, занялись строительством собственных этнократических государств. Однако Молдавия в ходе реализации собственного суверенного национального проекта столкнулась с рядом проблем, впоследствии принявших характер прямой угрозы самому существованию молдавской государственности.

Сама по себе молдавская этничность в настоящее время является предметом многочисленных дискуссий, и ответ на вопрос, кто такие собственно молдаване, ясен далеко не всем. Территория исторического Молдавского княжества в ходе войн и политических перипетий Нового времени оказалась в основной своей части разделённой между двумя империями — Османской, которая получила вассальные провинции Молдова и Валахия, и Российской, к которой отошла Бессарабия. Во второй половине XIX века, когда Османская империя вошла в полосу кризиса, позднее завершившегося её распадом, Молдова и Валахия получили независимость и были объединены в новое государство Румыния (Romania), вла-

сти которого со временем начали строить планы по аннексии Бессарабии. Шанс на осуществление этого начинания представился Румынии в конце Первой Мировой войны, и вплоть до 1939 г. Бессарабия находилась в её составе. Бухарест не признавал факта существования самостоятельного молдавского этноса, считая его не более чем местным вариантом румынского народа. Ростки молдавского национального самосознания подавлялись, и небезуспешно. После того как Румыния, вступившая в войну на стороне гитлеровской Германии, потерпела поражение, на территории Бессарабии и Приднестровья (бывшей Молдавской Автономной Социалистической Республики в составе Украинской ССР) была образована собственно Молдавская ССР. В послевоенные годы там воплощался советский проект, направленный на развитие самобытной молдавской культуры и ставящей своей целью преодоление последствий румынизации и становления самостоятельного молдавского народа.

В конце 1980-х годов в Молдавии, как и в большинстве других национальных республиках СССР, начался подъём этнического национализма. Эти тенденции получили массовую поддержку и в 1990 году премьер-министром республики стал лидер националистического Народного Фронта Мирча Друк. Однако местный национализм кардинальным образом отличался от схожих идейных систем других республик распадающегося Союза (может быть, за исключением Азербайджана, где националистический лидер Абульфаз Эльчибей выступал, скорее, сторонником тюркизма, а не азербайджанизма). Члены Народного Фронта провозглашали всех молдаван румынами и исповедовали концепцию Молдавии как второго румынского государства, само существование которого являлось временным, а планируемое объединение с Румынией представлялось неизбежным. Таким образом, главная отличительная черта молдавского национализма конца XX века состояла в том, что он был изначально полностью ориентирован на другое государство и другой народ. Молдавский национализм был национализмом румынским. В 1989 году ещё советский Верховный совет Молдавской ССР принял закон «О возврате молдавскому языку латинской (то есть — румынской. — В. З.) графики», ставший отправной точкой для молдавско-приднестровского конфликта.

После того, как в 1992 году молдавско-румынская агрессия против отказавшегося входить в состав новой Молдавии пророссийского Приднестровья закончилось провалом, влияние националистов на власть стало снижаться. Несмотря на то, что последователи Народного Фронта ещё имели широкую общественную поддержку, большинство граждан нового государства разочаровалось в их деятельности, не в последнюю очередь потому, что уровень жизни в Молдавии неуклонно падал. В 2001 году президентом страны был избран коммунист Владимир Воронин, декларировав-

ший стремление к сближению с Россией. Однако через два года, сразу после отказа от российского плана урегулирования приднестровского конфликта, известного как «меморандум Козака»¹, Воронин резко поменял внешнеполитические приоритеты, настроившись на сотрудничество с Западом и противостояние с Москвой. «Румыно-унионизм» оказался вновь востребован властью как наиболее понятная массам прозападная и антироссийская идеология. Молдавия вновь начала стремительно румынизироваться, всё более втягиваясь в орбиту политического и культурного влияния Бухареста.

Интернет-журнал *Moldovatoday.net*, по замыслу его создателей, был посвящён выработке именно молдавского (как не-румынского) национального проекта. Его авторы, позиционировавшие собственную идеологию как молдавский национализм, выражали в своих текстах достаточно эклектичные и подчас противоречивые идеи, иногда весьма далёкие от классических восточноевропейских национальных доктрин. Вкратце основные постулаты, содержащиеся в статьях «молдовенистов» сводятся к следующим моментам: (1) резкое отторжение «румыно-унионизма» вкуче с ярко выраженным противопоставлением «молдавского» «румынскому», (2) геополитическая «равноудалённость» Молдавии от Румынии (и Запада в целом) и России, (3) требование решить приднестровский вопрос путём отделения Приднестровья (С. 45; А. Зданкевич. «Суверенитет нынешний и суверенитет грядущий»), (4) переформатирование Молдавии в конфедерацию и (5) территориальные претензии к соседней Украине — на Северную Буковину и Южную Бессарабию как на «исконно молдавские земли» (С. 60–69; О. Стан. «Великая Молдова. Реалии и перспективы»).

Начнём собственно с национального вопроса. Достаточно быстро становится понятно, что «молдовенизм» вряд ли можно считать этно-националистической идеологией. В понимании авторов сборника, молдаване — это, прежде всего, своеобразные «антирумыны», готовые строить общее политическое пространство со всеми, кто поможет им противостоять экспансии Бухареста. В качестве основного союзника внутри страны называются компактно проживающие на юге Молдавии турки-гагаузы (причём, по замыслу «молдовенистов», статус унитарного молдавского государства должен измениться в сторону двухсоставной конфедерации Молдавия-Гагаузия по швейцарскому образцу, более того — президентом будущей конфедерации, которая в силу своего нового устройства сумеет избежать опасности поглощения Румынией, предлагается сделать нынешнего главу Гагаузской автономии Михаила Формузала).

---

1. «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья // www.regnum.ru/news/458_547.html.

Это, несомненно, большое новшество для восточноевропейского национализма, который всегда ратовал за жёсткий унитаризм и этническую однородность, в условиях господства которой права национальных меньшинств нарушаются традиционно и повсеместно. При этом стоит отметить, что основным внешнеполитическим ориентиром, потенциальными союзниками Молдавии, которых следует превратить в союзников реальных, авторы называют именно радикальные националистические круги из стран Центральной и Восточной Европы (С. 15–21: *О. Стан. «Молдова и новый правый дискурс в Центральной Европе»*; С. 21–26: *А. Зданкевич. «Будущее Молдовы — в Европе, а не в Евросоюзе»*).

Второе новшество заключается во вполне лояльном отношении «молдовенистов» к русскому языку, который, как известно, активно выдавливается из постсоветских этнократических государств, будучи уже полностью вытесненным из большинства стран бывшего социалистического лагеря. Вообще, несмотря на декларируемую «равноудалённость» и негативное отношение как к Бухаресту, так и к Москве, представляется, что в понимании авторов Россия является для Молдавии значительно меньшей угрозой, нежели Румыния. Сами статьи сборник полностью изданы по-русски, а его создатели настаивают на том, что в распространении русского языка нет опасности для молдавского культурного пространства, и что он не может служить проводником влияния России в регионе (С. 34: *Ф. Краско. «Молдавская нация и русский язык»*).

В комментарии информационному агентству REGNUM один из постоянных авторов журнала Moldovatoday.net говорил, что русские могут стать союзниками молдаван в их противостоянии с румынами². Таким образом, этот проект сильно отличается от сходных идеологических доктрин всех соседних государств, в которых национальная идентичность всегда имеет ярко выраженную антирусскую и антирусскую основу. По существу, речь здесь идёт скорее о политической нации, нежели об объединении по этническому признаку.

В качестве решения ключевого для нынешней Молдавии приднестровского вопроса «молдовенисты» предлагают полностью отказать от попыток вернуть Приднестровье в состав молдавского государства, объявив его источником львиной доли бед для своей страны. По мысли авторов, Приднестровье никогда не имело прямого отношения к «исторической Молдавии», за восстановление которой и выступают «молдовенисты». Большинство текстов сборника, посвящённых приднестровской тематике, написано в 2006-м — первой половине 2007 года, когда в политическом противостоянии Кишинёва и Тирасполя Запад безоговорочно под-

---

2. Молдавский историк: "Латиница — это кастрация молдавской нации" // www.regnum.ru/news/1004948.html (23 мая 2008).

держивал Молдавию, а Россия оказывала помощь Приднестровью. В результате, объявляя о необходимости отделения Приднестровья вплоть до немедленного признания, «молдовенисты» по факту выражали поддержку тогдашней российской линии. Тем не менее, эта идея впоследствии стала находить всё больше сторонников, о чём будет сказано ниже.

Отказавшись от Приднестровья, новое государство, по замыслу создателей сборника, должно пополниться бывшими территориями Бессарабии, которые были присоединены к Украине в рамках СССР и ныне находятся в составе Украины, — Северной Буковиной и Южной Бессарабией. Согласно авторам, это предполагается сделать через инициирование единовременного предъявления территориальных претензий к Украине со стороны заинтересованных соседних держав, прежде всего, России и Польши. По мысли «молдовенистов», эта акция должна не только восстановить историческую справедливость, нарушенную в результате политики Сталина в регионе, но и резко поднять общий статус Молдавии, которая должна занять место Украины в центрально-европейской геополитической картине, в качестве «буфера между Россией и Западом». В вопросе отношения к Украине «молдовенисты» демонстрируют полное единство мнений — это государство объявляется «геополитическим недоразумением».

Создатели сборника «Фундамент Великой Молдовы» вообще склонны проявлять по большинству ключевых вопросов партийное единодушие. Единственным спорным моментом для «молдовенистов» стала церковная принадлежность православных верующих Молдавии. Тут их мнения разделяются — часть выражает поддержку Русской православной церкви Московского патриархата, другие выступают за создание автокефальной молдавской церкви как наилучшего средства противодействия экспансии Румынской православной церкви, которая стремится к активному распространению своего влияния в Молдавии.

В итоге можно утверждать, что сборник содержит достаточно странный, противоречивый идеологический продукт. Агрессивный антирумынизм, политический национализм в связке со стремлением превратить унитарную Молдавию в молдавско-гагаузскую конфедерацию, декларируемая необходимость любым способом избавиться от Приднестровья как от балласта, призывы к конфликту с соседней Украиной — всё это, казалось, вряд ли могло рассчитывать на какой-либо значимый отклик внутри страны. Любому человеку, знакомому с ситуацией в регионе, ясно, какими последствиями для Молдавии может обернуться попытка реализации подобных проектов. Тем не менее, деятельность коллектива авторов Moldovatoday.net парадоксальным образом нашла своё продолжение в политике властей молдавского государства.

В конце 2006 года стало понятно, что Румыния хочет от Молдавии не просто сотрудничества — она претендует на всю территорию молдавского государства на правом берегу Днестра, а в 2008 году устами своего президента выдвинула территориальные претензии к Украине в отношении Северной Буковины и Южной Бессарабии. Румынская экспансия пользуется сочувствием значительной части населения Молдавии, «самой бедной страны Европы», которая видит в этом для себя единственную возможность интегрироваться в европейское сообщество и повысить свой социально-экономический статус. Большое число жителей Молдавии приняло румынское гражданство. Всё больше молдаван демонстрирует полное пренебрежение к идее реинтеграции Приднестровья, ранее бывшую ключевой для молдавского общества.

В результате, власти Молдавии поняли, что если румынское влияние в стране и дальше будет усиливаться, то молдавское государство, граждане которого испытывают серьёзный кризис идентичности, перестанет существовать, а кишинёвское руководство потеряет суверенную власть. В результате правящим кругам Молдавии пришлось поднять на щит «молдовенизм» как противоположность «румыно-унионизму», и начать реализовывать молдавский (как анти-румынский) национальный проект, на чём и настаивали авторы «Фундамента Великой Молдовы». Станным образом жёстко критикуемая ими власть начала отчасти претворять в жизнь их принципы. В нынешней риторике молдавского руководства присутствует довольно много мотивов «молдовенизма» — и политический национализм, и военный нейтралитет, и многовекторность внешней политики. Впрочем, об успехе «молдовенизма», думается, говорить преждевременно, так как сегодня под вопросом находится не только существование «молдовенизма», но и будущее молдавского государства и самого молдавского этноса.

Владимир Зотов

М. А. Колеров. Без СССР: «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США. Статьи 1999–2008. М., 2008

«**Б**ольшая игра» (*Great Game*) не может завершиться вничью, её победитель получит все, а проигравший безоговорочно капитулирует. Эти слова, комментируя взаимоотношения США и России на постсоветском пространстве, несколько лет назад в интервью российскому информационному агентству REGNUM произнес один армянский аналитик, а ныне депутат Национального собрания Армении. Такие мысли были навеяны ему поездкой в Лондон, его общением с функционерами и аналитиками, отвечающими за сотрудничество Запада со странами СНГ. Он с благоговением произносил звучные фамилии своих новых партнеров и всем своим естественным верил в их непререкаемый авторитет и поистине пророческую информированность.

Все они — амбициозные журналисты, аналитики и политики из республик бывшего СССР, прошедшие через семинары и программы сотрудничества «в рамках...», — *new generation* — прекрасно осознают суть исторического момента, усердно усваивают политкорректную риторику и переживают за свой *bad English*.

Между тем, *Great Game* — не иллюзия. Несмотря на свою увлекательность, она несёт поистине трагические последствия для целых народов. Это игра с заведомо известным результатом и четкими правилами, форму диктата которых мы наблюдали в Сараево и Ираке. Дилер не терпит зрителей и комментаторов — участвовать должны все, а ставка — суверенитет государств и будущее народов. Книга «Без СССР» Модеста Колерова, наблюдателя и комментатора «Большой игры», знакомит читателя с промежуточными итогами глобальной конкуренции в Евразии и бросает лишенный политической корректности взгляд на новую реальность в зоне жизненных интересов российского государства. «Без СССР» Россия стала одновременно и уязвимой, и сильной. Коллапс Союза 15 социалистических республик поднял целый пласт проблем и задач, к оперативному управлению которыми были готовы лишь те, кто и вел планомерно Союз к развалу, те, для кого уничтожение СССР

было лишь одним из этапов стратегического плана по подчинению России.

Автор остро чувствует эту угрозу. Характерно, что в первой статье, вошедшей в сборник (а она была написана еще в 1999 году)¹, он говорит о «тотальном просвещении» и близости «полной победы» Запада в «виртуальной» войне, несущей несвободу и ограничение суверенитета для подчиненных государств. Тогда была Сербия. И сегодня мы являемся свидетелями институционального демонтажа Украины и тотального ограничения суверенитета Грузии. Это физическое расширение ареала виртуальной войны. Она все ближе к России, о чем Колеров говорит уже во второй статье сборника², датированной 2002 годом. «Нас ждет целая эпоха комбинированных, ползучих и непоправимых угроз по всему периметру наших границ», — предупреждает он. Во всяком случае, сегодня сформировались два полноценных и вполне комбинирующих свои действия центра распространения этих угроз непосредственно на Россию — Грузия и Украина, те самые государства, которых уже достигла запущенная в Сербии волна «тотального просвещения». Векторы угроз, продуцируемых режимами в Грузии и на Украине, направлены, в первую очередь, против России. И угрозы эти уже не виртуальные, а вполне конкретные, осязаемые — торпедирование безопасности на Кавказе и подрыв энергетического баланса европейского континента. Война в Южной Осетии в августе 2008 года — падение первой кости в заботливо выстроенной вокруг российской границы ленте домино.

Сложно не согласиться с известной формулировкой о том, что развал СССР стал «величайшей геополитической катастрофой». Как известно, любой «взрыв», будь он механическим или эмоциональным, влечет за собой ударную волну и некий центробежный процесс. Результатом центробежного процесса на всем огромном географическо-политическом пространстве бывшего СССР стало физическое «оголение» России. Если будет корректно такое сравнение, взрыв этот сорвал с России одежду, а местами — и мясо. Страна была вынуждена в экстренном режиме конструировать новую философию своего существования. Россия в агонии — без границ, с уничтоженной экономикой и деморализованным политическим классом — за считанные месяцы превратилась из субъекта глобальной политики в открытый для внешнего влияния объект, обязанный остальному миру самим фактом своего существования. Вспыхнувшие на рубежах бывшей империи межэтнические конфликты несли непосредственную угрозу безопасности самой России. Неконтролируемые коридоры через Грузию и Крым питали оружием и боевиками полномасштабную войну в Чечне, которая

---

1. «Тотальное Просвещение для Косово и всех нас» (С. 5–7).

2. «Вечный мир и вечные угрозы ему» (С. 8–19).

грозила перекинуться на Дагестан и другие республики Северного Кавказа. Именно России необходимо было латать дыры на границе Таджикистана и Афганистана, поскольку существовал риск превращения российской территории в беспрецедентный перевалочный пункт для международного наркобизнеса. Именно на Россию были направлены взоры миллионов бывших граждан СССР, лишенных Родины, прижатых к земле глобальностью событий и не понимающих, в какой стране им предстоит строить свою жизнь. Начались масштабные миграционные процессы. До 50% населения некоторых бывших республик покинули свои дома, в массе своей они переселились в Россию.

Ситуация отягощалась нарастающим давлением со стороны патрируемых США международных финансовых институтов, НАТО, европейских парламентских, мониторинговых и правозащитных миссий. Руководство России было вынуждено продолжить политику уступок, взятую за основу первым и последним президентом СССР, в частности, подписавшись под целым рядом неприемлемых обязательств. Спектр уступок России был чрезвычайно широк — от одностороннего отказа от собственного ракетного потенциала, до обязательств по выводу военных баз из важнейших со стратегической точки зрения регионов мира (Куба, Вьетнам). Дело шло к полной капитуляции России перед внешними и внутренними угрозами, деградации ее суверенитета.

Самочувствие России никогда не было и не будет ее внутренним, личным состоянием. Осколки коммунистической империи в лице новообразованных независимых республик (та самая одежда, которую «взрывной волной» сорвало с России) явственно ощущали происходящий катаклизм. Все три республики Закавказья оказались втянуты в кровопролитные межэтнические конфликты — внешние (Азербайджан и Армения) и внутренние (Грузия — Абхазия, Грузия — Южная Осетия). Необходимо констатировать, что этот регион взорвался именно по той причине, что оказался объективно отброшен из зоны непосредственного оперативного контроля Москвы, и именно многолетние усилия российской стороны в итоге позволили остановить кровопролитие и установить статус-кво. Вмешательство России позволило развести противоборствующие стороны на берегах Днестра, с тех пор именно Россия является главным гарантом поддержания мира в Приднестровье.

Если перед Россией после развала СССР стояла задача консолидации внутренних усилий и выработки новой стратегии на основе исторического базиса, традиций и опыта государственного строительства, то республики Средней Азии и Закавказья, Украина и Молдавия наряду с всеобщим социальным-экономическим коллапсом, встали перед фактом «невозобновленного суверенитета». Национализм стал единственной отдушиной, спасающей бывшие советские республики от осознания собственной государственной

импотенции. Он же стал главным катализатором межэтнических столкновений, переросших в конфликты регионального масштаба. Примечательно, что в вооруженные конфликты вступили именно те республики, к власти в которых пришли доморощенные националисты — Тер-Петросян в Армении, Эльчибей в Азербайджане, Гамсахурдия в Грузии. Что касается Молдавии, то возглавивший республику после развала СССР коммунистический функционер Мирча Снегур пошел на подавление Приднестровья именно под нажимом националистического Народного фронта.

Республики Средней Азии, Украина и Белоруссия оказались во власти бывшей коммунистической номенклатуры, которая старалась удержать контроль над ситуацией привычными бюрократическими методами. Среднеазиатские правители, за исключением изгнанного из Киргизии Акаева и скончавшегося Туркменбаши, продолжают контролировать ситуацию в регионе, ведя очень осторожную внешнюю политику, прекрасно отдавая себе отчет в том, что политическое вторжение США в историческую сферу влияния России и Китая, обернется непредсказуемыми последствиями, в первую очередь, для их собственных государств. Для Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии, в силу географических, культурно-религиозных и демографических аспектов, существует три актуальных центра притяжения — Россия, Китай и исламский мир. В этом плане Россия остается наиболее безопасным и перспективным партнером среднеазиатских республик, что и побуждает последних всячески нивелировать центробежную силу.

В целом, для новых государств, в 1991–1992 годах объединившихся в аморфное образование под названием Союз Независимых Государств, существовало два сценария — либо попасть в орбиту притяжения нового центра силы, либо строить государство. Второй сценарий требовал от национальных элит неимоверных усилий по преодолению центробежной силы. Раздираемое жесточайшей внутренней борьбой между кланами, территориальными и межэтническими конфликтами, Закавказье стало объектом пристального внимания и активного воздействия Запада. Регион рассматривался и продолжает рассматриваться как коммуникационный узел, связывающий Каспийский бассейн и Среднюю Азию с Черным морем, Украиной и европейскими государствами. Известно также, что за Закавказьем закреплена функция опорного региона для воздействия на ситуацию на российском Северном Кавказе. Вскоре после развала СССР Азербайджан был откинут в лоно Турции, Армения находилась в естественной для себя ситуации тотальной борьбы за выживание с тюркским миром и искала поддержки Ирана, а государства Грузии, в классическом понимании этого слова, уже не было. Национализм Гамсахурдия привел Грузию к двум межэтническим конфликтам и территориальному расколу, а авантюризм Шеварднадзе — к социально-экономическому коллапсу и потере

финансового суверенитета. В таком состоянии регион не только не мог служить целям Запада по продвижению своих интересов на Среднюю Азию и юг России, но и становился опасен уже для самого западного сообщества.

Усилия США и европейских институтов были сконцентрированы на закреплении географических итогов развала Советского Союза. Оторванные от России республики начали получать мощное финансовое и консультационное содействие Запада, что должно было раз и навсегда исключить возможность их возврата в сферу влияния Москвы. Миллиарды долларов направлялись на подпитку целых народов, тысячи проектов и программ, инициированных сотнями западных общественных организаций и фондов, были призваны сформировать новое самосознание на периферии рухнувшей империи. Например, строительство артезианских колодцев и изготовление сухофруктов на границе Армении и Ирана осуществлялось в рамках программы Департамента сельского хозяйства США на финансовые средства Пентагона. Американский налогоплательщик исправно годами финансировал перспективную молодежь в высокогорных регионах Армении и Грузии, долинах Азербайджана, регионах Украины и селах Молдавии. Постсоветское поколение постсоветского пространства неожиданно для самого себя оказалось втянуто в абсолютно несвойственную ему общественную активность. Формировалась новая элита, прилежно усваивающая сакральные выражения — *гражданское общество, демократия, свобода слова*. Пока западные общественники дресировали новые депрессивные общества постсоветских республик, финансовые институты в лице МВФ и Всемирного Банка присаживали на иглу правительства этих стран.

Между тем, волнообразное расширение НАТО, начавшееся в 1990-х годах, после вступления в блок стран Восточной Европы и присоединения Прибалтики в 2004 году, докатилось до очередного критического рубежа. Саммит альянса в Стамбуле в 2004 году не оставил сомнений в том, что это лишь подготовка к поглощению всего постсоветского пространства. Ближайшие мишени альянса были обозначены еще в 1997 году. Тогда под протекторатом США была создана организация ГУУАМ, включившая Грузию, Украину, Узбекистан, Азербайджан и Молдавию (позднее Узбекистан приостановил свое членство). ГУУАМ создавался под геоэкономической вывеской, однако позднее стало очевидно, что это попытка создания «альтернативного полувоенного блока», интегрированного в НАТО на определенных институциональных основаниях. Сегодня с определенной долей уверенности можно констатировать, что этот крупномасштабный эксперимент оказался провальным, поскольку выяснилось, что авторы проекта не совсем учли особенности и интересы «материала», с которым работают. Организация так и не определилась в части лидера. Украина, на кото-

рую возлагались большие надежды, оказалась не готова к инициативной политике регионального масштаба. Грузия и Азербайджан были заинтересованы в милитаризации блока, в том числе, в связи с проблемами урегулирования военно-политических конфликтов. Это явно не входило в намерения Узбекистана. Украина была заинтересована в получении нефти и газа, а Узбекистан — в обеспечении эффективного функционирования коммуникаций. Молдавия и вовсе не располагала возможностями для обозначения своего присутствия на территории других государств ГУУАМ. В целом можно отметить, что фактический развал ГУУАМ (ГУАМ) стал одним из значительных успехов российской внешней политики 2000-х гг., своевременно выстроившей систему сдержек и противовесов на пространстве интересов ГУАМ.

Тем не менее, попытки США и ЕС скоординировать внешнюю политику постсоветских республик по широкому фронту от Балтийского моря до Каспия не прекращались. Формировались контуры «санитарного кордона»³. М. Колеров достаточно подробно описал мотивы и логику активности прибалтийских государств на Кавказе (С. 56–66). Визиты президентов Литвы, Латвии и Эстонии в закавказские государства в 2005–2007 гг. сменяли друг друга. Симптоматично, что обязанности советника грузинского президента Михаила Саакашвили исполняет бывший премьер-министр Эстонии Март Лаар, придерживающийся откровенно антироссийской позиции. Описанный в сборнике «Без СССР» формат «3+3» (три страны Прибалтики плюс три страны Закавказья), инициированный с подачи Запада прибалтийскими эмиссарами, был совершенно безнадежной идеей. В этой связи стоит только описать разговор одного армянского министра с очередным прибалтийским гонцом. На душевные нотации последнего о том, что Армения и Азербайджан должны укреплять меры доверия, чтобы сформировать в регионе такую же атмосферу, которая налажена между Литвой и Латвией, армянский визави ответил примерно следующее: «Это еще большой вопрос, какая атмосфера сложилась бы на берегах Балтийского моря, если бы вместо населяющих этот регион народов, там бы жили азербайджанцы, армяне и грузины. Еще больший вопрос, в какой атмосфере жили бы сами литовцы и латвийцы, будь они окружены не морем, Россией и скандинавскими государствами, а горными хребтами Кавказа, Ираном и Турцией».

М. Колеров предлагает читателю достаточно эмоциональное описание международных событий, сопровождающих процессы на Балканах, приведших к расчленению Сербии и возникновению на политической карте Европы новой единицы с пока ещё спорным суверенитетом — Косово. Очевидно, раздел Югославии и силовая операция НАТО против Сербии стали возможны, в первую

---

3. «Фронт против России: санитарный кордон и внешнее управление» (С. 20–25).

очередь, благодаря сужению зоны политического влияния России. Колеров выдвигает целый ряд мотивированных тезисов, свидетельствующих в пользу того, что авторы суверенизации Косово оперировали заведомо ложными постановками, призванными разрушить навеваемые Россией опасения относительно прецедентного характера данного процесса⁴. Сегодня, уже после признания односторонне провозглашенной независимости Косово Соединенными Штатами Америки и рядом других государств, очевидно, косовская операция — модель, которая может быть применена в любом другом регионе мира, в том числе и в первую очередь, — на постсоветском пространстве. США совершенно последовательно, в соответствии с требованиями *Realpolitik*, проводят в жизнь механизмы силового дробления непрогнозируемых либо недружественных государств, с дальнейшим распространением своего доминирующего влияния на составные части этих государств. В итоге это позволяет взять под контроль сломленную метрополию. Именно это и случилось с Сербией, политическая элита которой сегодня демонстрирует вполне понятную покладистость перед *soft power* — Евросоюзом, шагающим в фарватере *hard power* — США и НАТО.

После Косово стало ясно, что взывать к здравой логике и международным принципам в *Great game* совершенно бессмысленно. Кто сегодня вспоминает вздернутого на виселице Хусейна и — разрушенный из-за «ошибочной информации» глав США и Великобритании о наличии в стране оружия массового поражения — Ирак? У Косово свой «флаг», своя «конституция», свой «президент», и прошедшие через грантовые программы США и ЕС сербские политики готовы смириться с этим ради сохранения собственных кресел. Это *Realpolitik* в действии! А где прецедент? «Мы — сербы», — пишет Модест Колеров, и он прав. А кто в этой аналогии осетины? А абхазы и приднестровцы? Кто они — сербы или косовары? А кем выгоднее быть армянам Нагорного Карабаха? Косовский прецедент оказался тупиком для тех, кто не участвовал в его создании, а плоды его еще проявят свою горечь для тех, кто попробует их вкусить. Фиксация косовского прецедента одновременно дала решающий импульс процессу разрушения статус-кво в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. Стороны этих конфликтов в свете косовского прецедента лишены всякой возможности прогнозировать ситуацию в целом, и, в частности, возможные шаги не только своих оппонентов, но и международного сообщества. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии — смелый, однако, вместе с тем, и вынужденный ход в «большой игре». Россия показала миру, что она не пешка, а фигура, способная отвечать на прямую угрозу. Однако ответный удар России создал новую реальность, обнажил бескомпромиссную ли-

---

4. «„Косовский прецедент“: создатели и плоды» (С. 32–54).

нию противника на уничтожение воли России, а заодно некомпетентность и уродливую трусость как разных прихлебателей внутри страны, так и многочисленных псевдодрузей за ее пределами.

При всей своей чудовищной несправедливости, Realpolitik доказывает свою универсальность. Посмотрите на авторов косовского прецедента (США и Европейский Союз), признавших Косово, но категорически отрицающих его «универсальность»: сегодня они фронтально увеличивают свою активность на Кавказе, вырывают инициативу в Карабахе и Приднестровье — тех регионах, которые, совершенно точно знали — «следующие мы, нас или признают, или подчинят силой».

Ситуация, при которой США и страны ЕС признают независимость Абхазии, а прошедшие через грантовые программы США и ЕС грузинские политики смиряются с этим, сегодня не кажется столь уж фантастической. Вполне допустимым представляется и сюжет подчинения карабахских армян воле «нефтеносного» Азербайджана. Однако до этого мир может стать очевидцем натовских налетов на Закавказье.

В основу западной стратегии легли усилия по разрушению статус-кво не только в зонах конфликтов, но и в политических системах отдельных государств. Например, разрушение статус-кво между политической системой и олигархией Украины привело к беспросветному хаосу и деградации этого государства. Со всей явственностью проступила линия разлома на Украине, образовавшаяся после взрыва СССР: отброшенная к Польше Галиция — против родственных России Донбасса и Крыма. Сила центробежной волны не оставила в стороне и Молдавию. Сегодня эта республика, политическая элита которой вконец развращена нехитрой технологией балансирования, стала объектом ползучей румынской аннексии. Пока молдаванам раздают румынские паспорта и убеждают их в том, что они румыны, назревает национальное просветление в Гагаузии. Статус-кво в Молдавии нарушен, а рецепты дальнейшего существования этого государства не предложены.

Искусственная ротация политической элиты Грузии и дальнейшие действия нового режима фактически привели к нарушению статус-кво в зонах грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Сегодня диверсии в Гальском районе и минометные обстрелы Цхинвала не удивляют никого. Сведены на нет многолетние посреднические усилия России, разрушены многосторонние переговорные форматы по урегулированию обоих конфликтов. Разрушая статус-кво, а проще говоря, опробованные механизмы, гарантирующие безопасность населения в зонах конфликтов, Запад не спешил с предоставлением внятных гарантий дальнейшего сохранения мира в Закавказье. Конфликтующим народам предлагался и предлагается лишь один путь обеспечения собственной безопасности — вступление в НАТО, — организацию, непосредствен-

но участвующую в перекройке политической карты мира. Войны здесь ждали многие, но мало кто предполагал, что Россия защитит свою честь, своих граждан, людей, которые рассчитывали на эту помощь. Но это не остановило маховик войны. Сегодня планомерно раскачивается ситуация в Крыму. Россию хотят втянуть в братоубийственную войну, оправдываясь за которую ей придется перед собственными гражданами.

В многоступенчатый процесс присоединения к НАТО (РФР, ИРАР, МАР) сегодня втянуты Азербайджан, Армения, Грузия, Украина и Молдавия. Параллельно с процессом массового насаждения идеи об имперских амбициях России (оно не прекращалось даже в 1990-е гг., в период, напротив, полной пассивности Москвы, вызывавшей искреннее негодование в ряде стран СНГ), зреет уже вторая волна расширения НАТО на постсоветское пространство. Как ожидается, она накроет Украину и Грузию. Апелляции российских политиков к мнению украинцев и грузинских граждан, видящих в НАТО не гаранта безопасности, а прямую угрозу, лишены смысла. По-видимому, не лишены смысла интересы США в Черноморском бассейне, а также усилия американских ставленников в высших эшелонах власти на Украине и в Грузии, работающих на поддержание центробежного процесса, увеличение дистанции от России. Здесь и личный интерес последних — востребованный народами исторический опыт сосуществования с Россией отныне противоречит технологии удержания власти.

Любой процесс, в конце концов, предполагает результат. Почему НАТО так всерьез и не предложил свой «зонтик» безопасности ни одной из стран Средней Азии? Разве та же Киргизия не испытывает дефицит безопасности, особенно после «тюльпанового» беспредела? Или тот же Таджикистан не рискует оказаться в эпицентре активности радикальных исламистских организаций, ставших еще радикальнее после маневров НАТО в Афганистане? Очевидно, Средняя Азия, в отличие от Грузии и Украины — не средство, а мишень Запада. Если силовая конструкция так называемой Балто-Черноморской дуги призвана стать физической оболочкой «санитарного кордона» против России, то её коммуникационная конструкция нацелена на отвод среднеазиатских ресурсов от России, Ирана и Китая. Итак, при всей кажущейся сложности западной стратегии, постсоветское пространство элементарно поделено на две составные части — источник (Средняя Азия) и коридор (Закавказье).

Объективно выпадает из данной схемы Украина, которая, по сути дела, стала главной жертвой *Great Game*. Ей отведена самоубийственная функция раздражителя российско-европейских взаимоотношений и разрушителя собственной промышленной и транзитной инфраструктуры. Украина могла бы стать слишком сильным игроком, а это не входит в интересы дилера. По той же

причине путь Белоруссии, сохранившей внутривнутриполитическую стабильность ценой многих усилий, выбравшей путь государственного строительства и сохранения своей идентичности, в русле «движения неприсоединения» был неизбежен.

За почти двадцатилетнее существование «Без СССР» Россия, окруженная совершенно непрогнозируемыми политическими системами, выработала стойкий иммунитет. Россия Путина не питала иллюзий и старается навязать собственные правила игры. То, что в свое время способствовало развалу СССР — цены на энергоносители, — сегодня способствует возрождению России. Консолидировав экономический потенциал, руководство России делает попытки решения острейших социальных заболеваний. Задаются новая логика взаимоотношений с государствами постсоветского пространства, ориентированная на суверенные политические и экономические интересы.

Большая игра в самом разгаре. Россия взяла на себя ответственность за судьбу соотечественников. Она зафиксировала и отбила беспрецедентный по своей агрессии факт попытки прорыва своих южных границ. Россия признала независимость народов, которые стояли перед угрозой уничтожения, но при этом она дорожит своей принципиальной позицией в вопросе целостности Сербии, разделившем мир на две части. Впереди множество каверзных проблем — энергетическая безопасность и Черноморский флот, безопасность на Кавказе и поддержание позиций в Средней Азии. Россия «Без СССР» не обременена чужими проблемами и фобиями, она обречена быть сильной, но одновременно открытой для честного партнерства. И лишь так Россия вернет свою историческую силу притяжения, задаст новый центростремительный импульс народам, привыкшим видеть в ней источник культуры и безопасности.

Виген Акопян

Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Под ред. Тимо Вихавайнена. СПб., 2007

Коллективный труд финских ученых¹ посвящен не только актуальной, но и популярной в последние десятилетия проблеме взаимного восприятия народами друг друга. В центре внимания финских исследователей — развитие и изменение образа России как государства в финском общественном сознании и эволюция отношения к русским, русской культуре и русской идентичности (так называемой «русскости») со стороны финнов. Авторы значительно расширяют привычный для данного исследовательского направления круг источников, не ограничивая его текстами, которые отражают и задают именно *образ* Другого народа — то есть произведениями художественной литературы, публицистики, живописи, фотографией и т. п. Они стремятся реконструировать все грани финского восприятия «русскости», поскольку исходят из посылки, что отдельные черты Другого (в данном случае русского) в культуре как по отдельности, так и в комплексе, оказывают важное, а в некоторые периоды и определяющее влияние на формирование собственно финской национальной идентичности (С. 11–12, 376–377). Особенно подвержены таким — фундаментальным — воздействиям соседние народы, находящиеся в длительном и постоянном контакте, а также те, которые попадают в орбиту интересов Империй. Что касается истории отношений России и Финляндии, то наиболее интенсивно эти процессы протекали на протяжении двух последних столетий — с момента вхождения Финляндии в состав Российской империи и вплоть до 1990-х гг.

Книга представляет собой сборник из 19 очерков, сгруппированных в 5 разделов по хронологическому принципу — с момента вхождения Финляндии в состав Российской империи в 1809 году до настоящего времени. Двенадцать авторов представляют различные грани опыта финляндско-русского и — уже — финско-русского взаимодействия двух политических структур, двух куль-

---

1. Перевод с финского издания: Venäjän Kahdet Kasvot. Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Toim. Timo Vihavainen. Helsinki, 2004. 472 s.

тур и народов, воплотившиеся, главным образом, в вербальных и ментальных формах; при этом анализу подвергается только одна из сторон взаимодействия — финская. В этой коллективной работе рассматриваются различные аспекты восприятия России (её политики, культуры, быта и т. п.) в контексте складывания и развития финской национальной идентичности и государственности. Соединяются очерки и статьи обобщающими заметками инициатора проекта, главного редактора книги и одного из её авторов — доктора исторических наук, профессора Ренвалл-Института Хельсинкского университета Тимо Вихавайнена².

Авторский коллектив проекта оказывается перед довольно сложными теоретическими вопросами, характерными для всякого коллективного проекта: категориальный аппарат и методология исследования образа Другого. Образ России в финской культуре трактуется проф. Вихавайненом как амбивалентный, причем двойственность прослеживается ученым по социальной оси. Свою задачу исследователи видят в том, чтобы попытаться понять и показать, как понимание финнами «русскости» (России и русских, русского национального характера, культуры и т. п.) влияло на складывание финской национальной и государственной идеологии, экономические процессы и особенности политического мышления. Важно отметить, что под термином «русскость» авторы понимают не комплекс представлений, определяющих русскую (российскую) этнокультурную идентичность, а характеристику финнами русского (российского, советского) вообще — то есть совокупности явлений, предметов, событий и т. п. во всех сферах, связываемых с Российской империей и СССР как ее преемником. Таким образом, понятие трактуется в культурно-историческом и национальном, а не узко этническом смысле слова.

Как указывает в предисловии к русскому читателю проф. Тимо Вихавайнен, — эта книга создавалась финскими исследователями

---

2. Тимо Вихавайнен — известный финский специалист по России — хорошо известен русским читателям. Из его работ, переведённых в последние годы на русский язык, см.: Тимо Вихавайнен. Россия и Финляндия в XVIII–XX вв.: специфика границы. СПб., 1999; Тимо Вихавайнен. Сталин и финны. СПб., 2000; Тимо Вихавайнен. Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004; Тимо Вихавайнен. Период автономии в финской историографии. Петрозаводск, 2006. Под его редакцией вышли, в частности, сборники статей: В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на северо-западе России в 1920–50-е годы. Петрозаводск, 1998; Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920–30-е годы. СПб., 2000; Советская власть — народная власть? Очерки истории народного восприятия советской власти в СССР. СПб., 2003; Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004 и др. При его поддержке также издан сборник статей российских авторов: Многоликая Финляндия: Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004.

и для финского читателя. Это, безусловно, заметно. Возможные проблемы интерпретации выводов книги он предвосхищает, подчеркивая, в частности, что труд имеет научно-популярный характер (это удалось, на наш взгляд, отразить в стилистике не всегда ровного и местами неотредактированного русского перевода). Однако начать рецензию представляется важным с ознакомления читателя с фрагментом, не вошедшим в русский перевод книги, поскольку, на наш взгляд, именно предисловие к финскому изданию задает и отражает существенные в первую очередь для читателя-профессионала исследовательские установки и теоретические посылы профессора Вихавайнена и его авторского коллектива³.

В нём редактор останавливается на самых, с его точки зрения, сложных исследовательских проблемах. По его мнению, главной методологической трудностью является сам предмет рассмотрения: «существует ли вообще единый общий образ России, концентрирующий в себе опыт финнов?» и если так, то как можно его выявить и представить, отказавшись от популяризаторских спекуляций и политической конъюнктуры? (S. 8–9). По мнению финского ученого, объективные осложнения вызваны, во-первых, теоретическими разногласиями в понимании термина «нация». Трактовка нации как «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), как ему кажется, не может быть достаточно продуктивна при изучении восприятия финнами русских. Гораздо более перспективным Вихавайнену представляется совокупный анализ исторической подоплеки отношений финнов и русских (хотя точнее было бы говорить финнов и России), которые были обусловлены «общественными и национальными различиями» Империи и региона.

Две ипостаси образа русских в финском национальном сознании Т. Вихавайнен связывает, в первую очередь, с особенностями социальной структуры российского общества и своеобразием изменившейся в 1917 г. его государственно-политической системы. «Разноуровневый диалог», на который часто ссылается автор, представляет собой, прежде всего, естественное сословное неравенство, или несовпадение в общении и контактах между финнами и русскими. Иными словами, более-менее равноправно-партнерские контакты были исключительным явлением. Под этим подразумевается то обстоятельство, что финнам в период Российской Империи приходилось иметь дело, главным образом, с государственными чиновниками или культурной элитой, да и в период обретения независимости русский по-прежнему ассоциировался с представителями власти и интеллигенции (сначала большевистской, а потом советской), но уже качественно иного социального происхождения.

---

3. Общее предисловие редактора: Vihavainen T. Alkusanat // Venäjän Kahdet Kasvot. S. 8–14.

Хотя Т. Вихавайнен и предостерегает читателя от негативной трактовки образа России и русского в финском национальном сознании, тем не менее, существует ряд веских оснований для подобного обобщения. Образ России складывался, «с одной стороны, из образа почитаемого императора или чванливого аристократа, а, с другой, из сведений о бесправии народа и варварских методах насилия» (S. 9). Несмотря на уже указанное выше социальное различие, и тот, и другой представленные образы далеки от позитива.

Не совсем понятна логика рассуждений автора, приводящая к принципиальному для книги выводу о том, что отношение к русскому финна в прошлом тяготеет более к негативному (S. 443). Формирование комплекса отрицательных черт Другого («чужого») — неотъемлемая часть социальной (в том числе и этнической) идентификации, поэтому сравнение «своего» с «чужим» всегда осуществляется для того, чтобы выявить собственные достоинства, а этноцентризм — естественная фаза в процессе формирования этнического (национального) сознания. При описании представителя иной культуры, прежде всего, доминируют непременно осуждаемые отличия, подкрепляющие самоопределение. Другое дело — складывающиеся обобщенные представления или стереотипы чужого, которые менее категоричны, — и в этом случае набор «положительных» и «отрицательных» качеств того или иного народа связан не с «уровнем контактов», а, скорее, с конкретной историей их отношений, с их интенсивностью и зависит от характера взаимодействий. Кроме того, позитивные черты Другого лучше поддаются реконструкции при тщательном лингвистическом анализе, а специалисты в этой области не принимали участия в проекте. Поэтому очень важным представляется более осторожная генерализация полученных участниками проекта выводов.

Не менее важно учитывать этносоциальные особенности в формировании всяких стереотипов и предубеждений. Они касаются принципиальных отличий этого процесса в традиционном сознании (в частности, крестьянского сообщества) и в менталитете элит. У них различные механизмы и способы структурирования мира, равно как и несхожие методы выстраивания оппозиции «мы» / «они». Конечно, можно говорить о том, что в своем очерке проф. Вихавайнен подвергает рассмотрению, прежде всего, представления «среднего» финляндского сословия в довольно поздний — «модерный» период истории Финляндии и позже, однако игнорировать эти отличия в обществе, где подавляющее большинство вплоть до периода независимости составляло крестьянство, очень опасно. Кстати сказать, в сборнике нет ни одной статьи, посвященной образу русского в народной финской культуре.

Вихавайнен констатирует конфессиональное различие финнов и русских как источник противоречий, но он не указывает его важное следствие: различие двух типов конфессионального сознания

(протестантского / лютеранского и православного) «задает» несколько картин мира, а также нормы, ценности, социальные практики и поведенческие установки, что, конечно же, существенно воздействовало на восприятие финнами русских.

Обращение к конкретным аспектам многовекового (хотя в книге рассмотрены только последние два столетия) контакта финнов и русских, делает очевидным ряд «задающих» враждебность обстоятельств. Военные столкновения между Россией и Финляндией стали составной частью истории их взаимоотношений — начиная с присоединения последней к Империи в результате войны России со Швецией и заканчивая оккупацией финскими войсками Карелии в период Второй мировой войны. При этом, как верно подчеркивает Вихавайнен, независимое финляндское государство никогда не было военным союзником СССР.

Еще одним фактором, формировавшим чувство политической враждебности финнов в отношении русских, стало различие их политических традиций и опыта демократии. Влияние их на отношение финнов к русским было не только очень значительно, но и определило, по утверждению Вихавайнена, неприятие русских, сравнимое только с трагическими польско-российским противоречиями. Однако Финляндия, в отличие от Польши, не знала ни эпохи великодержавной государственности, ни унижения разделов и порабощения. Именно это определило и начальную лояльность Финляндии в отношении к властям включившей ее в свой состав Империи.

Но если отличия в положении финнов и поляков в Российском государстве представляются очевидными, то гораздо менее убедительным кажется утверждение Т. Вихавайнена — и это чрезвычайно значимо в качестве исследовательской установки, — что отношения между Россией и Финляндией (и населяющими их народами) нельзя сопоставлять с историей сложных взаимодействий между другими европейскими государствами и нациями (такими как, например, Дания и Швеция или Великобритания и Франция). Хотя автор настаивает, что возможные отличия вызваны тем, что Россия никогда не была европейской страной в строго политическом, религиозном и культурном отношении, думается, что их следует искать также в иной плоскости — в российской позиции.

Если Финляндия до 1917 года не рассматривала Россию как европейскую державу — а эта проблема в книге затронута лишь пунктирно — то для России и до и после 1917 года Финляндия, и как автономия и как государство, не могла быть даже гипотетически введена в сферу партнерских отношений, поскольку отсутствие равноправия, паритета (не исключающего, впрочем, взаимовыгодного сотрудничества), определялось причинами иного характера. Была ли и является ли Россия европейским государством — основной вопрос её геополитики и историософии, и споры об этом не утихают несколько веков; но так или иначе — российская или советская,

отсталая или прогрессивная, мощная или обесиленная — Империя не рассматривала и не могла рассматривать маленькую соседнюю, хотя и бурно развивавшуюся в последние десятилетия совместной истории Империи страну как равного партнера. В этом контексте, на наш взгляд, бесспорным представляется то, что и Финляндия видела в России (как и финны в русских) угрозу и ощущала её как источник потенциальной опасности уже из-за разницы в «вековых категориях». Громадный сосед с несопоставимыми людскими, экономическими и непредсказуемыми идеологическими ресурсами и в периоды процветания и тем паче в годы революций или реформ — источник нестабильности с востока. А называть носителя этой нестабильности можно по-разному — «варварами», «совками», «рюсса» (слово шведского происхождения; пренебрежительно-уничтожительное наименование русских финнами, бытовавшее ранее в устной речи, ныне вошедшее в повседневную лексику) и т. п., поскольку потенциальный враг — несмотря на все исторические исключения — принадлежал к иной цивилизации.

Что касается предположения Т. Вихавайнена о том, что непонимание и формирование негативного образа России и русских может объясняться неприятием финнами — носителями европейских культурных и политических идеалов — иных ценностных и поведенческих установок русских, то, на наш взгляд, оно верно лишь применительно к истории XX века, поскольку в позапрошлом столетии Россия и Финляндия являлись странами аграрными; а в социально-культурном отношении в них превалировали нормы и отношения традиционного крестьянского мира, и только конфессия могла быть источником возможного неприятия и нетолерантности в гораздо большей степени, нежели все перечисленные отличия. Это не исключает, конечно же, постоянного бытования и периодического доминирования в культуре образованного меньшинства представлений о «европейскости» финнов, которое, кстати, разделяла в равной степени и русская, и шведоязычная финляндская элита XIX века.

Проф. Вихавайнен считает, что на смену конфессиональному противопоставлению финнов и русских пришло вначале социальное, а затем только этнонациональное и что шло оно параллельно процессу финской идентификации. Методологическим упущением можно считать и то, что в книге никак не оговаривается наиболее существенное с точки зрения верификации полученных выводов содержание и употребление понятия «финны». Очевидно, что это условное обобщение, но для исследовательской работы такого рода важно уточнить, какого рода источники подвергаются анализу и в какой мере они отражают общенациональный взгляд, элемент картины мира «финнов вообще». Внутри финского общества существовали различные региональные, конфессиональные, этнические и в особенности образовательные и сословные отличия — особенно значимые в период формирования нации. В некоторых

статьях они упомянуты и подчеркнуты, но в выводах и обобщениях уходят на второй план.

Обратимся теперь к русскому переводу книги. Она открывается очерком Т. Вихавайнена «Великое Княжество Финляндское — часть государства, но не часть России» (С. 11–26), в котором речь идет о восприятии Финляндии Россией на протяжении столетия — вплоть до февральского манифеста 1899 года. Перед тем как обратиться непосредственно к финско-российским отношениям в рамках Империи, автор дает краткую характеристику взаимовосприятия русских европейцами и европейцами русских, затрагивая и основные элементы мифа о Европе в русской культуре. Эта часть работы построена на материалах историографии, выбор которой, как нам кажется, довольно произволен и не отражает разнообразия научных теорий и широкого спектра исследований (с различными интерпретациями) этой проблематики. Автор характеризует также образ Финляндии и финнов, сложившийся в общественном мнении и в литературе России XIX века, который формировался в традициях романтического этнографизма с присущей ему идеализацией истинно народной, чистой и природной жизни, а также убежденностью в существовании обусловленных климатом черт национального характера, воплощенных в крестьянстве.

Финляндия в этом смысле представляла перед русскими путешественниками и литераторами — в соответствии с идеями европейской философии — как обитель незатронутого развращающей цивилизацией сильного и сурового народа, отличающегося законопослушанием и преданностью в отношении России — и в первую очередь её императора. Однако немаловажную роль в развитии взаимных образов играла не только европейская политика России, но и феннофильское движение, успехи которого во многом связаны были с поддержкой российскими властями его идеологии и требований — с тем, чтобы ослабить прежнюю, прошведскую ориентацию финляндской элиты. Феннофилы и финляндские политические деятели на протяжении всего имперского периода стремились получить преимущества от мирного и правового сосуществования с Империей, которая «отвечала им взаимностью»: в политике господствовала установка на сотрудничество с Финляндией, а не на растворение её среди других народов Империи.

В очерке исследователя, доцента университетов Хельсинки и Турку Кристины Каллейнен под названием «Священные узы бюрократии — высшее чиновничество Финляндии и Россия. 1809–1898 гг.» (С. 27–45) на материале официальной документации, административной и частной переписки показано, как изменялось отношение к России финляндской политической и культурной элиты на протяжении столетия. Анализ позиции и тактических приемов российских генерал-губернаторов Финляндии и методов управления Петербурга дает возможность рассмотреть, как вос-

питание, убеждения, родственные и сословные отношения и связи, взаимное знание друг о друге и понимание национальных интересов могло скорректировать или же хотя бы внешне сгладить существовавшие противоречия правового, культурного и идейного порядков. При этом К. Каллейлен останавливается на эволюции взглядов представителей финляндской бюрократии, которая, по её мнению, прошла путь от стремления к лояльному и компромиссному сотрудничеству в первой трети века до конфликтного противостояния в этой сфере в 1890-х гг. (период кризиса финляндско-российских отношений). Причины этого она усматривает не только в формировании финской национальной идеологии и патриотических идей, но также в ужесточении и «огрублении» позиций имперского центра, в разнице двух политических культур. Российская сторона не осознала и недооценила в должной мере зрелость национального и гражданского самосознания финляндского общества в конце XIX века, что и привело к кризису.

Судьбы конкретных людей — финнов в России — рассмотрены в статье Кари Кетола, руководителя отдела торговых отношений с Россией фирмы UPM «Kummenen» «Финны — московские стипендиаты» (С. 46–66). В центре внимания — обстоятельства взаимодействия русских и финнов на примере финских стипендиатов, изучавших русский язык в России в 1812–1917 гг. Материалы архивов позволили Кетола рассказать об их жизни в период обучения в России и после возвращения на родину; он анализирует цели, уровень и качество преподавания, включая любопытные детали их повседневной жизни, быта, отношений с русскими. Особое место занимают вопросы мотивации отъезда в Россию и привлекательности обучения для обретения профессионального и жизненного статуса финнов; также представлено отношение финляндского общества (и прежде всего студенчества и молодежи) к изучавшим русский язык соотечественникам на разных этапах российско-финляндских отношений в XIX — начале XX вв. Автор показывает, что на смену сугубо позитивным и прагматическим установкам в овладении государственным языком Империи в период правления Александра I и в 1830-е гг. приходит негативизм и пессимизм. Переломным периодом Кетола считает 1844–1845 гг.: начиная с этого времени финские патриоты всё, связанное с русским языком и культурой, трактуют как измену родине. Резко отрицательное отношение к обучению в России было связано с феннофильской пропагандой и ростом национального самосознания. С другой стороны, российская сторона стремилась повысить качество образования и уровень жизни финских стипендиатов в России (финансирование со стороны государства в течение века постоянно росло, а задача ראדить преподавателей русского языка для финских учебных заведений постоянно оказывалась актуальной).

Автор очерка «Язык метрополии» (С. 67–91) — специалист по истории и культуре ингерманландцев⁴ Тойво Флинк продолжает тему изучения и овладения русским языком и его значимости в Финляндии. Изучение архивного фонда Канцелярии генерал-губернатора «О распространении в Финляндии русского языка» за 1812–1917 гг. позволило исследователю показать, сколь неоднозначным было отношение к русскому языку в финляндском обществе, как вопрос о языке становился камнем преткновения в финско-русском политическом диалоге, и принципиальным — когда речь шла о борьбе за национальную независимость и «истинную» автономию. При этом автор подчеркивает необходимость разграничения дек-

-
4. Ингерманландцы, финны-ингерманландцы (фин. — *inkerilaiset*) — субэтническая группа финнов, проживающих с XVII в. на землях Ингерманландии (швед. *Ingermanland*, финск. *Inkeri* или *Inkerinmaa*, эст. *Ingeri* или *Ingeritmaa*; *Ингерия*, *Ижора*, *Ижорская земля*, *Приневский край*) — этнокультурного и исторического региона, расположенного по берегам Невы, ограниченного Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами на востоке. Легенды возводят топоним к имени дочери шведского короля Олафа Ингегерды, жены Ярослава Мудрого, которая присоединила эти земли в качестве приданого к Новгородскому княжеству. Автохтонным населением области вокруг реки Инкери (рус. — Ижора) были ижора и воль. В конце XVI–XVII вв. в результате ряда неудач России в войнах со Швецией (в состав которой тогда входила Финляндия) Ингрия / Ингерманландия неоднократно переходила под власть шведского короля, окончательно — после Столбовского мира 1617 г. В это время территория активно осваивалась шведами, началось обращение православного населения (русских, карел, а также принявших православие ещё в XI в. води и ижоры) в лютеранство, что привело к его миграции в Россию. Покинутые земли шведское правительство стало заселять финнами-лютеранами с запада Карельского перешейка и из центральных районов Финляндии. Они и именовались ингерманландскими финнами или ингерманландцами (среди них выделяются две этнические группы — зурямйсет и савакот). Ингерманландия вошла в состав Российской империи в результате Петровских завоеваний в Северной войне в 1704 г. в качестве губернии, вскоре переименованной в Санкт-Петербургскую, поскольку новая столица Империи находилась на земле исторической Ингерманландии. В националистической идеологии «Великой Финляндии» в 1920–1940-х гг. Ингерманландия вместе с Восточной Карелией, Вестерботнией и единой Лапландией виделась как органическая часть Финляндии. После революции 1917 г. северная часть Ингерманландии при поддержке независимой Финляндии провозгласила государственный суверенитет (Республика Северная Ингрия) (1918–1920), что стало одной из причин репрессий и высылки финнов-ингерманландцев в 1920–1930-х гг. Во время Великой Отечественной войны оказавшиеся на оккупированных Гитлером и его союзниками территориях финны-ингерманландцы были по ходатайству финских властей эвакуированы в Финляндию (около 60 тыс.). Им, после войны вернувшимся в СССР, запрещено было проживать на своих землях. Всего на территории СССР в 1980-е гг. проживало около 70 тыс. ингерманландцев. С конца 1980-х развернулось движение за восстановление культурной автономии, с 1990-х гг. Финляндия предложила ингерманландцам возвращение (репатриацию) в Финляндию, в результате которого из России выехало почти 20 тыс. человек.

ларируемого (формального) и истинного (содержательного) статуса государственного языка Империи. По мнению Т. Флинка, владение русским языком в финляндском обществе не было мотивировано, а в некоторые периоды воспринималось как непатриотическое отношение к собственной стране. Стремление насадить русский язык в финляндской системе образования в качестве обязательного предмета успеха, в целом, не имело, а попытки создания русских средних учебных заведений для нефинских граждан (по инициативе снизу) постоянно сталкивались с финансовыми трудностями (подробно прослежена история возникновения и судьба наиболее известного русского учебного заведения в Финляндии — Александровского лицея в Хельсинки). Возможно, это дало основание Т. Вихавайнену в предисловии указать, что русский язык в Финляндии до 1917 года не знал почти никто (С. 19).

Макс Энгман⁵ — профессор всеобщей истории Або Академии (Турку), автор очерка «Соотечественники в России и в литературе» (С. 92–117), обращается к произведениям финляндской литературы последней трети XIX века. Его цель — показать, как реальные социокультурные процессы взаимодействия россиян и финнов виделись современникам и соотечественникам тех, кто жил или служил в России (на примере произведений Я. Аренберга, К. А. Тавастшерны, Т. Фримана и других шведоязычных финских писателей). Их герои — финны — представляют все слои финского общества; показаны также маргинальные и криминальные сферы, в которых находили место выходцы из Финляндии. По мнению автора, в целом образ русского и России в художественной литературе этого времени был гораздо более объективным и положительным, нежели в путевых заметках и публицистике первой половины столетия. Особенно интересны, на наш взгляд, в изложении Энгмана, сюжеты и цитаты из произведений о финских офицерах на российской службе («Анор», «Наш соотечественник» и «Род из Хаапакоски» Аренберга, «Патриот без родины» Тавастшерны и др.). В них ярко отразились хорошо изученные на примере других литературных текстов эпохи стереотипы и клише восприятия России и русской знати европейцами: преданность императору, небрежение нижестоящими, отсутствие личной инициативы, грубость и нечистоплотность и т. п. На этом фоне особенно очевидны честность и неподкупность финнов (черта, постоянно отмечаемая и русскими). Важное место занимает тема разрушительного, развращающего влияния русской самодержавной власти: опыт участия в подавлении польского восстания, служба на Кавказе с жестоким отношением к горцам и т. п. приводит финских офицеров к тяжелому душевному кризису: в связи с очевидной для них несправедливо-

---

5. На русский язык переведена его монография: М. Энгман. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005.

стью политических мер и военных действий, конфликтом между идеалами офицерской чести и бесславной действительностью военной службы в Империи. Жизнь в России, а также браки с русскими видятся шведоязычным авторам как чреватые утратой финской идентичности, нравственности и общественного статуса.

Рассматривая произведения о финской бедноте (в особенности многочисленные — о финнах в Петербурге) М. Энгман приходит к выводу, что можно констатировать явное преобладание негативной оценки русских и их влияния на финнов. Перед нами — типичная для периода модернизационных преобразований картина трагической несовместимости прежнего — векового и «народного» — уклада жизни и нововведений — жестоких и бессмысленных для «простого человека», инициированных безличным государством. Однако авторы трактуют эту картину именно в категориях межнационального непонимания. Как точно отмечает Энгман, неверно сводить трактовку этого конфликта к этническому противопоставлению финнов (народа) и русских (государства), ведь это — характерные для периода модернизации универсалии европейской (и российской в особенности) литературы второй половины XIX века, клеймившей жестокость городского образа жизни и цивилизации модерна, совращающей непорочного носителя природного и народного нравственного начала. Любопытен, однако, позитивный автостереотип финна, вырисовывающийся из цитируемых текстов: ему присуще религиозно-традиционные мировоззрение, нравственная и физическая чистоплотность и самодисциплина.

Марья Лейнонен — филолог, профессор-славист университета Тампере в статье «В поисках финно-угров: родственные народы в России» (С. 118–150) рассматривает научные исследования финно-угорских народов и языков в России, осуществляемые финскими учеными (в рамках академических изысканий на протяжении XIX века) с точки зрения сравнения их с русскими. Задачи исследования чрезвычайно интересны: Лейнонен реконструирует образ русских и России из материалов научных публикаций и дневников полевых исследований в различных регионах России. Перед нами — анализ их маргинальных заметок, ярко иллюстрирующих многомерность финского восприятия России и её многонационального населения; автор обращает внимание на непрменные сравнения финских народов с русскими, причем характеристика последних довольно противоречива.. Автор исследует тексты хорошо известных российской науке финских ученых: М. А. Кастрена, А. Я. Шёгрена, Э. Лённрота, А. Э. Алквиста, К. Доннера, У. Т. Сирелиуса и др., составивших славу и российской науки (их работа велась под эгидой Русского географического общества и Академии Наук, и до сих пор многие из них считаются российскими учеными). Как показывает автор, помимо основной своей задачи — формировать в финляндской науке и общественности представления о культуре род-

ственных этносов (что сыграло чрезвычайно значимую роль в процессе складывания национальной идеологии финнофильства в XIX и финского национализма в XX веке), труды исследователей имели немаловажное значение для восприятия Империи и её народов.

Статьи второго раздела книги «Разрыв отношений» посвящены истории финско-российских отношений в период с февральского манифеста 1899 г. до 1920-х гг. Их также предваряет введение Т. Вихавайнена (С. 151–162), в котором кратко описывается предшествовавшее событиям весны 1917 года обострение финляндско-российских отношений, когда борьба финнов за независимость обрела политическую зрелость и массовые формы (Петиция к Императору, подписанная 500 тысячами финнов, февральский Манифест 1899 года, деятельность социал-демократической партии Финляндии). Именно тогда, утверждает профессор, вновь актуализировался образ Девы Финляндии — жертвы, подвергающейся нападкам со стороны жестокого агрессора, а также миф о пассивном героизме финского народа, сложившийся благодаря трудам финских идеологов-литераторов Й. Рунеберга и Э. Топелиуса. Вихавайнен утверждает, что в этой борьбе финны показали себя носителями европейских ценностей, идеалов законопослушания и правового самосознания — в противовес «азиатчине», рабству и бесправию других подданных Российской империи (русских прежде всего). При этом, как указывает он, и российская интеллигенция немало сделала для распространения именно такого образа финнов. Первая русская и октябрьская революции — с их эксцессами, затронувшими Финляндию только частично — способствовали нагнетанию антироссийских настроений и популярности призывов к более жестким мерам борьбы за национальное «освобождение», особенно после поражения Империи в войне с Японией. Некоторое ослабление наблюдалось только в период Первой Мировой войны.

Финский этноцентризм, и как следствие, презрительное и высокомерное отношение к России как стране варварской, отсталой, неевропейской, был следствием процессов в иных сферах: в начале XX века в Финляндии шла быстрая и успешная модернизация, к этому времени относился расцвет и признание в Европе самобытности и высокого уровня финской культуры. События 1917 года окончательно изменили образ России и русского в финском национальном сознании. По мнению Вихавайнена, новая, Советская Россия связывалась с негативным образом прежней России, несмотря на принципиальные отличия в строе и целях нового государства. При этом враждебность восприятия власти варваров-большевиков усиливалась благодаря потоку беженцев и эмигрантов из России. С другой стороны, именно формализация образа нового врага способствовала сплочению финского общества в обретенном независимом государстве, росту национального и гражданского сознания народа: перед лицом общего врага объединились и противостоящие дотоле шведская и финская стороны (С. 161).

В статье театроведа Лийсы Бюклинг «Русская культура в зеркале финских театров на рубеже XIX — начала XX века» (С. 163–185) показано, как постановка русских классических пьес и драматических произведений Серебряного века влияла на формирование образа «типичного русского» и его интерпретацию в финском театре и в финском сознании. Доля русского драматургического материала в это время была довольно высока, и потому режиссеры и актеры сталкивались с проблемой не только художественной и стилиевой трактовки прежних (Гоголя, Островского, Толстого, Тургенева) и новых (Горького и, прежде всего, Чехова) пьес, но и с необходимостью интерпретации «русской души» и русского национального характера. Политическая атмосфера не способствовала созданию однозначно положительного героя, хотя при этом нельзя недооценивать воздействие европейского модерна и русской театральной школы (метода Станиславского) на финское театральное искусство (режиссера К. Бергбаум) и её представителей-новаторов, таких как Э. Калима.

Историк, доцент университета Хельсинки Антти Куяла в статье «Рабочее движение в Финляндии, Россия и русские, 1899–1914» (С. 186–192)⁶ показал, как процесс складывания экономических и политических интересов финских рабочих был связан с деятельностью различных — финляндских и российских — партий (в первую очередь, социально-демократических), как налаживались связи и контакты между представителями рабочего и социал-демократического движения и какое место занимали национальные вопросы в их партийных программах и действиях.

Очерк специалиста по истории русофобии Оути Каремаа «От морального возмущения к национальной программе» (С. 193–218) посвящен довольно сложной и острой проблеме русско-финских отношений, а именно: формированию образа русского как врага в 1920–1930-е гг. До 1917 года Финляндия, как известно, не имела опыта независимого государственного существования, и потому процесс поиска политического лица и национального статуса сопровождался неизбежными в такой ситуации поисками «чужого», «заклятого врага». Его формирование происходит спонтанно, но в условиях XX века в этот процесс неизбежно вовлекаются всевозможные средства пропаганды — СМИ, литература, учебные программы и т. д. В исследуемый автором период национализм и националистические доктрины в Европе было особенно популярны — этому способствовали национально-политические «комплексы» молодых государств, противостояние СССР Европе, расовые теории и пропаганда партий, сделавших ставку на этноцентризм и этно-

---

6. См. также его исследование в настоящей серии сборников: Антти Куяла. Финские «реформы» российского правительства и противоречия внутри правящей элиты, 1908–1914 // Русский Сборник: Исследования по истории России. Том II. М., 2006. — *Прим. ред.*

фобию. Так или иначе, опасность, как и раньше, виделась в Востоке (в широком смысле слова). Каремаа характеризует различные точки зрения финляндской историографии, посвященной проблеме зарождения русофобии в Финляндии, и присоединяется к той, которая относит её именно к 1920–1930-м гг., отмечая совпадение русо- и большевикофобии. Но, как подчеркивает автор, «культ русофобии в Финляндии ... соответствует общемировым этапам развития самоидентификации» (С. 216). Русские получают уничижительно-презрительное наименование «рюсса» («Рюсса — животные, наиболее похожие на людей» — утверждал один из финских идеологов в 1920-е годы), в описании их на первое место выходит презрение русских к религии и нравственности, неоправданная жестокость в отношении бывших правящих классов, неграмотность, некультурность и т. п. Уважение финнов к достижениям русской культуры связывается теперь лишь с её дореволюционной историей. Истоки страхов перед кровавыми, беспощадными, грязными и дикими варварами Советской России исходят из трагедии революции и гражданской войны: в их распространение внесли свою лепту и беженцы из России, и представители Белого движения. Впрочем, вскоре и они стали отождествляться с варварами с востока. Первые этнические чистки русских (резня в Тампере и Выборге) произошли еще во время гражданской войны; позже пострадали и финны — бывшие офицеры российской армии.

Автор останавливается на программе и действиях победившей на выборах 1919 года Аграрной буржуазной партии, которая, наряду с Академическим Карельским Обществом, сделала ставку на целенаправленную программу воспитания и пропаганды в стране даже не русо-, а «рюссофобии», которая — по мнению Каремаа — оказалась чрезмерно успешной. Русофобия, ставшая мерилom национальной гордости и любви к Родине, оказалась способна пережить период обострения отношений, чтобы остаться потенциально жизнеспособной. С середины 1920-х русофобии способствовала антибольшевистская и антисоветская пропаганда, активизировавшая образ соседа-варвара, уничтожающего собственное государство и культуру для того, чтобы затем вновь — в нарушение прав, свобод и европейских ценностей — присоединить бывшие территории Империи. Как отмечает О. Каремаа, нагнетание русофобии в определенной мере способствовало выработке национально-политической доктрины Финляндского государства.

Третья часть книги — «Азия, Восток» также открывается кратким предисловием Т. Вихавайнена «Восточная угроза и Белая Финляндия: от Тартуского мира к миру Парижскому» (С. 219–230), в нём он останавливается на особенностях формирования образа русского-врага в свете расовых и националистических теорий первой трети XX века. По его мнению, убедительной является концепция, согласно которой в период Первой мировой войны

и в особенности после революции 1917 на ситуацию оказала воздействие распространившаяся в Западной Европе и воспринятая шведоязычными кругами Финляндии теория расового превосходства арийцев. Происхождение финнов под её влиянием также расценивалось как «азиатское», тем более что монголоидные черты финского антропологического типа были доказаны наукой. Это позволяло относить финскую нацию к менее цивилизованным и менее «совершенным» народам — так же, как и русскую. Таким же образом иногда рассуждали и русские шовинисты — известно их презрительное отношение к «чухне». Белая Финляндия в своей борьбе со «своими» и русскими «красными» стремилась отмежеваться и от России азиатской, и от России большевистской. В этом смысле четкая граница на востоке была нужна и Финляндии, и Западу. Стремление обозначить её было тесно связано с идеями Великой Финляндии (с Восточной Карелией, Ингерманландией, Вестерботнией и единой Лапландией). Вихавайнен видит определённое сходство в типе аргументации националистов и сторонников классовой борьбы, идеи которых активно проводились в жизнь как в СССР, так и в Германии. Ненависть к врагу лежала в основе обеих доктрин. Русофобские идеи пытались сделать цементирующим началом национальной идеологии, в которой, по мысли правых, нуждался разобщенный в красно-белой борьбе финский народ.

Выработка ненависти и неприкрытой враждебности виделась необходимым средством воспитания боевого духа финского народа, готовящегося дать отпор агрессору с востока. Межвоенный национализм финнов по сравнению с XIX веком был более агрессивным и широко распространенным явлением. Однако расклад сил в Европе скорректировал это положение, поскольку уже в конце 1930-х стало ясно, что СССР как военно-политический гигант относится к другой весовой категории и его стремление участвовать в разделе Европы экономически оправдано — это повлекло за собой переход от агрессивной политики к политике оборонительной.

В статье «Прибывающие и убывающие — движение на восточной границе» (С. 231–247) историка из университета Йюенсуу Пекки Невалайнена, автора монографии «Изгой»⁷, речь идет о проблемах легальной и нелегальной эмиграции между СССР и Финляндией. Поток беженцев на протяжении 1917–1939 гг. был очень интенсивным. Невалайнэн рассматривает причины и цели отдельных категорий беженцев, объединяло которых стремление обрести этническую родину (Финляндию) или страну, политическое устройство которой более соответствовало убеждениям или экономическим чаяниям (СССР). Подозрительность и недоверие преследовали беженцев независимо от этнического происхождения по обе стороны границы: и карел,

---

7. Она переведена на русский язык: Невалайнэн П. Изгой. Финская эмиграция из России, 1917–1939. СПб., 2005.

и финнов из Финляндии, и так называемых «американских финнов», и ингерманландцев. Зачастую их ждало нищенское существование и клеймо отщепенцев, а иногда и предателей. Политическая и географическая граница — как часто было в XX веке — не соответствовала реальной ситуации, её начертание вызвано было далекими от человеческих судеб задачами. Трагедия финнов, въехавших в СССР в 1930-х, привела к их массовым репрессиям.

Весьма интересный ракурс военной истории представлен в очерке Макса Энгмана «Егери и царские офицеры» (С. 248–261). Он исследует историю формирования кадров финской армии после обретения национальной независимости в контексте аналогичных процессов в новых государствах Европы, усматривая в них определенное типологическое сходство. Костяк армии могли составить опытные кадры — а они служили в «стане врага» (в российской или других европейских армиях), но именно на них падало подозрение в предательстве и коллаборационизме. Автор приводит красноречивый пример: в феврале 1918 г. в Лиепае (с ноября 1918 — территория независимой Латвии) «русский подполковник произвел прусских солдат в финские офицеры». В Финляндии, как и в европейских странах, отношение к ним диктовалось теми же представлениями о патриотизме и русских, которые задавали диапазон оценок от прислужников «русса» до страдающих соотечественников...

Статья Лийсы Бюклинг «Русский театр и русское искусство в Финляндии в 1920–1930-х гг.» (С. 262–280) является продолжением темы её предыдущей статьи, включая рассмотрение и тех форм сохранения национальной русской идентичности, которые практиковались в среде русских эмигрантов в Финляндии (самодеятельные театры, кружки, школы и т. д.). Особенно интересны фрагменты, связанные с влиянием русской культуры на массовую культуру, вкусы и предпочтения финской публики.

Завершает раздел статья Т. Вихавайнена «Обихожненное общественное мнение» (С. 281–315) о манипуляции общественным мнением в Финляндии в связи с выстраиванием образа русского на кануне и во время Зимней войны 1939–1940 гг.. Зимняя кампания, утверждает исследователь, безусловно, стала важным историческим опытом финнов, поэтому возникшие тогда стереотипы сохранялись в общественном сознании в течение десятилетий. Важно и то, что представление об СССР и «русскости» формировались при исключительных обстоятельствах — в драматических условиях военного столкновения. Этот образ дополнил существовавший образ врага, о котором говорилось выше. Усвоенная ранее идея Финляндии — жертвы России, её готовность отдать все ради правого дела освобождения от агрессора с востока получили подтверждение во время Зимней войны. Финский патриотизм в этот период получил оттенок религиозности и пуританизма аграрного общества. Вновь на первое место вышли стереотипы русского варвара, кото-

рому чужды моральные идеалы и гуманистические ценности, что естественным образом подкрепляло убежденность в собственной финской дисциплинированности, жертвенности и аскетизме; финское мужество сравнивалось с доблестью античных воинов, боровшихся с нашествием кочевников. Но логичным следствием активизации этноцентризма и шовинизма стало поведение финнов в качестве «освободителей». Массовым явлением были случаи жестокого обращения с советскими военнопленными, а во время «войны-продолжения» 1941–1944 гг. — и с гражданским населением Карелии: русскими, карелами, ингерманландцами и другими. Антирусская пропаганда велась на государственном уровне, при этом настойчиво происходило отождествление русского с советским.

Вихавайнен продолжает анализ отношения к СССР и «коммунизму» в очерке «Из „рюсса“ в „советикусы“, из „советикусов“ в „русские“: Революция в представлении соседей»⁸ (С. 305–320) следующего, четвертого раздела «Новые перспективы — меняющиеся оценки». Рассматривая развитие образа СССР и русских (советских) после Второй мировой войны, Вихавайнен усматривает позитивные тенденции. Так, в связи со сменой политического курса изменились и пропагандистские клише в конце 1950-х — начале 1960-х гг., Россия постепенно лишается варварских черт и предстает как преемница византийской религиозности или же как родина либеральной интеллигенции с её ценностями гуманизма и духовности. В этом отношении просматривалось влияние новых политических концепций, в особенности линии Паасикиви. Она исходила из концепции, что Финляндия имеет возможность сохранить собственную независимость в качестве соседа СССР, если в своей политике примет во внимание интересы соседней державы. Кроме того, на такое «смягчение» влияла и гегемония левых в культурных кругах Финляндии. Таким образом, при жизни одного поколения трактовка советско-финляндских отношений изменилось на 180 градусов.

Работа профессора университета Турку Ауво Костиайнена «Финские туристы открывают восток» (С. 321–336) обращает нас к малоисследованным — но весьма перспективным — сюжетам изменения этнических представлений и стереотипов в процессе туристического обмена между странами. В них большую роль играет как автопрезентация страны, так и отношение к этим усилиям со стороны отдыхающих. Статья посвящена анализу образа русских (советских) в связи с развитием туризма в Финляндии и новым опытом финнов в освоении СССР. Рассматривая различные виды их туристических интересов (в том числе и «водочный туризм» в СССР-Россию), автор пытается реконструировать степень и качество влияния активного туризма на формирование позитивного

---

8. В финском оригинале здесь использовано более резкое определение — «сов-ки»: Venäjän Kahdet Kasvot. S. 359.

(или негативного) облика страны. При этом Костийайнен учитывает и существовавшие концепции (связанные с созданием позитивного образа СССР в глазах иностранцев) и усилия по их реализации со стороны советских идеологов и практиков. Такой взгляд позволяет объяснить многочисленные клишированные представления финнов и русских друг о друге во второй половине XX века, а также определить истоки тех этнических образов, которые фигурируют и продолжают воспроизводиться в русских анекдотах о финнах.

Профессор Вихавайнен обращается к изменениям образа русско-как-врага в науке и художественной литературе послевоенного тридцатилетия в очерке «Меняющееся прошлое. Разрушение образа врага и историческая литература» (С. 336–349). Чрезвычайно важным на этом пути, по мнению автора, стал не только пересмотр причин и хода Зимней войны, но и новое осмысление истории Финляндии в составе Российской империи в трудах финляндских профессиональных историков. Особенно выделяет Вихавайнен роль известного финского историка Матти Клинге, первые монографии которого вышли в свет именно в это время. Так, М. Клинге в книге 1982 года писал, что русофобия в Финляндии начинает подогреваться начиная с 1918 года, а примеры верного служения финнов российской империи также опровергают утверждения о том, что образ русского-как-врага доминировал в обществе и культуре XIX столетия. В 1970–1980-е гг. возникает идея о том, что период автономии в составе Империи можно считать золотым временем в истории Финляндии, а попытки русификации виделись уже вторичной целью российских властей. Благодаря включению более позитивной оценки в школьные финские программы этот положительный образ России периода автономии стал более привычным.

Специалист по истории России Юлитта Суомела в очерке «Образ СССР в финских периодических изданиях» (С. 350–371) обращает внимание, в частности, на влияние законодательства в отношении средств массовой информации и политической конъюнктуры. В 1960-е, по мнению авторитетного историка М. Клинге, произошел поворот культуры масс-медиа в сторону самоцензуры. Финляндские журналы 1950–1960-х гг. писали о восточных соседях и его жителях, используя определение «русский», а с начала 1970-х термин этот исчез, а его заменил политкорректное «советский» или «советский человек».

Однако в целом, несмотря на общую благожелательную тенденцию в положительном изображении СССР, постоянно появлялись статьи с критикой существовавших в СССР проблем в сфере быта, поведения, повседневной культуры и т. п.. Начиная с середины 1980-х критика стала доминирующей, что способствовало нагнетанию негативизма в отношении государства и народа, а также созданию образа России (с 1991) как страны непредсказуемой, опасной и криминальной.

Пятый, заключительный раздел книги, также написан Вихавайненом: «Новая ситуация — новая идентичность?» (С. 371–377). Подводя итог, профессор подчеркивает, что за два столетия образ и оценка России и русских в финском сознании менялся неоднократно, причем очень часто кардинально, всегда тяготея к крайним точкам оппозиций: враг — друг, аристократ — нищий, носитель культуры — варвар, европеец — азиат и т. п. Необходимо учитывать, что XIX–XX века — период формирования финской идентичности и государственности, интеграции в европейское сообщество. Поэтому, как считает автор, финско-русские отношения и стереотипы восприятия воздействовали на складывание финского национального сознания весьма значительно, особенно на отдельных этапах межгосударственного взаимодействия или конфликта. Хотя факторы, как пишет Вихавайнен, определяющие отношение к России и русским, в финской культуре менялись, на «подсознании» постоянными оставались негативные мифы. Они оказались своеобразной константой финской ментальности. Причиной такого положения Вихавайнен считает серьезные различия между народами в нормативной и правовой практиках, а также в историческом наследии и опыте военных конфликтов и передела территорий. Периодами агрессивного неприятия, во многом спровоцированными «сверху» (то есть средствами идеологической пропаганды), автор считает период Зимней войны и будирование так называемого «карельского вопроса». Однако в целом русофобию нельзя расценивать как доминирующее явление в межнациональных и межгосударственных отношениях между странами. Россия в финском сознании всегда имела два облика, явно коррелирующие с различными социальными типами, что придавало стереотипам некую вариативность и изменимость. В целом, заключает инициатор исследовательского проекта и ответственный редактор книги Т. Вихавайнен, можно надеяться на ослабление «русского вопроса» в финляндской действительности, поскольку финское самосознание и идентичность уже окончательно сформированы в рамках европейской политики и культуры, и, следовательно, «негативные мифы о России и русских ... для определения своей идентичности финнам отныне не нужны» (С. 377).

Несмотря на стремление к полноте охвата истории двухвековых отношений между финнами русскими, исчерпанной проблеме исследования, конечно, назвать никак нельзя — некоторые области контакта и вражды остались вне исследовательского интереса, эти лакуны столь же понятны и неизбежны, сколь и значимы. Есть проблемы, о которых стоит упомянуть. Так, трудно согласиться с отсутствием четкого сформулированного понимания проблемы формирования, закрепления и функционирования этнокультурных стереотипов в языке и культуре. Не освещена проблема преемственности и отказа от неё. Нет различения *образа, представления и стереотипа*. Не раскрыты особенности стереотипизации в различных со-

циальных слоях и группах, не всегда ясна аудитория манипуляции. Известно также, что как образы, так и социально-культурные стереотипы народов в гораздо большей степени характеризуют их носителей, нежели объект описания. Необходимо также различать и понимать принципиально несхожие механизмы складывания и эволюции представлений в традиционной, в частности, крестьянской культуре — и так называемой «элитарной» культуре, и, в особенности, в средствах массовой информации XX века.

Даже тогда, когда ответить на эти вопросы точно не представляется возможным, необходимо непременно оговаривать репрезентативность полученных результатов и выводов, не распространяя их на все финляндское общество в целом, как иногда делается в книге. Главный редактор Вихавайнен подробно останавливается на трудностях такого свойства в финском Предисловии к книге.

Книга финских исследователей чрезвычайно интересна не только в фактическом, методологическом и историко-культурном отношении. Она знаменует собой современное состояние русистических и историко-культурных исследований финляндской гуманитарной науки, а также отражает взгляды и подходы, которые существуют в финской историографии⁹. Особенно важным представляется осмысление природы и возникновения этнокультурных предубеждений, поскольку вследствие усиления влияния средств массовой информации на массовое сознание многие прежние предрассудки и заблуждения возрождаются в новом качестве, обретая статус интеллектуальной «истины» или общеизвестного утверждения. Необходимость изучения исторической подоплеки многих чрезвычайно опасных стереотипов и развенчания их ещё долго будет актуальной. В этом отношении книгу «Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности» можно расценивать как важный исследовательский проект.

М. В. Лескинен

---

9. Надо отметить, что в последние годы (усилиями, в том числе, и Института Финляндии в Санкт-Петербурге) активно издаются переводы трудов финских ученых. Библиографию российских и переведенных с финского научных изданий об истории Финляндии и её отношений с Россией см.: www.ruslandia.com/language-2/entity-1/context-97/category-16.html. Из последних работ, затрагивающих историю финско-российского взаимодействия, см., в частности: Клинге М. Имперская Финляндия / Пер. И. Соломеща, В. Мусаева и А. Рупасова. СПб., 2005; Клинге М. На чужбине и дома / Пер. Л. Суни. СПб., 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Айрапстов Олег Рудольфович** — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)
- Акопян Виген Корюнович** — главный редактор информационного агентства REGNUM (Москва)
- Бибиков Григорий Николаевич** — аспирант исторического факультета Московского государственного университета (Москва)
- Гайда Федор Александрович** — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета (Москва)
- Ганин Андрей Владиславович** — кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина» (Москва)
- Денда Далибор (Dalibor Denda)** — исследователь Отдела военной истории Института стратегических исследований (Белград, Сербия)
- Зотов Владимир Валерьевич** — историк (исторический факультет Московского государственного университета; Москва)
- Иванов Константин Владимирович** — историк (исторический факультет Черноморского филиала Московского государственного университета; Севастополь, Украина)
- Казанова Юлия Викторовна** — историк (исторический факультет Московского государственного университета; Москва)
- Казмиров Владимир Николасвич** — чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации (Москва)
- Колеров Модест Алексеевич** — кандидат исторических наук (Москва)
- Кондратенко Роберт Владимирович** — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)
- Лескинен Мария Вейттовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН (Москва)
- Маринин Оганес Викторович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета (Москва)
- Самовер Наталья Владимировна** — историк (исторический факультет Московского государственного университета; Москва)
- Смирнов Андрей Анатольевич** — кандидат исторических наук, доцент Московского Архитектурного института (Москва)

- Соколова Наталия Александровна** — сотрудник Центрального государственного архива города Москвы (Москва)
- Тимофеев Алексей Юрьевич** — кандидат исторических наук, сотрудник-исследователь Института новейшей истории Сербии (Белград, Сербия)
- Тушицын Олег Михайлович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории Отечества и органов безопасности Академии ФСБ России (Москва)
- Фомин Александр Михайлович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета (Москва)
- Хэйвуд Энтони Дж. (Anthony J. Heywood)** — старший лектор Школы теологии, истории и философии Университета Абердина (Великобритания)
- Шевченко Кирилл Владимирович** — кандидат исторических наук (Минск, Беларусь)
- Эдльман Ольга Валериановна** — сотрудник Государственного архива Российской Федерации (Москва)

Русский сборник. Том VI

Редакторы-составители
*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти*

Издатель Модест Колеров
Издательство ООО «Регнум»
Москва 123001, Трехпрудный пер., д. 11–13, стр. 1
kolеров@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www.esterum.com

Подписано в печать 00.04.2009. Формат 700×100/16.
Гарнитура Old Standard (© А. Крюков, 2006).
Объем 33,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“». Заказ №